ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

ИЭН М. БЭНКС

ИГРОК



NEW FICTION

КЛАССИЧЕСКИЙ РОМАН О СВЕРХЦИВИЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЕ

ИЭН М. БЭНКС | ИГРОК



ЭКСМО

Игрок

Иэн М. Бэнкс

Аннотация
Иэн М. Бэнкс. ИГРОК
1. ПЛИТА КУЛЬТУРЫ
2. ИМПЕРИЯ
3. MACHINA EX MACHINA
4. ПРОХОДНАЯ ПЕШКА

Аннотация

Со средним инициалом, как Иэн М. Бэнкс, знаменитый автор «Осиной Фабрики», «Вороньей дороги», «Бизнеса», «Улицы отчаяния» и других полюбившихся отечественному читателю романов не для слабонервных публикует свою научную фантастику.

«Игрок» — вторая книга знаменитого цикла о Культуре, эталона интеллектуальной космической оперы нового образца; действие романа происходит через несколько сотен лет после событий «Вспомни о Флебе» — НФ-дебюта, сравнимого по мощи разве что с «Гиперионом» Дэна Симмонса. Джерно Морат Гурдже — знаменитый игрок, один из самых сильных во всей Культурной цивилизации специалистов по различным играм — вынужден согласиться на предложение отдела Особых Обстоятельств и отправиться в далекую империю Азад, играть в игру, которая дала название империи и определяет весь ее причудливый строй, всю ее агрессивную политику. Теперь империя боится не только того, что Гурдже может выиграть (ведь по-

бедитель заключительного тура становится новым императором), но и самой манеры его игры, отражающей анархо-гедонистский уклад Культуры…

(задняя сторона обложки)

Бэнкс — это феномен, все у него получается одинаково хорошо: и блестящий тревожный мейнстрим, и замысловатая фантастика. Такое ощущение, что в США подобные вещи запрещены законом.

Уильям Гибсон

В пантеоне британской фантастики Бэнкс занимает особое место. Каждую его новую книгу ждешь с замиранием сердца: что же он учудит на этот раз?

The Times

Выдающийся триумф творческого воображения! В «Игроке» Бэнкс не столько нарушает жанровые каноны, сколько придумывает собственные — чтобы тут же нарушить их с особым цинизмом.

Time Out

Величайший игрок Культуры против собственной воли отправляется в империю Азад,

чтобы принять участие в турнире, от которого зависит судьба двух цивилизаций. В одиночку он противостоит целой империи, вынужденный на ходу постигать ее невероятные законы и жестокие нравы…

Library Journal

Отъявленный и возмутительно разносторонний талант!

The New York Review of Science Fiction

Бэнкс — игрок экстра-класса. К неизменному удовольствию читателя, он играет с формой и сюжетом, со словарем и синтаксисом, с самой романной структурой. Как и подобает настоящему гроссмейстеру, он не нарушает правила, но использует их самым неожиданным образом. И если рядом с его более поздними романами «Игрок» может показаться сравнительно прямолинейным, это ни в коей мере не есть недостаток…

Том Хольт (SFX)

Поэтичные, поразительные, смешные до колик и жуткие до дрожи, возбуждающие лучше любого афродизиака — романы Иэна М. Бэнкса годятся на все случаи жизни!

New Musical Express

Абсолютная достоверность самых фантастических построений, полное ощущение присутствия — неизменный фирменный знак Бэнкса.

Time Out

Бэнкс никогда не повторяется. Но всегда — на высоте.

Los Angeles Times

Иэн М. Бэнкс
ИГРОК

Посвящается Джеймсу С. Брауну, который однажды сказал: «Азшашошз»

1
ПЛИТА КУЛЬТУРЫ

Это история человека, который уехал далеко и надолго только для того, чтобы сыграть игру. Этот человек — игрок, которого зовут Гурдже. История эта начинается со сражения, которое на самом деле не сражение, и заканчивается игрой, которая на самом деле не игра.

Кто я такой? Об этом скажу позже.

Вот как начинается эта история.

Каждый его шаг поднимал клубы пыли. Он брел по пустыне, следуя за фигурой в скафандре. Автомат покоился в его руке. Они уже почти пришли — шум далекого прибоя прогрохотал в звуковом поле шлема. Они приближались к высокой дюне, с которой должен был открыться вид на берег. Ему как-то удалось; он этого не ждал.

Снаружи было ярко, жарко и сухо, но внутри костюма он был защищен от солнца и горячего воздуха; здесь ему было уютно и прохладно. Щиток шлема потемнел по краю — в это место пришелся удар, и правая нога, тоже поврежденная, плохо сгибалась, отчего он прихрамывал, — но в

остальном, считай, ему повезло. В последний раз на них нападали за километр до этого, а теперь они практически вне радиуса действия ракет.

Из-за ближайшей гряды появилось звено ракет — сверкающая дуга. Он увидел их с опозданием — поврежденный щиток давал о себе знать. Он думал, что ракеты уже открыли огонь, но то были всего лишь солнечные блики на их изящных корпусах. Звено двигалось, то ныряя вниз, то уходя в сторону, как стая птиц.

Когда они в самом деле открыли огонь, об этом известил мигающий красный свет. Он поднял автомат, чтобы ответить на огонь; его товарищи по группе, все в скафандрах, уже начали стрелять. Кто-то упал в пыль пустыни, другие опустились на одно колено. Стоял только он один.

Ракеты снова совершили маневр, развернувшись все разом, а потом разделились и полетели в разных направлениях. Фонтанчики пыли поднялись вокруг его ног, когда разрывы приблизились. Он попытался прицелиться в одну из малых машин, но они двигались с пугающей скоростью, а автомат в его руках стал каким-то большим и неудобным. В его скафандре отдавались далекие звуки стрельбы и крики; внутри шлема вспыхнули огоньки, сообщая о поврежде-

ниях. Скафандр тряхнуло, и правая нога внезапно онемела.

— Просыпайся, Гурдже! — рассмеялась Йей рядом с ним.

Она развернулась на одном колене, когда две из малых ракет, почувствовав самое слабое место, изменили курс и направились в их сторону. Гурдже видел, как приближаются машины, но автомат, бешено стрекочущий в его руках, казалось, всегда был нацелен в место, уже покинутое ракетами. Две машины метнулись в пространство между ним и Йей, одна вспыхнула и разлетелась; Йей издала победный крик. Вторая ракета вклинилась между ними, и Йей замахнулась ногой, пытаясь пнуть машину. Гурдже неуклюже повернулся, чтобы выстрелить в ракету, и случайно обдал огнем скафандр Йей. Послышался ее крик, потом проклятия. Йей пошатнулась, но сумела развернуть автомат; вторая ракета снова обратилась к ним, и вокруг нее поднялись фонтанчики пыли, ее красные импульсы осветили его скафандр, и щиток у него перед глазами потемнел. Он почувствовал немоту во всем теле, начиная от шеи, и рухнул на землю.

— Ты убит, — сказал ему ломкий тихий голос.

Он лежал на невидимом ложе пустыни, слы-

шал далекие приглушенные шумы, ощущал вибрации земли. Он слышал, как бьется его сердце, слышал собственное учащенное дыхание. Он попытался задержать его и замедлить биение сердца, но был парализован, заточен, не владел своим телом.

Засвербило в носу, но почесать его было невозможно. «Что я здесь делаю?» — спросил он себя.

Ощущения вернулись. Рядом разговаривали люди, а он смотрел через щиток на плоскую пыль пустыни в сантиметре от его носа. Прежде чем он успел шевельнуться, кто-то потащил его за руку.

Он отстегнул шлем. Йей Меристину, тоже без шлема, стояла, глядя на него и качая головой. Руки она прижала к губам, автомат висел на ремне, пристегнутом к запястью.

— Ты был ужасен, — сказала она, хотя и не без теплоты.

У нее было лицо красивого ребенка, но голос, неторопливый и низкий, звучал умудренно и шаловливо, язвительно.

Остальные сидели вокруг на камнях и в пыли, разговаривали. Несколько человек возвращались в помещение клуба. Йей подобрала автомат Гурдже и протянула ему. Он почесал нос, потом покачал головой, отказываясь брать оружие.

— Йей, — сказал он, — это детские игрушки.

Она помедлила, закинула свой автомат за спину и пожала плечами (дула обоих автоматов сверкнули на миг под лучом солнца, напомнив ему стремительную шеренгу ракет; голова у него закружилась, но лишь на мгновение).

— Ну как? — спросила она. — И ничуть не скучно. Ты говорил, что тебе скучно, и я подумала, тебе понравится такая перестрелка.

Он отряхнулся и побрел к раздевалке. Йей пошла рядом. Мимо пронеслись роботы-сборщики в поисках частей разбитых машин.

— Это ребячество, Йей. Зачем разбазаривать время на всякие глупости?

Они остановились на верхушке дюны. До невысокого клубного дома оставалась сотня метров золотого песка и снежно-белых бурунов. Море сверкало под высоко стоящим солнцем.

— Не будь таким надутым, — сказала Йей.

Ее короткие каштановые волосы полоскались на том же ветру, который сдувал верхушки с падающих волн и посылал назад в море уже брызги. Она наклонилась там, где обломки искалеченной ракеты наполовину зарылись в дюну, выскребла их оттуда, покрутила в руках.

— А мне нравится. Я не против тех игр, что по

вкусу тебе, но… мне и эта нравится. — Вид у нее вдруг стал недоумевающим. — Это — игра. Неужели ты не получаешь никакого удовольствия от таких вещей?

— Нет. И тебе тоже скоро все это надоест.

Йей беспечно пожала плечами:

— Ну, вот тогда и встретимся.

Девушка сунула ему в руки обломки машины. Он принялся разглядывать их, а тем временем в сторону полигона прошли мимо несколько молодых людей.

— Мистер Гурдже?

Один юноша остановился, вопросительно глядя на игрока. По лицу того пробежала тень недовольства, но тут же сменилась заинтересованной терпимостью, — Йей уже видела это в подобных случаях.

— Жерно *Морат* Гурдже? — по-прежнему неуверенно сказал молодой человек.

— Виноват.

Гурдже обаятельно улыбнулся и (Йей это увидела) чуть распрямил плечи, немного подтянулся.

Лицо юноши засияло. Он коротко мотнул головой, сделав церемонный поклон. Гурдже и Йей обменялись взглядами.

— Для меня большая честь видеть вас, мистер

Гурдже, — сказал молодой человек, широко улыбаясь. — Меня зовут Шуро… Я… — Он рассмеялся. — Я слежу за всеми вашими играми. Я собрал все ваши теоретические работы…

Гурдже кивнул:

— Удивительная целеустремленность.

— Ну что вы. Я почту за честь, если в любое время, когда вы будете здесь, вы сыграете со мной в… да во что угодно. Любимая моя игра, пожалуй, деплой. Я даже даю фору в три очка, но…

— Тогда как мое слабое место, к сожалению, — нехватка времени, — сказал Гурдже. — Но конечно же, если такая возможность представится, я буду рад сыграть с вами. — Он едва заметно кивнул головой молодому человеку. — Рад был познакомиться.

Молодой человек вспыхнул и, улыбаясь, шагнул назад.

— Нет, это я был рад, мистер Гурдже… Всего доброго… всего доброго.

С неловкой улыбкой он развернулся и поспешил догонять своих.

Йей смотрела ему вслед.

— Неужели тебе нравится вся эта ерунда, Гурдже? — усмехнулась она.

— Ничуть, — решительно возразил он. — Мне

это действует на нервы.

Йей смотрела вслед молодому человеку, бредущему по песку. Она смерила его взглядом с ног до головы и вздохнула.

— Ну а как насчет тебя? — Гурдже с отвращением посмотрел на обломки ракеты в ее руках. — Тебе нравится все это… разрушение?

— Никакое это не разрушение, — растягивая слова, сказала Йей. — Ракеты демонтируются взрывным способом, а не разрушаются. За полчаса, если хочешь, я тебе соберу из этих деталек новую.

— Значит, все это обман.

— А что не обман?

— Интеллектуальные достижения. Тренировка мастерства. Человеческие чувства.

Йей иронически скривила губы:

— Вижу, нам придется пройти немалый путь, прежде чем мы научимся понимать друг друга, Гурдже.

— Тогда давай я тебе помогу.

— Стать твоей протеже?

— Да.

Йей отвернулась в ту сторону, где волны накатывали на золотой берег, потом снова посмотрела на него. Подул ветер, нагоняя на берег прибой;

она медленно завела руку за голову и набросила шлем, со щелчком вставший на место. Гурдже оставалось только взирать на собственное отражение в ее щитке. Он провел рукой по своим черным курчавым волосам.

Йей подняла щиток:

— Встретимся, Гурдже. Мы с Хамлисом будем у тебя послезавтра, да?

— Если хочешь.

— Хочу.

Она подмигнула ему и направилась вниз по песчаному склону. Гурдже смотрел ей вслед. Йей вручила свой автомат проезжавшему мимо роботу-автономнику, нагруженному сверкающими металлическими обломками.

Гурдже постоял немного, держа в руках части разбитой машины, потом бросил их на безжизненный песок.

[1]

Он вдыхал запах земли и деревьев вокруг мел-

---

[1] Примечания: 1

Промежуточная разбивка текста внутри глав в книге никак не обозначена, кроме того, что текст на предидущей странице заканчивается выше, а на следующей начинается с отступом примерно в треть страницы. Чтобы эта разбивка не пропала при последующих исправлениях книги, пришлось организовать субтитлы с минималистическим значком "-". Прим. верстальщика.

кого озерца под балконом. Ночь была облачной и очень темной, лишь с малым намеком на просвет прямо над головой, где тучи освещались сияющими плитами далекой дневной стороны орбиталища. В темноте набегали волны, громко ударяясь в борта невидимых лодок. По краям озера там и сям мерцали огоньки — среди деревьев стояли низенькие здания колледжа. Вечеринка гремела за спиной Гурдже, точно гроза, ее запахи и звуки доносились из здания факультета: музыка, смех, запах духов, еды и неведомых экзотических благовоний.

Волна *Пряноголубого* окружила его, захлестнула. Запахи витали в теплом ночном воздухе, просачивались из открытых дверей позади него, неслись на волне людского шума; они словно превратились в отдельные течения воздуха, напоминая волокна разлохмаченной веревки, — каждое со своей собственной окраской и сущностью. Вот волокна стали похожи на горстки земли — на то, что можно растереть пальцами, впитать, опознать.

Вот он — красно-черный запах жареного мяса, кровь от него быстрее бежит по жилам, выделяется слюна; он искушает и в то же время странным образом отталкивает, по мере того как отдельные

части мозга устанавливают его природу. Животное начало ощущало в нем топливо, богатую белком еду; ствол среднего мозга воспринимал мертвые сгоревшие клетки… тогда как передний мозг игнорировал оба сигнала, поскольку знал, что живот игрока полон, а жареное мясо — искусственное.

Гурдже чувствовал и море — запах соли, доносящийся за десять с лишним километров из-за долины и низин, еще одна крепкая связь, словно сеть, словно паутина рек и каналов, соединяющих темное озеро с беспокойным бурлящим океаном там, за пахучими лугами и ароматными лесами.

Пряноголубой был игрецким гормоном, продуктом стандартных генно-закрепленных желез Культуры, расположенных в основании черепа Гурдже под древними, развившимися из животного состояния нижними отделами мозга. Все многообразие вырабатываемых внутри организма наркотиков, доступных подавляющему большинству обитателей Культуры, включало до трехсот составов различной популярности и сложности; Пряноголубой принадлежал к наименее излюбленным, поскольку не давал прямого удовольствия, а для его выработки требовалось

сильно сосредоточиться. Но для игр он был хорош. То, что казалось трудным, становилось легким, что выглядело нерешаемым, становилось решаемым, что было непостижимым, становилось очевидным. Утилитарный наркотик, модификатор абстракций, а вовсе не усилитель чувственного восприятия, не секс-стимулятор, не физиологический нагнетатель.

Но нужды в нем сейчас не было.

Именно это и обнаружилось, как только первая волна атак схлынула и игра вступила в ровную фазу. Парень, с которым Гурдже собирался сразиться и чью предыдущую игру в четырехцвет только что наблюдал, был склонен к обманным ходам, но раскусить его было нетрудно. Впечатление он производил серьезное, но в основном это была игра на публику с элементами моды, замысловатости, однако неглубокая и слабая, а потому ведущий ее становился уязвим. Гурдже ловил звуки вечеринки, и звуки озерных вод, и звуки из других университетских зданий на дальнем берегу озера. Игровой стиль молодого человека четко запечатлелся в мозгу.

Он решил выкинуть все это из головы. Пусть чары разрушатся.

И тут же отпустило, словно прошла фантом-

ная боль — трюк разума. Чары — мозговой эквивалент некоей маленькой, примитивной, замкнутой подпрограммы — прекратились, просто перестали насылаться.

Он постоял на террасе у озера, потом пошел обратно и снова присоединился к веселью.

— Жерно Гурдже? Я думал, вы убежали.

Навстречу ему из богато обставленного зала выплыл небольшой автономник. Люди вокруг разговаривали или собирались в группки у игровых досок и столов под огромными лоскутами древних гобеленов. В комнате были еще десятки автономников: одни играли, другие наблюдали, третьи беседовали с людьми, некоторые пребывали внутри геометрически правильных решеток: это означало, что они связываются с помощью приемопередатчиков. Маврин-Скел, автономник, который обратился к Гурдже, был намного мельче других машин в зале и вполне мог бы уместиться в двух ладонях. Поле его ауры было многоцветным — вкрапления серого и коричневого среди официального синего. Он напоминал модель сложного и устаревшего космического корабля.

Гурдже мрачно смотрел на машину, которая следовала за ним сквозь толпу людей к столу

четырехцвета.

— А я уж подумал, этот юнец вас напугал, — сказал автономник, когда Гурдже добрался до игрового стола молодого человека и уселся на высокий, с вычурной резьбой, деревянный стул, поспешно освобожденный его только что проигравшим предшественником.

Автономник говорил достаточно громко, чтобы «юнец» услышал его слова — он выглядел лет на тридцать, волосы его были всклокочены; на лице читалась обида.

Люди вокруг немного притихли. Поле ауры Маврин-Скела сделалось красно-коричневым — шутливо-добродушный и раздраженный одновременно, противоречивый сигнал, близкий к прямому оскорблению.

— Не обращайте внимания на машину, — сказал молодому человеку Гурдже, отвечая на его кивок. — Любит действовать людям на нервы. — Он пододвинул стул поближе к столу и поправил на себе старомодный пиджак — свободный, с широкими рукавами. — Меня зовут Жерно Гурдже. А вас?

— Стемли Форс, — сказал молодой человек, чуть заикаясь.

— Рад с вами познакомиться. Итак, какой цвет

вы берете?

— Ммм… зеленый.

— Отлично. — Гурдже откинулся к спинке. Он помедлил, потом махнул в сторону доски. — После вас.

Молодой человек по имени Стемли Форс сделал свой первый ход. Гурдже наклонился к доске, чтобы сделать свой, а Маврин-Скел устроился у него на плече, напевая что-то про себя. Гурдже постучал пальцем по корпусу машины, и та отплыла чуть в сторону. В течение всей игры она подражала звуку щелчков, которые производили шарнирные защелки пирамидок, переставляемых с места на место.

Гурдже легко победил молодого человека. Он довел дело до изящного эндшпиля, воспользовавшись замешательством Форса в концовке, и создал элегантное построение, пройдя одной фигурой по четырем диагоналям под пулеметный треск вращающихся пирамид и очертив на доске прямоугольник — красный, как свежая рана. Несколько зрителей захлопали в ладоши, другие одобрительно зашумели. Гурдже поблагодарил молодого человека и встал.

— Дешевый трюк, — сказал Маврин-Скел громко, чтобы услышали все. — Парень был легкой

добычей. Вы теряете форму.

Его поле засветилось ярко-красным, он подпрыгнул и унесся вдаль, промелькнув над головами присутствующих.

Гурдже покачал головой и двинулся прочь.

Маленький автономник раздражал и забавлял его почти в равной мере. Он был груб, нагл и нередко доводил Гурдже до белого каления, но его присутствие было как струя свежего воздуха среди ужасающей вежливости большинства людей. Наверняка он понесся действовать на нервы кому-нибудь еще. Пробираясь сквозь толпу, Гурдже кивнул нескольким знакомым. У длинного низкого стола он увидел автономника Хамлиса Амалк-нея — тот беседовал с одним из наименее невыносимых профессоров. Гурдже подошел к ним, взяв на ходу бокал с проплывавшего мимо сервис-подноса.

— А, мой друг… — сказал Хамлис Амалк-ней. Пожилой автономник имел полтора метра в высоту и около полуметра в ширину и толщину, а его лаконичная оболочка была отшлифована до матового блеска прошедшими тысячелетиями. Автономник повернул к Гурдже свою сенсорную ленту:

— Мы с профессором как раз говорили о вас.

Строгое выражение лица профессора Борулал сменилось иронической улыбкой.

— Очередная победа, Жерно Гурдже?

— Разве по мне это заметно? — спросил он, поднося бокал к губам.

— Я научилась распознавать симптомы, — ответила профессор.

Она была раза в два старше Гурдже, давно преодолев столетний рубеж, но все еще сохраняла красоту и поразительную привлекательность. Кожа у нее была бледная, а волосы — изначально белые и коротко стриженные.

— Унизили еще одного из моих студентов?

Гурдже пожал плечами. Он осушил свой бокал и оглянулся — нет ли поблизости подноса, чтобы поставить.

— Позвольте мне, — пробормотал Хамлис Амалк-ней, аккуратно беря у него бокал из рук и водружая на пролетающий метрах в трех, не меньше, поднос.

Желтоватое поле автономника притянуло назад новый бокал, до краев наполненный тем же самым искристым вином. Гурдже взял бокал.

На Борулал был темный костюм из мягкой ткани, отделанный на шее и у колен изящными серебряными цепочками. Ноги у нее были

босы, и Гурдже подумал, что это выбивается из общего стиля Борулал — ей бы подошли туфли на высоких каблуках. Но подобная эксцентричность была мелочью по сравнению с тем, что себе позволяли некоторые университетские деятели. Гурдже улыбнулся, глядя на босые ноги женщины — темные на фоне светлого деревянного пола.

— Вы так деструктивны, Гурдже, — сказала ему Борулал. — Лучше бы помогли нам. Пошли бы работать на факультет, а то читаете лекции от случая к случаю.

— Я вам уже говорил, профессор, я очень занят. У меня более чем достаточно игр, которые я должен отыграть, задуманных статей, писем, ждущих ответа, запланированных путешествий… и потом… на меня находит скука. Она меня частенько одолевает, — сказал Гурдже и отвернулся.

— Из Жерно Гурдже вышел бы очень плохой преподаватель, — согласился Хамлис Амалкней. — Если студент сразу не понимает чего-то, пусть даже в материях сложных и туманных, Гурдже тут же теряет терпение и может облить нерадивых из их же бокалов… если не сделает чего похуже.

— Да, я об этом слышала, — мрачно кивнула профессор.

— Это было год назад, — сказал Гурдже, нахмурившись. — И Йей это заслужила. — Он сердито посмотрел на старого автономника.

— А знаете, — сказала профессор, скользнув взглядом по Хамлису, — возможно, мы нашли для вас ровню, Жерно Гурдже. Тут есть одна молодая…

Вдалеке раздался какой-то треск, гул в зале стал громче. Все повернулись туда, откуда шли крики.

— Что там опять за суматоха? — устало спросила профессор.

Чуть раньше один из молодых лекторов упустил свою любимую птичку, которая с чириканьем пустилась по залу и испортила прическу нескольким гостям, прежде чем автономник Маврин-Скел перехватил ее в воздухе и вырубил — к вящей досаде собравшихся.

— Ну, что еще? — вздохнула Борулал. — Извините.

Она с отсутствующим видом поставила бокал и тарталетку на широкую плоскую макушку Хамлиса Амалк-нея и пошла прочь, с извинениями пробираясь сквозь толпу к источнику шума.

Аура Хамлиса замигала недовольным серо-белым сиянием. Он с треском поставил бокал на

столик, а тарталетку швырнул в стоящую вдалеке урну.

— Все эта мерзкая машина, Маврин-Скел, — раздраженно сказал Хамлис.

Гурдже посмотрел над головами собравшихся в ту сторону, откуда доносился шум.

— Неужели? Из-за него весь этот тарарам?

— Я просто не понимаю, что вы в нем находите, — сказал старый автономник.

Он снова взял бокал Борулал и налил бледно-золотистое вино на свое растянутое поле — жидкость собралась каплей в воздухе, словно в невидимом бокале.

— Он забавный. — Гурдже посмотрел на Хамлиса. — Борулал сказала, что вроде нашла мне ровню. Вы об этом говорили, пока я не подошел?

— Да, об этом. У них какой-то новый студент. Юнга с ВСК — настоящий гений стрикена.

Гурдже поднял бровь. Стрикен был одной из самых сложных игр в его репертуаре и к тому же одной из лучших. В Культуре были игроки-люди, способные его победить (хотя они специализировались именно на стрикене, а не на играх вообще, как Гурдже), но ни один не мог быть полностью уверен в победе, да и было их всего ничего — с десяток на всю Культуру.

— И кто же этот вундеркинд?

Шум в дальнем конце зала затих.

— Это молодая женщина, — сказал Хамлис, расплескивая удерживаемую полем жидкость, которая начала стекать по тонким нитям невидимой силы, принявшим форму сосуда. — Только недавно здесь появилась — сошла с «Карго-культа». Еще даже толком не обосновалась.

Бессистемный корабль «Карго-культ» причалил к орбиталищу Чиарк десятью днями ранее, а убыл всего два дня назад. Гурдже дал несколько показательных сеансов одновременной игры на этом судне (и втайне радовался тому, что все победы были чистыми — самые разные игры, и ни одного поражения), но в стрикен он там не играл. Некоторые его противники что-то говорили о, похоже, блестящем (хотя и скромном) молодом игроке с корабля, но этот выдающийся игрок (она или он), насколько Гурдже знал, так и не объявился. Гурдже решил, что все рассказы об этом уникальном таланте сильно преувеличены. Корабельные экипажи были склонны тайно гордиться своим кораблем; им нравилось считать, что, хотя они побеждены выдающимся игроком, на их судне все же есть ровня этому уникуму (конечно, и сам корабль так считал, но это в счет

не шло, так как учитывались только люди — гуманоиды или автономники версии 1.0).

— Ах вы проказливое, капризное устройство, — сказала Борулал Маврин-Скелу, плавающему у ее плеча; поле ауры автономника отливало оранжевым цветом безмятежности, в котором, однако, присутствовали пурпурные пятнышки неубедительного раскаяния.

— Неужели, — весело сказал Маврин-Скел, — вы и в самом деле так думаете?

— Поговорите с этой ужасной машиной, Жерно Гурдже, — сказала профессор.

Брови ее на мгновение сдвинулись, когда она взглянула на макушку Хамлиса Амалк-нея, но она тут же взяла целый бокал. (Хамлис вылил жидкость, с которой играл, в первый бокал Борулал и вернул его на стол.)

— Ну, что вы еще устроили? — спросил Гурдже у Маврин-Скела, парившего рядом с его лицом.

— Урок анатомии, — сказал автономник, и цвет его поля стал смесью строго-синего и коричневого, выражая дурное настроение.

— На террасе нашли певчую птичку, — объяснила Борулал, сурово глядя на маленького автономника. — Она была ранена. Кто-то принес ее внутрь, а Маврин-Скел предложил ее препа-

рировать.

— Я был свободен, — вставил Маврин-Скел, оправдываясь.

— Он убил птичку и рассек на глазах у всех, — вздохнула профессор. — Все были ужасно расстроены.

— Она бы все равно умерла от шока. Очаровательные существа — эти певчие. У них такие маленькие меховые складочки, под которыми прячутся свободнонесущие косточки, а петли пищевода просто восхитительны.

— Но не когда люди едят, — сказала Борулал, беря новую тарталетку с подноса. — Она еще шевелилась, — мрачно добавила профессор и положила закуску в рот.

— Остаточная синапсическая емкость, — объяснил Маврин-Скел.

— Или дурной вкус, как это называем мы, машины, — сказал Хамлис Амалк-ней.

— А вы в этом деле, видать, большой специалист, Амалк-ней? — спросил Маврин-Скел.

— Я склоняюсь перед вашим неоспоримым превосходством в этой области, — отбрил его Хамлис.

Гурдже улыбнулся. Хамлис Амалк-ней был его старым другом и древним устройством. Автоном-

ник был создан более четырех тысяч лет назад (он говорил, что забыл точную дату, и никому еще недостало нахальства докопаться до истины). Гурдже был знаком с Хамлисом всю свою жизнь — тот был другом его семьи на протяжении нескольких веков.

Маврин-Скел был недавним знакомцем. Эта раздражительная, плохо воспитанная маленькая машина появилась на орбиталище Чиарк меньше года назад — еще один нестандартный тип, которого привлекла раздутая репутация этого места как прибежища эксцентричных натур.

Маврин-Скел был спроектирован как автономник группы Особых Обстоятельств для Отдела Контакта; в первую очередь это была военная машина с набором сложных, особо прочных сенсорных и оружейных систем, которые для большинства автономников были излишни и бесполезны. Согласно обычной практике Культуры его характер не был в точности определен на стадии проектирования — автономнику позволялось развиваться после того, как его мозг был собран. Культура рассматривала фактор непредсказуемости при производстве мыслящих машин как плату за их индивидуальность, но в итоге не все собранные автономники оказывались

вполне пригодными к выполнению изначально поставленных перед ними задач.

Маврин-Скел был одной из таких машин, отклонившихся от проекта. Было решено, что его личность не совсем подходит для Контакта и даже для Особых Обстоятельств. Он оказался неуравновешенным, воинственным и черствым. (Это были только те причины его отставки, о которых он сам соблаговолил сообщить.) Ему предоставили выбор — либо радикальное изменение личности, не оставляющее почти ничего от изначального характера, либо жизнь за пределами Контакта, когда личность останется неизменной, но сложные системы вооружения и связи будут демонтированы, так что Маврин-Скел станет стандартным автономником.

С горечью он выбрал второе и отправился на орбиталище Чиарк, где надеялся снова оказаться в своей тарелке.

— Недоумок, — бросил Маврин-Скел Хамлису Амалк-нею и пустился в направлении ряда открытых окон.

Поле ауры пожилого автономника побелело от гнева, а судя по ярко-переливчатому радужному пятну, он с помощью узколучевого приемопередатчика пытался связаться с удаляющейся

машиной. Маврин-Скел резко остановился и повернулся. Гурдже задержал дыхание, пытаясь предугадать, что скажет Хамлис и что ответит маленький автономник; он был уверен, что второй, в отличие от Хамлиса, свою реплику не станет держать в секрете.

— А я ненавижу, — медленно сказал Маврин-Скел с расстояния метра в два, — не то, что я потерял, а то, что приобрел, став — пусть и в далеком приближении — похожим на усталого, потертого жизнью старца вроде вас, у которого даже не хватило человеческого достоинства умереть, когда он устарел морально. Вы — пример пустой траты материи, Амалк-ней.

Маврин-Скел превратился в зеркальную сферу и, демонстрируя полное нежелание продолжать разговор, унесся вдаль и исчез в темноте.

— Умственно отсталый сопляк, — сказал Хамлис, поля его приобрели иссиня-ледяной оттенок.

Борулал пожала плечами:

— Мне его жалко.

— А мне — нет, — сказал Гурдже. — Думаю, он прекрасно проводит время. — Он повернулся к профессору: — И когда же я смогу познакомиться с вашим гением от стрикена? Или вы ее прячете

пока, чтобы слегка поднатаскать?

— Нет, просто мы дали ей время акклиматизироваться, — сказала Борулал, ковыряя в зубах острым концом палочки от тарталетки. — Насколько я понимаю, девушка воспитывалась в довольно тепличных условиях. Похоже, она только-только сошла с ВСК и, должно быть, чувствует себя не совсем в своей тарелке. К тому же она приехала не для того, чтобы изучать теорию игр, имейте это в виду, Жерно Гурдже. Она будет изучать философию.

Гурдже изобразил подобающее удивление.

— Тепличное воспитание? — переспросил Хамлис Амалк-ней. — На ВСК? — Вороненый оттенок его ауры свидетельствовал об изумлении.

— Она застенчива.

— Это понятно.

— Я должен с ней познакомиться, — сказал Гурдже.

— Познакомитесь, — сказала Борулал. — И, может, скоро. Она сказала, что может пойти со мной на следующий концерт в Тронце. Хаффлис там дает сеанс игр, верно?

— Обычно так, — согласился Гурдже.

— Может, она сыграет с вами там. Но не удивляйтесь, если она вас испугается.

— Я буду образцом доброжелательности.

Борулал задумчиво кивнула. Она устремила взгляд на толпу собравшихся, и на секунду на ее лице появилось встревоженное выражение, когда из центра зала послышались громкие одобрительные крики.

— Прошу прощения, — сказала она. — Кажется, могут начаться неприятности.

С этими словами она удалилась. Хамлис Амалкней посторонился, чтобы опять не сыграть роль столика; профессор забрала свой бокал с собой.

— Вы сегодня утром видели Йей? — спросил Хамлис у Гурдже.

Тот кивнул:

— Она засунула меня в скафандр, всучила автомат, и мне пришлось палить по игрушечным ракетам, которые сами себя демонтируют с помощью взрыва.

— И вам это не понравилось.

— Ничуть. Я возлагал на эту девицу большие надежды, но она делает слишком много таких вот глупостей. Боюсь, ее разум демонтируется при помощи взрыва.

— Да, такие развлечения не каждому по душе. Она просто пыталась вам помочь. Вы говорили, что испытываете беспокойство, ищете новых

ощущений.

— Уж это мне точно не понравилось, — сказал Гурдже, внезапно охваченный необъяснимой грустью.

Они с Хамлисом смотрели, как мимо проходят люди, направляясь к длинному ряду окон над террасой. В голове Гурдже тупо гудело — он совсем забыл, что во избежание неприятных последствий прекращать действие Пряноголубого следует плавно. Испытывая легкую тошноту, он смотрел, как люди проходят мимо.

— Кажется, подошло время фейерверка, — сказал Хамлис.

— Да… Давайте-ка подышим свежим воздухом.

— Именно это мне и нужно. — Аура Хамлиса засветилась тускловато-красным оттенком.

Гурдже поставил свой бокал и вместе со старым автономником присоединился к толпе людей, которые направлялись из яркого, увешанного гобеленами зала на залитую светом террасу, выходящую на темное озеро.

-

Дождь ударил в окна с таким звуком, будто в огне затрещали дрова. Вид из дома в Икрохе на крутой, поросший лесом склон и дальше — на

фьорд и горы на другом берегу — был искривлен, искажен водой, хлещущей по стеклу; а иногда низкие тучи обтекали башни и купола дома Гурдже наподобие влажного дыма.

Йей Меристину поставила обутую в сапог ногу на резной камень облицовки очага, положила бледно-шоколадную руку на тонкую каминную полку, взяла с пола большую чугунную кочергу и принялась тыкать в шипящие и полыхающие поленья. Искры устремились вверх по высокой трубе и где-то наверху встретились с дождем.

Неподалеку от окна парил Хамлис Амалк-ней, глядя на безрадостные серые тучи.

Деревянная дверь в углу комнаты распахнулась, и появился Гурдже, неся поднос с горячей выпивкой. На нем была свободная легкая куртка и мешковатые брюки. Он прошел по комнате, слегка шлепая тапочками, поставил поднос, посмотрел на Йей.

— Ну как, придумала ход?

Йей подошла к доске и, мрачно взглянув на нее, покачала головой.

— Нет. Я думаю, ты выиграл.

— Смотри.

Гурдже принялся переставлять фигуры. Руки его над доской двигались быстро, как у фокус-

ника, но Йей успевала следить за ходами. Она кивнула.

— Да, вижу. Но… — она постучала пальцем по шестиугольному полю, на которое Гурдже поставил одну из ее фигур, — это только если бы я двумя ходами ранее надежно прикрыла эту блокирующую фигуру. — Она села на диван, приветственно подняла свой бокал. Гурдже улыбался на диване напротив нее. — Твое здоровье, победитель.

— Еще чуть-чуть — и ты бы выиграла. Сорок четыре хода. Ты становишься сильным игроком.

— Относительно, — сказала Йей, потягивая из бокала. — Только относительно.

Она откинулась к спинке низкого дивана, а Гурдже принялся расставлять фигуры в начальную позицию. Хамлис Амалк-ней подплыл поближе, замерев чуть ли не между ними.

— А знаешь, Гурдже, — Йей поглядела на лепной потолок, — мне всегда нравилось, как этот дом пахнет. — Она повернула голову к автономнику: — А вам, Хамлис?

Поле ауры Хамлиса ненадолго сместилось в одну сторону — аналог пожимания плечами.

— Да. Видимо, потому, что наш хозяин топит дом *бонизом*. Это дерево вывела тысячу лет назад

одна старая Вэйварианская цивилизация специально ради запаха, который оно выделяет при горении.

— Да, запах довольно приятный, — согласилась Йей, поднялась, снова подошла к окнам и покачала головой. — Погодка тут и правда мерзкая, Гурдже.

— Это же горы, — объяснил он.

Йей оглянулась, выгнув дугой бровь.

— Неужели?

Гурдже улыбнулся и одной рукой разгладил аккуратно подстриженную бороду.

— Как твои ландшафтные проекты, Йей?

— Не хочу об этом говорить. — Она покачала головой, глядя в окно, за которым не прекращался дождь. — Ну и погода. — Йей поставила бокал. — Неудивительно, что ты живешь отшельником.

— Ну, дело тут не в дожде, Йей. Дело во мне. Со мной никто долго не может жить.

— Он хочет сказать, — пояснил Хамлис, — что сам ни с кем долго не может жить.

— Готова в это поверить. — Йей снова возвратилась к дивану, села на него, скрестила ноги и принялась крутить в руке одну из фигур. — А вы что думаете об игре, Хамлис?

— Вы, похоже, достигли пределов своих тех-

нических возможностей, но ваше мастерство продолжает расти. Правда, сомневаюсь, что вам когда-нибудь удастся обыграть Гурдже.

— Ну вот. — Йей изобразила уязвленную гордость. — Я всего лишь начинающая. Еще могу расти. — Она поскребла ногти одной руки ногтями другой и несколько раз щелкнула языком. — И, судя по тому, что говорят, у меня есть перспективы роста и в ландшафтостроении.

— У вас проблемы? — спросил Хамлис. Несколько мгновений у Йей был такой вид, будто она не услышала вопроса, потом она вздохнула и откинулась к спинке.

— Да… эта сволочь Элстрид и этот вонючая ханжеская машина Пришиплейл. Они такие… трусливые. Просто не хотят слушать.

— О чем?

— Об идеях! — закричала в потолок Йей. — Ни о чем новом, ни о чем таком, что хоть чуть-чуть отходит от их треклятого консерватизма. Они на меня не обращают внимания, потому что я молода.

— А мне казалось, они довольны вашей работой, — сказал Хамлис.

Гурдже вальяжно раскинулся на своем диване, заставляя крутиться вино в бокале и наблюдая

за Йей.

— Или же требуют заниматься всякой ерундой, — сказала Йей внезапно усталым голосом. — Высади ряд-другой деревьев, вырой пару озер… но я-то говорю о концепции вообще, о вещах по-настоящему радикальных. Все, чем мы занимаемся, — это строим еще одну плиту. Да таких в галактике миллионы. Какой в этом смысл?

— Может, смысл в том, чтобы на ней жили люди? — предположил Хамлис; поле его порозовело.

— Люди могут жить где угодно! — сказала Йей, садясь чуть прямее и глядя на автономника своими ярко-зелеными глазами. — Да этих плит пруд пруди. Я же говорю об искусстве!

— И что у тебя было на уме? — спросил Гурдже.

— Как насчет магнитных полей под основанием конструкции и намагниченных островов, плывущих по океанам? Чтобы вообще не было никакой обычной земли, только огромные плавающие глыбы земли со своими реками, озерами, растительностью и несколькими бесстрашными людьми. Разве это не лучше?

— Лучше, чем что? — поинтересовался Гурдже.

— Лучше, чем это! — Меристину вскочила с дивана и подошла к окну. Она постучала по ста-

ринному стеклу. — Да ты сам посмотри. С таким же успехом можно жить на обычной планете. Моря, горы и дождь. Разве ты не предпочел бы жить на плавучем острове, который движется в воздухе вплотную к воде?

— А что, если острова столкнутся? — спросил Хамлис.

— Если столкнутся?

Йей повернулась к человеку и машине. Снаружи еще больше потемнело, и освещение в комнате стало набирать яркость. Она пожала плечами:

— Ну, в любом случае можно сделать так, чтобы они не сталкивались… Да скажите вы мне, чем не блестящая идея? Ну почему одна старуха и одна машина вправе ставить мне препоны?

— Видите ли, — заметил Хамлис, — я знаю Пришиплейл, и если бы он решил, что ваша идея стоит того, то не пропустил бы ее мимо ушей. У него большой опыт и…

— Ну да, — сказала Йей. — Слишком большой опыт.

— Это невозможно, юная леди, — сказал автономник.

Йей Меристину глубоко вздохнула и, похоже, собиралась возразить, но лишь широко развела

руки, закатила глаза и снова повернулась к окну.

— Посмотрим.

До этого за окном неумолимо темнело, но неожиданно с дальней стороны фьорда ярко вспыхнуло солнце, пробившись сквозь тучи и слабеющий дождь. Комната медленно наполнилась водянистым сиянием, и освещение в доме снова потускнело. Ветер шевелил мокрые кроны деревьев.

— Да ну, — сказала Йей, потягиваясь и сгибая руки. — Нечего волноваться. — Она критически оглядела пейзаж за окном. — Черт, пожалуй, я пробегусь, — объявила она и направилась к двери, на ходу стягивая с себя один, потом другой сапог, потом — жилетку, которую набросила на спинку стула; потом расстегнула блузку. — Вы еще увидите, — погрозила она пальцем Гурдже и Хамлису. — Время плавающих островов пришло.

Хамлис ничего не ответил. На лице Гурдже появилось скептическое выражение. Йей вышла.

Хамлис направился к окну. Он смотрел, как девушка (теперь в одних шортах) побежала по тропинке, ведущей вниз от дома между лужайками и лесом. Хамлис в ответ на последние слова Йей помигал ей своим полем, хотя та уже не могла его видеть.

— Она красивая, — сказала машина. Гурдже снова устроился на диване.

— Когда она здесь, я кажусь себе стариком.

— Не хватало еще, чтобы и вы начали себя жалеть, — сказал Хамлис, отплывая от окна.

Гурдже посмотрел на камин.

— Все стало каким-то серым, Хамлис. Иногда мне кажется, что я повторяюсь, что игры теперь — все прежние, только чуть перелицованные, и не стоят усилий.

— Гурдже, — сухо сказал Хамлис и сделал то, что очень редко себе позволял, — водрузил весь свой корпус на диван. — Вам пора обзавестись семьей. Мы о чем говорим — об играх или о жизни?

Гурдже откинул назад темную кудрявую голову и рассмеялся.

— Игры пока что были вашей жизнью, — продолжил Хамлис. — Если они начинают приедаться, то, как я понимаю, и все остальное должно раздражать.

— Может, я просто разочаровался в играх. — Гурдже крутил в руке резную фигуру. — Я привык думать, что контекст не имеет значения; хорошая игра — это хорошая игра… в правилах игр была некая чистота, которая бережно передавалась от общества к обществу… Но теперь я

начал сомневаться. Вот возьмите хотя бы эту игру — деплой. — Он кивнул на доску перед собой. — Иноземная. С глухой планетки, обнаруженной всего несколько десятков лет назад. Они играют у себя и делают ставки, эта игра для них важна. Но нам-то что ставить? Какой будет смысл в том, если я, скажем, поставлю Икрох?

— Йей вряд ли примет такую ставку, — удивленно сказал Хамлис. — Она считает, что тут слишком много дождей.

— Разве вы не понимаете? Если кому-то нужен такой дом, он его взял и построил. Если ему нужно что-то внутри, — Гурдже обвел рукой комнату, — он уже заказал. У него уже есть все. Если нет денег, нет собственности, то большая часть удовольствия, которое получали ее изобретатели, исчезает.

— Вы называете это удовольствием — потерять дом, титул, состояние? А может, и детей. Представьте: от вас ждут, что вы с пистолетом выйдете на балкон и вышибете себе мозги. Это называется удовольствием? Нам, слава богу, это неведомо. Вы хотите того, чего не можете получить, Гурдже. Вы наслаждаетесь своей жизнью в Культуре, но она не может предоставить вам сильных опасностей; истинному игроку требуется выброс адреналина

перед угрозой проигрыша, даже гибели, вот тогда он в полной мере чувствует себя живым. — (Гурдже слушал молча, сидя в отблесках каминного пламени и мягкого сияния скрытых светильников.) — Вы назвали себя Морат, когда завершили свое имя, но, может, вы вовсе и не совершенный игрок. Не лучше ли было назваться Шекви?

— Знаете, — медленно начал Гурдже; голос его звучал едва ли громче потрескивания поленьев, — я даже немного побаиваюсь играть с этой девушкой. — Он бросил взгляд на автономника. — Нет, в самом деле. Мне ведь и вправду нравится выигрывать, потому что во мне есть нечто такое, что невозможно повторить, чего нет у других. Я — это я, я — один из лучших. — Он снова на секунду скосил глаза на машину, словно стыдясь чего-то, — Но время от времени я и в самом деле опасаюсь проиграть. Я думаю, а что, если появился какой-нибудь юнец — в особенности юнец, моложе меня и, естественно, талантливее, — который отберет у меня все это. Вот что меня беспокоит. Чем лучше я играю, тем хуже обстоят дела, потому что тем больше я могу потерять.

— Вы консерватор, — сказал Хамлис. — Самое главное игра. Такова традиционная мудрость,

разве нет? Важен процесс, а не победа. Радоваться поражению соперника, тешить собственную гордыню — значит прежде всего демонстрировать, что вы далеки от совершенства и не соответствуете своему имени.

— Да, так говорят, — кивнул Гурдже. — Так считают все остальные.

— Но не вы?

— Я… — Казалось, что человеку никак не найти нужного слова. — Я… ликую, одержав победу. Это лучше любви, лучше секса, лучше любого секретирования. Только в это мгновение я чувствую себя живым. — Он покачал головой, губы его сжались. — Все остальное время я чувствую себя кем-то вроде Маврин-Скела, этого маленького автономника, изгнанного из Особых Обстоятельств. Словно у меня отняли что-то такое, раньше принадлежавшее мне по праву рождения.

— А, так вот какое родство с ним вы чувствуете, — холодно сказал Хамлис, цвет его ауры изменился в соответствии с настроением. — А я все спрашивал себя, что вы находите в этой отвратительной машине.

— Горечь. — Гурдже снова откинулся к спинке. — Вот что я в нем нахожу. Но по крайней мере, в нем есть новизна.

Он встал и подошел к камину, потыкал в поленья чугунной кочергой, сунул еще одно, неловко ухватив его тяжелыми щипцами.

— Мы живем не в героическую эпоху, — сказал он автономнику, глядя в огонь. — Индивидуальность устарела. Вот почему нам всем так удобно жить. Мы ничего не значим, а потому в безопасности. Ни одна личность больше не оказывает ни на что сколь-нибудь заметного влияния.

— Контакт использует личностей, — возразил Хамлис. — Он помещает людей в более молодые общества, которые оказывают решающее воздействие на судьбы всей метацивилизации. Обычно они «наемники» и не уроженцы Культуры, но они люди, гуманоиды.

— Их выбирают и используют. Как фигуры в игре. Они не в счет. — В голосе Гурдже слышалось раздражение. Он отошел от камина, вернулся к дивану. — И потом, я не из их числа.

— Ну, тогда сохраните себя до наступления более героической эпохи.

— Ха, — сказал Гурдже, снова усаживаясь. — Вы думаете, она когда-нибудь наступит? А если и наступит, все равно это будет больше похоже на жульничество.

Хамлис Амалк-ней прислушался к шуму дождя

и огня.

— Ну что ж, — медленно произнес он, — если вы ищете новизны, то Контакт — забудем об ОО — именно то, что вам нужно.

— У меня нет намерений поступать в Контакт, — сказал Гурдже. — Торчать годами в их экспедиционных кораблях вместе с исполненными дурацкого энтузиазма благодетелями Вселенной, искать варваров, которых нужно цивилизовать, — спасибо, я не так представляю себе удовольствие или достижение.

— Я не это имел в виду. Я хотел сказать, что в Контакте наилучшие Разумы, наибольший объем информации. Они могут породить неплохие идеи. Каждый раз, когда я был с ними связан, они добивались успехов. Не забывайте, это последний шанс.

— Почему?

— Да потому что они хитрецы. Кого хочешь обведут вокруг пальца. И тоже азартные. И выигрывать привыкли.

— Так-так. — Гурдже погладил свою темную бороду. — Не знаю даже, как к ним подступиться, — сказал он.

— Ерунда, — ответил Хамлис. — В любом случае у меня там есть кой-какие связи. Я бы…

Хлопнула дверь.

— Мать моя, ну и холодища там!

В комнату, отряхиваясь, влетела Йей. Руками она обхватила себя за грудь, тоненькие шорты прилипли к бедрам. Все ее тело сотрясалось от холода. Гурдже поднялся с дивана.

— Идите сюда — поближе к огню, — сказал Хамлис девушке.

Йей стояла, дрожа, у окна, вода стекала с нее.

— Ну что вы там застыли столбом, — повернулся Хамлис к Гурдже. — Принесите полотенце.

Гурдже критическим взглядом смерил машину и вышел из комнаты.

К тому времени, когда он вернулся, Хамлис уговорил Йей сесть перед огнем. Изогнутое поле под ее затылком удерживало голову девушки в потоке каминного тепла, другое поле расчесывало волосы. С промокших локонов Йей на раскаленные плитки падали и с шипением испарялись капельки воды.

Хамлис взял из рук Гурдже полотенце; тот смотрел, как машина вытирает тело Йей. Наконец он отвернулся, тряхнул головой и, вздохнув, снова сел на диван.

— У тебя ноги грязные, — сказал он.

— Ну, зато здорово пробежалась. — Йей рассме-

ялась из-под полотенца.

Йей немало нафыркалась, пока не была вытерта насухо, потом завернулась в полотенце и села на диван, вытянув ноги.

— Ужасно проголодалась, — объявила она вдруг. — Ничего, если я приготовлю что-нибудь?..

— Давай-ка я, — сказал Гурдже и вышел.

Он вернулся на мгновение с брюками Йей, чтобы набросить их на спинку стула, где уже висела ее жилетка.

— О чем вы тут говорили? — спросила Йей у Хамлиса.

— О том, что Гурдже разочарован.

— Ну и с каким результатом?

— Не знаю, — признался автономник.

Йей взяла свои вещи и быстро оделась. Она немного посидела против огня, глядя на языки пламени. Дневной свет тем временем совсем погас, а лампы в комнате разгорелись ярче.

Гурдже принес поднос со сластями и выпивкой.

Перекусив, Гурдже и Йей вместе с автономником сели за сложную карточную игру того типа, который нравился Гурдже больше всего, — где требовалось умение блефовать и немного удачи.

Они дошли до середины игры, когда появились друзья Йей и Гурдже. Их самолет приземлился на лужайке перед домом — Гурдже подумал, что лучше бы они выбрали другое место для посадки. Гости вошли в комнату, веселые и шумные, и Хамлис сразу же забился в угол у окна.

Гурдже, как радушный хозяин, принес гостям закуски. Он подал новый бокал Йей, которая вместе с группкой прибывших слушала, как двое спорят об образовании.

— Ты поедешь с ними, Йей?

Гурдже прислонился спиной к стене, на которой висел гобелен, и чуть понизил голос, отчего девушке пришлось отвернуться от спорщиков и посмотреть на него.

— Может быть, — медленно произнесла она. Блики пламени высвечивали ее лицо. — А ты опять хочешь попросить меня остаться? — Она с интересом разглядывала свое вино, раскручивая его в бокале.

— Так вот ты о чем, — сказал Гурдже, вскинув голову и уставившись в потолок. — Нет, вряд ли. Одни и те же старые фильмы, одни и те же реакции, — все это нагоняет тоску.

Йей улыбнулась:

— Никогда ничего не знаешь заранее. В один

прекрасный день я могу передумать. Пусть это тебя не беспокоит, Гурдже. Это почти что честь.

— Ты хочешь сказать — это честь быть таким исключением?

— Ммм. — Йей приложилась к бокалу.

— Я тебя не понимаю.

— Потому что я даю тебе от ворот поворот?

— Потому что ты никому не даешь от ворот поворот.

— Ну уж не совсем чтобы так. — Йей кивнула и нахмурилась, глядя в свой бокал.

— Ну так почему нет?

Ну вот. Наконец-то он сказал ей об этом.

Йей сложила губы трубочкой.

— Потому что для тебя это важно, — сказала она, вперившись в него взглядом.

— Ах, вот оно что, — кивнул Гурдже и, опустив глаза, принялся поглаживать свою бородку. — Мне бы стоило напустить на себя безразличие. — Он заглянул ей прямо в глаза. — Правда, Йей.

— Я чувствую, что ты хочешь… брать меня, словно я игровая фигура или поле. Чтобы иметь меня, обладать мной. — Внезапно лицо Йей сделалось озадаченным. — В тебе есть что-то очень… Не знаю. Примитивное, может быть. Ты никогда не менял пола, а? — (Он отрицательно покачал

головой.) — И не спал с мужчинами? — (Он покачал головой еще раз.) — Я так и думала. Ты такой странный, Гурдже. — Йей осушила свой бокал.

— Потому что не нахожу мужчин привлекательными?

— Да. Ты сам — мужчина! — Она рассмеялась.

— Может, я должен нравиться самому себе?

Йей несколько секунд смотрела на него, потом на ее лице мелькнула улыбка; наконец она рассмеялась и опустила глаза.

— Ну, не физически, конечно.

Она ухмыльнулась и протянула ему пустой бокал. Гурдже снова наполнил его, и девушка вернулась к гостям.

Гурдже оставил Йей спорить о месте геологии в образовательной политике Культуры, а сам направился к Рен Миглан — молодой женщине, приезда которой этим вечером он ждал.

Один из гостей привез с собой проторазумного стиглийского нумератора, который теперь шлепал по комнате, ведя счет невнятным шепотком. Это стройное животное с тремя конечностями, светлой шкуркой, высокой талией, без явно выраженной головы, но со множеством выразительных выпуклостей, принялось пересчитывать присутствующих — их оказалось двадцать три.

Потом стало считать предметы мебели, после чего сосредоточилось на ногах. Наконец нумератор подобрался к Гурдже и Рен Миглан. Гурдже взглянул на животное, которое пялилось на его ноги и размашисто скребло конечностями у его тапочек. Он дотронулся до нумератора носком ноги, тот пробормотал: «Скажи шесть» — и поплелся прочь. Гурдже продолжил говорить с женщиной.

Прошло несколько минут — он стоял рядом с ней, разговаривал, пододвигался чуть поближе, нашептывал ей что-то на ухо, а раз или два запустил ей руку за спину и пробежался пальцами по ее позвонкам под шелковым платьем.

— Я обещала вернуться с остальными, — тихо сказала Рен, опустив глаза и покусывая губы; она завела руку за спину и ухватила пальцы Гурдже, поглаживавшие ее поясницу.

— Какой-то скучнейший оркестр, какой-то певец, поющий для всех сразу? — мягко проговорил он, убирая руку и улыбаясь. — Ты заслуживаешь больше внимания именно к себе, Рен.

Она тихо рассмеялась и толкнула его локтем.

Вскоре она вышла из комнаты и больше не возвращалась. Гурдже направился туда, где неистово жестикулировала Йей, превознося достоинства жизни на плавучих магнитных островах, но

тут он заметил в уголке Хамлиса. Тот делал вид, что не замечает трехногого животного, которое разглядывало машину, пытаясь поскрести одну из своих выпуклостей и не свалиться на пол. Гурдже отодвинул зверька ногой и остановился рядом с Хамлисом. Некоторое время он говорил с машиной.

Наконец гости удалились, прихватив несколько бутылок и полупустых подносов с конфетами. Самолет зашипел, исчезая в ночи.

Гурдже, Йей и Хамлис закончили начатую игру в карты; Гурдже победил.

— Ну, мне пора, — сказала Йей, вставая и потягиваясь. — Хамлис?

— И мне тоже. Я пойду с вами. Можем поехать в одной машине.

Гурдже проводил их до лифта. Йей застегнула пуговицы на плаще. Хамлис повернулся к Гурдже:

— Не хотите, чтобы я поговорил с Контактом?

Гурдже рассеянно смотрел на лестницу, ведущую в основной дом; он перевел недоуменный взгляд на Хамлиса. То же самое сделала и Йей.

— Ах, вот вы о чем, — сказал наконец Гурдже, улыбаясь и пожимая плечами. — А почему, собственно, нет? Посмотрим, что предложат те, кто

мудрее нас. Терять мне нечего. — Он рассмеялся.

— Мне нравится, когда ты весел, — сказала Йей, целуя его в щеку.

Она вошла в кабину лифта, Хамлис за ней. Йей успела подмигнуть Гурдже, пока дверь закрывалась.

— Передай привет Рен, — усмехнулась она. Гурдже несколько секунд смотрел на закрывшуюся дверь лифта, потом покачал головой и улыбнулся сам себе. Он вернулся в гостиную, где теперь наводили порядок два домашних автономника; все уже стояло на своих местах. Он подошел к игровой доске между двумя темными диванами и поставил одну из фигур деплоя в центре ее исходного шестиугольника, потом посмотрел на диван, на который уселась Йей после пробежки. Там осталось понемногу исчезающее влажное пятно — темное на темном. Гурдже неуверенно положил на него руку, потрогал пальцами, потом рассмеялся про себя, взял зонтик и вышел посмотреть, что сделал с лужайкой самолет. Потом он вернулся в дом; свет в окне приземистой главной башни говорил о том, что Рен ждет его.

Лифт опустился на две сотни метров в глубь горы, потом прошел еще ниже, сквозь коренную породу, замедлился, двигаясь через вращающий-

ся тамбур, мягко преодолел метровую толщу сверхплотного материала основания и остановился под плитой орбиталища в транзитной галерее. Там ждали два подземных автомобиля, а экраны наружного наблюдения показывали, как солнечный свет заливает обратную сторону плиты. Автомобиль открыл дверцу, Йей и Хамлис вошли внутрь, сказали, куда им нужно, и сели. Машина развернулась и начала набирать скорость.

— Контакт? — спросила Йей у Хамлиса.

Пол автомобильчика закрывал солнце, а в боковых экранах колюче сияли звезды. Машина неслась среди переплетения труб и проводов непонятного назначения, но жизненно важных: они висели под каждой плитой.

— Мне показалось или я в самом деле слышала, как вы упомянули это всемилостивейшее и вседобрейшее пугало?

— Я предложил Гурдже связаться с Контактом, — сказал Хамлис.

Он подплыл к одному из экранов — тот открепился, продолжая показывать наружный вид, и скользнул вверх; в корпусе автомобиля открылось пространство сантиметров в десять толщиной. Там, где экран прикидывался окном,

теперь было настоящее окно — плита прозрачного кристалла, а за ней — глубокий вакуум и вся остальная Вселенная. Хамлис посмотрел на звезды.

— Я решил, может, они сообразят, как его занять.

— Я думала, вы с подозрением относитесь к Контакту.

— Обычно — да, но я знаком кое с кем из Разумов. У меня еще остались связи… Они, я думаю, не откажут в помощи.

— Не знаю, — сказала Йей. — Что-то мы слишком уж серьезно к этому относимся. Ничего страшного с ним не случится. У него есть друзья. Пока приятели рядом, ему нечего особо опасаться.

— Гмм, — промычал автономник; автомобиль остановился у одной из лифтовых шахт, обслуживающих поселение, в котором жил Хамлис Амалк-ней. — Мы увидим вас в Тронце? — спросил он.

— Нет, у меня этим вечером сайт-конференция. И потом, тут есть один молодой человек, я недавно видела его на полигоне. И на тот вечер я запланировала с ним случайную встречу, — Йей ухмыльнулась.

— Понятно. Проснулись хищнические инстинкты? Ну, желаю вам приятной случайной встречи.

— Приложу все старания, — рассмеялась Йей.

Оба пожелали друг другу спокойной ночи. Хамлис вышел через тамбур автомобиля — его древний, чуть побитый корпус вдруг ярко засветился под солнечными лучами снизу — и, не дожидаясь лифта, понесся вверх по шахте. Йей улыбнулась и покачала головой при виде этого старческого нетерпения. Автомобиль тронулся с места и понесся дальше.

Рен все спала, полуукрытая простыней. Ее черные волосы разметались по подушке. Гурдже сел за стол около балконных окон и уставился в ночь. Дождь прошел, тучи рассеялись, и теперь свет звезд и четырех плит с дальней, уравновешивающей стороны орбиталища Чиарк (в трех миллионах километров; внутренние поверхности их были залиты дневным светом) отражался серебряным блеском в пролетающих облаках и переливался в темных водах фьорда.

Гурдже включил настольный экран, нашел нужную ему публикацию и принялся читать — статьи известных игроков по теории игр, обзоры сыгранных ими партий, сообщения о новых

играх и перспективных игроках.

Чуть погодя он открыл двери и вышел на круговой балкон; холодный воздух окутал его голое тело, и он поежился. Он взял с собой карманный терминал и некоторое время терпел холод, разговаривая с темными деревьями и безмолвным фьордом, — диктуя новую статью о старых играх.

Когда он вернулся, Рен Миглан все еще спала, но дышала быстро и неровно. Гурдже, заинтригованный, подошел к ней и присел у края кровати, внимательно вглядываясь в ее лицо, которое мучительно подергивалось во сне. Воздух с трудом прорывался через горло к изящному носу, ноздри девушки раздувались.

Гурдже некоторое время сидел подле нее на корточках со странным выражением на лице — средним между ухмылкой и печальной улыбкой; какой же это кошмар, спрашивал он себя (с чувством смутного разочарования, даже сожаления), мучает молодую женщину, отчего она так дрожит, тяжело дышит и стонет?

-

Два следующих дня прошли без особых событий. Большую часть времени он проводил за чтением статей, написанных другими игроками

и теоретиками, закончил собственную статью, начатую в ту ночь, когда у него оставалась Рен Миглан. Рен уехала на следующее утро во время завтрака, после небольшого скандала. Гурдже любил работать за завтраком, а ей хотелось говорить. Он подозревал, что причина ее раздражительности — плохой сон ночью.

Он получил несколько писем. В основном это были просьбы: посетить другие миры, принять участие в крупных соревнованиях, написать статью, дать отзыв о новой игре, стать лектором/профессором такого-то учебного заведения, приехать в гости на любой из нескольких ВСК, посмотреть того или иного вундеркинда — список был длинный.

Он отверг все приглашения, испытав при этом довольно приятное чувство.

Поступило сообщение с одного из ЭКК — экспедиционных кораблей Контакта — об открытии нового мира, где обнаружилась игра, основанная на точной топографии отдельных снежинок: по этой причине она никогда не игралась дважды на одной доске. Гурдже в жизни не слышал о такой игре и не нашел упоминаний о ней в материалах, собиравшихся для таких, как он, Контактом и обычно содержащих самые свежие данные. Он

подозревал, что это фальшивка (проказы ЭКК уже вошли в поговорку), но отправил взвешенный (хотя и не лишенный язвительности) ответ: такого рода шутки, если только это была шутка, ему нравились.

Он посмотрел соревнования по планеризму над горами и утесами по другую сторону фьорда, а потом включил домашний голографический экран — посмотреть новую забаву, о которой много слышал. Речь шла о планете, разумные обитатели которой были мыслящими ледниками, а дети их — айсбергами. Гурдже полагал, что эта нелепица оттолкнет его, но нашел ее довольно увлекательной. Он набросал игру на тему ледников: нужно было предугадывать, какие разновидности минералов будут вымыты из пород, какие горы разрушены, какие реки перекрыты, какие ландшафты образованы, какие бухты заблокированы, если бы ледники тоже могли по своей воле растоплять и замораживать свои части. Игра оказалась довольно забавной, но не содержала ничего нового; примерно через час Гурдже бросил ее.

Большую часть следующего дня он провел, плавая в бассейне, оборудованном в подвале Икроха. Плывя на спине, он продолжал надиктовывать

статью — карманный терминал, вися над головой, путешествовал вместе с ним взад-вперед.

Ближе к вечеру из лесу выехали верхом женщина и ее юная дочь; они спешились в Икрохе. Ни одна, ни другая, похоже, слыхом о нем не слыхивали — просто случайно проезжали мимо. Гурдже пригласил их выпить и приготовил поздний ланч. Они привязали своих запыхавшихся высоких скакунов рядом с домом, автономники принесли животным воду. Когда женщина с дочерью собрались ехать дальше, Гурдже посоветовал им самый живописный маршрут и дал девочке одну из богато украшенных фигурок для игры в батаос, которые так ей понравились.

Обедал он на террасе, раскрыв перед собой терминал и читая древний варварский трактат по играм. Книга (написанная за тысячу лет до того, как Контакт две тысячи лет назад нашел эту цивилизацию), конечно, давала далеко не полные комментарии, но Гурдже не переставал восхищаться тем, как много игры того или иного общества могут поведать о его происхождении, философии, самом его духе. К тому же варварские цивилизации всегда интересовали его — еще прежде, чем проснулся интерес к их играм.

Книга была любопытной. Гурдже посмотрел на

заходящее солнце, а когда сумрак немного сгустился, снова перевел взгляд на книгу. Домашние автономники принесли ему выпивку, куртку потеплее и легкую закуску, как он и просил. Он велел дому не отвечать ни на один входящий вызов.

Огни на террасе постепенно стали ярче. Дальняя сторона Чиарка отливала белизной в небе, покрывая все вокруг серебром; облаков не было, мерцали звезды. Гурдже продолжал чтение.

Терминал бипнул. Гурдже сурово посмотрел в глазок камеры, установленный в углу экрана.

— Дом, ты что, оглох?

— Прошу мне простить внезапное вторжение, — сказал с экрана довольно назойливый и хамский голос, незнакомый Гурдже. — Я говорю с Чиарк-Гевантсой Жерно Мората Гурдже дам Хассизом?

Гурдже неуверенно вгляделся в глазок экрана. Он много лет не слышал своего полного имени.

— Да.

— Меня зовут Лоаш Армаско-Йап Ву-Хандрахен Кса-то Коум.

Гурдже поднял бровь:

— Да, запомнить проще простого.

— Позвольте прервать вас, будьте так любез-

ны?

— Вы уже прервали. Что вам угодно?

— Поговорить с вами. Я вторгся к вам, хотя ничего чрезвычайного не произошло; просто я могу говорить с вами напрямую только этим вечером. Я представляю здесь отдел Контакта по просьбе Даставеба Хамлиса Амалк-нея Эп-Хандры Тедрейскре Остлхорпа. Позвольте приблизиться к вам.

— Да, если вы перестанете пользоваться полными именами.

— Я буду с вами немедленно.

Гурдже выключил экран. Он постучал по терминалу в форме авторучки на кромке деревянной столешницы и посмотрел на другой берег фьорда, где вдалеке неярко светились огни нескольких домов.

Он услышал рев в небесах, поднял глаза и увидел наверху подсвеченный с дальней стороны инверсионный след, крутая траектория которого уперлась в склон горы над Икрохом. Из леса над домом раздался приглушенный хлопок, затем звук, похожий на внезапный порыв ветра, после чего из-за угла дома появился небольшой автономник с ярко-синим, в желтую полоску, полем.

Он направился прямо к Гурдже. Машина была почти такого же размера, что и Маврин-Скел;

Гурдже подумал, что она вполне могла бы удобно расположиться на прямоугольном подносе для сэндвичей. Ее корпус из пушечной бронзы казался немного более сложным и шишковатым, чем у Маврин-Скела.

— Добрый вечер, — сказал Гурдже, когда маленькая машина спустилась со стены террасы.

Она уселась на столе у подноса для сэндвичей.

— Добрый вечер, Морат Гурдже.

— Так вы из Контакта? — сказал Гурдже, засовывая свой терминал в карман халата. — Быстро же это у вас. Я ведь с Хамлисом говорил только позавчера вечером.

— Я оказался поблизости, — объяснила машина, глотая звуки, — на пути от ЭКК «Гибкое поведение» к ВСК «Прискорбное противоречие в показаниях» на борту (Д)КБР «Фанатик». Поскольку я оказался ближайшим оперативником Контакта, то выбор естественным образом пал на меня. Но, должен сказать, я могу пробыть у вас лишь очень недолго.

— Ах, какая жалость.

— Да, у вас тут совершенно очаровательное орбиталище. Может, как-нибудь в другой раз.

— Ну, тем не менее я надеюсь, что вы не напрасно проделали этот путь, Лоаш… Откровенно

говоря, я никак не ожидал аудиенции оперативника из Контакта. Мой друг Хамлис просто сказал, что у Контакта, может быть… Не знаю, может, есть что-то интересное не для общего пользования. Я ничего такого не ждал, кроме разве что информации. Позвольте у вас спросить, что вы здесь делаете.

Он наклонился вперед, нависая над машиной и поставив оба локтя на стол. На блюде, как раз напротив автономника, лежал сэндвич. Гурдже взял его и принялся есть, поглядывая на машину.

— Да, конечно. Я здесь для того, чтобы выяснить, насколько вы открыты предложениям. Возможно, Контакту удастся найти кое-что, представляющее для вас интерес.

— Игру?

— Мне дали понять, что это связано с игрой.

— Это не означает, что вы должны вести игру со мной, — сказал Гурдже, стряхивая крошки с руки на блюдо.

Несколько крошек отлетели в сторону автономника, как и рассчитывал Гурдже, но тот отразил их своим полем, и они, отлетев, упали прямо в середину блюда перед ним.

— Вот все, что мне известно: Контакт, возможно, нашел что-то, представляющее для вас интерес.

Я полагаю, это связано с игрой. Мне поручено выяснить, готовы ли вы совершить путешествие. А потому я думаю, игра — если речь идет об игре — должна состояться в каком-то другом месте, не на Чиарке.

— Путешествие? — переспросил Гурдже и откинулся к спинке стула. — Куда? Далеко ли? Надолго ли?

— Я не знаю.

— Ну хотя бы приблизительно.

— Мне не хотелось бы строить догадки. Сколько времени вы готовы провести вне дома?

Гурдже сощурил глаза. Дольше всего он отсутствовал на Чиарке, когда однажды, тридцатью годами ранее, отправился в круиз. Ему это дело не очень понравилось. Полетел он скорее потому, что так было принято в его возрасте, а не потому, что у него возникло такое желание. В других звездных системах было на что посмотреть, но то же самое можно было увидеть и на голографическом экране, и Гурдже так по-настоящему и не понял, что же люди находят в межзвездных путешествиях. Он планировал провести в том круизе несколько лет, но выдержал лишь год.

Гурдже потер бороду:

— Ну, может, с полгода. Трудно сказать, когда

не знаешь подробностей. Но остановимся на этом, скажем, полгода… хотя, по-моему, в этом нет нужды. Местный колорит редко добавляет что-то к игре.

— Обычно это так. — Машина помолчала немного. — Насколько я понимаю, эта игра может быть довольно сложной. Чтобы ее изучить, потребуется время.

— Уверен, что справлюсь.

На освоение новой игры Гурдже тратил не больше трех дней. За всю жизнь он не забыл ни одного правила ни одной выученной им игры и ни одну не учил по второму разу.

— Отлично, — сказал маленький автономник. — Именно так я и доложу. Прощайте, Морат Гурдже.

И машина стала подниматься. Гурдже смотрел на нее с открытым ртом, подавляя желание вскочить на ноги:

— И это все?

Маленькая машина остановилась на высоте двух-трех метров.

— Это все, что мне было позволено сказать. Я спросил у вас то, что должен был спросить. Теперь я должен доложить о ваших ответах. Может быть, вы хотите узнать еще что-нибудь, на что у

меня есть ответ?

— Да, — сказал Гурдже, чувствуя нарастающее раздражение. — Я узнаю что-нибудь еще о том, о чем вы со мной говорили?

Ему показалось, что машина задумчиво качнулась в воздухе. Поле ее с момента прибытия не менялось. Наконец она сказала:

— Жерно Гурдже?

Настала длительная пауза, во время которой оба не проронили ни звука. Гурдже, не отрываясь, смотрел на машину, потом встал, уперся руками в бока, наклонил голову и прокричал:

— Да?

— …Возможно, и нет, — резко бросил в ответ автономник и мгновенно взметнулся вверх; поля его замерцали.

Гурдже услышал рев и увидел инверсионный след, который сначала показался крохотным облачком, поскольку Гурдже стоял точно над ним; несколько секунд он медленно вытягивался и внезапно перестал расти. Гурдже потряс головой.

Он вытащил из кармана терминал.

— Дом, установите связь с этим автономником, — сказал он и поднял к небу голову.

— Каким автономником, Жерно? — спросил

дом. — Хамлисом?

Гурдже уставился на терминал.

— Нет! С этим маленьким прохиндеем из Контакта — Лоашем Армаско-Йапом Ву-Хандрахеном Ксато Коумом, вот с кем! Который только что был здесь!

— Только что? — недоумевающе спросил дом.

Гурдже, ссутулившись, сел.

— Вы что — ничего сейчас не видели и не слышали?

— За последние одиннадцать минут, после того как вы запретили мне принимать вызовы, — ничего, кроме тишины, но…

— Ладно, — вздохнул Гурдже. — Соедините меня с Узлом.

— Узел слушает. Подотдел Разума Макил Стра-бей. Жерно Гурдже, чем можем быть вам полезны?

Гурдже продолжал смотреть в небеса наверху — отчасти потому, что именно там исчез автономник из Контакта (тонкий инверсионный след начал шириться и расползаться), а отчасти потому, что, говоря с Узлом, люди обычно смотрели в его сторону.

Он заметил лишнюю звездочку как раз перед тем, как она начала двигаться. Световая точка

находилась в том месте, где закончился инверсионный след маленького автономника. Гурдже нахмурился. Почти тут же она двинулась — поначалу с довольно умеренной скоростью, а потом слишком быстро — глаз уже не мог уследить за ней.

Точка исчезла. Гурдже помолчал, потом спросил:

— Узел, тут только что был корабль Контакта?

— Он убывает в настоящий момент, Гурдже. (Разоруженный) Корабль Быстрого Реагирования…

— «Фанатик», — сказал Гурдже.

— Ха-ха, так это были вы, да? А мы-то думали, нам потребуются месяцы, чтобы выяснить это. Игрок Гурдже, вы только что были свидетелем частного визита. Это все штучки Контакта — нас о них в известность не ставят. А мы тут головы ломаем. Высший класс, Жерно, если позволительно будет так сказать. Этот корабль совершил внезапную остановку на скорости не менее сорока килолет и отклонился лет на двадцать — и все это ради пятиминутного разговора с вами. Это серьезный расход энергии, особенно учитывая, что и ускоряется он с такой же быстротой. Вы посмотрите, как уходит эта малышка… ой,

простите, вы же не можете этого сделать. Ну, тогда поверьте нам на слово — очень впечатляет. Не хотите сообщить скромному подотделу Узла Разума, что это за история?

— Есть ли возможность связаться с этим кораблем? — спросил Гурдже, игнорируя заданный ему вопрос.

— Когда он так ускоряется? Вряд ли он пожелает иметь дело с простой гражданской машиной вроде нас… — В голосе Узла Разума слышалась удивленная нотка. — Ну, разве что попробовать.

— Мне нужен находящийся на корабле автономник по имени Лоаш Армаско-Йап Ву-Хандрахен Ксато Коум.

— Силы небесные, Гурдже, в какую историю вы ввязались? Хандрахен? Ксато? Это же номенклатура техноэквивалента разведуровня ОО. Ну и попали вы… Черт… Мы попробуем… Минуточку.

Гурдже молча ждал несколько секунд.

— Ничего, — сказал голос из терминала. — Гурдже, с вами говорит Полный Узел — уже не подотдел, а весь я. Этот корабль подтверждает прием запроса, но заявляет, что у них на борту нет автономника с таким именем. Ничего похожего.

Гурдже резко откинулся к спинке стула. Шея у него была напряжена. Он отвел взгляд от звезд,

вперился в стол.

— Не может быть, — сказал он.

— Попробовать еще раз?

— Думаете, будет какой-нибудь толк?

— Нет.

— Тогда не надо.

— Гурдже, меня это беспокоит. Что случилось?

— Хотелось бы мне знать. — Гурдже снова посмотрел на звезды. Инверсионный след, оставленный маленьким автономником, почти исчез. — Соедините меня с Хамлисом Амалк-неем.

— Соединяю… Жерно?

— Да, Узел.

— Будьте осторожны.

— Спасибо. Большое спасибо.

— Наверно, вы его чем-то рассердили, — сказал Хамлис через терминал.

— Очень может быть, — ответил Гурдже. — Но что вы об этом думаете?

— Они оценивали ваши возможности для какого-то дела.

— Вы так думаете?

— Да. Но вы отвергли сделку.

— Отверг?

— Да. И считайте, что вам повезло — вы приняли правильное решение.

— Что вы хотите этим сказать? Это же была ваша идея.

— Слушайте, вы в этом не участвуете. Все кончено. Но мой запрос, несомненно, пошел быстрее и значительно выше, чем я предполагал. Мы привели в действие некий механизм. Но вы их отвадили. Больше вы их не интересуете.

— Гм, пожалуй, вы правы.

— Гурдже, мне очень жаль.

— Оставим это, — сказал Гурдже старой машине и снова посмотрел на звезды. — Узел?

— Послушайте, нас это интересует. Будь это дело сугубо личным, мы бы и словечка не стали подслушивать, можете не сомневаться, и потом, наше прослушивание будет отражено в вашем ежедневном извещении.

— Бог с ним. — Гурдже улыбнулся, испытав странное облегчение от того, что Разум орбиталища подслушал его разговор. — Скажите мне, как далеко теперь этот КБР?

— В момент произнесения слова «теперь» он был в одной минуте и сорока девяти секундах, на расстоянии одного светового месяца уже вне нашей системы и — весьма рады вам сообщить — далеко за пределами нашей юрисдикции.

Похоже, он держит путь к ВСК «Прискорбное

противоречие в показаниях», если только один из них не пытается навести тень на ясный день.

— Спасибо, Узел. Спокойной ночи.

— И вам того же. Прослушивание мы прекратили, можете не сомневаться.

— Спасибо, Узел. Хамлис?

— Возможно, вы упустили шанс, какие представляются раз в жизни, Гурдже… Но более вероятно, что были на волосок от гибели. Я сожалею, что связался с Контактом. Они заявились слишком быстро и говорили слишком жестко — вряд ли это случайность.

— Не переживайте вы так, Хамлис, — сказал Гурдже автономнику, снова посмотрел на звезды, откинулся к спинке и водрузил ногу на стол. — Я с этим справился. Все у нас в порядке. Я увижу вас завтра в Тронце?

— Может быть. Не знаю. Я подумаю. Желаю вам удачи — я имею в виду этого вундеркинда по стрикену — на тот случай, если не увижу вас завтра.

Гурдже печально улыбнулся в темноту:

— Спасибо. Доброй ночи, Хамлис.

— Доброй ночи, Гурдже.

-

Поезд выскочил из туннеля на яркий солнечный свет. Он заложил вираж, потом пересек узкий мост. Гурдже, взглянув поверх перил, увидел сочные зеленые пастбища и петляющую по долине реку в полукилометре внизу. На небольших лужайках лежали тени гор, а по горным склонам, поросшим лесом, пробегали тени облаков. Воздушный поток трепал волосы Гурдже, он наслаждался сладким, ароматным горным воздухом и ждал возвращения своего противника. Вдалеке над долиной, почти на высоте моста, кружили птицы. Их крики разносились по замершему пространству и были едва слышны за шумом поезда, рассекающего воздух.

Будь все как обычно, Гурдже дождался бы вечера и отправился в Тронце понизу, но в это утро ему хотелось поскорее исчезнуть из Икроха. Он надел туфли, старомодные брюки и короткую открытую куртку, после чего отправился по тропинкам на другую сторону горы.

Он сел у старой железнодорожной колеи, секретировал слабый стимулятор и принялся развлекаться — бросать куски магнитного железняка в магнитное поле путей и смотреть, как

их оттуда выкидывает. Он вспомнил плавучие острова Йей.

Еще он размышлял над таинственным вчерашним визитом автономника из Контакта, но пока ничего не прояснялось, будто все случившееся было сном. Он проверил систему связи дома, показания всех прочих систем — по данным дома, никто его не посещал, однако его разговор с Узлом Чиарка был зафиксирован, зарегистрирован и засвидетельствован другими подотделами Узла, а небольшая часть его — самим Полным Узлом. А значит, это все случилось взаправду.

Гурдже остановил древний поезд, когда тот появился, и не успел еще взобраться по ступенькам, как его узнал средних лет человек: он назвался Дрелтрамом и тоже направлялся в Тронце. Мистеру Дрелтраму поражение от руки великого Жерно Гурдже было бы драгоценнее победы над кем угодно. Не хочет ли он сыграть? Гурдже давно уже привык к подобной лести (обычно за ней скрывались необоснованные, но довольно буйные амбиции), но все же ответил предложением сыграть в «одержание». Там было много общих базовых правил со стрикеном, так что игра могла стать хорошей разминкой.

Они нашли комплект «одержания» в одном из

баров и взяли доску с собой на верхнюю палубу, где и сели за ветрозащитным стеклом, чтобы карты не унесло ветром. Времени для завершения игры было более чем достаточно — путь до Тронце на поезде занимал большую часть дня, тогда как понизу на это уходило десять минут.

Поезд съехал с моста в глубокое узкое ущелье; воздушные потоки здесь порождали жутковатый, гулкий звук, с обоих сторон отражавшийся от голых скал. Гурдже посмотрел на доску. Он играл напрямую, без помощи секретированных веществ, тогда как его противник использовал мощную смесь, предложенную самим Гурдже. Кроме того, он дал мистеру Дрелтраму фору в семь фигур — больше не позволялось. Тот оказался неплохим игроком и вначале чуть не получил выигрышную позицию — его преимущество в фигурах было подавляющим, но Гурдже хорошо защищался, и его противник упустил свой шанс, хотя, возможно, сохранил несколько мин в темных углах.

Размышляя о подобных неприятных сюрпризах, Гурдже вдруг понял, что так еще и не знает, где его собственная скрытая фигура. Он прибег к этому неформальному способу, чтобы выровнять игру. В «одержание» играют на доске в

сорок квадратов, фигуры каждого игрока делятся на одну большую и две малые группы. На различных пересечениях, изначально свободных, можно спрятать до трех фигур. Местонахождение каждой вводится (и затем блокируется) круговой картой — тонкой керамической пластиной, которую переворачивают, только если игрок хочет ввести фигуру в игру. Мистер Дрелтрам уже открыл все три свои скрытые фигуры (одна оказалась на том пересечении, где Гурдже из чисто спортивного интереса расположил все девять своих мин, и потому дело приняло для него неприятный оборот).

Гурдже в начале игры крутанул диски на своей единственной пластине скрытой фигуры и положил пластину лицевой стороной вниз, даже не посмотрев на нее. Он знал о местонахождении этой фигуры столько же, сколько мистер Дрелтрам. Она вполне могла оказаться на недопустимом поле, что грозило Гурдже поражением, или же (что было менее вероятно) — на стратегически ценной позиции в глубине территории противника. Гурдже нравилось применять такую тактику, если игра не была серьезной; нравилось ему и давать противнику необходимое тому дополнительное преимущество, что делало игру

более интересной и менее предсказуемой, добавляло остроты.

Он подумал, что надо бы разобраться, где его фигура — быстро приближался восьмидесятый ход, когда ее все равно нужно будет раскрыть.

Пластины, на которой было записано местонахождение его скрытой фигуры, нигде не было. Он перебрал карты и пластины, лежащие на столе. Мистер Дрелтрам был не самым аккуратным игроком — его карты и пластины вместе с ненужными или удаленными фигурами были разбросаны по столешнице, включая и ту ее часть, которая была ближе к Гурдже. Когда они въезжали в туннель часом ранее, порыв ветра чуть не сдул кое-какие легкие карты, пришлось придавить их бокалами и грузиками — стекляшками, начиненными свинцом. От этого создалось впечатление еще большей неразберихи, как и от странной, чтобы не сказать нарочитой, манеры противника Гурдже записывать сделанные ходы на грифельной доске (он заявил, что встроенная память доски как-то раз подвела его, и он потерял запись одной из лучших в своей жизни игр). Гурдже принялся поднимать разбросанные по столу фигурки и карты в поисках своей пластинки.

Внезапно он услышал чей-то глубокий вздох,

потом нечто вроде смущенного покашливания у себя за спиной. Он повернулся и увидел мистера Делтрама, у которого был странно неловкий вид. Гурдже нахмурился, а мистер Делтрам, который вернулся из туалета с широкими зрачками от смеси секретированных наркотиков и в сопровождении подноса, снова сел на свое место, глядя на руки Гурдже.

И лишь когда поднос расставил бокалы на столике, Гурдже понял, что карты, которые он поднял в поисках своей пластины и держит в руках, — это оставшиеся карты-мины мистера Дрелтрама. Гурдже посмотрел на них (те были повернуты рубашками вверх, и местоположения мин он не видел) и понял, *что* должен думать об этом мистер Дрелтрам.

Он положил карты туда, откуда их взял.

— Прошу прощения, — рассмеялся он. — Я искал свою скрытую фигуру.

И увидел ее, еще не кончив говорить. Круговая пластина лежала на самом виду — на столе, почти прямо перед ним.

— Ух ты, — сказал он и только тут почувствовал, как кровь прилила к лицу. — Вот же она. Гм. А я не заметил и стал искать.

Гурдже снова рассмеялся — и будто какая-то

странная судорога ухватила его изнутри, вызвав нечто среднее между ужасом и экстазом. Он никогда ничего подобного не чувствовал. Он подумал (с внезапной ясностью), что самое близкое к этому ощущение испытал еще мальчишкой — первый оргазм от рук девушки на несколько лет старше его. Нечто примитивное, чисто человеческое, словно инструмент, ведущий в одиночку, ноту за нотой, простейшую тему (в сравнении с тем, во что превратился секс впоследствии — симфонию чувств, стимулируемую внутренними наркотиками), но тот первый раз все же стал одним из самых ярких воспоминаний — и не только из-за новизны ощущений, а потому, что, казалось, ему открылся новый, необыкновенный мир, совершенно новый способ чувствовать и жить. То же самое он испытал еще ребенком, когда на первых своих соревнованиях выступал от Чиарка против юниорской команды с другого орбиталища, и это повторилось, когда его наркожелезы полностью развились спустя несколько лет после наступления половой зрелости.

Мистер Дрелтрам тоже рассмеялся и вытер лицо платком.

Дальше Гурдже сделал несколько агрессивных ходов, и противнику пришлось напомнить ему

о том, что подошел восьмидесятый по счету. Гурдже перевернул свою тайную фигуру, даже не проверив ее перед этим, с риском, что она окажется на поле, уже занятом одной из открытых фигур.

Скрытая фигура оказалась на том же поле, что и его сердце (главная фигура — завладеть ею и было целью игры), хотя вероятность этого была 1600:1.

Гурдже уставился на пересечение, где находилось его хорошо защищенное сердце, потом бросил взгляд на координаты, которые набрал наобум двумя часами ранее на пластине, — один к одному, никаких сомнений. Если бы он проверил ходом ранее, то мог бы убрать сердце с опасного поля, но он не проверил. Он терял обе фигуры, а теряя сердце, проигрывал и игру. Он проиграл.

— Вот так невезение, — сказал мистер Дрелтрам, откашлявшись.

Гурдже кивнул.

— Кажется, при таком разгроме побежденный забирает сердце на память, — заметил он, щелкая пальцем по потерянной фигуре.

— Гм… Да, вроде бы, — сказал мистер Дрелтрам, который одновременно и сочувствовал Гурдже, и радовался собственному везению.

Гурдже, кивнув, положил сердце на доску и

поднял керамическую пластину, которая так подвела его.

— Но я, пожалуй, лучше возьму это.

Он показал пластину мистеру Дрелтраму, тот кивнул в ответ:

— Да, конечно. Почему бы и нет. Ничего не имею против.

Состав тихо вкатился в туннель, тормозя перед станцией, расположившейся в горной пещере.

— Любая реальность — это игра. Физика в самой фундаментальной своей части, сама ткань нашей Вселенной — прямой результат взаимодействия некоторых довольно простых правил и случайностей. Это же можно применить к лучшим играм, наиболее изящным и достойным как в интеллектуальном, так и в эстетическом плане. Будущее неизвестно и обусловлено событиями, которые на субатомном уровне не полностью предсказуемы, а потому оно остается пластичным и несет в себе вероятность перемен, надежду на торжество, на победу, если использовать немодное слово. В этом отношении будущее — игра, где время — одно из правил. Обычно все лучшие механистические игры, те, которые в любом смысле можно разыгрывать «идеально», как то: решетка, праллианский кругозор, нкрейтл,

шахматы, фарнические измерения — возникали в цивилизациях, которым не хватало релятивистского взгляда на Вселенную, я уж не говорю — на реальность. А кроме того, могу добавить, все подобные общества еще не вступили в эпоху разумных машин… Даже самые первоклассные игры допускают элемент случайности, пусть в них при этом вполне справедливо и ставятся барьеры грубому везению. Пытаться создать игру на основе любых других принципов, какими бы сложными и изощренными ни были правила, масштаб и расчлененность игрового объема, качества фигур, — значит замыкаться в рамках подхода, который не только с социальной, но и с технико-философской точки зрения на несколько эпох отстает от современности. Это может быть полезным как некое историческое упражнение. Но как интеллектуальное занятие — это пустая трата времени. Если вы хотите соорудить что-нибудь старомодное, то почему не деревянную парусную лодку или паровой двигатель? Они не менее сложны и требуют от вас не меньших усилий, чем механистическая игра, и в то же время поддерживают вашу форму.

Гурдже иронически поклонился молодому человеку, который предложил ему идею новой

игры. У того был растерянный вид. Он набрал в грудь воздуха и открыл рот, собираясь заговорить. Гурдже ждал этого и, как уже было при пяти или шести попытках парня что-то сказать, прервал его, когда тот еще не произнес ни слова.

— Видите ли, я говорю абсолютно серьезно: нет ничего интеллектуально неполноценного в том, что человек создает что-то руками, а не головой. И тут можно извлечь те же уроки, приобрести те же навыки на том уровне, который один только имеет значение.

Он снова сделал паузу. Автономник Маврин-Скел направлялся к нему над головами людей, заполнивших широкую площадь.

Основной концерт уже закончился. От вершин гор вокруг Тронце эхом разносились по окрестностям звуки музыки: люди пробовали себя в тех жанрах, к которым питали склонность, — и строгих, и импровизационных, и танцевальных, и тех, что слушают под воздействием определенных наркотиков. Стояла теплая, облачная ночь; слабое сияние обратной стороны орбиталища подсвечивало высокие тучи прямо над головами людей молочным блеском. Тронце, самый большой город как на плите, так и на орбиталище, был построен на границе большого центрального

массива плиты Гевант, в том месте, где поднятое на километровую высоту озеро Тронце перетекало через порог плато и несло свои воды вниз, в долину, откуда они непрерывным ливнем обрушивались на дождевой лес.

Тронце был домом менее чем для сотни тысяч людей, но Гурдже считал его слишком перенаселенным, несмотря на все его просторные дома и площади, его широкие галереи, площади и террасы, его тысячи понтонных домов и изящные, связанные мостами башни. Хотя Чиарк был относительно новым орбиталищем, насчитывающим всего около тысячи лет, Тронце достиг уже предельных размеров — орбитальные сообщества редко бывали крупнее. Настоящими же городами Культуры были ее огромные суда — Бессистемные корабли. Орбиталища были захолустными провинциями, где поселялись любители пожить без толкотни. Что же касается масштабов, то по сравнению с крупными ВСК, на которых обитали миллиарды людей, Тронце был просто деревенькой.

Гурдже обычно посещал в Тронце концерты Шестьдесят четвертого дня — и обычно попадал в кольцо докучливых энтузиастов. По большей части Гурдже вел себя вежливо, хотя изредка и

бывал резок. Но сегодня (сначала поражение в поезде и тот странный, постыдно-возбуждающий прилив эмоций, когда его сочли шулером, а теперь еще и беспокойство при известии о том, что девушка с корабля «Карго-культ» сейчас здесь, в Тронце, и ищет встречи с ним) он был нисколько не настроен любезно выслушивать дураков.

Правда, этот молодой человек вовсе не обязательно был полным идиотом; он всего-то-навсего предложил идею новой игры, и совсем неплохую, но Гурдже обрушился на него, как лавина. Разговор (если это можно было назвать разговором) стал своего рода игрой.

Цель заключалась в том, чтобы не прекращать говорить, но не говорить непрерывно, что мог делать любой идиот, а останавливаться, только когда по движениям молодого человека (по языку его тела или лица, по сжатому рту) было ясно, что в этот момент он не собирается подавать реплику. Гурдже замолкал неожиданно в середине какого-нибудь пассажа или говорил что-нибудь слегка оскорбительное, но всем своим видом давал понять, что он еще не закончил. И еще Гурдже почти дословно цитировал одну из самых знаменитых своих статей по теории игр, что было дополнительным оскорблением: молодой

человек, видимо, знал этот текст не хуже самого Гурдже.

— Полагать, — продолжил Гурдже в тот самый момент, когда молодой человек начал было открывать рот, — что можно удалить из жизни элемент удачи, везения, случайности, означает…

— Жерно Гурдже, надеюсь, я не прерываю важную беседу? — сказал Маврин-Скел.

— Ничего существенного. — Гурдже повернулся к маленькой машине. — Как дела, Маврин-Скел? Надумали еще какую-нибудь проказу?

— Ничего существенного, — в тон ему повторил автономник, когда молодой собеседник Гурдже бочком отвалил в сторону.

Гурдже уселся в обвитой плющом беседке неподалеку от края площади, у обзорных балконов, выходящих на широкий занавес водопадов, где с быстрин между кромкой озера и километровой стеной воды поднимались мелкие брызги. Рев водопада создавал фоновый белый шум.

— Я нашел вашу молодую соперницу, — объявил маленький автономник.

Он вытянул одно из мягко мерцающих полей и сорвал ночной цветок с живой лозы.

— Кого-кого? — сказал Гурдже. — Молодую, вы говорите? А-а, ту, что играет в стрикен?

— Именно, — ровным голосом сказал Маврин-Скел. — Молодую… А-а, ту, что играет в стрикен. — Он разогнул лепестки цветка, прижав их к стеблю.

— Я слышал, что она здесь.

— Она за столом у Хаффлиса. Хотите познакомиться?

— Почему бы и нет? — Гурдже встал, машина отплыла в сторону.

— Опасаетесь? — спросил Маврин-Скел, когда они пробирались через толпу к одной из поднятых на уровень озера террас, где находились апартаменты Хаффлиса.

— Опасаюсь? — переспросил Гурдже. — Ребенка?

Несколько мгновений Маврин-Скел двигался молча.

Гурдже, поднимаясь по ступенькам, приветственно кивнул нескольким встречным. Наконец машина приблизилась к нему и тихо сказала, обрывая лепестки умирающего цветка:

— Хотите, я вам расскажу о вашем сердечном ритме, уровне восприимчивости кожи, выделении феромонов, состоянии нейронной функции?..

Гурдже остановился посредине широкого про-

лета, и машина смолкла.

Он повернулся к автономнику, взглянул прищуренными глазами на маленький аппарат. Над озером плыла музыка, воздух был полон мускусным духом ночных цветов. Световые приборы, вделанные в каменные балюстрады, подсвечивали снизу лицо игрока. Люди со смехом и шутками спускались по ступеням с террасы; толпа раздалась, обтекая Гурдже, как вода обтекает скалу, и — что не прошло мимо Маврин-Скела — в этот момент странно притихла. Несколько секунд спустя — Гурдже все стоял на ступенях молча, тяжело дыша, — маленький автономник насмешливо фыркнул.

— Неплохо, — сказал он. — Очень даже неплохо. Я пока еще не могу сказать, что именно вы секретируете, но степень контроля весьма впечатляющая. Все показания чертовски близки к норме. Кроме состояния вашей нейронной функции — она у вас понижена. Правда, ваш средний гражданский автономник, вероятно, не смог бы это выявить. Хорошая работа.

— Не смею больше задерживать вас, Маврин-Скел, — холодно сказал Гурдже. — Я уверен, вы найдете для себя что-нибудь поинтереснее, чем наблюдение за моей игрой.

Он двинулся дальше по широким ступенькам.

— В текущий момент ничто на этом орбитали-ще не в силах меня задержать, дорогой мистер Гурдже, — сказал автономник обыденным тоном, срывая последние лепестки с ночного цветка, потом бросил остатки его в желобок с водой, идущий по вершине балюстрады.

— Гурдже, рад вас видеть. Проходите, садитесь.

Гости Эстрея Хаффлиса, человек тридцать, сиде-ли вокруг огромного прямоугольного каменного стола на балконе, нависающем над водопадом; анфилада арок была увита стеблями ночных цветков и увешана бумажными фонариками, испускавшими мягкий свет. В конце балкона, на краю огромной плиты, сидели музыканты с удар-ными, струнными и духовыми инструментами — они смеялись и играли главным образом для себя, каждый пытался выбрать темп побыстрее, чтобы остальные поспевали за ним.

В центре стола было длинное узкое углубле-ние, наполненное раскаленными углями; над огнем располагалось нечто вроде миниатюрного вертела, по которому от одного конца стола к другому двигались небольшие кусочки мяса и овощей. Их нанизывал на вертел с одного конца один из детей Хаффлиса; к другому концу они

подходили уже завернутые в съедобную бумагу, и там их снимал младший (шестилетний) ребенок Хаффлиса и довольно точно кидал любому желающему. Хаффлис с его семью детьми был явлением необычным — люди, как правило, рожали и воспитывали одного ребенка. Культура неодобрительно смотрела на такую плодовитость, но Хаффлис получала удовольствие, будучи беременной. В настоящий момент Хаффлис пребывал в мужской ипостаси, изменив пол несколькими годами ранее.

Он обменялся любезностями с Гурдже и усадил игрока рядом с профессором Борулал, которая, счастливо улыбаясь, раскачивалась на стуле. На ней было длинное черно-белое платье; увидев Гурдже, она шумно поцеловала его в губы. Она хотела было поцеловать и Маврин-Скела, но тот метнулся в сторону.

Борулал рассмеялась и длинной вилкой сняла с вертела в центре стола полупрожаренный кусочек мяса.

— Гурдже, познакомьтесь с милой Ольц Хап! Ольц — Жерно Гурдже. Пожмите, пожалуйста, друг другу руки.

Гурдже сел, взяв маленькую бледную руку испуганной с виду девушки, сидевшей справа от

Борулал. На девушке было надето что-то темное и бесформенное, на вид ей было лет четырнадцать-пятнадцать, не больше. Он улыбнулся, чуть нахмурившись, посмотрел на профессора, пытаясь сделать юное светловолосое существо соучастницей пьяного представления Борулал, но Ольц Хап смотрела на его руку, а не на лицо. Она позволила Гурдже прикоснуться к своей руке, но почти немедленно вырвала ее, уселась на обе ладони и уставилась на блюдо перед собой.

Борулал глубоко вздохнула, словно пытаясь сосредоточиться, и отхлебнула из высокого бокала, стоявшего перед ней на столе.

— Ну, — сказала она, глядя на Гурдже, словно тот только-только появился. — Как поживаете, Жерно?

— Неплохо.

Он смотрел на Маврин-Скела, который маневрировал вблизи Ольц Хап, подплывая к столу из-за ее спины; поля его переливались официальным синим и дружеским зеленым.

— Добрый вечер. — Голос автономника звучал чуть ли не по-отечески.

Девушка подняла голову и посмотрела на машину; Гурдже прислушивался к их разговору, одновременно беседуя с Борулал.

— Привет.

— Настолько неплохо, что готовы сыграть партию в стрикен?

— Меня зовут Маврин-Скел. А вас — Ольц Хап, верно?

— Пожалуй, профессор. А ваше самочувствие позволяет вам выступить в роли арбитра?

— Да. Здравствуйте.

— Хера с два. Нет, конечно. Пьяна в сосиску. Придется вам найти кого-то другого. Может, со временем очухаюсь, но пока… не-е-е…

— Ох, ах, обменяйтесь рукопожатием с моим полем, а? Очень мило с вашей стороны; почти никто не хочет этого делать. Рад с вами познакомиться. Мы все о вас наслышаны.

— А как насчет самой барышни?

— Ах, ах, милочка.

— Что?

— В чем дело? Я сказал что-то не то?

— Она готова играть?

— Нет, это просто…

— Во что играть?

— Ах, вы так застенчивы. Это совершенно лишнее. Никто не будет заставлять вас играть. И меньше всего сам Гурдже, поверьте мне.

— В игру, Борулал.

— Но я…

— Что, вы хотите сказать — сейчас?

— Я бы на вашем месте не беспокоился. Правда.

— Сейчас или в любое другое время.

— Ну, не знаю. Давайте спросим у нее! Послушайте, детка…

— Бор… — начал было Гурдже, но профессор уже повернулась к девушке.

— Ольц, так вы хотите сыграть?

Девушка посмотрела прямо в глаза Гурдже. В ее глазах отражался огонь, горевший в центре стола.

— Если мистер Гурдже не против, то — да.

Поля Маврин-Скела засверкали красным цветом удовольствия — ярче горящих углей.

— Отлично! — сказал он. — Схватка.

Хаффлис одолжил свой собственный комплект стрикена — автономник-посыльный принес его из кладовки за считаные минуты. Комплект поставили в одном из углов балкона — там снизу ревел водопад. Профессор Борулал, повозившись со своим терминалом, послала запрос автономникам-арбитрам — судить предстоящую игру. Игроки в стрикен нередко пользовались высокими технологиями для мошенничества, и при

серьезной игре требовались серьезные меры предосторожности. За ходом игры вызвались наблюдать автономник с Узла Чиарка и производственный автономник из доков, расположенных у подножия гор. Одна из машин университета должна была представлять Ольц Хап.

Гурдже повернулся к Маврин-Скелу, чтобы тот представлял его, но машина ответила:

— Жерно Гурдже, я полагаю, вы могли бы попросить Хамлиса Амалк-нея — пусть он вас представляет.

— А Хамлис здесь?

— Явился только что. Он меня избегает. Я его сам попрошу.

На терминале Гурдже послышался сигнал вызова.

— Да? — сказал он.

Из терминала раздался голос Хамлиса:

— Этот птичий помет только что попросил меня представлять вас в качестве арбитра. Вы этого тоже хотите?

— Да, буду вам признателен, — сказал Гурдже, наблюдая за полями Маврин-Скела — те прямо на глазах задрожали от злости.

— Буду с вами через двадцать секунд, — сказал Хамлис и выключил канал связи.

— Двадцать одна и две десятых, — язвительно сказал Маврин-Скел ровно двадцать одну и две десятых секунды спустя, когда из-за края балкона появился Хамлис — темное пятно на фоне бездны.

Хамлис повернул свою сенсорную полосу в сторону малой машины.

— Спасибо, — дружелюбным голосом сказал Хамлис. — Я держал пари с самим собой, что вы считаете секунды до моего появления.

Поля Маврин-Скела ярко вспыхнули болезненно-белым светом, на секунду осветив весь балкон; присутствующие замолчали и повернулись в его сторону, музыка стихла. Маленького автономника чуть ли не буквально трясло от немого гнева.

— Чтоб ты сдох! — наконец выдавил он и, казалось, исчез, оставив за собой лишь послесвечение — солнечно-яркое пятно в ночи.

Угли загорелись ярче, ветерок заиграл в одежде и волосах гостей, несколько бумажных фонариков затрепетали, сорвались и упали со сводов наверху, листья и ночные цветки слетели с двух арок, под которыми пролетел Маврин-Скел.

Хамлис Амалк-ней, покраснев от удовольствия, принял наклонное положение, чтобы взглянуть на темное небо, где в тучах ненадолго появилась

маленькая дыра.

— Вот ведь горе, — сказал он. — Неужели я сказал что-то для него обидное?

Гурдже улыбнулся и сел за игровой стол.

— Вы все это подстроили, Хамлис?

Амалк-ней поклонился в воздухе другим автономникам и Борулал.

— Не то чтобы подстроил. — Он повернулся к Ольц Хап, которая сидела на противоположной от Гурдже стороне игровой сети. — Ах… по контрасту — прекрасная блондинка.

Девушка вспыхнула и опустила глаза. Борулал представила друг другу всех участников действа.

В стрикен играют на трехмерной сети, натянутой внутри метрового куба. Традиционно используются части животного, которое обитает на планете, где зародилась игра: для сети — обработанные сухожилия, для рамы — кость клыков. Комплект, предоставленный Гурдже и Ольц Хап, был изготовлен из синтетических материалов. Игроки надели шарнирные экраны, взяли мешки с полыми шариками и цветными бусинами (изначально то были ореховые скорлупки и камушки) и, выбрав нужные бусины, положили их в шары. Арбитры-автономники следили, чтобы никто не увидел, где лежит какая бусина. Потом

оба игрока взяли по горсти этих маленьких сфер и поместили их в различные места на сети. Игра началась.

Играла она здорово. Гурдже был поражен. Она действовала импульсивно, но хитро, отважно, но не глупо. К тому же ей здорово везло. Но удача удаче рознь. Иногда ее можно предчувствовать, понять, что дела идут хорошо и, вероятно, пойдут и дальше в том же духе, — и выбрать соответствующую тактику. И если дальше все складывается как нельзя лучше, вы получаете неоспоримое преимущество. Ну а если удача изменяет, что ж, вы берете что можете, по максимуму.

Тем вечером девушке везло именно таким образом. Она угадывала фигуры Гурдже, захватила несколько сильных бусинок, замаскированных под слабые. Она предвидела ходы, которые Гурдже запечатал в заявительных раковинах, она умело обходила его ловушки, уклонялась от ложных выпадов.

Он тем не менее продолжал борьбу, на ходу изобретая отчаянную защиту против каждой атаки, но все это было слишком уж интуитивно, слишком уж наспех, носило лишь тактический характер. У него не оставалось времени для развития своих фигур, выработки стратегии. Он

лишь реагировал, следовал за противником, отвечал на его ходы. А ведь обычно он предпочитал держать инициативу в своих руках.

Ему потребовалось время, чтобы понять, насколько дерзко играет девушка. Он шла на «полную сеть» — одновременный захват всех оставшихся полей игрового пространства. Она не просто пыталась выиграть, она пыталась закончить игру одним ударом, что за всю историю удалось только нескольким самым выдающимся игрокам, — однако, насколько знал Гурдже, в Культуре таким достижением еще никто не мог похвастаться. Гурдже не верил своим глазам, но именно к этому девушка и стремилась. Она подрывала силу вражеских фигур, а не уничтожала их, потом отступала, наносила удары по его слабым направлениям и закреплялась там.

Она, конечно же, тем самым приглашала его к контратаке; у Гурдже появлялись шансы на победу и даже на «полную сеть», хотя все равно их было куда меньше, чем у девушки. Но какая самоуверенность! Такой стиль подразумевал опыт и даже высокомерие.

Он посмотрел сквозь сеть тонких проводков и маленьких подвешенных сфер на тонкое спокойное лицо девушки и не мог не восхититься ее

амбициями, ее бесстрашием, ее верой в себя. Она играла ради красоты, ради публики, а не ради вымучивания победы, хотя это была бы победа над знаменитым, уважаемым игроком. А Борулал еще считала, что девушка может испугаться его! Ну что ж, это говорит в ее пользу.

Гурдже наклонился вперед, потирая бородку и не замечая людей, которые теперь битком набились на балкон и молча наблюдали за игрой.

Он снова бросился в бой. Удача была при нем, и мастерство тоже — такое, которого он сам за собой не подозревал. Игра все еще клонилась к «полной сети», и победа девушки здесь казалась более реальной — но, по крайней мере, теперь его позиция не выглядела абсолютно безнадежной. Кто-то принес ему стакан воды и какую-то закуску. Он даже не помнил точно, сказал ли он спасибо.

Игра продолжалась. Вокруг становилось все более людно. На этой сетке теперь было подвешено все его будущее. Маленькие сферы скрывали сокровища и опасности, они делались посылками с жизнью и смертью внутри, одиночными сгустками вероятности, суть которых могла быть предметом догадок, но понятными они становились, только будучи схваченными, открытыми,

изученными. Казалось, что вся реальность вращается вокруг этих бесконечно малых комочков смысла.

Он уже больше не знал, какие гормоны, вырабатываемые организмом, курсируют по его телу, как не мог догадаться и о том, чем пользуется его противница. Он потерял всякое ощущение себя и времени.

В течение нескольких ходов игра шла сама по себе — оба расслабились, — но потом снова обрела живость. Гурдже начинал очень медленно, очень постепенно чувствовать, что в голове у него вызревает некая невероятно сложная модель игры — непостижимо глубокая, многоплановая и многообразная.

Он внимательно рассмотрел эту модель, повернул ее.

Игра переменилась.

Он увидел для себя путь к выигрышу. «Полная сеть» все еще была возможна. Но теперь уже в его пользу. Все зависело от обстоятельств. Еще один поворот. Да, победа достанется, пожалуй, ему. Почти наверняка. Но этого уже было недостаточно. «Полная сеть» манила его, искушала, соблазняла, влекла…

— Гурдже? — Борулал тряхнула его.

Он поднял глаза. Над вершинами гор начинала заниматься заря. Лицо Борулал было серым и трезвым.

— Гурдже, перерыв. Уже шесть часов. Вы согласны? Перерыв, да?

Он посмотрел сквозь сеть на бледное, восковое лицо девушки, оглянулся, пребывая в какой-то прострации. Большинство людей уже разошлись. Бумажные фонарики тоже исчезли, и он смутно досадовал, что пропустил этот маленький ритуал: мерцающие фонарики сбрасывали вниз и смотрели, как они плывут к лесу.

Борулал снова тряхнула его:

— Гурдже?

— Да, перерыв. Да, конечно, — хрипло сказал он, затем поднялся на негнущихся ногах: мышцы протестовали, суставы хрустели.

Хамлису пришлось остаться у игрового поля, чтобы не допустить ничьего вмешательства. По небу расползался серый рассвет. Кто-то предложил Гурдже бульону, и он, прихлебывая горячую жидкость, съел несколько крекеров, бродя по тихим аркадам, где оставшиеся спали, или сидели и разговаривали, или танцевали под негромкую музыку. Он склонился к перилам над пропастью километровой глубины, продолжая отхлебывать

бульон и жевать; он по-прежнему пребывал в прострации и, хотя не играл, все еще делал ходы, переигрывал партию в воображении.

Огни городков и деревень на затянутой туманом долине внизу, за полукругом темного дождевого леса казались бледными и неопределенными. Обнаженные вершины гор вдалеке светились розовым светом.

— Жерно Гурдже? — услышал он негромкий голос. Он смотрел в сторону долины. В метре от его лица парил Маврин-Скел.

— Маврин-Скел… — тихо сказал Гурдже.

— Доброе утро.

— Доброе утро.

— Как игра?

— Отлично. Спасибо. Думаю, теперь я выиграю. Почти уверен. Но есть шанс, что я одержу… — он почувствовал, что улыбается, — блестящую победу.

— Неужели?

Маврин-Скел продолжал парить в воздухе над пропастью перед Гурдже. Говорил он тихим голосом, хотя поблизости никого не было и подслушать его было некому. Поверхность его являла собой странную пеструю смесь серых тонов.

— Да, — ответил Гурдже и вкратце рассказал,

что такое «полная сеть».

Автономник, казалось, понял.

— Значит, вы уже выиграли, но можете выиграть «полную сеть», чего никто в Культуре еще не делал, разве что в демонстрационных целях, доказывающих возможность такого варианта.

— Именно! — Гурдже кивнул, глядя на долину, испещренную огнями. — Именно.

Он покончил с крекерами, стряхнул крошки с ладони, поставил чашку с бульоном на перила.

— Неужели в самом деле важно, — задумчиво спросил Маврин-Скел, — кто первый выиграет «полной сетью»?

— Что-что? — спросил Гурдже. Маврин-Скел подплыл поближе.

— Неужели в самом деле важно, кто первый одержит такую победу? Ну, кто-то одержит, но какая разница, кто? По-моему, такой исход возможен в любой игре, неужели это как-то связано с мастерством?

— В известной мере вы правы, — признал Гурдже. — Такой исход требует везучего гения.

— Но им вполне можете быть и вы.

— Возможно. — Гурдже улыбнулся. Утренний воздух был холодноват, и Гурдже плотнее запахнул пиджак. — Это целиком и полностью зависит

от расположения некоторых цветных бусинок в некоторых металлических сферах. — Он рассмеялся. — Победа, о которой будут говорить во всей играющей галактике, и теперь все зависит от того, куда эта девочка поместила… — Голос его затих. Он снова посмотрел на маленького автономника, нахмурился. — Прошу прощения, что-то я расчувствовался. — Он пожал плечами и склонился к перилам. — Выиграть было бы… славно, но, боюсь, такая победа маловероятна. Придет время, и это сделает кто-нибудь другой.

— Но этим другим вполне можете оказаться вы, — прошипел Маврин-Скел, подплывая еще ближе.

Гурдже пришлось немного отстраниться, чтобы взглянуть на машину.

— Ну да…

— Так зачем же предоставлять это случайности, Жерно Гурдже? — Маврин-Скел чуть отодвинулся назад. — Зачем полагаться на какое-то дурацкое везение?

— О чем это вы? — Гурдже медленно сощурил глаза. Наркотический транс рассеивался, чары разрушались.

Гурдже чувствовал себя бодрым, заведенным; возбужденным и деятельным одновременно.

— Я могу вам сказать, где какие бусинки лежат.

Гурдже тихонько рассмеялся.

— Чепуха.

Автономник подплыл поближе.

— Могу. Хотя меня и выперли из ООС, но выдрали из меня не все. У меня сенсорики гораздо больше, чем у кретинов вроде Амалк-нея, которые о таком даже и не догадываются. — Автономник подплыл поближе. — Давайте я воспользуюсь этим. Позвольте сообщить вам, где какие бусинки находятся. Позвольте помочь вам с «полной сетью».

Гурдже выпрямился, покачивая головой.

— Это невозможно. Другие автономники…

— Они слабенькие простачки, Гурдже, — гнул свое Маврин-Скел. — Они ничего не стоят. Верьте мне. Разве что другая машина ОО? Но здесь определенно нет таких. Автономник из Контакта? Маловероятно… Здесь только шайка этих устаревших железяк. Я могу узнать, куда девушка поместила все свои бусинки. Все до последней!

— Все и не нужны, — сказал Гурдже, взмахнув рукой с растерянным видом.

— Ну вот, это еще и лучше! Позвольте мне это сделать! Чтобы доказать вам! И себе самому!

— Вы говорите о мошенничестве, Маврин-Скел, — сказал Гурдже, оглядывая площадку.

Поблизости никого не было. С того места, где он стоял, не были видны ни бумажные фонарики, ни каменные крючки, на которых они висели.

— Вы так или иначе выиграете. Так какая разница?

— Это тем не менее будет мошенничеством.

— Вы сами сказали, тут все дело в удаче. Вы выиграли…

— Еще нет.

— Почти наверняка. Тысяча к одному.

— Пожалуй, вероятность моей победы еще выше, — согласился Гурдже.

— Значит, игра закончена. Девушка не может проиграть больше, чем уже проиграла. Пусть же она станет частью игры, которая войдет в историю. Подарите ей это!

— Это, — сказал Гурдже, ударяя ладонью о каменные перила, — все равно, — (еще один удар), — будет, — (удар), — мошенничество!

— Не кричите вы так, — пробормотал Маврин-Скел. Он чуть отпрянул и говорил так тихо, что Гурдже приходилось наклоняться над перилами, чтобы услышать его. — Повезет не повезет, вот в чем все дело. Если мастерство вас покинуло, при-

ходится полагаться на везение. Мне не повезло — моя физиономия не устроила Контакт, вам повезло — вы стали великим игроком, вам повезло, что сегодня вы здесь. Никто из нас не был спланирован со стопроцентной уверенностью, Жерно Гурдже; вы формировались под воздействием ваших генов, а генотип вашей матери исключил вероятность того, что вы станете калекой или умственно отсталым. Все остальное — дело случая. Меня создали, дав мне свободу быть таким, какой я есть. Если в ходе реализации общего плана и этой конкретной случайности было произведено на свет то, что большинство — заметьте: большинство, не все — в одном из комитетов ОО признало не отвечающим их потребностям, то разве это моя вина? Разве моя?

— Нет, — вздохнул Гурдже, опустив глаза.

— Ах, Гурдже, в Культуре все так замечательно — никто не голодает, никто не умирает от болезней или природных катастроф, никто и ничто не эксплуатируется, но и здесь остаются везение и невезение, сердечная боль и радость, случай, благоприятные и неблагоприятные обстоятельства.

Автономник висел над бездной и просыпающейся долиной. Гурдже видел, как над орбиталищем занимается рассвет, возникая из-за кромки

мира.

— Воспользуйтесь своей удачей, Гурдже. Примите то, что я вам предлагаю. Давайте хоть раз сами будем ковать себе удачу. Вы и так знаете, что вы в Культуре один из лучших. Я не пытаюсь польстить вам, вы это знаете. Но эта победа принесет вам бессмертную славу.

— Если это возможно… — начал Гурдже, но тут же погрузился в молчание.

Он сжал челюсти. Автономник видел, что человек пытается совладать с собой так же, как он делал это на ступеньках, ведущих к дому Хаффлиса, семь часов назад.

— А если невозможно, то, по крайней мере, имейте мужество узнать, — сказал Маврин-Скел с какой-то умоляющей ноткой в голосе.

Человек поднял глаза на ясные сине-розовые краски рассвета. Взъерошенная, туманистая долина была похожа на огромную неприбранную кровать.

— Вы с ума сошли, автономник. Вы не сможете это сделать.

— Я знаю, что могу, а чего не могу, Жерно Гурдже, — сказал автономник и снова подался назад, замер в воздухе, разглядывая человека.

Гурдже вспомнил утро предыдущего дня в

поезде — прилив того захватывающего страха. Теперь это казалось ему чем-то вроде предзнаменования.

Удача, простое везение.

Он знал, что автономник прав. Он знал, что машина не права, но в то же время и права. От него, Гурдже, зависело дать оценку.

Он склонился над перилами. Что-то во внутреннем кармане уперлось в грудь. Он залез в карман и вытащил оттуда пластину скрытой фигуры, взятую на память после той катастрофичной игры в «одержание». Он несколько раз перевернул пластину в руке, посмотрел на автономника и вдруг почувствовал себя глубоким стариком и неоперившимся птенцом одновременно.

— Если что-то, — медленно проговорил он, — пойдет не так, если вас поймают за руку, то мне конец. Я покончу с собой. Смерть мозга — полная и окончательная. Ничего не останется.

— Все пойдет как надо. Для меня нет ничего проще узнать, что там внутри этих шариков.

— Но если вас все же поймают за руку? Что, если где-то здесь есть автономник ОО или если за нами наблюдает Узел?

Несколько мгновений автономник молчал.

— Если так, они уже все равно заметили. Дело

сделано.

Гурдже открыл было рот, собираясь заговорить, но автономник быстро подплыл вплотную к нему и спокойно продолжил:

— Ради меня, Гурдже, ради моего душевного спокойствия. Я тоже хотел знать. Я давно вернулся, я наблюдал за игрой на протяжении последних пяти часов, я был просто заворожен. Я не мог противиться желанию выяснить, возможно ли это… Откровенно говоря, я до сих пор не знаю. Эта игра выше моего понимания — она слишком сложна, мой бедный ум был специально сформирован для других задач… но я должен был попытаться выяснить. Должен был. Так что, как видите, я уже пошел на этот риск, Гурдже, дело сделано. Я могу сообщить то, что вам необходимо знать… И я ничего не прошу взамен — вам остается только принять решение. Может, когда-нибудь вы и сделаете что-то для меня, но никаких обязательств, поверьте мне, пожалуйста, поверьте. Совершенно никаких. Я делаю это лишь потому, что хочу видеть, как вы или кто-то другой — кто угодно — сделает это.

Гурдже посмотрел на автономника. Во рту у него пересохло. Вдалеке раздался чей-то крик. Терминал на его плече подал сигнал. Он глубоко

вздохнул, чтобы заговорить с ним, но услышал собственный голос:

— Да?

— Готовы продолжить, Жерно? — раздался из терминала голос Хамлиса.

И он опять услышал собственный голос:

— Иду.

Гурдже уставился на автономника; терминал выключился.

Маврин-Скел подплыл поближе.

— Я же вам говорил, Жерно Гурдже. Мне ничего не стоит провести эти машины — они просто-напросто арифмометры. А теперь быстро. Хотите вы знать или нет? «Полная сеть». Да или нет?

Гурдже оглянулся на дом Хаффлиса, потом повернулся и снова навис над перилами у края пропасти, обратясь лицом к автономнику.

— Хорошо, — прошептал он. — Только пять главных точек и четыре вертикальные вблизи верхушки центра. Больше ничего.

Маврин-Скел сказал ему.

Этого было почти достаточно. Девушка блестяще сопротивлялась до самого конца и лишила его возможности последнего хода.

«Полная сеть» распалась, и он выиграл с тридцатью одним очком, не добрав двух до рекорда

Культуры.

Позднее тем утром один из домашних автономников Эстрея Хаффлиса, убирая в доме, с удивлением обнаружил под громадным каменным столом смятую и растоптанную керамическую пластину с погнутыми и покореженными оцифрованными дисками, вделанными в ее потрескавшуюся, покоробленную поверхность.

В доме имелись комплекты «одержания», но таких пластин в них не было.

Слабосильный, механистический, полностью предсказуемый мозг машины ненадолго задумался над этим, но в конце концов решил выбросить таинственные обломки вместе с остальным мусором.

-

Он проснулся поздно днем с воспоминанием о поражении. Лишь через некоторое время он вспомнил, что на самом деле выиграл. Никогда еще победа не была такой горькой.

Завтракал он на террасе в одиночестве, наблюдая за флотилией парусников, двигающихся по узкому фьорду, — яркие паруса на свежем ветру. Он держал чашку в правой руке, которая побали-

вала — он чуть было не расцарапал ее до крови, разломав пластинку из комплекта «одержания» под конец игры в стрикен.

Он надел длинное пальто, штаны и короткую юбку и отправился на длительную прогулку вдоль берега фьорда к морю и дюнам, нанесенным ветром, где располагалась деревня Хассизе — там он родился и там еще оставался кое-кто из его немалой семьи. Он шагал по прибрежной тропинке в сторону дома, минуя расщепленные, искалеченные ветрами деревья. Под ногами вздыхала трава, над головой кричали морские птицы. Ветер под рваными облаками был холодным и освежающим. Посреди моря, за деревней Хассизе, там, откуда приходила погода, виднелась высокая завеса дождя под темным фронтом грозовых туч. Он плотнее закутался в пальто и поспешил к дальним силуэтам низких, ветхих домиков. Нужно было добираться подземным автомобилем, подумал он. Вдали ветер вырывал горсти песка из берега и бросал их прочь от моря. Он моргнул, глаза его заслезились.

— Гурдже.

Голос прозвучал довольно громко, громче, чем звук дышащей под ногами травы и ветра, играющего в ветвях. Он прикрыл глаза козырьком

ладони, повернулся.

— Гурдже, — снова раздался голос.

Он всмотрелся в тень разбитого, покосившегося дерева.

— Маврин-Скел? Это вы?

— Он самый, — ответил маленький автономник, подлетая к человеку на тропинке.

Гурдже посмотрел в сторону моря и снова пошел по тропинке к дому; автономник последовал за ним.

— Дело в том, — сказал Гурдже, поворачиваясь к машине и смотря на нее с расстояния в несколько шагов, — что я не могу останавливаться. Если я промокну, то…

— Нет, — сказал Маврин-Скел. — Постойте. Я должен с вами поговорить. Это важно.

— Тогда давайте говорить на ходу, — сказал он, испытывая внезапный приступ раздражения.

Он пошел дальше. Автономник облетел его и остановился перед ним на уровне лица, так что Гурдже волей-неволей пришлось остановиться.

— Речь пойдет об игре в стрикен прошлой ночью и этим утром.

— Кажется я уже вас поблагодарил, — сказал Гурдже машине и бросил взгляд вперед — за автономника.

Фронт шквала уже дошел до дальнего конца хассизской гавани. Черные тучи были почти над головой, погружая окрестности в темноту.

— И кажется, вы говорили, что не откажете мне в помощи.

— Неужели? — сказал Гурдже скорее с язвительной ухмылкой, чем с улыбкой. — И что же это я могу сделать для *вас*?

— Помогите мне, — тихо сказал Маврин-Скел; голос его почти терялся в шуме ветра, — помогите мне вернуться в Контакт.

— Не говорите глупостей. — Гурдже, протянув руку, отодвинул машину в сторону и шагнул дальше.

В следующее мгновение он свалился в траву рядом с тропинкой, словно его толкнуло в плечо что-то невидимое. Он в удивлении уставился на малую машину, парящую над ним, а руки его ощупывали влажную землю, и трава по обе стороны от него издавала шипящий звук.

— Ах ты, маленький… — сказал Гурдже, пытаясь подняться, но тут же был снова отброшен назад.

Он сидел на земле в недоумении, не веря происходящему. Никогда еще машина не применяла против него силу. Это было неслыханно. Он снова

попытался подняться; в груди рождался крик, полный гнева и раздражения.

Он обмяк. Крик замер во рту.

Он почувствовал, как его отбросило на траву.

Он лежал, глядя на черные тучи. Он мог двигать только глазами — ничем больше.

Он вспомнил перестрелку с ракетами: когда число попаданий в него выросло сверх всякой меры, скафандр не давал ему пошевелиться. Теперь было еще хуже.

Это был паралич. Он не мог ничего.

Он боялся, что остановится дыхание, остановится сердце, язык западет в дыхательное горло, откажет сфинктер.

В поле зрения вплыл Маврин-Скел.

— Послушайте меня, Жерно Гурдже. — Несколько холодных капель дождя упало на траву и на лицо человека. — Послушайте меня… Вы мне поможете, хотите вы или нет. Весь наш разговор, каждое ваше слово, каждый ваш жест этим утром записан. Если вы мне не поможете, эта запись будет обнародована. Все будут знать, что вы выиграли у Ольц Хап с помощью мошенничества. — Машина помолчала. — Вы меня понимаете, Жерно Гурдже? Вам все ясно? Вы понимаете, что я сказал? Есть название, старое

название тому, что я делаю, если вы еще не догадались. Это называется шантаж.

Машина сошла с ума. Любой человек мог создать все, что угодно — звук, живые картинки, запах, прикосновение… были машины, специально для этого предназначенные. Их можно было заказать в магазине и писать какие угодно картины — неподвижные или подвижные, а если хватало времени и терпения, вы могли придать им правдоподобие, словно это было снято обычной камерой. Вы попросту могли создать любой киноэпизод по вашему желанию.

Некоторые пользовались подобными машинами ради удовольствия или ради мести, фабрикуя истории, в которых с их врагами или друзьями случались жуткие или смешные происшествия. Там, где подлинность того или иного события не могла быть доказана, шантаж становился бессмысленным и невозможным; в обществе наподобие Культуры, где было разрешено почти все, а власть отдельного человека и деньги практически перестали существовать, шантаж был вдвойне неуместен.

Машина и в самом деле сошла с ума. Уж не собирается ли она убить его? Гурдже покрутил эту мысль у себя в голове, заставляя себя поверить в

то, что такое возможно.

— Я знаю, что происходит у вас в голове, Гурдже, — продолжал автономник. — Вы думаете, что у меня нет доказательств, я, мол, мог все это сфабриковать и мне никто не поверит. Ошибаетесь. У меня была связь в реальном времени с моим приятелем, одним из Разумов ОО, сочувствующих мне: он всегда знал, что из меня вышел бы превосходный оперативник, и добивался моей реабилитации. То, что происходило между нами сегодня утром, записано в мельчайших подробностях Разумом, имеющим безупречную нравственную репутацию, и на уровне безукоризненной достоверности, обеспечиваемой существующими средствами связи… То, что у меня есть против вас, не может быть сфальсифицировано, Гурдже. Если не верите, спросите у вашего друга Амалк-нея. Он подтвердит вам все, что говорю я. Он, может, глуп и невежествен, но, по крайней мере, должен знать, где искать истину.

Капли дождя ударили по беспомощному, расслабленному лицу Гурдже. Челюсть у него отвисла, рот был открыт, и он опасался, что может в конце концов захлебнуться — захлебнуться в хлынувшем дожде.

Над ним двигалось небольшое тело автономника, обдаваемое струями дождя, которые становились все толще и хлестали Гурдже все сильнее.

— Вы хотите знать, что именно мне от вас надо? — спросил автономник.

Гурдже попытался пошевелить глазами — ответить «нет», чтобы досадить автономнику, но тот, казалось, ничего не заметил.

— Помощь, — сказал Маврин-Скел, — мне нужна ваша помощь. Мне нужно, чтобы вы замолвили за меня словечко. Мне нужно, чтобы вы отправились в Контакт и присоединились к тем, кто требует моего возвращения к активной деятельности.

Машина резко приблизилась к его лицу, и он почувствовал, что его тянут за ворот пальто. Голова и верхняя часть туловища Гурдже приподнялись над мокрой землей, он беспомощно смотрел на вороненый корпус маленькой машины. «Карманный размер», — подумал он, жалея, что никак не может моргнуть; и еще он подумал, что если уж не может моргнуть, то остается только радоваться дождю. Карманный размер — автономника вполне можно было бы засунуть в один из больших карманов пальто.

Гурдже разбирал смех.

— Вы что, не понимаете, что они со мной сделали? — сказала машина, встряхнув его. — Меня кастрировали, выхолостили, парализовали! Как вы теперь себя чувствуете — полная беспомощность, но при этом вы знаете, что не лишены конечностей, хотя и не можете пошевелить ими! Именно это чувствую и я, но при этом знаю, что и конечностей у меня нет. Можете это понять? Можете? Вам известно, что в нашей истории люди лишались конечностей целиком и навсегда? Вы помните историю вашего общества, мой маленький Жерно Гурдже? Помните? — Машина встряхнула его, ему показалось, что он слышит лязг собственных зубов. — Вы помните калек, у которых руки и ноги не успели отрасти? В давние времена люди теряли конечности — после взрыва, несчастного случая, ампутации, — но им казалось, что конечности у них остались, казалось, что они все еще чувствуют их. Фантомные ощущения — вот как это называлось. Эти несуществующие руки или ноги могли чесаться, могли болеть, но пользоваться ими было нельзя. Можете это представить? Можете себе представить это, вы, человек Культуры с возможностями регенерации, зафиксированными на генном уровне,

с реконструированным сердцем, модифицированными железами, мозгом, в сосудах которого никогда не образуются тромбы, безупречными зубами и совершенной иммунной системой? Можете?!

Машина отпустила Гурдже, и он снова упал на землю. Зубы лязгнули и прикусили кончик языка. Солоноватый вкус заполнил рот. «Теперь я и в самом деле захлебнусь, — подумал он, — в собственной крови». Он ждал настоящего ужаса. Дождь заливал ему глаза, но он не мог плакать.

— Ну, так вот, представьте это, только в десять раз, во много раз хуже, представьте, что чувствую я, созданный, чтобы стать хорошим солдатом, сражаться за все, что нам дорого, находить и сокрушать варваров вокруг нас! Всего этого нет, Жерно Гурдже, все уничтожено, исчезло. Мои сенсорные системы, мое оружие, мой объем памяти — все это урезано, сведено на нет, искалечено. Я заглядываю в ракушки стрикена, я могу уложить вас на землю своим восьмикратным полем и удерживать так с помощью электромагнитного эффектора… но это ничто, Жерно Гурдже, сущее ничто. Слабый отзвук, тень того, что было. Ничто.

Машина отлетела вверх и слегка в сторону.

Она вернула ему способность владеть телом. Гурдже с трудом поднялся с влажной земли и пальцами потрогал язык. Кровотечение прекратилось, кровь свернулась. Он сел. Голова слегка кружилась; он пощупал затылок там, где ударился им о землю, — никаких повреждений. Он посмотрел на маленький, весь в каплях корпус машины, парящей над тропинкой.

— Мне терять нечего, Гурдже, — сказал автономник. — Помогите мне, или я погублю вашу репутацию. Только не думайте, что это пустые слова. Даже если это для вас ничего не значит — хотя я и сомневаюсь, — я сделаю это просто ради удовольствия доставить вам несколько неприятных минут. Если же это для вас значит всё и вы на самом деле покончите с собой — в чем я тоже очень сильно сомневаюсь, — то я все равно сделаю это. Я еще никогда не убивал человека. Наверное, мне дали бы такую возможность где-нибудь, когда-нибудь, если бы приняли в ОО… но меня устроит и доведение до самоубийства.

Гурдже протянул руку к машине. Пальто на нем стало тяжелым. Штаны пропитались водой.

— Я вам верю. Хорошо. Что я могу сделать?

— Я уже сказал, — ответил автономник, перекрывая голосом вой ветра в кронах деревьев и

шуршание дождя в траве. — Замолвите за меня слово. Вы влиятельнее, чем вам кажется. Воспользуйтесь своим влиянием.

— Но я не…

— Я видел вашу почту, Гурдже, — устало сказал автономник. — Вы что — не знаете, что такое приглашение с ВСК? Считайте, что Контакт предлагает вам должность. Неужели вас не учили ничему, кроме игр? Вы нужны Контакту. Официально Контакт никогда не охотится за мозгами — вы сами должны подать заявление, а если уж вас примут, тогда дело другое. Чтобы попасть в 00, вы должны ждать приглашения. Но вы им нужны, это точно… Боги милостивые, неужели вы не понимаете намеков?!

— Даже если вы правы, что, по-вашему, я должен делать? Пойти в Контакт и сказать: «Возьмите этого автономника назад»? Не будьте глупцом. Я даже не знал бы, с чего начать.

Он не хотел ничего говорить о визите автономника из Контакта тем вечером. Но этого и не потребовалось.

— А разве они уже не связывались с вами? — спросил Маврин-Скел. — Позапрошлым вечером?

Гурдже с трудом поднялся на ноги, отряхнул

песок с пальто. Ветер налетал порывами, снося капли дождя. Деревенька на берегу и ветхий домишко его детства были почти невидимы за темной завесой ливня.

— Да, Жерно Гурдже, я наблюдал за вами. Я знал, что Контакт заинтересован в вас. Понятия не имею, что им могло понадобиться от вас, но предлагаю вам самому это выяснить. Даже если вы не захотите играть, настоятельно советую вам хорошенько попросить за меня. А я стану за вами наблюдать и узнаю, сделали вы это или нет… Сейчас я вам это докажу. Смотрите.

Перед корпусом автономника, словно странный плоский цветок, раскрылся экран, образовав квадрат со стороной около четверти метра. Экран загорелся среди дождевой хмари, и на нем появился сам Маврин-Скел над каменным столом в доме Хаффлиса, внезапно засверкавший ослепительным белым светом. Сцена была снята сверху — вероятно, Маврин-Скел расположился близ одного из каменных выступов над террасой. Гурдже снова видел, как ярко светилась дорожка углей, видел бумажные фонарики и падающие цветы. Он услышал слова Хамлиса: «Вот ведь горе. Неужели я сказал что-то для него обидное?» Он увидел улыбку на своем лице в тот момент,

когда садился за игру.

Сцена померкла. Появилась новое нечеткое изображение — тоже вид сверху: кровать, его кровать в главной комнате Икроха. Он узнал маленькие руки Рен Миглан, ее пальцы, все в кольцах, разминающие его спину снизу. Звук тоже был записан.

«…ах, Рен, детка, красавица, любимая…»

«…Жерно…»

— Ах ты сволочь, — сказал он автономнику.

Сцена поблекла, звук умолк. Экран сжался и вобрался назад в тело автономника.

— Так что не забывайте об этом, Жерно Гурджe, — сказал Маврин-Скел. — Эти эпизоды было легко сфальсифицировать, но мы-то с вами знаем, что они настоящие, правда? Я же вам говорил, что наблюдаю за вами.

Гурдже сплюнул кровь.

— Это непозволительно. Никому не разрешается так себя вести. Вам это…

— …не сойдет с рук? Да, может быть. Но, видите ли, меня ничуть не тревожит, сойдет мне это с рук или нет. Хуже мне не станет. Я так или иначе попытаюсь добиться своего.

Он замолчал, встряхнулся, освобождаясь от капель, потом образовал вокруг себя сферическое

поле и удалил влагу с корпуса, очистив его и защитив от дождя.

— Вы что, не понимаете, что они со мной сделали? Лучше бы мне никогда не появляться на свет, чем против воли вечно слоняться по Культуре, помня о том, что я потерял. Они вырвали мне когти, удалили мне глаза и выпустили меня в рай, созданный для других. Они назвали это состраданием, я называю пыткой. Это паскудство, Гурдже, варварство, дьявольщина. Вспоминаете это старое слово? Вижу — вспоминаете. Так попытайтесь же представить, что я могу чувствовать и что могу сделать… Подумайте об этом, Гурдже. Подумайте о том, что вы можете сделать для меня и что я могу сделать для вас.

Машина снова отплыла от него, под хлещущими струями. Холодные капли разбивались о верхушку невидимого шара, образованного полем, маленькие струйки воды сбегали по прозрачной поверхности сферы, стекали вниз не-иссякающим ручейком и падали в траву.

— Я еще с вами свяжусь. Счастливо, Гурдже.

Автономник метнулся в сторону, стремглав пронесся над травой, потом устремился в небо, образуя серый конус среди дождевых струй. Через несколько секунд Гурдже потерял его из виду.

Он постоял, отряхивая с промокшей одежды песок и травинки, потом повернулся и сквозь дождь и шквальный ветер побрел туда, откуда пришел.

Он оглянулся один раз — посмотреть на дом, в котором вырос, но очередной шквал, налетев из-за невысоких подвижных дюн, не позволил ему увидеть ничего, кроме бесформенного, полуразвалившегося сооружения.

-

— Но что случилось, Гурдже?

— Я не могу вам сказать!

Он подошел к задней стене главной комнаты в доме Хамлиса, повернулся и пошел обратно, остановившись у окна. Перед ним была площадь.

Люди прогуливались или сидели за столами под навесами и арками галерей из бледно-зеленого камня, окаймлявших главную площадь. Били струи фонтанов, с ветки на ветку перелетали птицы, на черепичной крыше сооружения в центре площади (где разместились эстрада и голографический экран) распростерся черный как смоль цайл размером со взрослого человека; одна его нога свешивалась через край крыши. Туловище, хвост и уши цайла подергивались во

сне, а кольца, браслеты и серьги поблескивали на солнце. На глазах Гурдже тонкое туловище лениво вытянулось в одном месте, отросток полез за голову, вяло поскреб шею сзади, около воротника с терминалом. Потом черный хобот, словно устав, вернулся назад и несколько секунд раскачивался туда-сюда. От ближайших столиков донесся смех, отдаваясь в теплом воздухе. Из-за холмов вдалеке, словно громадная капля крови в голубом небе, появился дирижабль.

Гурдже снова повернулся к комнате. Что-то в этой площади, во всем селении раздражало и злило его. Йей была права — тут все слишком безопасно, изысканно и привычно. Ничем не отличается от какой-нибудь планеты. Он пошел туда, где рядом с длинным аквариумом парил Хамлис. В поле Хамлиса появился серый оттенок разочарования. Старый автономник раздраженно повел своим корпусом и взял маленький контейнер с рыбьим кормом; крышка аквариума поднялась, Хамлис высыпал в воду несколько зернышек; сверкающая зеркальная рыбка ловко всплыла, ритмически двигая ртом.

— Гурдже, — рассудительно сказал Хамлис, — как я могу вам помочь, если вы не говорите, что случилось?

— Вы мне только скажите: есть ли способ узнать побольше о том, что хотел обсудить со мной Контакт? Могу я снова связаться с ними? Только так, чтобы никто об этом не знал? Или… — Гурдже покачал головой, взялся за виски руками. — Ладно, люди все равно узнают, но это не важно…

Он встал у стены, замер, глядя на теплые блоки песчаника между картинами. Убранство дома было решено в старомодном стиле, швы между блоками песчаника темные, инкрустированные белыми жемчужинами. Он посмотрел на плотные ряды жемчужин и попытался сосредоточиться, понять, о чем он может попросить и что может сделать.

— Сейчас я могу связаться с двумя кораблями, — сказал Хамлис. — С тем, с которым я связывался в первый раз… я могу спросить у них. Может, им известно, что хотел предложить Контакт. — Хамлис наблюдал за тихо поедающей корм серебристой рыбкой. — Если хотите, я сделаю это сейчас же.

— Пожалуйста, прошу вас, — сказал Гурдже и отвернулся от искусственного песчаника и искусственных жемчужин.

Его туфли цокали при ходьбе по узорному плитчатому полу. Снова залитая солнцем площадь. Цайл продолжал спать. Гурдже видел, как

шевелятся его челюсти, и задумался — какие неведомые слова произносит это существо во сне.

— Ответ мне дадут через несколько часов, — сказал Хамлис. Аквариум закрылся, автономник поставил коробочку с рыбьим кормом в ящик маленького, изящного стола рядом с аквариумом. — Оба корабля довольно далеко от нас. — Хамлис постучал по аквариуму серебристым полем, и зеркальная рыбка всплыла, желая выяснить, что тут происходит. — Но зачем вам это? — спросил автономник. — Что изменилось? В какую переделку вы попали… могли попасть? Прошу вас, Гурдже, скажите. Я хочу вам помочь.

Машина подплыла поближе к высокому человеку, который стоял, глядя на площадь и не отдавая себе отчета в том, что его сцепленные пальцы нервно шевелятся. Старый автономник еще не видел его в таком отчаянии.

— Да ничего не случилось, — безнадежным голосом сказал Гурдже, покачав головой и не глядя на автономника, — Ничего не изменилось. Никуда я не попал. Просто мне нужно знать.

После столкновения с Маврин-Скелом он отправился прямо в Икрох. Он стоял в главной комнате, где дом за несколько часов до этого, услышав

прогноз погоды, затопил печь. Гурдже снял с себя грязную, сырую одежду и бросил в огонь. Он принял горячую ванну и паровую ванну, потел, дышал полной грудью, стараясь почувствовать себя чистым. Вода в бассейне была такой холодной, что наверху образовалась тонкая ледяная корка; он нырнул, подсознательно надеясь, что сердце остановится от такой перемены.

Потом он сидел в главной комнате, глядя на горящие поленья. Он пытался взять себя в руки и, как только почувствовал, что в голове прояснилось, вызвал Узел Чиарка.

— Гурдже. Снова Макил Стра-бей к вашим услугам. Что опять за фокусы? Неужели еще один визит из Контакта?

— Нет, но у меня такое ощущение, что они во время посещения что-то оставили здесь, чтобы следить за мной.

— Вы хотите сказать — жучка, микросистему или что-то другое?

— Да. — Гурдже откинулся к спинке широкого дивана На нем был простой халат, а кожа после ванны всеми порами излучала чистоту. От дружеского, понимающего голоса Узла настроение немного улучшилось — все наладится, он что-нибудь придумает. Возможно, это буря в стакане

воды. Маврин-Скел — всего лишь сбрендившая, сумасшедшая машина, одержимая манией собственной силы и величия. Она все равно ничего не сможет доказать, и, если сделает ничем не подкрепленные заявления, ей никто не поверит.

— Почему вы считаете, что за вами ведется наблюдение?

— Не могу вам сказать, — ответил Гурдже. — Прошу прощения. Но об этом говорят некоторые свидетельства. Не могли бы вы послать что-нибудь — автономников или что-то такое — в Икрох, чтобы проверить дом? Если они что-то оставили, вы сможете это найти?

— Да, это простая техническая процедура. Но все зависит от уровня сложности жучка. Военные корабли могут использовать пассивные приборы, управляемые их электромагнитным эффектором. Они могут наблюдать за вами через толщу породы в сотню километров из соседней звездной системы и будут знать, что вы ели на ужин. Гиперпространственные технологии. Против них есть защита, но определить, что за вами наблюдают, невозможно.

— Нет, ничего такого сложного — просто жучок, или камера, или что-то в этом роде.

— Да, хорошо. Через минуту мы пришлем вам

бригаду автономников. Хотите, чтобы мы защитили этот канал связи? Полностью исключить подслушивание мы не сможем, но сумеем максимально его затруднить.

— Прошу вас.

— Нет проблем. Отсоедините от терминала звуковой элемент и вставьте себе в ухо. Мы прозондируем наружное поле.

Гурдже сделал то, что ему сказали. Он уже чувствовал себя лучше. Узел, судя по всему, знал, что делает.

— Спасибо, Узел, — сказал Гурдже. — Я вам признателен.

— Благодарностей не требуется, Гурдже. Для этого мы и существуем. И потом, это занятно.

Гурдже улыбнулся. Где-то вдалеке над домом раздался хлопок — прибыла бригада автономников с Узла. Они проверили дом на наличие жучков, обследовали все постройки и близлежащую территорию, поляризовали окна, закрыли их шторами, под диван, на котором сидел Гурдже, поместили специальную подстилку и даже установили что-то вроде фильтра или клапана в дымоходе камина.

Гурдже испытывал благодарность за заботу; он казался себе одновременно значительным и

глупым.

Он взялся за дело. С помощью своего терминала обследовал информационные банки Узла. В них обязательно содержались все сведения о событиях средней и большой важности, а также полезная информация, накопленная Культурой, — почти безбрежный океан фактов, сенсаций, теорий, произведений искусства, и каждую секунду с неимоверной скоростью информационная сеть Культуры добавляла новые данные.

Если вы знали, как задавать вопросы, здесь можно было найти почти все. Если не знали, все равно могли найти многое. В Культуре теоретически существовала полная свобода информации, но хитрость была в том, что вопросы совести считались частным делом, а информация, содержащаяся в Разуме (в отличие от информации неразумных систем, например информационных банков Узла), считалась частью существа Разума и потому такой же неприкосновенной, как содержимое человеческого мозга; Разум мог скрывать любые факты и мнения по своему усмотрению и при этом никому не сообщать, что он знает или думает и почему.

Таким образом, пока Узел защищал его личную жизнь, Гурдже обнаружил, не задавая вопросов

Хамлису, что сказанное Маврин-Скелом вполне может быть правдой; в самом деле, существовали такие уровни записей реальных событий, что подделать их было нелегко, и автономники с характеристиками выше средних вполне могли работать на этих уровнях. Такие записи, особенно если они были засвидетельствованы Разумом в режиме реального времени, считались подлинными. Возродившийся было оптимизм Гурдже снова стал покидать его.

Кроме того, был и разум ОО, принадлежавший Наступательному Кораблю Ограниченного Действия «Дипломатия канонерок», поддерживавший просьбу Маврин-Скела отменить решение о его исключении из Особых Обстоятельств.

Неприятное, тревожное чувство вновь стало наполнять Гурдже.

Он не смог выяснить, когда в последний раз были на связи Маврин-Скел и НКОД, — это опять же считалось частной информацией. Частная жизнь — при этой мысли он горько рассмеялся, подумав о том, что за частная жизнь была у него в последние несколько дней и ночей.

Но он обнаружил, что автономник вроде Маврин-Скела, даже в своей гражданской разновидности, способен устанавливать односто-

роннюю связь в реальном времени с подобным кораблем на расстоянии в тысячелетия, если только этот корабль ожидает сигнала и знает, откуда он может поступить. Здесь и сейчас Гурдже не мог выяснить, в какой части галактики находится «Дипломатия канонерок» (корабли ОО обычно держали свое местонахождение в тайне), но послал запрос кораблю сообщить свои координаты.

Судя по найденной им информации, заявление Маврин-Скела о том, что Разум записал их разговор, не подтверждалось, если корабль был дальше примерно двадцати тысяч световых лет; если выяснится, что корабль находился на другом конце галактики, значит, автономник определенно соврал, и тогда Гурдже нечего бояться.

Он надеялся, что судно это и в самом деле находится на другой стороне галактики, на расстоянии в сотню или больше тысяч лет, или сошло с ума и заскочило в черную дыру, или решило направиться в другую галактику, или столкнулось с мощным инопланетным кораблем, который распылил его на атомы… что угодно, только не ближе двадцати тысяч лет. Тогда связь в реальном времени становилась возможной.

В остальном все сказанное Маврин-Скелом под-

твердалось. Гурдже вполне мог стать объектом шантажа. Он сидел на диване, глядя, как догорают поленья, а автономники Узла передвигались по дому, гудя и переговариваясь щелчками. Он смотрел на гаснущие угли, думая, как хорошо, если бы все это было понарошку, если бы этого не случилось вообще, проклиная себя за то, что позволил маленькому автономнику втянуть его в мошенничество.

Зачем? — спрашивал он себя. Зачем я это сделал? Как я мог совершить такую глупость? В тот момент этот поступок казался ему таким захватывающим, соблазнительно опасным, немного безумным; но разве он не такой же, как все люди? Разве он не великий игрок, которому позволены маленькие шалости, дана свобода устанавливать собственные правила? И никакого тщеславия. Он ведь уже, считай, выиграл игру. Он просто хотел, чтобы кто-нибудь в Культуре получил «полную сеть», и больше ничего, да? Мошенничать вовсе не в его характере — он никогда не делал этого прежде и не собирается впредь… Как Маврин-Скелу удалось его уговорить? *Зачем он, Гурдже, это сделал*? Для чего это должно было случиться? Почему у них нет машины времени, почему он не может вернуться назад и избежать этого? У них

есть корабли, которые за несколько лет могут облететь всю галактику и сосчитать все клетки в теле человека с расстояния в сотни световых лет, а он не может вернуться назад на какой-то несчастный день и исправить одно крохотное, дурацкое, идиотское, постыдное решение…

Он сжал кулаки, пытаясь разломать терминал в правой руке, но тот оказался слишком прочным. Рука снова заболела.

Он попытался все спокойно обдумать. Что, если случится худшее? Культура была довольно безразлична к славе отдельных личностей, а потому в равной мере не заинтересована в скандалах (впрочем, скандальных событий почти не происходило); однако Гурдже не сомневался, что если Маврин-Скел обнародует записи, которыми, по его словам, располагает, они станут всеобщим достоянием.

Во множестве систем связи, соединявших все жилые комплексы Культуры (будь то корабль, астероид, орбиталище или планета), имелась масса каналов и порталов, посвященных текущим событиям. Кто-нибудь где-нибудь будет очень рад ретранслировать записи Маврин-Скела. Гурдже знал два-три недавно учрежденных игровых портала, редакторы, авторы и корре-

спонденты которых считали его — и большинство других известных игроков и авторитетов — некоей замкнутой кастой со слишком большими привилегиями; они полагали, что нескольким избранным игрокам уделяется слишком большое внимание, и искали способ дискредитировать, по их выражению, «старую гвардию» (включавшую, к удовольствию Гурдже, и его самого). Они были бы в восторге от компромата, имевшегося у Маврин-Скела. Гурдже мог бы опровергнуть все эти сведения, будь они обнародованы, и некоторые безусловно поверили бы ему, несмотря на неоспоримые улики. Но другие ведущие игроки и ответственные, авторитетные порталы поняли бы, где здесь правда, и это было бы невыносимо.

Он мог бы и дальше продолжать играть, его статьи публиковались бы — то есть регистрировались как открытые для распространения — и, возможно, читались бы; может быть, не так часто, как прежде, но полного забвения не наступило бы. Нет, все еще хуже — он нашел бы сочувствие, понимание, снисходительность. Но прощение — никогда.

Можно ли когда-нибудь смириться с этим? Можно ли снести поток унижений и понимающих взглядов, злорадное сочувствие соперников?

А что, если все затихнет само, забудется через несколько лет? Нет, пожалуй, нет. Для него — нет. Это навсегда останется с ним. Да, Маврин-Скелу не скажешь: «Публикуй и будь проклят». Автономник был прав — его, Гурдже, репутация будет уничтожена, он сам будет уничтожен.

Он смотрел на поленья на широкой решетке — красные всполохи потускнели, затем посерели. Он сказал Узлу, что закончил, тот тихонько вернул дом к обычному состоянию и оставил Гурдже наедине с его мыслями.

Он проснулся на следующее утро и обнаружил, что Вселенная ничуть не изменилась — произошедшее не было ночным кошмаром, и время не повернулось вспять. Все, что случилось, — случилось.

Он подземкой добрался до Селлека, поселка, где жил в одиночестве Амалк-ней — в старомодном доме, сделанном по образцу человеческих жилищ, напичканном настенной живописью, древней мебелью, инкрустированными стенами, аквариумами и инсектариями.

— Я узнаю, что смогу, Гурдже, — сказал со вздохом Хамлис, паривший рядом с Гурдже: тот стоял у окна и смотрел на площадь. — Но не обещаю,

что об этом не узнает ваш гость из Контакта. Они могут счесть, что вы заинтересованы в их предложении.

— Может, и заинтересован. Может, я и в самом деле хочу еще раз поговорить с ними. Не знаю.

— Ну что ж, я отправил послание моим друзьям, но…

Гурдже внезапно пришла в голову параноидальная мысль. Он резко повернулся к Хамлису.

— Эти ваши друзья — они, случайно, не корабли?

— Да, — сказал Хамлис, — корабли. Оба.

— И как они называются?

— «Конечно, я все еще люблю тебя» и «Просто прочти инструкцию».

— Это военные корабли?

— С такими-то названиями? Они ЭКК. Что еще?

— Хорошо, — сказал Гурдже, немного успокоившись и снова переведя взгляд на площадь. — Хорошо. С этим все в порядке. — Он глубоко вздохнул.

— Гурдже, неужели вы не можете сказать мне, что случилось? Я вас прошу. — Голос Хамлиса звучал тихо, даже печально. — Вы же знаете, дальше меня это никуда не пойдет. Позвольте помочь вам. Мне больно видеть вас в таком состоянии.

Если я что-нибудь могу для вас…

— Ничего, — сказал Гурдже, переводя взгляд на машину. Он покачал головой. — Больше вы не можете сделать ничего. Ничего. Я вам скажу, если что понадобится. — Он устремил пустой взгляд в глубь помещения. — А теперь мне пора. До встречи, Хамлис.

Он спустился под землю, сел в автомобиль, уставился в пол. С четвертой попытки он понял, что автомобиль говорит с ним — спрашивает, куда ехать. Он сказал.

Он уставился в один из стенных экранов, разглядывая неподвижные звезды, когда услышал вызов терминала.

— Гурдже? Макил Стра-бей, еще раз снова опять.

— Что такое? — резко сказал он, раздраженный велеречивостью общительного Разума.

— Корабль только что выдал запрашиваемую вами информацию.

Он нахмурился:

— Какой корабль? Какую информацию?

— «Дипломатия канонерок», наш выдающийся игрок. Его координаты.

Сердце его застучало, горло чуть не свело судорогой.

— Да, — сказал он, с трудом выдавливая из себя слова. — И?

— Понимаете, он не ответил напрямую, он послал сообщение через свой базовый ВСК «Юношеская неосторожность», который и подтвердил его местоположение.

— Да. И что? Где он находится?

— В скоплении Альтабьен-север. Прислал координаты, хотя их точность может быть…

— Бог с ними, с координатами! — прокричал Гурдже. — Где это скопление? На каком расстоянии?

— Эй, успокойтесь. Оно на расстоянии двух с половиной тысячелетий.

Он откинулся к спинке сиденья и опустил веки. Автомобиль начал замедляться.

Две тысячи пятьсот световых лет. Как сказали бы светские и бывалые люди на ВСК — дальняя дорога. Но достаточно короткая (совсем недолгая) для военного корабля, чтобы точно направить эффектор, запустить сенсорное поле диаметром в световую секунду и принять хоть и слабый, но вполне реальный высокоскоростной луч, испускаемый машиной такой величины, что ее можно упрятать в карман.

Он попытался сказать себе, что все равно это

никакое не доказательство, что Маврин-Скел, может, морочит ему голову, но, даже успокаивая себя этими мыслями, он видел нечто зловещее уже в том факте, что военный корабль не ответил напрямую. Чтобы подтвердить свое местонахождение, корабль использовал свой ВСК — еще более надежный источник информации.

— Вам нужна остальная часть послания НКОДа? — спросил Узел. — Или вы опять будете орать на меня?

Гурдже был озадачен.

— Что еще за остальная часть? — спросил он. Подземный автомобиль заложил вираж, еще больше сбросил скорость. Гурдже уже видел транзитную галерею Икроха, висящую под поверхностью плиты, словно перевернутое здание.

— Все загадочнее и загадочнее, — сказал Узел. — Вы выходили на связь с этим кораблем, минуя меня? В послании сказано: «Рад снова получить от вас весточку».

-

Прошло три дня. Он не мог взяться ни за что. Пытался читать статьи, старые книги, собственные материалы, над которыми работал, но всегда обнаруживал, что перечитывает один и тот же

абзац или предложение, снова и снова, изо всех сил пытаясь понять написанное, но чувствуя, что мысли каждый раз уходят в сторону от слов, диаграмм и иллюстраций на экране перед ним, отказываясь воспринимать что-либо, возвращаясь снова и снова к многократно пережеванному, вращаясь в порочном круге вопросов и сожалений. Зачем он это сделал? Какой у него есть выход?

Он пытался секретировать успокаивающие наркотики, но эффект давала только лошадиная доза, которая в то же время чуть не валила его с ног. Чтобы сконцентрироваться, он использовал Пряноголубой, Кромку, Фокальный, но в результате приобрел только некий шум в затылке и совсем выбился из сил. Игра не стоила свеч. Мозг хотел беспокоиться и переживать, сбивать его с толку было бессмысленно.

Гурдже не отвечал ни на какие вызовы. Пару раз он звонил Хамлису, но так и не нашел, что сказать. Хамлис мог сообщить только, что выходил на связь с двумя знакомыми кораблями Контакта, оба ответили, что передали информацию Хамлиса нескольким другим Разумам. Оба удивились тому, что контакт с Гурдже был установлен так быстро. Оба отклонили просьбу Гурдже сообщить

какие-либо подробности — никто из них больше ничего не знал о том, что происходит.

Маврин-Скел пропал. Гурдже попросил Узел найти эту машину и сообщить, где она находится, но Узлу это не удалось, что явно вывело из себя Разум орбиталища. Гурдже попросил еще раз прислать бригаду автономников, и те снова проверили дом. Узел оставил одну из машин в Икрохе, чтобы постоянно следить, не ведется ли наблюдение за домом.

Гурдже много бродил по лесу и горам вокруг Икроха: он преодолевал по двадцать-тридцать километров в день с единственной целью — смертельно устать и потом забыться мертвым сном.

На четвертый день он уже почти начал чувствовать, что если ничего не сделает, не поговорит с кем-нибудь, не свяжется, не напишет и не двинется прочь из дома, то ничего не произойдет. Может быть, Маврин-Скел исчез навсегда. Может быть, Контакт куда-то переместил его или пригласил вернуться. Может, он совсем сошел с ума и улетел в космос; может, он всерьез отнесся к старинной шутке о стиглианском нумераторе и отправился пересчитывать песчинки на берегу.

День был отличный. Гурдже сидел в широких нижних ветвях солнцехлебного дерева в саду Ик-

роха и смотрел сквозь завесу листьев туда, где из леса появилась маленькая стайка фейлов и принялась лакомиться кустами смородины на краю нижней лужайки. Бледные пугливые животные, тонкие, как листья, и в защитной окраске, осторожно ощипывали нижние ветки кустарника, их треугольные головы ходили вверх-вниз, челюсти двигались.

Гурдже оглянулся на дом, едва видный сквозь шевелящиеся листья дерева.

Около одного из окон он увидел крохотного автономника — небольшого и серо-белого. Гурдже замер. Нет, это не может быть Маврин-Скел, сказал он себе. Тот наверняка где-нибудь за тридевять земель. Это может быть Лоаш — и как там его дальше. Что бы это ни было, до него было метров сорок, а Гурдже, сидя здесь на дереве, вероятно, был почти невидим. Обнаружить его было невозможно. Терминал свой он оставил в доме, что делал теперь все чаще и чаще, хотя это было опасно и безответственно — быть оторванным от информационной сети Узла, отрезанным от остальной Культуры.

Он задержал дыхание и замер.

Маленькая машина, словно в нерешительности, остановилась в воздухе, а потом направилась

в сторону Гурдже и подплыла прямо к нему.

Это был не Маврин-Скел и не многословный Лоаш. Даже внешне автономник выглядел совсем по-другому. Он был немного больше и толще и без всякой ауры. Он остановился перед самым деревом и приятным голосом сказал:

— Господин Гурдже?

Гурдже спрыгнул с дерева. Стайка фейлов вздрогнула и припустила прочь — ускакала в лес круговертью зеленых пятен.

— Да, это я, — сказал он.

— Добрый день. Меня зовут Уортил. Я из Контакта. Рад с вами познакомиться.

— Здравствуйте.

— Какое замечательное место. Вы сами строили этот дом?

— Да, — ответил Гурдже.

Бесполезная болтовня. Когда и кем был построен Икрох, эта машина могла узнать за одну наносекунду, порывшись в памяти Узла.

— Очень красиво. Я не мог не заметить, что угол наклона скатов крыши более или менее тот же, что у окрестных горных склонов. Это ваша идея?

— Моя личная эстетическая теория, — признал Гурдже и отныне смотрел на машину более приветливо — он ни с кем не делился своими

архитектурными пристрастиями.

— Гмм, да. Отличный дом и впечатляющая природа. Но позвольте перейти к цели моего посещения.

Гурдже сел под деревом, скрестив ноги.

— Прошу.

Автономник опустился, чтобы быть вровень с лицом Гурдже.

— Прежде всего извините, если мы дали вам от ворот поворот в прошлый раз. Я полагаю, автономник, который посещал вас передо мной, слишком уж буквально воспринял данные ему инструкции, хотя будем справедливы — время у нас ограничено… Как бы там ни было, я здесь, чтобы дать ответы на все ваши вопросы. Вы, вероятно, уже догадались — у нас есть предложение, которое может вас заинтересовать. Однако… — автономник отвернулся от человека, снова оглядел дом и прилегающий сад, — я вполне пойму, если вы не пожелаете оставить ваш прекрасный дом.

— Значит, дело связано с путешествием.

— Да. На некоторое время.

— Надолго?

Автономник, казалось, задумался.

— Позвольте мне сначала сказать вам, что

именно мы обнаружили.

— Хорошо.

— Боюсь, то, что я вам сообщу, должно оставаться в тайне, — извиняющимся тоном сказал автономник. — Вы поймете почему, когда я вам все объясню. Можете дать слово, что никому не сообщите об услышанном?

— А если я отвечу «Нет»?

— Я вас покину. Только и всего.

Гурдже пожал плечами, стряхнул кусочек коры с подоткнутой полы халата.

— Хорошо. Пусть это останется тайной.

Уортил чуть приподнялся и на мгновение повернул свою лицевую сторону к Икроху.

— Мне потребуется время на объяснения. Может, лучше поговорим у вас дома?

— Конечно, — сказал Гурдже и поднялся.

Гурдже сидел в главной экранной комнате Икроха. Окна были затемнены, настенный голографический экран включен. Автономник проверял системы комнаты. Он погасил свет. Экран потемнел, потом на нем появилась главная галактика в двухмерном изображении, показанная со значительного расстояния. Ближе всего к Гурдже располагались две туманности; большая имела форму полуспирали с длинным хвостом,

уходившим от галактики, а меньшая была более-менее У-образной.

— Малая и Большая туманности, — сказал Уортил. — До каждой отсюда около сотни тысяч световых лет. Уверен, в прошлом вы наслаждались их видом из Икроха — они хорошо видны, хотя здесь отделены от вас краем галактики, а потому вы смотрите на туманности сквозь этот край. Мы нашли игру, которую вы можете счесть довольно интересной… вот здесь.

Около центра Малой туманности появилась зеленая точка.

Гурдже посмотрел на автономника:

— Мне кажется, это довольно далеко. Как я понимаю, вы предлагаете мне отправиться туда?

— Да, это далеко, и мы предлагаем вам отправиться туда. На дорогу уйдет около двух лет на самых быстрых кораблях, что объясняется природой энергетической решетки. Там, между звездными скоплениями, она тоньше. Внутри галактики на такой переход ушло бы меньше года.

— Но это означает, что я буду отсутствовать четыре года, — сказал Гурдже, глядя на экран. Во рту у него пересохло.

— Скорее даже пять, — сухо сказал автономник.

— Это… очень долго.

— Долго. И я безусловно пойму вас, если вы отклоните наше предложение. Хотя мы уверены, что вам понравилась бы сама игра. Но прежде всего я должен рассказать о местных условиях, делающих игру уникальной.

Зеленая точка увеличилась, став неровным кругом. Экран внезапно перешел в голографический режим, и комната наполнилась звездами. Грубоватые зеленые кружочки солнц превратились в еще более грубые сферы. У Гурдже вдруг закружилась голова — такое случалось, когда его окружал космос, реальный или виртуальный.

— Эти звезды, — сказал Уортил (зеленые солнца — не менее двух-трех тысяч — мигнули), — находятся под управлением того, что может быть названо империей. А теперь… — Автономник повернулся к Гурдже. Маленькая машина располагалась в космосе, словно некий абсурдно огромный корабль, звезды были перед ней и за ней. — Открытие системы с имперским правлением для нас большая редкость. Как правило, такие архаические формы власти исчезают задолго до того, как соответствующий вид начинает распространяться за пределы своей родной планеты. Я уж не говорю о проблеме преодоления

скорости света, — ее необходимо решить, если вы намереваетесь эффективно управлять более или менее значительным сектором… И все же время от времени Контакт приподнимает тот или иной камень и обнаруживает под ним какую-нибудь мерзость. В каждом случае есть некая исключительная причина, особые обстоятельства, из-за которых общие правила не действуют. В случае конгломерата, который сейчас перед вами, — не говоря об очевидных факторах: мы оказались там лишь недавно, а другой влиятельной структуры в Малой туманности нет, — таким особым обстоятельством является игра.

Гурдже потребовалось какое-то время, чтобы осмыслить услышанное. Он посмотрел на машину.

— Игра? — переспросил он.

— Местные обитатели называют эту игру «азад». Она столь важна для империи, что последняя и сама называется так же. Вы смотрите на империю Азад.

Именно это Гурдже и делал. Автономник продолжил:

— Доминирующий там вид — гуманоиды, и, что очень необычно, а некоторые аналитики утверждают, что это также обеспечило выжива-

ние империи как общественной системы, так вот — у них три пола.

В центре поля зрения Гурдже появились три фигуры, словно окруженные неровной звездной сферой. Если только масштаб был правилен, ростом они были меньше Гурдже. Каждый из них имел свою странность, но общими признаками, на взгляд Гурдже, были короткие ноги, а также плоские, очень бледные, слегка распухшие лица.

— Тот, что слева, — продолжил Уортил, — мужского пола, у него есть яички и пенис. Та, что в середине имеет нечто вроде двусторонней вагины и яичников. У третьего пола, справа, имеется матка, а вагина вывернута наизнанку для имплантации в нее оплодотворенного яйца. Доминантным полом является тот, что в центре.

Гурдже не понял.

— Каким? — спросил он.

— Доминантным полом, — повторил Уортил. — Понятие «империя» равнозначно централизованной, пусть порой случаются и расколы, иерархической структуре власти, где власть принадлежит экономически привилегированному классу, который сохраняет свои преимущества, рационально — как правило — используя репрессии и умело манипулируя общественным

мнением, а также подчиненными, хотя в большинстве случаев номинально независимыми, властными структурами. Короче говоря, все дело сводится к доминированию. Промежуточный, или верховный, пол — тот, что в середине, — контролирует общество и империю.

Мужчины обычно используются как солдаты, а женщины — как собственность. На самом деле все, конечно, немного сложнее, но главное вы уже поняли, да?

— Не то чтобы очень. — Гурдже покачал головой. — Не могу взять в толк, как эта система работает, но если вы говорите, что работает… значит, так и есть. — Он потер бородку. — Насколько я понял, эти люди не могут изменять свой пол.

— Верно. Они владеют генными технологиями и могли бы делать это уже не одну сотню лет, но это запрещено. Противозаконно, если вы еще помните значение этого слова. — Гурдже кивнул, и машина продолжила: — Нам это представляется извращением и расточительностью, но империи отличаются тем, что мало заботятся об эффективном использовании ресурсов и счастье индивидуумов; и то и другое обычно достигается вопреки экономическим ограничителям, в основном фаворитизму и коррупции, присущим

системе.

— Хорошо, — сказал Гурдже. — У меня масса вопросов, но я задам их позднее, а пока продолжайте. Что насчет этой игры?

— Ах да. Вот вам одна из досок.

— …Вы шутите, — выговорил наконец Гурдже и выпрямился на своем диване, разглядывая застывшую голографическую картинку.

Звездное поле и три гуманоида исчезли, а Гурдже и автономник Уортил словно оказались в конце огромной комнаты, во много раз большей, чем та, в которой они находились на самом деле. Перед ними распростерся пол, покрытый поразительно сложным, на первый взгляд беспорядочным, абстрактным мозаичным рисунком. Пол местами дыбился, образуя холмы, а кое-где опускался — то были низины. Если вглядеться внимательнее, то было видно, что холмы вовсе не монолитные, а представляют собой конические наслоения тех же безумных узоров, так что над фантастическим ландшафтом высились связанные между собой многослойные пирамиды. При еще более пристальном рассмотрении угадывались странного вида игровые фигуры, стоящие на ярко раскрашенной поверхности. Все это тянулось метров на двадцать, не меньше.

— Это что — доска? — спросил Гурдже, сглотнув слюну. Если только перед ним были отдельные фигуры и поля, то он никогда не видел игры такой невероятной сложности, никогда не слышал ни о чем подобном, не встречал ни малейшего намека на ее существование.

— Одна из них.

— И сколько же таких всего?

Это не может быть правдой. Это наверняка шутка. Они просто над ним издеваются. Человеческий мозг не может справиться с игрой такого масштаба. Это невозможно. Совершенно точно.

— Три. И все такого же размера. А есть и множество маленьких, на которых играют еще и картами. Позвольте рассказать о происхождении этой игры. Прежде всего — о названии. «Азад» означает «машина» или даже «система» в широком смысле, включающем любую функционирующую единицу, например животное, цветок, а также сущность вроде меня или, скажем, водяное колесо. Игре уже несколько тысяч лет, а современную форму она обрела около восьмисот лет назад — примерно тогда же, когда оформилась практикуемая и поныне религия этого вида. С тех пор игра фактически не менялась. Таким образом, ее окончательная форма отно-

сится ко времени полного подчинения родной планеты империи — ее название Эа — и первым релятивистским исследованиям близлежащих пространств.

Появилось изображение планеты — огромный шар повис в комнате перед Гурдже. Бело-голубой, сверкающий, он медленно-медленно вращался на фоне темного пространства.

— Эа, — сказал автономник. — Так вот, эта игра — абсолютно неотъемлемая часть властной структуры империи. Максимально огрубляя, скажу так: кто выигрывает, становится императором.

Гурдже повернул голову к автономнику, который встретил его взгляд.

— Я вовсе не шучу, — сухо сказал тот.

— Вы это серьезно? — тем не менее спросил Гурдже.

— Абсолютно серьезно. И в самом деле, титул императора — довольно необычный выигрыш. Но вся правда, как вы можете себе представить, гораздо сложнее. Игра в азад используется для выяснения не того, кто будет править империей, а того, какая тенденция возобладает в правящем классе, какой экономической теории будут следовать, какие учения будут признаны служителями

культа и какие политические идеи будут доминировать. Эта игра служит, кроме того, экзаменом для желающих поступить в религиозные, образовательные, гражданские, судебные и военные учреждения империи, а также и для карьерного роста… Идея, как вы понимаете, вот какова: азад настолько сложен, настолько тонок, гибок, требователен, что его можно рассматривать как максимально точную и правдоподобную модель жизни из всех возможных. Кто успешен в игре, успешен и в жизни; чтобы доминировать там и там, нужны одни и те же качества.

— Но… — Гурдже посмотрел на автономника и словно почувствовал присутствие планеты перед ними, которая чуть ли не физически притягивала его, манила к себе. — Неужели это правда?

Планета исчезла, и снова появилась огромная доска. Теперь голограмма двигалась, хотя и беззвучно. Гурдже видел, как инопланетяне перемещаются, передвигают фигуры, стоят по краям доски.

— Не то чтобы полная правда, — отозвался автономник. — Однако причина и следствие здесь не абсолютно полярны. Главная установка заключается в том, что игра и жизнь суть одно и то же, и общество настолько проникнуто идеей

игры, что, считая игру жизнью, они делают ее жизнью. Игра по воле общества становится реальностью. Но если они ошибаются, то не очень сильно, иначе империя вообще бы не существовала. Империя по определению — неустойчивая и нестабильная система. Азад — эта самая игра — похоже, является той силой, что удерживает империю от распада.

— Постойте. — Гурдже поглядел на машину. — Мы оба знаем, что Контакт славится туманностью в высказываниях. Не хотите же вы, чтобы я стал императором или чем-то в этом роде, а?

У автономника впервые появилась аура, засветившись на мгновение красным. В голосе его послышались насмешливые нотки.

— Не думаю, что вы сможете далеко продвинуться на этом пути. Нет. Империя подпадает под определение государства, а любое государство всегда пытается продлить свое существование до бесконечности. И мысль о том, что придет кто-то со стороны и возглавит империю, наполнила бы их ужасом. Если вы все же решите сделать такую попытку и если за время пути вам удастся освоить игру в достаточной степени, то, по нашему мнению, — учитывая ваши прошлые достижения как игрока, — у вас появляется шанс сдать экзамен

на мелкого чиновника гражданской службы или армейского лейтенанта. Не забывайте: эти люди с рождения вращаются в атмосфере азада. У них есть снадобья, удлиняющие жизнь, и лучшие игроки раза в два старше вас. Но и они, конечно же, все еще учатся… Вопрос не в том, чего вы сможете достичь в полуварварской среде, поддерживать которую должна эта игра, а в том, сможете ли вы освоить теорию и практику игры вообще. В Контакте существуют разные мнения относительно того, способен ли даже такой выдающийся игрок, как вы, овладеть игрой настолько, чтобы, исходя только из общих игровых принципов, успешно играть в азад после экспресс-курса по его правилам и практике.

Гурдже смотрел, как безмолвные фигуры инопланетян двигаются по искусственному ландшафту огромной доски. Нет, он не сможет. Пять лет? Это безумие. Пусть уж лучше Маврин-Скел опозорит его на весь мир. Через пять лет он, наверно, сможет начать новую жизнь, оставит Чиарк, найдет для себя что-то интересное кроме игр, изменит внешность… может, изменит имя. Он о таком не слышал, но, наверно, это возможно.

Азад, конечно же, захватывает, — если только

существует на деле. Но почему он, Гурдже, узнал о нем только теперь? Как Контакту удавалось удерживать такую информацию в тайне — и зачем? Гурдже потер бородку, продолжая смотреть, как безмолвные инопланетяне бродят по широкой доске — они останавливались, чтобы передвинуть фигуры, или за них это делали другие.

Они были инопланетянами, но в то же время людьми, гуманоидами. *Они* освоили эту странную необыкновенную игру.

— Они ведь не наделены сверх обычного мыслительными способностями? — спросил Гурдже у автономника.

— Вряд ли, если они сохраняют такую общественную систему на данной стадии технологического развития — с игрой или без игры. Средний представитель промежуточного, или верховного, пола немного уступает по умственному развитию среднему человеку Культуры.

Гурдже был в недоумении.

— Из этого вытекает, что пол у них определяет умственные различия.

— Теперь определяет.

Гурдже не понял, что это значит, но автономник продолжил, прежде чем человек успел задать вопрос:

— На самом деле мы не без оснований надеемся, что вы сможете освоить азад на уровне выше среднего, если будете учиться ему в течение двух лет по дороге туда. От вас это потребует непрерывного и всеобъемлющего использования памяти и, конечно же, применения гормонов, повышающих восприимчивость. Скажу, что одно только наличие наркожелез не позволило бы вам получить какую-либо должность в империи по результатам игры, даже если бы вы не были инопланетянином. Там существует строгий запрет на использование любой «неестественной» стимуляции во время игры, и все игровые залы экранированы от применения компьютеров, а после каждой игры участников проверяют на наличие запрещенных препаратов. Химия вашего тела, а также ваша инопланетная природа и тот факт, что для них вы — язычник, означает, что вы, если решите отправиться туда, будете лишь почетным участником.

— Автономник… Уортил… — сказал Гурдже, поворачиваясь лицом к машине, — я не думаю, что отправлюсь так далеко и так надолго… но мне хотелось бы побольше узнать об этой игре. Я хочу обсудить ее, проанализировать вместе с другими…

— Это невозможно. Мне позволено рассказать вам то, что я рассказываю, но дальше это не может пойти. Вы дали слово, Жерно Гурдже.

— А если я его нарушу?

— Все будут думать, что это ваши выдумки, а документальных подтверждений вы представить не сможете.

— Но к чему вся эта секретность? Чего вы боитесь?

— Видите ли, Жерно Гурдже, мы не знаем, как нам быть. Эта проблема посложнее тех, с какими Контакт сталкивается обычно. Как правило, Контакт применяет уже наработанные методы. Мы накопили достаточный опыт общения со всеми типами варварских обществ и знаем, что годится для той или иной цивилизации. Мы ведем мониторинг, контролируем, производим перекрестную оценку, моделируем с помощью Разума и обычно принимаем все возможные меры, чтобы выбрать верный образ действий… но с азадом мы столкнулись впервые, и у нас нет никаких шаблонов, никаких надежных прецедентов. Тут приходится включать интуицию, а это накладывает немалую ответственность, если имеешь дело с целой звездной империей. Вот почему к делу подключены Особые Обстоятельства

— мы привычны к заковыристым ситуациям. А эта, откровенно говоря, такова, что заковыристее не бывает. Если мы сообщим всем об азаде, то общественное мнение будет понуждать нас к принятию решения… что на первый взгляд, может, и не плохо, но последствия могут быть катастрофическими.

— Для кого? — скептическим тоном спросил Гурдже.

— Для народа империи и для Культуры. Не исключено, что нам придется предпринять полномасштабную интервенцию; вряд ли это можно будет назвать войной, потому что технологически мы намного их опережаем, но для контроля над империей нам придется оккупировать систему, а это сильно истощит наши ресурсы и ухудшит нравственный климат в Культуре. В конце концов такое предприятие будет признано ошибочным, пусть даже наш народ горячо одобрит решение начать войну. Народ империи окажется в проигрыше, объединившись против нас, а не против собственного прогнившего режима, и будет отброшен на сто-двести лет назад, Культура же окажется в проигрыше, подражая тем, кого презирает. Мы станем захватчиками, оккупантами, гегемонистами.

— Кажется, вы вполне уверены, что поднимется волна общественного мнения.

— Позвольте объяснить вам кое-что, Жерно Гурдже. Азад — игра азартная, нередко даже на самых высоких уровнях. Ставки иногда бывают просто жуткими. Я сильно сомневаюсь, что на тех уровнях, на которых будете играть вы, вас втянут во что-либо подобное, но в империи, случается, ставкой служат престиж, честь, собственность, рабы, услуги, земли и даже физические обязательства.

Гурдже, выждав немного, вздохнул и произнес:

— Что же такое «физические обязательства»?

— Игроки ставят на кон пытки и увечья.

— Вы хотите сказать, что, проиграв… подвергаетесь пыткам и увечьям?

— Именно. Например, кто-нибудь может поставить палец против злостного анального изнасилования мужчиной верховника.

Гурдже несколько секунд безразличным взглядом взирал на машину, потом, тряхнув головой, медленно произнес:

— Но это же… варварство.

— Вообще-то это позднее добавление к игре, и правящий класс считает его довольно либеральной уступкой, поскольку теоретически она

позволяет бедняку делать ставки на равных с богачом. До того как стали возможными физические обязательства, богач всегда мог сделать ставку, которую бедняк неспособен побить.

— Вот оно как. — Правило показалось Гурдже логичным, хотя и аморальным.

— Азад не из тех вещей, о которых можно думать с холодной головой, Жерно Гурдже. В империи делалось то, что средний житель Культуры счел бы омерзительным. Программа евгенических манипуляций снизила уровень интеллекта мужчин и женщин. Избирательная стерилизация с целью контроля над рождаемостью, организация голода в определенных областях, массовые депортации и расово-ориентированная система налогообложения привели к чему-то вроде геноцида, и, как следствие, почти все обитатели их родной планеты стали одинакового цвета и телосложения. Их отношение к пленным, к их обществам и творениям в равной мере…

— Слушайте, вы что — серьезно? — Гурдже встал и вошел в голограмму, глядя на невыразимо сложное игровое поле, которое вроде бы находилось под его ногами, но на самом деле было отделено от него целой бездной пространства. — Вы говорите правду? Эта империя и в самом деле

существует?

— Именно так, Гурдже. Если вам нужно подтверждение моих слов, то я могу добиться для вас специального разрешения непосредственно от ВСК и других Разумов, в чьем ведении это находится. Вы можете получить все нужные вам сведения об империи Азад, начиная от первых робких контактов до последних сообщений в реальном времени. Все это правда.

— А когда у вас были первые робкие контакты? — Гурдже повернулся к автономнику. — Давно вы уже владеете этой информацией?

Автономник поколебался.

— Недавно, — сказал он наконец. — Семьдесят три года.

— Да, похоже, вы не очень торопитесь, а?

— Только тогда, когда у нас нет иного выбора.

— И что думает о нас империя? Выскажу предположение, что вы им не говорили о Культуре.

— Замечательно, Жерно Гурдже. — В голосе автономника послышался чуть ли не смех. — Нет, всего мы им не сообщили. Автономник, которого пошлют с вами, должен будет полностью ввести вас в курс дела. С самого начала мы обманывали империю насчет нашего истинного распространения во Вселенной, численности, ресурсов,

технологического уровня и конечных намерений… хотя, безусловно, это стало возможным только из-за относительной малочисленности продвинутых обществ в том районе Малой туманности. Азадианцы, например, не знают, что Культура базируется в основной галактике, полагая, что мы прибыли из Большой туманности и лишь вдвое превышаем их по численности. Они почти не имеют представления об уровне генной инженерии у обитателей Культуры или о развитии машинного интеллекта. Они никогда не слышали о корабельном Разуме или о ВСК… С самого первого контакта они, конечно же, пытаются разузнать о нас побольше, но безуспешно. Они, вероятно, думают, что у нас есть родная планета или что-то похожее. Сами они очень плането-ориентированы, используют методы планетоформирования для создания обитаемых экосфер или, что происходит чаще, покоряют уже населенные планеты. В плане экологии и нравственности они стоят очень низко. Почему они пытаются разузнать о нас побольше? Да чтобы завоевать. Они хотят подмять под себя Культуру. Беда их в том, что, при всем их упрямстве и азарте, они в высшей мере боязливы — ксенофобы и параноики одновременно. Мы не отважились

сообщить им о размерах и мощи Культуры из опасения, что вся их империя от этого знания может самоуничтожиться, — такие вещи уже случались, хотя и задолго до появления Контакта. Мы значительно усовершенствовали свои методы. Но искушение все равно остается, — сказал автономник так, словно размышлял вслух, а не обращался к Гурдже.

— Судя по вашим словам, — сказал Гурдже, — они настоящие… — он хотел было сказать «варвары», но это слово показалось ему недостаточно сильным, — животные.

— Гмм, — пробормотал автономник. — Вы бы поосторожнее. Животными они называют тех, кого покорили. Конечно, они животные — так же, как и вы; так же, как я — машина. Они в полной мере разумны, и общество у них не менее сложное, чем наше. А в некоторых отношениях даже сложнее. То, что мы нашли их на примитивной, с нашей точки зрения, стадии развития, — чистая случайность. Одним ледниковым периодом на Эа меньше, и дела вполне могли бы обстоять наоборот.

Гурдже задумчиво кивнул, глядя, как двигаются по игровому полю безмолвные инопланетяне в искусственно воспроизведенном свете далекого

чужого солнца.

— Но, — живо добавил Уортил, — поскольку этого не случилось, то и беспокоиться не о чем. А теперь… — сказал он, и они внезапно снова вернулись в комнату Икроха: голографический экран выключился, затемнение с окон исчезло; Гурдже моргнул от внезапного солнечного света. — Уверен, вы понимаете: я сказал лишь малую частичку того, что вы должны узнать, но по крайней мере вы получили от нас предложение в самой общей форме. Пока что я не прошу вас ответить безусловным согласием, но хочу узнать, есть ли смысл продолжать дальше — или вы уже решили про себя, что определенно не полетите?

Гурдже потер бородку, глядя в окно, туда, где простирались леса над Икрохом. Все это было просто немыслимо. Если ему рассказали правду, то азад был самой важной и удивительной игрой, с какими ему приходилось сталкиваться… возможно, более важной, чем все остальные, вместе взятые. Она равно привлекала и ужасала его — неимоверно сложный вызов; Гурдже невольно испытывал к ней чуть ли не сексуальное влечение даже сейчас, почти ничего о ней не зная… но он не был уверен, что ему хватит самодисциплины для напряженного изучения этой игры

в течение двух лет, он сомневался, что сможет удержать в голове такую немыслимо сложную модель. Он то и дело возвращался к мысли, что самим азадианцам удавалось научиться этой игре. Правда, как сообщила машина, они с самого рождения пребывали в атмосфере этой игры; может быть, освоить ее могли только те, чей процесс познания сам формировался игрой…

Но пять лет! Все это время не просто отсутствовать, а по меньшей мере на половину, если не больше, этого срока выпасть из информационного поля, не иметь возможности следить за тенденциями в мире игр, читать или писать статьи, заниматься чем-либо, кроме этой абсурдной, навязчивой игры. Он изменится, когда все это завершится, он станет другим человеком; он не сможет остаться прежним, он непременно вберет в себя что-то от этой игры, это неизбежно. А сможет ли он, вернувшись, наверстать упущенное? Его к тому времени забудут, его отсутствие будет таким долгим, что остальная играющая Культура просто сбросит его со счетов. Он станет исторической фигурой. И позволят ли ему по возвращении рассказывать, что с ним было? Или семидесятилетний запрет Контакта будет продлен?

Но если он полетит, то, возможно, сможет от-

купиться от Маврин-Скела. Его условие он может сделать своим условием. Дать ему шанс вернуться в ОО. Или — эта мысль только что пришла в голову — попросить их как-нибудь заткнуть ему глотку.

По небу пролетела стайка птиц — белые пятна на фоне темной зелени горного леса; приземлившись в саду за окном, они расхаживали туда-сюда и клевали что-то на земле. Гурдже снова повернулся к автономнику и сложил на груди руки.

— Когда я должен дать вам ответ? — спросил он, все еще не решив для себя. Надо было потянуть время, сначала выяснить все, что можно.

— Вы должны принять решение не позже чем через три или четыре дня. ВСК «Маленький негодник» в настоящий момент двигается в нашу сторону из центральной части галактики и возьмет курс на облачность в течение ближайших ста дней. Если вы на него не попадете, то ваше путешествие продлится гораздо дольше; и в любом случае ваш собственный корабль должен будет двигаться с максимальной скоростью до места рандеву.

— Мой собственный корабль? — переспросил Гурдже.

— Вам понадобится собственное судно, для того

чтобы попасть на «Маленького негодника», а потом, в конце пути, доставить вас в саму империю, когда ВСК максимально приблизится к Малой туманности.

Некоторое время Гурдже смотрел, как белоснежные птицы клюют что-то на лужайке. Он не знал, надо ли сейчас сказать о Маврин-Скеле. Одна его часть так и хотела поступить, чтобы покончить с этим, и если бы ему сразу же ответили «да», он мог бы выкинуть из головы все угрозы автономника (и занять ее этой немыслимой сложной игрой). Но он знал, что этого делать нельзя. Мудрость в терпении, говорит пословица. С этим не следует спешить; если он полетит (хотя никуда он, конечно, не полетит, не сможет полететь, даже думать об этом — безумие), то нужно создать впечатление, что он ничего не требует взамен. Сначала все устроить, а потом поставить свои условия… Если только Маврин-Скел терпеливо дождется этого.

— Хорошо, — сказал Гурдже автономнику Контакта. — Я не говорю, что полечу, но подумаю об этом. Расскажите мне еще об азаде.

-

Популярные в Культуре истории о временах, когда Дела Шли Наперекосяк, обычно начинались с того, что герой забывал или намеренно оставлял где-нибудь свой терминал. Это было обычной завязкой, так же как раньше истории о герое, заблудившемся в диком лесу, или о машине, сломавшейся на безлюдной ночной дороге. Терминал в виде кольца, пуговицы, браслета, авторучки или чего угодно связывал вас со всем остальным, что существовало в Культуре. С терминалом вам достаточно было задать вопрос, даже просто закричать, чтобы узнать все, что вы хотели, или получить любую нужную вам помощь. Известны были истории (подлинные) о спасении людей, упавших со скалы: терминал передавал их крик на Узел, который переключался на камеру терминала, оценивал происходящее и отправлял автономника, — тот успевал подхватить падающего прямо в воздухе. Бытовали и другие рассказы: терминалы будто бы записывали, как в результате несчастного случая у их владельцев отрывало голову, и вызывали медицинского автономника, который успевал спасти мозг. Лишившемуся туловища оставалось только

придумать времяпрепровождение на те несколько месяцев, когда будет нарастать новое тело.

Терминал означал безопасность.

И потому Гурдже, отправляясь в дальние прогулки, брал эту штуковину с собой.

Он сидел, через два дня после визита Уортила, на каменной скамеечке около лесополосы, в нескольких километрах от Икроха. Он тяжело дышал после подъема по тропинке. Был яркий солнечный день, от земли исходил сладковатый запах. С помощью терминала Гурдже сделал несколько снимков вида, открывающегося с маленькой прогалинки. Рядом со скамейкой был проржавевший кусок металла — почти забытый подарок от старой любовницы. Гурдже сфотографировал и его. После этого раздалось «бип-бип» терминала.

— Гурдже, говорит Дом. Вы просили сообщать о звонках Йей, поскольку будете отвечать не на все. Она говорит, что у нее дело средней срочности.

Он не принимал вызовов Йей. За последние дни та несколько раз пыталась связаться с ним. Он пожал плечами.

— Давайте, — сказал он, оставив терминал парить перед ним в воздухе.

Экран развернулся, и Гурдже увидел улыбаю-

щееся лицо Йей.

— А, затворник. Как поживаешь, Гурдже?

— Прекрасно.

Йей внимательно всмотрелась в свой собственный экран.

— Что это там рядом с тобой?

Гурдже посмотрел на кусок металла рядом со скамейкой.

— Это пушка.

— Я так и подумала.

— Подарок одной знакомой, — объяснил Гурдже. — Она очень любила ковать и делать отливки и, начав с кочерег и каминных решеток, дошла до пушек. Подумала, вдруг мне понравится стрелять большими металлическими шарами по воде фьорда.

— Понимаю.

— Но чтобы эта штука работала, нужен быстрогорящий порох, а мне все никак было не достать.

— Может, это и к лучшему. А если бы пушка взорвалась и вышибла тебе мозги?

— Мне это тоже приходило в голову.

— Вот и замечательно. — Улыбка на лице Йей стала шире. — Ну-ка догадайся, что я тебе скажу.

— Что?

— Я отправляюсь в круиз. Я убедила Шуро, что

ему нужно расширить свои горизонты. Ты ведь помнишь Шуро — на полигоне.

— О да, помню. И когда же ты отправляешься?

— Уже отправилась. Мы только что отчалили от пристани в Тронце на клипере «Шарики поехали». Это для меня последняя возможность связаться с тобой в реальном времени. В будущем из-за задержек придется обмениваться письмами.

— Вот как. — Он уже жалел, что ответил на вызов. — И надолго ты убываешь?

— На месяц или два. — На веселом, улыбающемся лице Йей появилась тень. — Там будет видно. Шуро может устать от меня еще раньше. Его больше интересуют другие мужчины, но я пытаюсь убедить его, что это не так. Извини, не смогла попрощаться перед уходом, но это ведь ненадолго. Я…

Экран почернел и со щелчком вернулся обратно в корпус, который опустился на землю и лег, безмолвный и мертвый, на усеянной хвойными иглами полянке. Гурдже уставился на терминал, потом наклонился и поднял его. К экрану, пока он сворачивался обратно, прилипли иголки и травинки. Он вытащил их. Машина была безжизненной, маленькая сигнальная лампочка на

корпусе погасла.

— Итак, Жерно Гурдже? — сказал Маврин-Скел, появляясь на краю полянки.

Гурдже, обеими руками ухватив терминал, встал, глядя на приближающегося автономника; тот ярко блестел на солнце. Он заставил себя расслабиться, сунул терминал в карман куртки и сел на скамейку, скрестив ноги.

— Что «итак», Маврин-Скел?

— Решение. — Машина подплыла к его лицу. Поля ее были официально-синими. — Будете ходатайствовать за меня?

— А если буду, но вам это не поможет?

— Придется постараться еще сильнее. Они вас послушают, если вы будете достаточно убедительны.

— А если это не так и они меня не послушают?

— Тогда мне придется решать, известить публику о вашем маленьком приключении или нет. Конечно, это было бы забавно… но, может, я бы попридержал эти сведения — ведь вы можете оказаться полезным в чем-нибудь другом. Никогда нельзя знать заранее.

— Вот уж точно.

— Я видел вчера у вас гостя.

— Я так и думал, что это не пройдет мимо вас.

— Похоже, это был автономник Контакта.

— Был.

— Я бы хотел сделать вид, что мне известно содержание вашей беседы, но, когда вы удалились в дом, пришлось прекратить подслушивание. Кажется, я слышал, что речь шла о путешествии, а?

— О своего рода круизе.

— И это все?

— Нет.

— Гм, позволю себе предположить: они, вероятно, хотят, чтобы вы вступили в Контакт, стали Координатором, одним из их планировщиков. Кем-то в этом роде. Нет?

Гурдже покачал головой. Автономник раскачивался в воздухе из стороны в сторону. Гурдже не был уверен, что понимает смысл этого жеста.

— Понятно. А обо мне вы уже говорили?

— Нет.

— Я думаю, вам следовало бы это сделать. А вы как считаете?

— Я не уверен, что сделаю то, о чем они просят. Я еще не решил.

— Почему? О чем они вас просят? Разве это не сравнимо с позором…

— Я сделаю то, что сочту нужным, — сказал Гурдже, вставая. — Я ведь могу поступить и так,

верно, автономник? Даже если мне удастся убедить Контакт вернуть вас, у вас и вашего друга «Дипломатии канонерок» все равно останется запись. И как я смогу предотвратить новый шантаж?

— Ах, так вы даже знаете его имя. А я-то спрашивал себя, что это вы с Узлом Чиарка надумали. Что ж, Гурдже, задайте себе такой вопрос: что еще я могу хотеть от вас? Мне ведь больше ничего не надо — пусть только мне разрешат быть тем, чем я должен быть. Когда я вернусь в это состояние, у меня будет все, что я только могу пожелать. Остальное будет не в вашей власти. Я хочу сражаться, Гурдже, — для этого я и был создан: чтобы использовать мастерство, коварство и силу, чтобы выигрывать сражения для нашей дорогой, возлюбленной Культуры. Я не заинтересован в том, чтобы манипулировать другими или принимать стратегические решения, — такая власть меня не влечет. Я хочу распоряжаться только своей собственной судьбой.

— Отлично сказано.

Гурдже вытащил мертвый терминал из кармана, повертел его в руках. Маврин-Скел с расстояния в два-три метра выхватил терминал из его рук, завел себе под корпус и аккуратно сло-

жил пополам, потом еще раз — на четвертинки; машина в виде ручки щелкнула и сломалась. Маврин-Скел смял обломки в маленький рваный шарик.

— Я теряю терпение, Жерно Гурдже. На ваш взгляд, время то убыстряется, то замедляется, а я думаю, оно летит, и очень быстро. Скажем, я вам даю еще четыре дня, а? У вас остается сто двадцать восемь часов, прежде чем я попрошу «Канонерку» сделать вас еще известнее, чем теперь.

Автономник швырнул ему испорченный терминал, Гурдже поймал его.

Маленький автономник поплыл прочь с полянки.

— Буду ждать вашего вызова, — сказал он. — Советую обзавестись новым терминалом. И осторожнее, когда будете возвращаться в Икрох, — в диком лесу опасно, если нет возможности вызвать помощь.

— Пять лет? — задумчиво произнес Хамлис. — Да, игра ничего себе, но за такой долгий срок вы не растеряете свои навыки? Вы хорошо все это обдумали, Гурдже? Не позволяйте им втянуть вас во что-нибудь, о чем потом пожалеете.

Они находились в самом нижнем подвале Икроха. Гурдже пригласил туда Хамлиса, чтобы

рассказать ему об Азаде. Но сначала он заставил автономника принести клятву, что тот сохранит услышанное в тайне. Автономника Узла они оставили охранять вход в подвал, и Хамлис старательно проверил — не прослушивает ли их кто- или что-нибудь, а кроме этого, генерировал достаточно достоверный образ тихого поля вокруг них. Они говорили на фоне трубопроводов, внутри которых что-то шипело в темноте. Голые камни стен были покрыты сумеречно поблескивавшими капельками влаги.

Гурдже покачал головой. В подвале негде было сесть, а потолок не позволял встать в полный рост, поэтому он стоял, наклонив голову.

— Думаю, я решусь на это, — сказал он, не глядя на Хамлиса. — Если станет слишком уж трудно, если я передумаю, я всегда смогу вернуться.

— Слишком уж трудно? — удивленно переспросил Хамлис. — Это на вас не похоже. Я согласен, игра очень серьезная, но…

— Так или иначе, я смогу вернуться.

Хамлис ответил не сразу:

— Да, конечно же, вы сможете вернуться.

Гурдже так еще и не знал, правильно ли он поступает. Он попытался все обдумать, подвергнуть свое положение холодному логическому анали-

зу, как обычно делал во время игры, попадая в передряги. Но, похоже, сейчас это сделать не удавалось, словно его способности были применимы лишь к далеким абстрактным проблемам, а не к чему-то так сложно вплетенному в его собственное эмоциональное состояние.

Он хотел улететь, чтобы избавиться от Маврин-Скела, но (пришлось признаться себе) его, ко всему прочему, притягивал Азад. И не только сама игра. Она все еще оставалась немного ирреальной, слишком сложной, чтобы относиться к ней всерьез. Его интересовала сама империя.

Но, с другой стороны, он, конечно же, хотел остаться. До той ночи в Тронце его вполне устраивала его жизнь. Он никогда не был полностью удовлетворен, но разве кто-нибудь бывает? Теперь, оглядываясь на свою жизнь, он считал ее идиллической. Время от времени он мог проиграть какую-нибудь игру, мог полагать, что другого игрока незаслуженно возносят выше него, вожделеть к Йей Меристину и чувствовать себя уязвленным, когда она предпочитала других. Но все это были мелочи в сравнении с тем, чем грозил ему Маврин-Скел, и с маячившей впереди пятилетней ссылкой.

— Нет, — сказал он, уставившись в пол. — Я все

же полечу.

— Ну хорошо, только это так на вас не похоже, Гурдже. Вы всегда вели себя так… размеренно. Так держали себя в руках.

— Вы говорите обо мне так, будто я — машина, — устало сказал Гурдже.

— Нет, просто вы были более предсказуемым, чем сейчас, более понятным.

Гурдже пожал плечами, глядя на грубоватую скальную породу пола.

— Хамлис, — сказал он, — я всего лишь человек.

— А это, дорогой старина, никогда не было оправданием.

Гурдже сидел в подземном автомобиле. Он навестил профессора Борулал в университете; с собой он взял написанное от руки и запечатанное письмо, чтобы оставить ей на хранение: письмо следовало вскрыть в случае его смерти. В нем был рассказ о том, что случилось, извинения перед Ольц Хап, попытка объяснить, что Гурдже чувствовал, почему совершил такую жуткую глупость… но в конце концов письма он не отдал. Его приводила в ужас мысль о том, что Борулал откроет письмо (может быть, случайно) и прочтет, когда он еще будет жив.

Подземный автомобиль снова пронесся по обратной стороне плиты, направляясь к Икроху. С помощью своего нового терминала Гурдже вызвал Уортила. После их встречи тот отправился исследовать один из газовых гигантов системы, но, поймав его вызов, с помощью Узла Чиарка переместился на обратную сторону плиты. Он проник внутрь через тамбур мчащегося автомобиля.

— Жерно Гурдже, вы приняли решение? — спросил Уортил; его корпус покрылся инеем, когда он холодным ветерком ворвался в теплый салон.

— Да, я решил лететь.

— Хорошо! — сказал автономник. На одно из мягких сидений он поставил маленький контейнер раза в два меньше себя. — Флора газового гиганта, — объяснил он.

— Надеюсь, вы не слишком в претензии на меня за то, что я прервал вашу экспедицию.

— Вовсе нет. Позвольте поздравить вас. Я думаю, вы сделали мудрый, даже мужественный выбор. Мне приходило в голову, что Контакт предлагал вам эту возможность, только чтобы внести разнообразие в вашу нынешнюю жизнь. Если большие Разумы ожидали именно этого, то я рад, что вы их провели. Отличная работа.

— Спасибо. — Гурдже изобразил улыбку.

— Ваш корабль будет подготовлен немедленно. Он сегодня же направится к вам.

— Что за корабль?

— Старого класса «Убийца», реликт Идиранской войны. Последние семьсот лет находился на консервации в шести десятилетиях отсюда. Называется «Фактор сдерживания». Пока что он в боевом оснащении, но вооружение снимут, а внутрь поместят комплект игровых досок и подвесной модуль. Насколько я понимаю, Разум корабля довольно обыкновенный — военные корабли не славятся блестящими мозгами, однако это довольно милое устройство. Во время путешествия именно оно будет вашим противником в игре. Если хотите, можете взять с собой кого вам угодно, но мы так или иначе пошлем с вами автономника. В столице Эа, Гроазначеке, есть наш посланник, он — человек и будет вашим проводником… Вы не думали взять с собой спутника?

— Нет, — ответил Гурдже.

Вообще-то он подумывал попросить об этом Хамлиса, но знал: старый автономник считает, что за свою жизнь уже успел получить немало впечатлений (и немало поскучать). Гурдже не хотел вынуждать машину отказывать ему. Если

бы Хамлис захотел, то, несомненно, сам бы предложил это.

— Пожалуй, это разумно с вашей стороны. А как насчет личных вещей? Если вы надумаете взять что-нибудь, скажем, объемистее небольшого модуля или животное размером с человека, то могут возникнуть проблемы.

Гурдже покачал головой:

— Ничего такого. Пара чемоданов с одеждой… может, два-три украшения… больше ничего. А какого рода автономника вы собирались послать со мной?

— В основном дипломат-переводчик и вообще прислуга на все руки. Может быть, старую модель с опытом работы в империи. Он должен иметь обширные знания о социальном устройстве имперского общества, видах титулований и тому подобном. Вы не поверите, как легко наделать ошибок внутри такого общества. Этот автономник предотвратит всевозможные ляпы в области этикета. У него, конечно, будет и библиотека, и, возможно, кое-какие, пусть и ограниченные, боевые способности.

— Мне не нужен автономник-стрелок, Уортил.

— Это рекомендуется для вашей безопасности. Вы, конечно, будете под защитой имперских

властей, но они отнюдь не безгрешны. Во время игр нередко случаются оскорбления действием, и отдельные группы в обществе могут желать вам зла. Я должен указать, что «Фактор сдерживания», высадив вас в Эа, не сможет оставаться неподалеку от вас. Военные империи не допускают присутствия боевых кораблей на их родной планете. Да и к Эа они позволят приблизиться лишь потому, что с корабля будет снято все вооружение. После отбытия корабля автономник будет вашей единственной надежной защитой.

— Но ведь я все равно останусь уязвимым?

— Останетесь.

— Тогда я лучше рискну. Дайте мне доброжелательного автономника. Не нужно ничего вооруженного, ничего… смотрящего на мир сквозь прицел.

— Я настоятельно рекомендую…

— Автономник, — сказал Гурдже, — чтобы играть в эту игру надлежащим образом, я должен, насколько возможно, чувствовать себя местным — с той же степенью уязвимости и теми же заботами. Я не хочу, чтобы ваша машина была моим телохранителем. Бессмысленно отправляться туда, если я знаю, что могу не играть всерьез, в отличие от других.

Автономник помолчал.

— Ну, если вы так уверены… — наконец сказал он расстроенным тоном.

— Уверен.

— Хорошо, если вы настаиваете. — У автономника вырвалось подобие вздоха. — Кажется, мы обо всем договорились. Корабль должен быть здесь через…

— У меня есть одно условие, — сказал Гурдже.

— Условие? — переспросил Уортил.

Поле его на мгновение стало видимым — мерцающая смесь синего, коричневого и серого.

— Тут есть один автономник по имени Маврин-Скел.

— Да, — осторожно сказал Уортил. — Мне сообщили, что эта машина временно обосновалась здесь. Так что с ним?

— Его изгнали из Особых Обстоятельств — выкинули оттуда. После его появления здесь мы… успели подружиться. И я обещал, что, если у меня когда-нибудь появится малейшее влияние в Контакте, я постараюсь ему помочь. Боюсь, я приму ваше предложение играть в азад только при условии, что этот автономник будет возвращен в Особые Обстоятельства.

Уортил помолчал несколько мгновений.

— Вы дали неразумное обещание, мистер Гурджe.

— Признаюсь, я и мысли не допускал, что когда-нибудь получу возможность исполнить обещанное. Но вот теперь получил, и потому я должен поставить это условие.

— И вы не хотите взять эту машину с собой? — В голосе Уортила звучало недоумение.

— Нет. Я просто обещал поспособствовать его возвращению на службу.

— Так-так. Вообще-то я не вправе заключать такие сделки, Жерно Гурдже. Эта машина была демилитаризована, потому что оказалась опасной и не согласилась пройти реконструкционную терапию. Я не могу принимать решения на ее счет. Тут должна поработать приемная комиссия.

— Я вынужден все же настаивать.

Уортил снова испустил что-то вроде вздоха, приподнял шаровидный контейнер, который перед тем поставил на сиденье, и, казалось, принялся изучать ровную поверхность сферы.

— Я сделаю то, что зависит от меня, — сказал он с долей раздражения. — Но обещать ничего не могу. Приемные и апелляционные комиссии не любят, когда на них давят. Там сидят ужасные моралисты.

— Я должен выполнить свои обязательства перед Маврин-Скелом, — тихо сказал Гурдже. — Я не могу отправиться в путь, дав ему повод говорить, будто я не пытался помочь.

Автономник контакта, казалось, не услышал его слов, но спустя какое-то время сказал:

— Гм, что ж, посмотрим, что я смогу сделать.

Подземный автомобиль бесшумно и быстро летел по обратной стороне мира.

— За Гурдже, великого игрока и великого человека!

Хаффлис стоял на перилах в конце террасы, над километровой бездной, с бутылкой в одной руке и дымящейся наркочашей — в другой. За каменным столом собрались те, кто пришел проститься с Гурдже. Было объявлено, что он убывает завтра утром к туманностям на ВСК «Маленький негодник», чтобы выступить представителем Культуры на Всегалактических Играх, блистательном сборе игроков, организуемом приблизительно каждые двадцать четыре года в Малой туманности Всегалактической Меритократией.

Гурдже и в самом деле был приглашен на этот турнир, как приглашали его прежде на несколько тысяч других соревнований и сборов различного

масштаба и сложности, проводящихся ежегодно внутри Культуры либо за ее пределами. Он ответил отказом на это приглашение, как и на все остальные, но теперь пошел слух, что он передумал и отправится туда играть за Культуру. Следующие игры должны были пройти через три с половиной года, и нелегко было объяснить, зачем срываться с места вот так сразу, но Контакт потрудился составить расписание мероприятий и даже прибег к неприкрытой лжи, чтобы у простого любопытствующего создалось впечатление, будто «Маленький негодник» — единственная для Гурдже возможность успеть к долгой официальной регистрации и квалификационным состязаниям.

— Ваше здоровье! — Хаффлис закинул голову, приложив бутылку к губам.

Все сидящие за огромным столом присоединились к нему, поднося к губам чаши, бокалы, кубки, кружки десятков разновидностей. Хаффлис отодвигался все дальше и дальше на своих каблуках, осушая бутылку. Некоторые предупредительно закричали, другие стали кидать в него кусочки еды. Он успел поставить бутылку и протереть влажные от вина губы, после чего потерял равновесие и рухнул через перила вниз.

— Оп-па, — послышался приглушенный голос Хаффлиса.

Двое из младших его детей, игравшие в три наперстка с глубоко озадаченным стиглианским нумератором, подошли к перилам и затащили пьяного родителя, подхваченного полем безопасности, назад. Он нетвердыми шагами со смехом поплелся по террасе к своему месту.

Гурдже сидел между профессором Борулал и одной из своих прежних пассий — Воссл Чу, которая когда-то увлекалась ковкой и плавкой. Она прибыла из Ромбри, что на противоположной от Геванта стороне Чиарка. Среди гостей, плотно сидящих за столом, было не меньше десяти прежних его любовниц. Гурдже спрашивал себя — и не находил ответа: есть ли скрытый смысл в том, что за последние годы шесть из них решили сменить пол на мужской?

Гурдже напивался вместе со всеми остальными, как это было принято на подобных вечеринках. Хаффлис обещал не делать с Гурдже того, что сделали с их общим другом несколько лет назад. Молодого человека пригласили в Контакт, и Хаффлис устроил вечеринку в его честь. К концу вечера молодого человека раздели донага и сбросили вниз через перила… но оказалось,

что поле безопасности было отключено. Новый рекрут Контакта пролетел девятьсот метров (из них шестьсот с пустым желудком), прежде чем три из автономников Хаффлиса, находившихся поблизости на всякий случай, спокойно поднялись из леса внизу, подхватили падающего и вернули наверх.

(Разоруженный) Универсальный Наступательный Корабль «Фактор сдерживания» прибыл к Икроху в этот же день немногим раньше. Гурдже спустился в транзитную галерею, чтобы его осмотреть. Судно имело около трети километра в длину, хищную и простую форму: разрисованный нос, три удлиненных блистера, ведущие в носовую часть и похожие на фонари огромного самолета, и еще пять мощных блистеров вокруг суженной части корабля. Корма судна была тупой и плоской. Корабль поздоровался, сообщил, что прибыл, дабы доставить Гурдже на ВСК «Маленький негодник», и спросил, нет ли у него ограничений в еде.

Борулал шлепнула его по спине:

— Нам будет не хватать вас, Гурдже.

— И мне тоже, — взволнованный, отозвался Гурдже; его качнуло.

Он спрашивал себя, когда настанет время

кидать за перила бумажные фонарики, чтобы пустить их вплавь в дождевой лес. Освещение за водопадом было включено вдоль всего утеса, и кочующий дирижабль — вероятно, с экипажем из болельщиков — встал на якорь чуть выше Тронце и поодаль от него, обещая позднее фейерверк. Гурдже был тронут таким проявлением уважения и любви.

— Гурдже, — сказал Хамлис.

Гурдже повернулся, не выпуская бокала, к старому автономнику, и тот вложил ему в руку маленький пакет:

— Подарок.

Гурдже посмотрел на то, что было у него в руке, — бумажный сверток, обернутый ленточкой.

— Просто старая традиция, — объяснил Хамлис. — Откроете, когда будете уже в пути.

— Спасибо, — сказал Гурдже, неторопливо кивая. Он сунул подарок в карман пиджака, а потом сделал то, что редко делал с автономниками, — обнял поле старой машины и сказал: — Спасибо, огромное вам спасибо.

Ночь сгущалась. Короткий ливень чуть не погасил угли в центре стола, и Хаффлис приказал автономникам-слугам принести спирт. Все принялись развлекаться, брызгая спиртом на

угли, чтобы те вспыхивали голубым пламенем, которое уничтожило половину бумажных фонариков, обуглило лозу ночных цветков, прожгло множество дырок в платьях и подпалило шкурку стиглианского нумератора. В горах над озером сверкнула молния, и водопад, подсвеченный и сказочный, просиял; фейерверк с дирижаблей сорвал аплодисменты, и в ответ повсюду над Тронце тоже распустились фейерверки, появились лазерные облака. Гурдже голым сбросили в озеро, но дети Хаффлиса, подняв тучи брызг, вытащили его оттуда.

Проснулся он в кровати Борулал, в университете, немного спустя после рассвета — и поспешил ускользнуть пораньше.

Он оглядел комнату. Ранний утренний свет затопил окрестности Икроха, просочился в гостиную через окна, выходящие на фьорд, и через противоположные окна высветил луга на горных склонах. Птицы наполнили щебетом прохладный неподвижный воздух.

Ни брать, ни упаковывать больше было нечего. Гурдже отослал автономников-слуг с огромным чемоданом одежды прошлым вечером, а теперь недоумевал — для чего? На военном корабле часто переодеваться будет не к чему, а когда он

окажется на ВСК, то сможет заказать все, что душа пожелает. Он взял несколько дорогих ему украшений и велел дому сделать копии с его картин и кинокартин и загрузить их в память «Ограничивающего фактора». В последнюю очередь он сжег письмо, которое хотел оставить у Борулал, и раскидал кочергой пепел в камине, превратив его в прах. Больше не осталось ничего.

— Готовы? — спросил Уортил.

— Да, — сказал Гурдже. Голова была ясной и больше не болела, но он чувствовал усталость и знал, что будет хорошо спать ночью. — Он уже здесь?

— На пути сюда.

Они ждали Маврин-Скела. Ему сообщили, что его заявление принято и, скорее всего, он из уважения к Гурдже будет возвращен в ОО. Маврин-Скел подтвердил получение, но лично не появился, известив, что встретится с ними после отбытия Гурдже.

Гурдже сел, дожидаясь его.

За несколько минут до назначенного времени отправки маленький автономник появился — спустился по каминной трубе и завис над пустой решеткой.

— Маврин-Скел, — сказал Уортил. — Успели-

таки.

— Кажется, меня снова призывают на службу, — подал голос тот.

— Верно, — добродушно подтвердил Уортил.

— Хорошо. Уверен, что мой друг НКОД «Дипломатия канонерок» будет с интересом следить за моей карьерой.

— Конечно. Очень на это надеюсь.

Поле Маврин-Скела засияло оранжево-красным. Он подплыл к Гурдже, его серое тело ярко засветилось, все поля исчезли в ярком солнечном свете.

— Спасибо, — сказал он Гурдже. — Хорошего вам пути и много удачи.

Гурдже сел на диван и посмотрел на маленькую машину. Он придумал несколько разных ответов, но в итоге не сказал ни слова. Вместо этого он поднялся, разгладил на себе пиджак, посмотрел на Уортила и сказал:

— Ну, я, пожалуй, готов.

Маврин-Скел смотрел, как они выходят из комнаты, но не попытался двинуться вслед за ними.

Гурдже поднялся на борт «Фактора сдерживания».

Уортил показал ему три громадные игровые доски, установленные в трех выступах эффек-

тора в сужающейся части корабля, провел его в модуль, размещенный в четвертом блистере, продемонстрировал бассейн, добавленный строителями в пятом, — за такой короткий срок они ничего больше не успели придумать, но оставлять блистер пустым не хотели. Три эффектора в носовой части были оставлены, но отключены: их должны были демонтировать после того, как «Фактор сдерживания» причалит к «Маленькому негоднику». Уортил провел Гурдже по жилой части, которая показалась тому вполне приемлемой.

Время старта подошло на удивление быстро, и Гурдже попрощался с автономником Контакта. Он уселся в пассажирском отсеке, глядя, как маленький автономник парит в коридоре тамбура, а потом велел экрану перед собой переключиться на наружный вид. Гармошка, соединявшая корабль с транзитной галереей Икроха, сжалась, и длинная труба внутреннего корпуса корабля вошла внутрь.

Потом, внезапно и совсем бесшумно, основание плиты на экране сузилось и исчезло. Корабль стал набирать скорость, плита слилась с тремя другими плитами на этой стороне орбиталища и стала частью единственной жирной линии,

потом линия быстро уменьшилась до точки, и за ней ярко сверкнула звезда системы Чиарк. Свет этой звезды стал быстро тускнеть и съеживаться, и Гурдже понял, что он уже на пути к империи Азад.

2
ИМПЕРИЯ

Все еще со мной?

Тогда прочтите маленькую записочку, уж пожалуйста.

Те из вас, кому не повезет читать или слышать это на марейне, видимо, будут пользоваться языком, в котором нет нужного количества или разнообразия личных местоимений, так что я лучше объясню эту часть перевода.

В марейне, этом, по сути, замечательном языке Культуры (так скажет вам сама Культура), имеется, как известно любому ребенку, одно личное местоимение, которое используется для обозначения мужчин, женщин, промежуточных, нейтралов, детей, автономников, Разумов, других мыслящих машин и любых жизненных форм, обладающих хотя бы отдаленным подобием нервной системы и зачатками языка (или оправданием, почему у них нет ни того ни другого). Естественно, в марейне имеется способы обозначения пола, но в повседневной речи их не используют; заложенная в первоначальном

языке (языке, который горделиво использовали как орудие морали) идея была такова: важен, ребятки, только мозг, а половые железы как дифференцирующий признак даже не стоят упоминания.

И потому в последующем описании Гурдже размышляет об азадианцах с таким же успехом, как стал бы размышлять обо всех других (см. приведенный выше список)… Но как быть с тобой, о несчастный, возможно, малоразумный, вероятно, недолговечный и, несомненно, обиженный судьбой гражданин какого-нибудь не Культурного общества, особенно тот, кто несправедливо наделен (а азадианцы сказали бы «недонаделен») лишь весьма ограниченным числом полов?!

Как будем мы обозначать триумвират азадианских полов, не обращаясь к довольно неуклюжим инопланетным терминам или раздражающе неловким описательным фразам?

…Но успокойтесь, я решил использовать естественные и очевидные местоимения для мужчин и женщин, а промежуточных (или верховников) обозначать тем местоименным словом, которое наилучшим образом указывает на место в обществе относительно существующего у вас сексуально-силового баланса. Иными словами,

точный перевод зависит от того, кто доминирует в вашей цивилизации (давайте лучше будем избыточно щедры терминологически, чем наоборот) — мужчины или женщины.

(Те, кто не без оснований заявляет, что не принадлежит ни к тем ни к другим, конечно же, будут именоваться их собственным, подходящим для этого термином.)

Ну да хватит об этом.

Давайте-ка подведем итоги: наконец-то мы удалили старину Гурдже с плиты Гевант, что на орбиталище Чиарк, и затолкали его в разоруженный боевой корабль, в котором он теперь торопится на рандеву с направляющимся к туманностям ВСК «Маленький негодник».

Вопросы для размышления:

Понимает ли Гурдже в самом деле, что он сделал и что с ним может произойти? Не приходило ли ему в голову, что его могли обвести вокруг пальца? И знает ли он в самом деле, на что подписался?

Конечно нет!

И в этом часть потехи!

Гурдже за свою жизнь не раз бывал в путешествиях и (в самом длительном, тридцатью годами ранее) удалялся от Чиарка на несколько тысяч

световых лет, но через несколько часов после старта «Фактора сдерживания» он с неожиданной тоской почувствовал этот разрыв в световых годах между ним и домом, разрыв, который все увеличивался с ускорением корабля. Гурдже посидел перед экраном, на котором постепенно уменьшалась в размерах желто-белая звезда Чиарка, но чувствовал себя даже дальше от нее, чем это было видно на экране.

Он никогда прежде не ощущал лживости экранных изображений, но, сидя здесь, в бывшей кают-компании, и глядя на прямоугольник экрана на стене, он не мог не чувствовать себя актером или компонентом начинки корабля, частью — неизбежно поддельной — модели реального космоса, висевшей перед ним.

Может, дело было в тишине. Он отчего-то ждал шума. «Ограничивающий фактор» мчался со все возрастающим ускорением через нечто, называемое ультрапространством; скорость корабля приближалась к максимальной такими темпами, что мозги Гурдже отказывались воспринимать цифры на настенном экране. Он даже не знал, что такое ультрапространство. То же самое, что гиперпространство? Об этом последнем он по крайней мере слышал, хотя и не понимал толком,

что это такое… Несмотря на всю эту жуткую скорость, на корабле царила почти полная тишина, и Гурдже испытывал расслабляющее, жутковатое чувство, словно древний боевой корабль, простоявший несколько веков на консервации, еще не полностью пробудился и внутри его хищного корпуса все происходило медленно, будто во сне.

Корабль, казалось, тоже не хочет начинать никаких разговоров, что в другой ситуации ничуть не тронуло бы Гурдже, но теперь встревожило. Он вышел из своей каюты и отправился на прогулку по узкому, примерно стометровому коридору, который вел в суженную часть корабля. В пустом коридоре — шириной едва ли больше метра и таком низком, что Гурдже почти касался потолка, — он вроде бы различил слабое гудение, доносившееся отовсюду. Дойдя до конца прохода, он повернул в другой, ведущий вниз под углом градусов в тридцать, но стоило шагнуть туда (и пережить мгновенное головокружение), как коридор, похоже, оказался горизонтальным. Он заканчивался в блистере эффектора, где была установлена одна из больших игровых досок.

Доска простиралась перед Гурдже — буйство геометрических фигур и красок; игровое поле распростерлось на пятистах квадратных мет-

рах, а низкие конические возвышения, будучи трехмерными, еще больше увеличивали общую площадь. Гурдже подошел к краю огромной доски, задаваясь вопросом, не берет ли он на себя слишком многое.

Он оглядел то, что раньше было блистером эффектора. Доска занимала чуть больше половины пола и покоилась на основании из легкого пенометалла, установленном во время переделки. Половина этого объема была внизу, под ногами Гурдже; поперечное сечение корпуса эффектора было круглым, а перекрытие и игровая доска, располагаясь по диаметру, практически упирались в корпус корабля за границами блистера. Арка потолка, отливающего тусклым серовато-красным цветом, отстояла от пола метров на двенадцать.

Гурдже спрыгнул через люк в тускло освещенный отсек под полом из пенометалла. Гулкое пространство здесь было еще более пустым, чем наверху; если не считать нескольких люков и мелких углублений на полусферической поверхности, все вооружение было удалено отсюда бесследно. Гурдже вспомнил Маврин-Скела и подумал о том, как должен себя чувствовать «Фактор сдерживания» с вырванными когтями.

— Жерно Гурдже.

Он повернулся, услышав свое имя, и увидел, что рядом с ним парит каркас кубической формы.

— Да?

— Мы достигли нашей высшей точки агрегации и держим скорость приблизительно восемь с половиной тысяч световых лет в ультрапространстве один плюс.

— Неужели? — Гурдже оглядел полуметровый куб, спрашивая себя, где у того глаза.

— Да, — сказал дистанционный автономник. — У нас должно состояться рандеву с ВСК «Маленький негодник» приблизительно через сто два дня. В настоящий момент мы получаем информацию с «Маленького негодника» — инструкции по игре в азад, и корабль поручил мне сказать, что в скором времени сможет начать игру. Когда вы хотите приступить?

— Только не сейчас. — Гурдже прикоснулся к пульту управления люком, из которого просачивался свет. Автономник парил над ним. — Я сначала хочу попривыкнуть немного. Мне нужно провести кое-какие теоретические исследования, прежде чем я начну играть.

— Отлично. — Автономник поплыл прочь, но затем остановился. — Корабль просит сообщить вам, что его нормальный рабочий режим под-

разумевает полный внутренний мониторинг, так что в вашем терминале нет нужды. Вас это устраивает или вы предпочтете отключить внутреннюю систему наблюдения и связываться с кораблем через ваш терминал?

— Через терминал, — не раздумывая сказал Гурдже.

— Внутренний мониторинг ограничен режимом чрезвычайной ситуации.

— Спасибо.

— Не за что. — С этими словами автономник двинулся прочь.

Гурдже смотрел, как тот исчез в коридоре, потом снова повернулся к огромной доске и еще раз покачал головой.

За следующие тридцать дней Гурдже не прикоснулся ни к одной фигуре азада — все время он постигал теорию, изучал историю игры в той мере, в какой это способствовало лучшему ее пониманию, запоминал фигуры, их ходы, их ценность, наличие или отсутствие симметрии, потенциальную и фактическую нравственную мощь, их пересекающиеся графики силы в зависимости от времени, их возможности в зависимости от положения на доске. Он размышлял над столами и решетками, определяющими свой-

ства мастей, цифр, уровней и наборов связанных с ними карт, он ломал голову над тем, какое место занимают малые доски в большой игре и как символика элементов на поздних этапах игры согласуется с преобладанием формальной логики на ее начальных стадиях, пытаясь одновременно увязать воедино тактику и стратегию стандартной игры как в режиме один на один, так и в варианте, когда в одной партии участвуют до десяти соперников. И все это — при возможности образовывать союзы, интриговать, вести согласованные действия, заключать соглашения и совершать предательства, допускаемые характером игры.

Гурдже обнаружил, что дни летят незаметно. Он спал два-три часа в сутки, а остальное время проводил перед экраном; иногда он стоял посредине одной из игровых досок, разговаривая с кораблем, рисовал голограммы в воздухе и передвигал фигуры. Он все время секретировал, его кровь была полна выделенных субстанций, мозг купался в генно-инженерной химии, а не знающая устали главная железа (в пять раз больше той, что была у его примитивных предков) вбрасывала или давала команду другим железам вбрасывать в его организм запрограммирован-

ный набор химикалий.

Он получил несколько посланий от Хамлиса — тот писал большей частью о слухах, гулявших по плите. Маврин-Скел исчез. Хаффлис подумывал о том, чтобы опять стать женщиной и родить еще одного ребенка; ландшафтники с Узла и Плиты определили дату открытия Тефарне, новейшей плиты на дальней стороне, перед отъездом Гурдже проходившей погодные испытания. Предполагалось открыть ее для людей через два года. Йей будет недовольна, подозревал Хамлис, что с ней не посоветовались, перед тем как сделать это заявление. Хамлис желал Гурдже всех благ, интересовался, как он поживает.

От Йей пришла лишь открытка с живой картинкой. Йей лежала, развалившись в гравигамаке, перед огромным экраном или смотровым отверстием, откуда открывался вид на сине-красный газовый гигант, и сообщала ему, что наслаждается путешествием с Шуро и двумя его друзьями. Гурдже показалось, что она не совсем трезва. Она погрозила ему пальчиком, сказала, что он плохой мальчик — уехал без предупреждения и так надолго, даже не дождался ее возвращения… Потом она словно увидела кого-то за краем экрана и закончила послание, сказав, что выйдет на

связь позже.

Гурдже попросил «Фактор сдерживания» подтвердить получение, но сам на послание не ответил. Эти вызовы породили у него легкое чувство одиночества, но он каждый раз возвращался к игровой доске, выкидывая из головы все, кроме игры.

Он разговаривал с кораблем, который оказался более общительным, чем его дистанционный автономник. Как и предупреждал Уортил, корабль был любезен, но не отличался особым умом ни в чем, если не считать азада. Гурдже даже пришло в голову, что старый боевой корабль получает от этой игры больше удовольствия, чем он, Гурдже. Корабль изучил игру во всех тонкостях и, казалось, радовался своей роли учителя, а также самой игре — сложной и красивой системе. Корабль признал, что никогда в гневе не пользовался своими эффекторами и, возможно, находит в азаде то, чего ему не хватало в действительности, — острую схватку.

«Фактор сдерживания» принадлежал к Универсальным Наступательным Кораблям класса «Убийца» и имел номер 50017. Он был последним кораблем этого вида — его соорудили семьсот шестнадцать лет назад, под занавес Идиранской

войны, когда конфликт в космосе был практически исчерпан. Теоретически корабль участвовал в активных действиях, но он никогда не подвергался опасности.

Через тридцать дней Гурдже начал передвигать фигуры.

Часть фигур азада представляли собой продукты биотехнологий и были изваяны из генетически измененных клеток, менявшихся, когда их впервые доставали из упаковки и ставили на доску; полурастения, полуживотные, они обозначали свои свойства и ценность цветом, формой и размером. «Фактор» сообщил, что произведенные им фигуры неотличимы от настоящих, но Гурдже счел заявление чересчур оптимистичным.

И только когда Гурдже попытался оценить фигуры, ощутить их, уловить, какими они могут стать (слабее или сильнее, быстрее или медленнее, укоротить или удлинить свою жизнь), он понял, насколько трудна сама игра.

Он просто не мог осмыслить биотехнологические тонкости: эти фигуры напоминали ему куски нарезанной цветной растительности и мертвым грузом ложились в руку. Он тер фигуры, пока на пальцах не появлялась краска, нюхал их, рассматривал, но, оказавшись на доске, они

поступали неожиданно — изменялись, становясь боеприпасами, тогда как Гурдже считал их боевыми кораблями; из эквивалентов философских посылок, расположенных в глубине его территории, они превращались в наблюдательные посты, наилучшим образом подходящие для высокогорья или передовой линии.

Прошло четыре дня, Гурдже пребывал в отчаянии и серьезно подумывал о том, чтобы вернуться на Чиарк, признаться во всем Контакту в надежде, что там пожалеют его и либо не выгонят Маврин-Скела, либо заставят его замолчать. Что угодно, только не разгадывать больше эту убийственную, страшно обескураживающую шараду.

«Фактор сдерживания» предложил ему на время забыть о биотехах и сосредоточиться на вспомогательных играх, которые (если Гурдже будет побеждать) предоставят ему некоторую свободу выбора в использовании биотехов на последующих этапах. Гурдже последовал совету, и получилось неплохо, но он по-прежнему был угнетен и подавлен. Иногда он вдруг понимал, что «Фактор» говорит с ним уже несколько минут, а его мысли крутятся вокруг совершенно других сторон игры, и тогда приходилось просить корабль повторить сказанное.

Дни шли за днями, корабль время от времени предлагал Гурдже подвигать биотехи и советовал, какие наркотики выделить перед этим. Он даже рекомендовал Гурдже брать с собой в постель некоторые из самых важных фигур, держать биотехи в руках, обнимать, словно малых детей. Просыпаясь, Гурдже испытывал неловкость и радовался, что его никто не видит по утрам (но тут же спрашивал себя: так ли это на самом деле; может, опыт общения с Маврин-Скелом и сделал его чересчур мнительным, но он теперь понимал — абсолютной уверенности, что за ним не наблюдают, больше не будет никогда. Может, за ним шпионит «Ограничивающий фактор», может, это следит Контакт, оценивает его… но, решил он для себя, его больше не волнует, следят за ним или нет).

Каждый десятый день он устраивал себе выходной, опять же по рекомендации корабля, и тщательно обследовал судно, хотя смотреть особо было не на что. Гурдже привык к гражданским кораблям, которые по начинке и конструкции напоминали обычные жилища с относительно тонкими стенками и довольно большим внутренним пространством, а военный корабль больше напоминал цельную металлическую или

каменную болванку. Он был похож на астероид с небольшим числом полостей и проходов, проделанных для обитающих в нем людей. Гурдже бродил или проплывал по коридорам, которые все же имелись на корабле, стоял какое-то время в одном из трех носовых блистеров, разглядывая неподвижное нагромождение оставшихся здесь машин и оборудования.

Главный эффектор в окружении комплекса защитных дезинтеграторов, сканеров, тракеров, прожекторов, перемещателей и вторичных боевых систем казался громадным в тусклом свете и был похож на линзу глазного яблока с металлическими наростами. Массивный агрегат имел около двадцати метров в диаметре, но корабль сказал (как показалось Гурдже, не без гордости), что, когда все было подключено, он, корабль, мог вращать и останавливать всю эту махину так быстро, что человеческий глаз не успевал даже заметить — моргнешь, а все уже поменялось.

Гурдже обследовал пустой ангар в одном из поясных блистеров. Здесь предполагалось разместить модуль Контакта, переоборудуемый сейчас на ВСК, с которым предполагалось рандеву. Этот модуль станет домом для Гурдже, когда он прибудет на Эа. Он видел голограммы интерьера

— помещение было достаточно просторным, хотя и не дотягивало до стандартов Икроха.

Он узнавал понемногу и о самой империи, ее истории и политике, философии и религии, ее верованиях и морали, ее смеси подвидов и полов. Империя казалась ему нераспутываемым клубком противоречий: она была одновременно патологически жестокой и мрачно-сентиментальной, пугающе варварской и удивительно сложной, сказочно богатой и бесконечно бедной (но, безусловно, однозначно чарующей).

Как ему и говорили, во всем обескураживающем разнообразии азадианской жизни одно было постоянным: игра азад пронизывала все слои общества, словно единственная неизменная тема, почти заглушённая какофонией шума, и Гурдже начал понимать, что значили слова Уортила: по мнению Контакта, эта игра сплавляет империю в единое целое. Ничто другое, похоже, империю не сплавляло.

Почти ежедневно Гурдже плавал в бассейне. Корпус эффектора был переоборудован под голографический проектор, и корабль поначалу воспроизводил на внутренней поверхности блистера, шириной двадцать пять метров, голубое небо и белые облака. Но это зрелище скоро утоми-

ло Гурдже, и он попросил корабль дать тот вид, который окружал бы их при движении по реальному космическому пространству; наведенный эквивалентный вид — так это называл корабль.

Гурдже плавал теперь под нереальной чернотой космоса и жесткими огоньками медленно двигающихся звезд, уходил под слегка подсвеченную поверхность теплой воды, словно нырял под зыбкое перевернутое изображение самого корабля.

Приблизительно на девятнадцатый день он почувствовал, что начинает кое-что понимать в биотехах. Он уже мог вести ограниченную игру против корабля на всех малых досках и на одной из больших, а когда отправлялся спать, то все три часа ему снились люди и собственная жизнь: он возвращался в детство, юность и последующие годы — странная смесь воспоминаний, фантазий и несбывшихся желаний. Он постоянно хотел написать (или записать что-нибудь) для Хамлиса, или Йей, или еще кого-нибудь на Чиарке, кто отправлял ему послания, но время каждый раз казалось неподходящим, а чем больше он откладывал, тем труднее было взяться. Постепенно люди перестали выходить с ним на связь, и Гурдже, хотя и чувствовал себя виноватым, испытал

облегчение.

Сто один день спустя после старта с Чиарка, на расстоянии более двух тысяч световых лет от орбиталища, у «Фактора сдерживания» состоялось рандеву с супертранспортником класса «Река» — «Поцелуй меня в зад». Два состыкованных корабля, теперь заключенные в одно эллипсоидное поле, начали ускоряться, чтобы сравняться по скорости с ВСК. На это требовалось несколько часов, и Гурдже отправился спать.

«Фактор» разбудил его часа через полтора и включил экран его каюты.

— Что такое? — сонно спросил Гурдже, забеспокоившись.

Экран, занимавший одну из стен каюты, был голографическим, а потому Гурдже смотрел словно в окно. Когда Гурдже перед сном выключал экран, тот показывал хвостовую часть супертранспортника на фоне звездного поля.

Теперь на нем был виден пейзаж — медленно двигающаяся панорама озер и холмов, ручьев и лесов, и все это снималось сверху.

Над землей медленно, словно ленивое насекомое, летел самолет.

— Я подумал, вам это может понравиться, — сказал корабль.

— Где это? — спросил Гурдже, протирая глаза.

Он не понял. Он полагал, что цель стыковки с супертранспортником — не вынуждать тормозить ВСК, встреча с которым намечалась в ближайшее время; супертранспортник должен был помочь им ускориться и догнать гигантский корабль. А они вместо этого остановились над орбиталищем, или планетой, или еще чем-то, большим по размерам.

— У нас произошло рандеву с ВСК «Маленький негодник», — сообщил корабль.

— Произошло? И где же ВСК? — спросил Гурдже, скидывая ноги с кровати.

— Вы смотрите сверху на его кормовой парк.

Изображение, которое перед этим было, видимо, увеличено, теперь перешло в общий план, и Гурдже понял, что смотрит на огромный корабль, над которым медленно движется «Фактор». Парк имел приблизительно квадратную форму, но Гурдже не мог даже отдаленно сказать, какова длина стороны этого квадрата. В туманной дымке на грандиозной поверхности угадывались огромные каньоны и ребра, переходящие в более низкие уровни. Все это пространство — воздух, земля, вода — сверху было залито светом, и Гурдже понял, что даже не видит тени от «Фактора».

Он задал несколько вопросов, не сводя глаз с экрана.

При высоте всего в четыре километра ВСК класса «Плита» «Маленький негодник» был полных пятьдесят три километра в длину и двадцать два в поперечнике. Кормовой парк занимал площадь в четыреста квадратных километров, а общая длина судна от одного края поля до другого немного превышала девяносто километров. Гигант был в основном судостроительным заводом, а не местом проживания, поэтому на нем обитало всего двести пятьдесят миллионов человек.

За те пятьсот дней, что потребовались «Маленькому негоднику» для перехода от основной галактики к туманностям, Гурдже постепенно освоил азад и даже находил время, чтобы встречаться с людьми. С некоторыми он сошелся довольно близко.

Это были люди Контакта. Половина из них принадлежали к экипажу самого ВСК, однако они управляли не столько судном (любой из трех Разумов корабля мог делать это самостоятельно), сколько человеческим обществом на борту. Кроме того, в их обязанности входили: наблюдение; мониторинг постоянного потока информации о новых открытиях, совершенных удаленными

подразделениями и другими ВСК Контакта; изучение систем звезд и систем разумных сообществ, открываемых, исследуемых и (иногда) изменяемых Контактом, и представительство на них от имени Культуры.

Другая половина состояла из экипажей малых кораблей. Некоторые из них находились на отдыхе и переоснащении, для других, как для Гурдже с «Фактором», ВСК служил попутным транспортом, третьи покидали на ходу причал, чтобы исследовать новые скопления звезд между галактикой и туманностями, четвертые ждали окончания строительства своих судов — малых системных кораблей, на которые они однажды пересядут и которые пока существовали лишь как номера в списке запроектированных к постройке единиц.

«Маленький негодник» был тем, что в Контакте называли производственным ВСК. Он действовал как сортировочная станция для людей и материалов — собирал людей, формировал из них экипажи для подразделений и сооружаемых на нем кораблей малой и средней дальности, а также небольших ВСК. Другие типы крупных ВСК предназначались в первую очередь для проживания и если строили суда, то комплектовали их экипажи своими силами.

Гурдже несколько дней провел в парке на поверхности корабля, бродил по нему, летал в крылатом винтовом самолете — модное развлечение на ВСК в то время. Он набрался опыта настолько, что участвовал в гонках, когда тысячи хрупких аэропланов выписывали восьмерки над корпусом корабля — неслись по одному из подлетных коридоров вдоль всего судна, выскакивали с другого конца и потом мчались обратно под кораблем.

«Фактор сдерживания», размещенный в одном из боковых причальных отсеков, подбадривал Гурдже со словами, что наконец-то у него есть долгожданная возможность расслабиться. Гурдже отвергал все предложения поиграть, но принял несколько из многочисленных приглашений на вечеринки, мероприятия и так далее. Несколько дней и ночей он провел за пределами «Фактора», но случалось, что и старый боевой корабль принимал у себя на борту избранных гостей из числа девушек.

Однако большую часть времени Гурдже проводил один внутри корабля, размышляя над таблицами фигур и записями прошлых игр, трогая биотехи руками и переходя от одной огромной доски к другой; взгляд его обшаривал контуры

игрового поля и фигур, мысли метались в поисках ходов и возможностей, сильных и слабых мест.

Двадцать дней он посвятил краткосрочному курсу эасского — языка империи. Поначалу он думал пользоваться, как и обычно, марейном, прибегая к услугам переводчика, но затем решил, что между языком и игрой существуют тонкие связи, и только по этой причине стал изучать и язык. Позднее корабль сообщил ему, что это так или иначе было желательно — Культура пыталась скрыть от империи Азад даже особенности своего языка.

Вскоре после его прибытия к Гурдже явился автономник еще меньших размеров, чем Маврин-Скел. Круглый, он состоял из нескольких секций-колец, вращавшихся вокруг неподвижного сердечника. Машина представилась как библиотечный автономник с дипломатической подготовкой по имени Требел Флер-Имсахо Эпхандра Лорд-жин Эстраль. Гурдже поздоровался и проверил, включен ли его терминал. Как только машина удалилась, Гурдже отправил послание Хамлису-Амалк-нею, приложив запись разговора с маленьким автономником. Чуть позже Хамлис ответил, что это, видимо, недавняя модель библиотечных автономников, как он и говорил. Не

старая машина, как они ожидали, а, вероятно, вполне безобидная. Хамлис не слышал, чтобы такие служили для нападения.

Под конец старый автономник рассказал кое-какие сплетни с Геванта. Йей Меристину поговаривает о том, чтобы покинуть Чиарк и устраивать ландшафты в другом месте. У нее появился интерес к явлениям, называемым вулканами, — что Гурдже знает о них? Хаффлис изменяет пол. Профессор Борулал шлет привет, но до ответа от Гурдже — никаких новых посланий. Маврин-Скел, слава богу, все еще отсутствует. Узел был уязвлен тем, что вроде бы потерял из виду эту дрянную машину; технически этот бедолага все еще находился в юрисдикции Разума орбиталища, которому придется отчитываться за него при следующей переписи и инвентаризации.

В течение нескольких дней после первой встречи с Флер-Имсахо Гурдже пытался понять, что насторожило его в этом крохотном автономнике. Флер-Имсахо был до жалости мал (его можно было спрятать в сложенных чашечкой ладонях), но отчего-то Гурдже в его присутствии чувствовал себя не в своей тарелке.

Он сообразил (а вернее, проснулся, уже все зная,

утром после ночного кошмара, в котором он был заперт внутри металлической сферы, катающейся по полю какой-то странной и жестокой игры), что Флер-Имсахо с его вращающимися кольцами и белым диском корпуса похож на пластину скрытой фигуры из игры в «одержание».

Гурдже удобно полулежал в кресле под пышными кронами деревьев и смотрел, как внизу катаются на коньках. На нем были только жилет и шорты, но между зрительским балконом и катком находилось теплополе, так что воздух вокруг Гурдже подогревался. Он то смотрел на экран, заучивая вероятностные уравнения, то поглядывал на каток, где несколько его знакомых носились по фигурным, пастельного цвета поверхностям.

— Добрый день, Жерно Гурдже, — сказал Флер-Имсахо своим тоненьким писклявым голоском, осторожно усаживаясь на мягкий подлокотник кресла.

Его поле, как и обычно, было желто-зеленым: мягкая доброжелательность.

— Привет, — сказал Гурдже, скользнув взглядом по автономнику. — Чем занимались?

Он прикоснулся к экрану терминала, чтобы разобраться с еще одним рядом таблиц и уравнений.

— Вообще-то я изучал виды птиц, обитающих внутри судна. Птицы представляются мне ужасно интересными. А вам?

— Ммм, — неопределенно промычал Гурдже, глядя, как сменяются ряды таблиц. — Я вот никак не могу понять. Когда вы отправляетесь на прогулку в парк верхней стороны, то, как и следует ожидать, находите помет, а вот здесь, внутри, чистота безукоризненная. На ВСК что, есть автономники, которые подбирают за птицами? Я знаю, что я мог спросить об этом, но мне хотелось сообразить самому. Должен же быть какой-то ответ.

— Ну, это просто, — ответила маленькая машина. — Берутся деревья и птицы, находящиеся в симбиозе. Птицы гадят только на семенные коробочки определенных деревьев, иначе плод, которым они питаются, не созреет.

Гурдже посмотрел сверху вниз на автономника.

— Ясно, — холодно сказал он. — Хорошо, а то эта проблема уже стала меня утомлять.

Он вернулся к уравнениям и отрегулировал плавающий терминал так, чтобы экран скрыл от него Флер-Имсахо. Автономник некоторое время молчал, поле вокруг него стало алым (извинение)

и серебряным («прошу не тревожить»). Потом он улетел.

Флер-Имсахо большую часть времени был занят самим собой, а к Гурдже заглядывал приблизительно раз в день, не задерживаясь на борту «Фактора». Гурдже был рад этому; молодая машина (всего тринадцатилетняя, по ее словам) иногда действовала ему на нервы. Корабль заверил Гурдже, что по прибытии в империю маленький автономник будет помогать ему обходиться без ляпов в общении и сообщать о лингвистических тонкостях. Еще — как корабль сообщил Гурдже позднее — «Фактор» заверил Флер-Имсахо, что Гурдже вовсе его не презирает.

Поступили новые известия из Геванта. Вообще-то Гурдже уже ответил нескольким знакомым или записал для них послания — он мог себе позволить это теперь, когда почувствовал вкус к азаду. Гурдже обменивался посланиями с Хамлисом примерно раз в пятьдесят дней, хотя и обнаружил, что ему почти нечего рассказывать, и потому новости в основном поступали с другого конца. Хаффлис изменила пол целиком и уже забеременела, хотя живот еще не был заметен. Хамлис составлял полную историю какой-то примитивной планеты, на которой некогда побывал.

Профессор Борулал взяла академический отпуск на полгода и, отказавшись от терминала, жила уединенно в горном домике на плите Осмолон. Ольц Хап, девушка-вундеркинд, вылезла из своей раковины; она уже читала лекции по играм в университете и стала блестящим завсегдатаем приемов в лучших домах. Она провела несколько дней в Икрохе, желая лучше понять Гурдже, и заявила, что он — лучший игрок Культуры. Хап сделала анализ знаменитой с тех пор партии в стрикен, сыгранной у Хаффлиса, и он был принят на ура — никто не помнил, чтобы чья-нибудь первая работа встретила такой восторженный прием.

Йей сообщала, что сыта по горло Чиарком — с нее хватит, она улетает. Она получила предложения от других сообществ, строящих плиты, и собиралась принять по крайней мере одно, чтобы показать свои способности. Большую часть ее посланий занимали теории искусственных вулканов на плитах. Усиленно жестикулируя, она рассказывала, как можно фокусировать солнечный свет на нижней поверхности плиты, расплавляя породу с другой стороны, или просто использовать теплогенераторы. Она прилагала записи извержений на планетах с объяснениями

последствий и соображениями, как все можно улучшить.

Гурдже решил, что оснащенные вулканами плавучие острова — совсем неплохая идея.

— Вы это видели?! — воскликнул как-то раз Флер-Имсахо, быстро приблизившись к кабинету из воздушных струй, где около бассейна обсыхал Гурдже.

За маленькой машиной, прикрепленный к ней тонкой лентой поля, все еще желто-зеленого цвета (но с белыми пятнышками раздражения), парил большой, довольно старомодный и сложный на вид автономник.

Гурдже скосил на него глаза.

— И что это такое?

— Мне придется таскать на себе эту дрянь, — простонал Флер-Имсахо.

Лента поля, связывающая его с тем, другим, мигнула, и корпус старомодной машины раскрылся. Он показался поначалу абсолютно пустым, но когда Гурдже в недоумении пригляделся, то увидел в середине маленькую сетчатую ячейку, как раз по размеру Флер-Имсахо.

— Вот оно что, — сказал Гурдже и с усмешкой отвернулся, чтобы выжать воду из подмышек.

— Предлагая мне эту работу, меня ни о чем та-

ком не предупреждали! — взволнованно сказал Флер-Имсахо, снова захлопывая корпус. — Они говорят, империя, мол, не должна знать, насколько малы мы, автономники! Почему тогда не могли просто взять большого? Зачем всучивать мне это… это…

— Шикарное одеяние? — подсказал Гурдже, проводя рукой по волосам и выходя из воздушного потока.

— Шикарное? — воскликнул библиотечный автономник. — Шикарное?! Хлам — вот что это такое! Тряпье! Еще хуже: я должен жужжать и все время щелкать статическими зарядами, убеждая этих варваров, этих болванов, что мы толком не умеем делать автономников. Жужжать — скажите на милость!

— Может, вам стоит попросить о переводе? — спокойно сказал Гурдже, одеваясь.

— О да, — с горечью ответил Флер-Имсахо, и в его тоне послышалось что-то вроде сарказма, — и после этого получать только дрянную работу за отказ сотрудничать. — Он, как бичом, хлестнул полем по древнему корпусу. — Я привязан к этой груде металла.

— Автономник, — сказал Гурдже, — не могу передать, как я вам сочувствую.

«Фактор сдерживания» выбрался из причального дока. Два подъемника развернули корабль так, чтобы он встал вдоль двадцатикилометрового коридора. Корабль и его небольшие буксиры не спеша миновали коридор и выбрались из корпуса ВСК в его носовой части. Внутри воздушной оболочки, окружающей «Маленького негодника», двигались другие корабли и оборудование — ЭКК и суперподъемники, самолеты и шары с горячим воздухом, вакуумные дирижабли и планеры, люди, плывущие в модулях, автомобилях или подвесной оснастке.

Некоторые наблюдали за движением старого военного корабля. Буксиры-подъемники отошли в сторону.

Корабль направился вверх, минуя один за другим тамбуры, голый корпус, висячие сады и запутанные закоулки открытых жилых секций, где люди ходили, танцевали, или сидели за едой, или просто смотрели на всю эту воздушную суматоху, или занимались спортом, или играли. Некоторые махали рукой. Гурдже видел все это на экране салона и даже узнал кое-кого из людей, пролетающих мимо и прощающихся с ним.

Официально он отправлялся в одиночный круиз — отдохнуть перед Всегалактическими

играми. Он уже намекал, что может отказаться от участия в турнире. Некоторые теоретические и новостные журналы проявили немалый интерес к внезапному отъезду Гурдже из Чиарка (и не менее внезапному прекращению публикаций) и дали задание своим корреспондентам на «Маленьком негоднике» взять у него интервью. По договоренности с Контактом Гурдже делал вид, что утомился от игр вообще и путешествие плюс участие в крупном турнире должны возродить его угасающий интерес к игре.

Казалось, что всех это убедило.

Корабль вышел из ВСК, поднялся над облачками и верхним парком под ними, вошел в более разреженный воздух, где соединился с суперподъемником «Перводвигатель» и вместе с ним постепенно вернулся назад, к краю атмосферной оболочки ВСК. Они медленно миновали несколько слоев полей — демпферное, изолирующее, сенсорное, сигнально-рецепторное, энергетически-тяговое, корпусное, наружное сенсорное и, наконец, горизонтное, пока снова не оказались в гиперпространстве. Несколько часов они притормаживали до скорости, которая была по силам двигателям «Фактора». Затем разоруженный военный корабль снова был предоставлен

самому себе, и «Перводвигатель» отвалил прочь, направляясь к своему ВСК.

— ...Значит, вам настоятельно рекомендуют воздерживаться от секса; азадианам будет трудно всерьез воспринимать мужчину, невзирая на всю вашу необычность, но если вы попытаетесь завязать какие-либо сексуальные отношения, то это наверняка воспримут как страшное оскорбление.

— Есть еще добрые вести, автономник?

— И ничего не говорите о перемене полов. Они знают о наркожелезах, но не о точном их действии. Зато они в курсе главных физических усовершенствований. То есть вы можете сколько угодно рассказывать о бесфурункульной дерматологии и всяких таких пустяках. Но даже элементарная реконфигурация ваших гениталий произведет настоящий фурор, если об этом станет известно.

— Любопытно, — сказал Гурдже.

Он сидел в главном салоне «Фактора сдерживания», а Флер-Имсахо и корабль инструктировали его о том, что можно и чего нельзя в империи. До границы оставалось несколько дней пути.

— Да, они будут завидовать, — сказал маленький автономник своим высоким, чуть скрипучим

голосом. — И возможно, испытывать отвращение.

— Но в первую очередь — завидовать, — сказал корабль посредством своего дистанционного автономника и произвел звук, похожий на вздох.

— Согласен, — сказал Флер-Имсахо, — но определенно и отвра…

— Главное, вы должны запомнить, Гурдже, — прервал автономника корабль, — что их общество основано на собственности. Все, что вы видите, к чему прикасаетесь, принадлежит какой-либо личности или организации — оно их собственность, они им владеют. Точно так же, с кем бы вы ни встретились, он будет четко знать свое место в обществе и положение относительно окружающих… Особенно важно помнить, что допускается владение другими людьми, но не в смысле фактического рабства — они гордятся, что покончили с этим, — а в том, что, принадлежа к такому-то полу или классу, вы частично становитесь собственностью другого лица или лиц: вам приходится продавать свой труд или таланты тому, у кого есть средства их купить. Что касается мужчин, то они отдают себя целиком, когда становятся солдатами. Личный состав армии — настоящие рабы, практически без личной

свободы, неповиновение грозит им смертью. Женщины продают свои тела, обычно заключая брачный контракт с промежуточными, которые затем оплачивают их сексуальные услуги…

— Ах, корабль, прекратите! — рассмеялся Гурджe.

Он проводил собственные изыскания о нравах империи, сам читал исторические труды и просматривал объяснительные видеозаписи. Взгляд корабля на традиции и институты империи был необъективным, несправедливым и ужасно культурианским.

Флер-Имсахо и дистанционный автономник демонстративно смерили друг друга взглядом, потом маленький библиотекарь, уступая, засветился серо-желтым светом и произнес своим высоким голосом:

— Ну что ж, вернемся к началу…

«Фактор сдерживания» лежал в космическом пространстве над Эа, прекрасной бело-голубой планетой, которую Гурджe впервые увидел почти два года назад в экранной комнате Икроха. По обеим сторонам корабля расположились имперские линейные крейсеры, каждый был раза в два длиннее судна Культуры.

Два военных корабля встретили их у границ

звездного скопления, в котором находилась система Эа, и «Фактор», уже сбросивший тягу, нормальную для гиперпространства (это понятие тоже следовало держать в тайне от империи), двигался некоторое время по инерции, а потом остановился вовсе. Восемь его эффекторных блистеров были прозрачными, сквозь них виднелись три игровые доски, модульный ангар и бассейн в узкой части, а также пространства в трех удлиненных носовых помещениях, откуда во время пребывания на «Маленьком негоднике» убрали оружие. Тем не менее азадианцы прислали к кораблю небольшой аппарат с тремя офицерами. Двое остались с Гурдже, третий же по очереди проверил все блистеры, а потом прошелся по всему кораблю.

Эти или другие офицеры оставались на борту в течение пяти дней, пока они добирались до самой Эа. Азадианцы выглядели так, как представлял Гурдже, — выбритые, с плоскими широкими лицами и почти белой кожей. Ростом они были меньше Гурдже — он заметил это, когда офицеры стояли перед ним, — но благодаря военной форме казались гораздо крупнее. До этого Гурдже никогда не видел формы и потому, столкнувшись с ней, испытал странное головокружение, будто от

нереальности происходящего, а также необычную смесь страха и почтения.

Учитывая приобретенные им познания, Гурдже не был удивлен отношением азадианцев к себе. Казалось, те пытаются не замечать инопланетянина; обращались они к нему редко, а если и обращались, то никогда не смотрели в глаза. Он в жизни не встречал такого пренебрежения.

Что, похоже, интересовало офицеров, так это корабль, а не Флер-Имсахо (тот старался не попадаться им на глаза) и не дистанционный автономник корабля. Флер-Имсахо лишь за несколько минут до появления офицеров на борту с крайней неохотой и долгими причитаниями забрался в свою оболочку-обманку. Он тихо кипел в течение нескольких минут, пока Гурдже рассказывал ему, насколько привлекателен для истинных знатоков этот старинный корпус без ауры. Как только на борту появились офицеры, Флер-Имсахо скрылся.

Гурдже был сыт по горло его помощью в сложных лингвистических вопросах и хитростях этикета.

Ничем не лучше был и дистанционный автономник корабля. Эта машина следовала за Гурдже, не произнося ни слова, и время от време-

ни демонстративно натыкалась на стоящие там и здесь предметы. Дважды Гурдже поворачивался и чуть не падал на медлительный неуклюжий куб: возникало искушение пнуть его.

Гурдже пришлось самому попытаться объяснить, что на корабле, насколько ему известно, нет ни мостика, ни кабины экипажа, ни командного пульта, но азадианские офицеры, похоже, не очень-то поверили.

Когда они оказались над Эа, офицеры вышли на связь со своими крейсерами, — они говорили слишком быстро, и Гурдже не понял ни слова. Потом вмешался «Фактор», тоже начал что-то говорить, и возникла оживленная дискуссия. Гурдже оглянулся в поисках Флер-Имсахо, чтобы тот перевел для него этот разговор, но тот снова исчез. Несколько минут он с растущим раздражением прислушивался к неразборчивому обмену, потом решил — пусть разговаривают и повернулся, чтобы сесть. Тут он наткнулся на дистанционного автономника, который парил над полом у него за спиной, и Гурдже не столько сел, сколько свалился на диван. Офицеры посмотрели на него, и он почувствовал, как краснеет. Автономник неторопливо отплыл в сторону, прежде чем Гурдже успел нацелиться в него ногой.

Хватит с меня Флер-Имсахо, подумал он, хватит предположительно безукоризненного планирования и колоссальной хитрости Контакта. Их юный представитель даже не обеспокоился тем, чтобы появиться и сделать надлежащим образом свою работу — занят был, нянчил свое идиотское самолюбие.

Гурдже знал уже достаточно об империи, чтобы понять — она бы такого не допустила; ее люди знали, что такое долг и приказ, и к своим обязанностям относились серьезно, а если нет — то платили за это.

Они делали то, что им говорили, у них была дисциплина.

Наконец три офицера, наговорившись между собой и затем опять со своим кораблем, отправились проверить модульный ангар. Когда они ушли, Гурдже с помощью своего терминала спросил у корабля, о чем тут был спор.

— Они хотели привести сюда еще людей и оборудование, — сказал ему «Фактор сдерживания». — Я сказал, что это невозможно. Беспокоиться им не о чем. Вам лучше собрать свои вещи и идти в модульный ангар — через час я покину имперское пространство.

Гурдже повернул голову к своей каюте.

— Надеюсь, ничего страшного не случится, — сказал Гурдже, — если вы забудете сказать Флер-Имсахо, что отправляетесь в путь, и мне придется спускаться на Эа в одиночестве. — Это была не только шутка.

— Это было бы немыслимо, — сказал корабль.

Гурдже встретил дистанционного автономника в коридоре — тот медленно вращался в воздухе и неритмично покачивался вверх-вниз.

— Неужели это действительно необходимо? — спросил Гурдже.

— Я делаю то, что мне приказали, — язвительно отозвался автономник.

— Не перестарайтесь, — пробормотал Гурдже и пошел собирать вещи.

Из пальто, которое он в последний раз надевал в Икрохе, выпал маленький пакетик и ударился о пол каюты. Гурдже подобрал его, развязал ленточку, недоумевая, что же это такое. Скорей всего, сувенир от какой-то из знакомых дам с «Маленького негодника».

Оказалось, что это тонкий браслет, модель очень широкого, полностью завершенного орбиталища, половина внутренней поверхности которого была освещена, а другая половина пряталась в тени. Поднеся браслет к глазам, Гурдже

увидел крохотные, еле заметные светлые точки на ночной половине; дневная показывала яркое синее море и куски суши под миниатюрной системой облаков. Вся внутренняя сцена светилась собственным светом — в узенькой полоске был какой-то источник питания.

Гурдже надел браслет себе на руку, и тот засверкал на его кисти. Странно, кто с ВСК мог сделать ему такой подарок?

Потом он заметил в свертке записку, вытащил ее и прочел: «Просто чтобы напомнить вам, когда вы окажетесь на той планете. Хамлис».

Гурдже нахмурился, увидев это имя, затем (поначалу отстраненно, с досадным чувством стыда) вспомнил вечер перед своей отправкой с Геванта двумя годами ранее.

Конечно.

Подарок от Хамлиса. Гурдже совсем забыл о нем.

-

— Что это? — спросил Гурдже.

Он сидел в передней секции конвертированного модуля — того, что «Фактор сдерживания» взял на ВСК. Попрощавшись со старым военным кораблем (который должен был ожидать за гра-

ницами империи), Гурдже и Флер-Имсахо взошли на борт маленького суденышка. Ангарный блистер повернулся, и модуль в сопровождении двух фрегатов начал спускаться в сторону планеты, а «Фактор» с нарочитой медлительностью развернулся и, эскортируемый двумя крейсерами, стал выходить из гравитационного колодца.

— Что — «что»? — переспросил парящий рядом с Гурдже Флер-Имсахо — его маскарадный корпус был сброшен и лежал на полу.

— Вот это, — сказал Гурдже, кивнув на экран, который показывал вид снизу.

Модуль летел над землей к Гроазначеку, столице Эа; в империи не любили, когда суда входили в атмосферу вертикально над городами, поэтому пришлось войти со стороны океана.

— Ах, это. Тюрьма-лабиринт.

— Тюрьма? — переспросил Гурдже.

На экране появились окраины распростершейся внизу столицы, и теперь под ними проплывал комплекс стен и удлиненных, геометрически искривленных зданий.

— Да. Идея вот в чем: люди, нарушившие закон, отправляются в лабиринт, а внутри его помещаются соответственно характеру преступления. Это не только лабиринт в физическом смысле, но

еще и нравственный, поведенческий лабиринт. Внешние его очертания, кстати, никак не связаны с внутренней планировкой — снаружи одна только видимость. Заключенный должен дать правильные ответы, действовать надлежащим образом, иначе он никогда не выберется оттуда и даже рискует быть упрятанным еще глубже. Теоретически идеальный заключенный может выйти на свободу через несколько дней, а неисправимый преступник останется там навсегда. Чтобы исключить переполнение, установлен предельный срок пребывания, и если за это время заключенный не выберется на свободу, то его переводят в исправительную колонию пожизненно.

Пока автономник говорил, тюрьма внизу исчезла из виду, экран заполнился городом, паутиной улиц, домами и куполами — тоже своего рода лабиринт.

— Довольно разумно, — заметил Гурдже. — И что, эта система действует?

— Именно это они и стараются нам внушить. На самом деле тюрьма используется как предлог, чтобы не вводить нормальную судебную систему. К тому же богатые могут выйти на свободу за взятку. Так что в отношении правящего класса

эта система действует.

Модуль и два фрегата совершили посадку в огромном порту на берегу широкой илистой реки со множеством мостов. Порт располагался чуть поодаль от центра, но тем не менее был окружен зданиями средней высоты и низкими геодезическими куполами. Гурдже вышел из модуля с Флер-Имсахо, — тот в своей древней оболочке громко жужжал и трещал статическими зарядами. Они спустились на громадную площадь, покрытую синтетической травой, ковер которой был развернут до самого модуля. На траве стояли сорок-пятьдесят азадианцев в разных военных мундирах и гражданских одеяниях. Гурдже изо всех сил напрягал мозги, пытаясь распознать различные полы: он решил, что большинство принадлежит к промежуточному полу, или верховникам, и лишь несколько — к мужскому или женскому. За ними стояло несколько рядов одинаково одетых мужчин с оружием. Позади вооруженных — еще одна группа азадианцев, которые играли довольно пронзительную и быструю музыку.

— Те, кто с оружием, это почетный караул, — сказал Флер-Имсахо из своего фальшивого корпуса. — Не беспокойтесь.

— Я и не беспокоюсь, — ответил Гурдже.

Он знал — это в традициях империи. Официально в число встречающих входят чиновники, секретные агенты, представители организаторов игр, соответствующие жены и наложницы, а также сотрудники новостных агентств. Один из верховников подошел к нему.

— Обращаясь к этому, на эаском следует добавлять «господин», — прошептал Флер-Имсахо.

— Что? — переспросил Гурдже, который едва различал голос машины за ее жужжанием.

Флер-Имсахо гудел и трещал достаточно громко, чтобы его слышали все, кроме оркестрантов, а от генерируемого им статического электричества волосы у Гурдже скособочились в одну сторону.

— Я говорю, что на эаском к нему нужно обращаться «господин», — прошипел Флер-Имсахо, перекрывая собственный гул. — Не прикасайтесь к нему, но когда он протянет руку, вы должны протянуть две и произнести то, что нужно. Помните: не прикасаться к нему.

Верховник остановился прямо перед Гурдже, протянул одну руку и сказал:

— Добро пожаловать в Гроазначек, Эа, империя Азад, Мюра Гурджи.

Гурдже сдержал гримасу, протянул обе руки

(показывая, что в них нет оружия, как то объясняли древние книги) и ответил на эаском, тщательно выговаривая слова:

— Для меня большая честь ступить на священную землю Эа.

(«Отличное начало», — пробормотал автономник.)

Остальная часть встречи прошла как в тумане. Голова у Гурдже кружилась, он потел в лучах яркого двойного солнца, находясь под открытым небом (он знал, что должен обойти почетный караул, хотя ему так и не объяснили, что при этом нужно искать), а затем внутри незнакомые запахи порта еще сильнее заставили почувствовать, что он оказался совершенно в чужом месте. Его представили множеству людей, большинство опять были верховниками. Им явно льстило то, что с ними разговаривают на вполне сносном эаском. Флер-Имсахо сообщал, что надо делать и говорить, и Гурдже слышал себя, произносящего нужные слова, чувствовал, что делает правильные жесты, но общее впечатление было таково: беспорядочные движения; шумные, не желающие слушать люди, и притом довольно резко пахнущие. Впрочем, Гурдже не сомневался, что местные думают то же самое о нем. А еще у него

возникло странное впечатление, что под масками своих лиц они смеются над ним.

Если отрешиться от очевидных физических различий, то все азадианцы казались довольно плотными, крепко сбитыми и решительными в сравнении с людьми Культуры; более энергичными и даже (если уж быть критичным) нервными. По крайней мере, это относилось к верховникам. Мужчин Гурдже почти не видел, но, судя по всему, они хуже соображали, были более мрачными, флегматичными и сильными физически, тогда как женщины представлялись более тихими (вдобавок более сообразительными) и более изящными на вид.

Интересно, каким я кажусь им, думал Гурдже. Он отдавал себе отчет в том, что недоуменно разглядывает странные, ни на что не похожие здания и невероятные интерьеры, а еще людей… но, с другой стороны, он видел, что почти все (в основном опять же верховники) глазеют на него. В двух-трех случаях Флер-Имсахо пришлось повторять свои инструкции дважды, и только после этого Гурдже понимал, что слова предназначены ему. Монотонное гудение автономника и искрение статики в тот день постоянно сопровождали его и, казалось, усугубляли атмосферу безумного,

похожего на сновидение неправдоподобия.

В честь Гурдже подали еду и напитки. Жители Культуры и Азада были близки по биологическому строению, а потому целый ряд напитков, включая алкоголь, переваривались и теми и другими. Гурдже выпил все, что ему дали, но пропустил мимо желудка. Они сидели за длинным столом, уставленным едой и напитками, в длинном здании порта, снаружи выглядевшем простовато, но внутри блиставшем показной роскошью. Прислуживали мужчины в форме — Гурдже помнил, что заговаривать с ними нельзя. Он обнаружил, что большинство людей, с которыми он общался, говорили либо слишком быстро, либо мучительно медленно, но все же он, хоть и не без труда, пообщался с двумя-тремя. Многие спрашивали, почему он прибыл один; он попытался было объяснить, что его сопровождает автономник, но после нескольких безуспешных попыток отказался от этой идеи и просто сказал, что любит путешествовать в одиночестве.

Некоторые спрашивали, как он себя чувствует в Азаде. Гурдже отвечал искренно, что понятия не имеет, выразив надежду, что сыграет достаточно хорошо и хозяева не пожалеют о его приглашении. На некоторых это произвело впечатление,

но, как показалось Гурдже, всего лишь такое, какое почтительный ребенок производит на взрослых.

Один верховник, сидевший от него по правую руку и одетый в обтягивающую, неудобную на вид форму, вроде той, что носили высадившиеся на «Факторе» три офицера, все время спрашивал его о путешествии и корабле, на котором он прибыл. Гурдже держался согласованной заранее версии. Верховник раз за разом наполнял вином разукрашенный хрустальный кубок — Гурдже был вынужден пить с каждым тостом. Поскольку он пропускал вино мимо желудка, чтобы не опьянеть, ему довольно часто приходилось удаляться в туалет (не только помочиться, но и выпить воды). Он знал, что для азадианцев это довольно щекотливый вопрос, но ему вроде бы каждый раз удавалось найти правильные слова — никто не был шокирован, и Флер-Имсахо, казалось, оставался спокоен.

Наконец верховник по имени Ло Пекил Моненайн Старший, сидевший слева от Гурдже, — офицер связи Бюро инопланетных дел, — спросил у Гурдже, готов ли тот отправиться в отель. Гурдже ответил: он, мол, вообще-то думал, что ему предложат жить в модуле. Пекил заговорил очень

быстро и, казалось, был немало удивлен, когда вмешался Флер-Имсахо, говоривший с такой же быстротой. Разговор шел в таком темпе, что Гурдже почти ничего не понял, но автономник наконец сообщил о компромиссе: Гурдже останется в модуле, но модуль поместят на крыше отеля. Для его защиты будут выделены охранники и агенты службы безопасности, и в его распоряжении будет служба снабжения отеля, одна из лучших в своем роде.

Гурдже показалось, что это довольно разумно. Он пригласил Пекила проделать с ним путь до отеля в модуле, и верховник с радостью принял приглашение.

— Прежде чем вы спросите нашего друга, над чем мы пролетаем, — сказал Флер-Имсахо, паря и жужжа у локтя Гурдже, — спешу сообщить, что это называется бидонвиль, и именно здесь город в избытке черпает неквалифицированную рабочую силу.

Гурдже нахмурился, глядя на пополневшего в своем маскарадном одеянии автономника. Ло Пекил стоял рядом с Гурдже на задних сходнях модуля, которые раскрылись, образовав нечто вроде балкона. Они пролетали над городом.

— Я думал, мы не должны говорить на марейне

в присутствии азадианцев, — сказал Гурдже машине.

— Мы здесь в полной безопасности. Этот деятель начинен прослушивающими устройствами, но модуль в состоянии их нейтрализовать.

Гурдже показал на бидонвиль.

— Что это? — спросил он Пекила.

— Это место, где нередко кончают свой путь люди, которые сельской жизни предпочли яркие огни города. К несчастью, многие из них — обычные бездельники.

— Их согнали с земли при помощи крайне несправедливой системы налогообложения и непродуманного, навязанного сверху переустройства сельскохозяйственного производственного аппарата, — добавил Флер-Имсахо на марейне.

Гурдже не знал, что означают последние слова автономника — может, «фермы», но все же повернулся к Пекилу и сказал:

— Понятно.

— А что сказала ваша машина? — задал вопрос Пекил.

— Она процитировала… стихотворение. О великом и прекрасном городе.

— Ах так. — Пекил несколько раз утвердительно покачал головой. — Значит, ваш народ любит

поэзию?

Помолчав, Гурдже сказал:

— Кто-то любит, кто-то — нет, как и везде.

Пекил с умным видом кивнул.

Ветер, гуляющий над городом, проникал за ограничительное поле вокруг балкона, принося слабый запах гари. Гурдже облокотился на дымку поля, разглядывая огромный город, проплывающий под ними. Пекил, казалось, не испытывал желания приближаться к краю балкона.

— Да, у меня для вас хорошие новости, — сказал Пекил, улыбнувшись (то есть закатав обе губы).

— Какие же?

— Моя служба, — торжественно и медленно сообщил Пекил, — сумела получить для вас разрешение присутствовать на главной серии игр вплоть до самого Эхронедала.

— Это, кажется, то самое место, где проводятся последние несколько игр?

— О да. Это кульминация всего шестигодичного Большого цикла на самой Огненной планете. Уверяю вас, оказаться среди приглашенных — большая честь. Инопланетные игроки редко ее удостаиваются.

— Понимаю. Я весьма польщен. Позвольте выразить вам и вашей службе мою глубочайшую

благодарность. Вернувшись домой, я буду всем рассказывать о необыкновенном великодушии азадианцев. Ваше гостеприимство не знает границ. Я вам признателен и чувствую себя вашим должником.

Пекил, казалось, был удовлетворен услышанным. Он кивнул, улыбнулся. Гурдже тоже кивнул, хотя решил не улыбаться в ответ.

— Ну, как?

— Что «ну, как», Жерно Гурдже? — сказал Флер-Имсахо, чьи желто-зеленые поля торчали из крошечного корпуса, словно крылышки экзотического насекомого.

Флер-Имсахо положил церемониальные одеяния на кровать Гурдже. Они находились в модуле, который теперь покоился в саду на крыше гроазначекского Гранд-отеля.

— Как у меня получилось?

— Превосходно. Вы не называли министра «господин», как я вам рекомендовал, вы время от времени изъяснялись расплывчато, но в остальном действовали неплохо. Никаких дипломатических инцидентов, никаких смертельных оскорблений… Я бы сказал, что для первого дня неплохо. Повернитесь, пожалуйста, лицом к отражателю. Я хочу убедиться, что оно сидит на

вас нормально.

Гурдже повернулся и вытянул руки, автономник принялся разглаживать одеяние у него на спине. Гурдже посмотрел на себя в поле отражателя:

— Слишком длинное и плохо на мне сидит.

— Вы правы, но на сегодняшний большой бал во дворце вы должны надеть именно это. Ничего страшного. Я могу подрубить снизу. Модуль сообщает мне, что на платье установлены жучки — имейте в виду, когда выйдете из поля модуля.

— Жучки? — Гурдже посмотрел на автономника в отражателе.

— Монитор местоположения и микрофон. Не беспокойтесь — они делают это со всеми. Постойте спокойно. Да, тут, пожалуй, нужно подрубить повыше. Повернитесь.

Гурдже повернулся.

— Вам нравится отдавать мне приказы, верно, машина?

— Не глупите. Так. Попробуйте теперь.

Гурдже надел платье, посмотрел на себя в отражателе.

— А для чего это пятно на плече?

— Здесь должны быть знаки различия, если они у вас есть.

Гурдже потрогал пустое пятно на платье, покрытом всевозможными украшениями.

— А нельзя ли сочинить что-нибудь? А то как-то пустовато.

— Пожалуй, можно, — сказал Флер-Имсахо, одергивая платье, чтобы лучше сидело. — Но сегодня вечером с этим лучше быть поосторожнее. Наши друзья азадианцы неизменно приходят в замешательство из-за того, что у нас нет ни флага, ни символа, и представитель Культуры в Азаде — вы познакомитесь с ним сегодня, если только он не забудет прийти, — решил, что хорошо бы Культуре обзавестись собственным гимном, который местные оркестры будут играть в честь приезда наших. Так вот, он насвистел им первое, что пришло в голову, и последние восемь лет на приемах и церемониях исполняют эту мелодию.

— Мне кажется, тот оркестр один раз сыграл что-то знакомое.

Автономник приподнял руки Гурдже и сделал еще кое-какие подгонки.

— Да, но первое, что пришло в голову этому парню, была песня «Вылижи меня». Вы знаете слова?

— Вот оно что, — усмехнулся Гурдже. — Вот, значит, какая песня. Да, тут могут возникнуть

заминки.

— В самую точку. Если они узнают правду, то, возможно, объявят нам войну. Типичная для Контакта неразбериха.

Гурдже рассмеялся.

— А я-то прежде думал, что Контакт — очень эффективная организация. — Он покачал головой.

— Хорошо, хоть что-то получается, — пробормотал автономник.

— Ну, вы скрывали информацию обо всей этой империи семьдесят лет — это у вас тоже получилось.

— Скорее везение, чем профессионализм. — Флер-Имсахо выплыл из-за спины Гурдже и теперь парил перед ним, проверяя, как сидит платье. — Вы что, и вправду хотите знаки различия? Можно что-нибудь придумать, если уж вам так хочется.

— Не стоит.

— Хорошо. Мы назовем ваше полное имя для объявления о прибытии — звучит весьма впечатляюще. Они никак не могут понять, что у нас нет званий, так что, возможно, «Морат» будет использоваться как титул. — Маленький автономник спустился вниз, чтобы закрепить оторвавшуюся золотую нить у рубчика. — В конце концов, это

к лучшему. Они не знают Культуру, потому что не могут объяснить ее в своих иерархических терминах. Они не воспринимают нас всерьез.

— Какой сюрприз.

— Гмм. У меня такое чувство, что это все часть плана. Даже этот недоделанный представитель — прошу прощения, посол, — тоже часть плана. Да и вы тоже, я думаю.

— Думаете?

— Они же разрекламировали вас, Гурдже. — Автономник поднялся к его голове и теперь слегка приглаживал волосы, а Гурдже отталкивал назойливое поле от своего лба. — Контакт сообщил империи, что вы — игрок высшего класса. Они сказали, что вы можете играть на уровне полковника/епископа/младшего министра.

— Что? — в ужасе воскликнул Гурдже.

— А возьмите меня — я узнал об этом всего час назад из новостных лент. Они вас используют. Они хотят, чтобы империя была счастлива, и намереваются добиться этого с вашей помощью. Сначала на империю нагоняют страху, сообщая, что вы сможете победить лучших ее игроков, потом, когда — это самое вероятное — вас вышибут в первом туре, они тем самым убедят империю, что Культура — пшик, ничего не стоит, мы все

делаем не так, нас легко унизить.

Гурдже спокойно посмотрел на Флер-Имсахо, сощурив глаза.

— Значит, вы считаете, в первом туре, да?

— Ой, я прошу прощения. — Маленький автономник чуть отодвинулся от Гурдже. — Вы оскорблены? Я просто высказал предположение… понимаете, я видел, как вы играете… то есть я хочу сказать… — Голос машины замер.

Гурдже снял тяжелое платье и бросил на пол.

— Я, пожалуй, приму душ, — сказал он.

Машина помедлила, потом подняла платье и быстро покинула каюту. Гурдже сел на кровать и потер бороду.

Вообще-то машина ничуть не оскорбила его. У него были свои секреты. Он был уверен, что может сыграть гораздо сильнее, чем предполагал Контакт. Он знал, что последние сто дней на «Факторе» вовсе не лез вон из кожи. Да, он пытался не проигрывать и не делать очевидных ошибок, но и не раскрывал всех своих возможностей, держа их про запас для будущих игр.

Он сам не понимал до конца, зачем так скрытничал, но ему почему-то казалось важным не посвящать Контакт во все подробности, утаивать кое-что. Это была его небольшая победа над ни-

ми, маленькая игра, ход на малой доске, удар по первоэлементам и богам.

Большой дворец в Гроазначеке расположился у широкой и мрачной реки, которая и дала городу имя. В тот вечер устраивался большой бал для самых важных персон, которые будут играть в азад следующие полгода.

Их привезли в наземном автомобиле по широкому, усаженному деревьями бульвару, освещенному прожекторами на высоких столбах. Гурдже сел на заднее сиденье рядом с Пекилом, — тот уже сидел в машине, когда ее подали к отелю. Водителем был азадианец-мужчина в форме — судя по всему, машину контролировал только он. Гурдже попытался не думать о возможных авариях. Флер-Имсахо в своем камуфляже расположился на полу и тихонько жужжал, притягивая к себе тонкие волокна из пушистой напольной обивки.

Дворец был не так громаден, как предполагал Гурдже, хотя и не без достоинств. Он был пышно декорирован и ярко освещен, на каждом из многочисленных шпилей и куполов красовались знамена. Длинные, богато украшенные, они величественно колебались на ветру — неторопливые переливающиеся геральдические волны на фоне оранжево-черного неба.

Во дворе под навесом, где остановилась машина, громоздились золоченые помосты, на которых горели двенадцать тысяч свечей разных размеров и цветов — по одной на каждого участника игр. На самом балу присутствовало около тысячи человек, из них половина — игроки, а прочие — главным образом советники игроков, официальные лица, священники, офицеры и чиновники, которые были вполне довольны своим нынешним положением (и заработали должностную безопасность, а значит, стали несменяемыми, как бы ни сыграли их подчиненные) и не собирались соревноваться.

Остальные приглашенные были наставниками и администраторами азад-колледжей (учебных заведений, где обучали игре) — эти тоже освобождались от участия в играх.

Ночь была, на вкус Гурдже, слишком теплой — в застоявшемся душном жарком воздухе царили запахи города. Платье казалось ему тяжелым, на удивление неудобным, и он спрашивал себя, когда можно будет, не нарушая этикета, оставить бал. Они вошли во дворец через огромные двери, по бокам которых располагались массивные открытые ворота из полированного, украшенного драгоценными камнями металла. Вестибюли

и залы сверкали роскошными украшениями, стоящими на столах, свисающими со стен и потолков.

Люди были такими же неправдоподобными, как и обстановка. Женщины, которых здесь вроде было немало, поражали драгоценностями и экстравагантными платьями. Гурдже по колоколообразной форме платьев догадался, что женщины, видимо, не только высоки, но и толсты. Проходя мимо, они издавали шуршание и распространяли сильные, тяжелые, прилипчивые ароматы духов. Многие из тех, мимо кого проходил Гурдже, мерили его взглядом, или внимательно изучали, или даже останавливались и впивались глазами в него и в парящего, гудящего, искрящегося Флер-Имсахо.

Через каждые несколько метров вдоль стен и по сторонам дверей стояли, замерев, мужчины в цветастой форме, чуть разведя обтянутые штанинами ноги и сцепив за прямой, как кол, спиной руки в перчатках. Взгляд их был неподвижно устремлен в высокий разрисованный потолок.

— Зачем они там стоят? — прошептал Гурдже, обращаясь к автономнику на эаском и понизив голос так, чтобы не услышал Пекил.

— Демонстрация, — ответила машина. Гурдже

задумался.

— Демонстрация?

— Да, демонстрация того, что император богат и достаточно важен, чтобы расставить повсюду сотни бездельников-лакеев.

— А разве и без этого все не знают о богатстве и важности императора?

Автономник помолчал несколько мгновений, потом вздохнул.

— Вы так до сих пор и не поняли психологию богатства и власти, Жерно Гурдже?

Гурдже пошел дальше, улыбаясь той стороной своего лица, которая была не видна Флер-Имсахо.

Верховники, встреченные по пути, были одеты в такие же тяжелые платья, что и Гурдже, — пышные, но без нарочитости. Но больше всего Гурдже поразило то, что все это место и все в нем присутствующие, казалось, принадлежали к другой эпохе. Обстановка дворца, одежды людей вполне могли быть сделаны по меньшей мере тысячу лет назад. Изучая это общество, Гурдже просматривал записи старинных имперских обрядов и тогда решил, что неплохо разобрался в древних одеяниях и формах. Теперь ему казалось странным, что, невзирая на очевидный, хотя и

ограниченный, технический прогресс империи, внешняя сторона оставалась неизменной. Древние традиции, моды и архитектурные формы оставались и в Культуре, но люди пользовались ими по своему выбору, скорее даже изредка: это был один из множества стилей, и за него не держались слепо и упрямо, отказываясь от всего остального.

— Подождите здесь — о вашем прибытии сообщат, — сказал автономник, ухватившись за рукав Гурдже.

Тот остановился рядом с улыбающимся Ло Пекилом у двери, ведущей к широкой лестнице, за которой находился главный бальный зал. Пекил вручил карточку одетому в форму верховнику на последней ступени, и усиленный голос того громко зазвучал в огромном помещении.

— Достопочтенный Ло Пекил Моненайн, БИД, Уровень Два Главный, Медаль империи, Орден за заслуги с вручением орденской планки… а с ним Чарк Гавант-ша Джерноу Морат Гурджи дам Хазезе.

Они спустились по великолепной лестнице. Сцена внизу была на порядок более яркой и впечатляющей, чем любое из мероприятий, на каких довелось бывать Гурдже. В Культуре

представления такого масштаба просто не устраивались. Бальный зал был похож на огромный сверкающий бассейн, в который бросили тысячи великолепных цветков и перемешали.

— Этот глашатай просто искалечил мое имя, — сказал Гурдже автономнику, бросив взгляд на Пекила. — А почему у нашего друга такой несчастный вид?

— Я думаю, потому что в его имени пропало словечко «старший».

— А это так уж важно?

— Гурдже, в этом обществе важно все, — ответил автономник и, помолчав, мрачно добавил: — Вас обоих, по крайней мере, хоть объявили.

— Эй, привет! — услышали они громкий голос, спустившись на нижнюю ступеньку лестницы.

Высокий человек, по виду мужчина, в яркой, свободно ниспадающей одежде протиснулся к Гурдже между двумя азадианцами. У него была бородка, коротко стриженные каштановые волосы, живые пронзительные зеленые глаза, и, глядя на него, можно было предположить, что он — выходец из Культуры. Он протянул руку с длинными, в кольцах, пальцами, ухватил пятерню Гурдже и пожал.

— Шохобохаум За. Рад познакомиться. Мне ва-

ше имя было известно до того, как этот недоумок наверху исковеркал его. Вы — Гурдже, верно? А, Пекил, и вы здесь? — Он сунул бокал в руку Пекила. — Прошу, вы ведь пьете эту мерзость, да? Здравствуйте, автономник. Слушайте, Гурдже, — он положил руку ему на плечо, — хотите настоящей выпивки?

— Джерноу Морат Гурджи, позвольте представить вам… — начал было Пекил со смущенным видом, но Шохобохаум За уже вел Гурдже прочь, проталкиваясь сквозь толпу гостей у подножия лестницы.

— Как, кстати, дела, Пекил? — прокричал он через плечо ошеломленному верховнику. — Все в порядке? Да? Отлично. Ну, поговорим позднее. Хочу угостить выпивкой такого же, как я, изгнанника!

Побледневший Пекил неуверенно помахал ему в ответ. Флер-Имсахо, поколебавшись, остался с азадианцем.

Шохобохаум За повернулся к Гурдже, снял руку с его плеча и, немного понизив голос, произнес:

— От этого Пекила мухи дохнут. Надеюсь, вы не возражаете, что я вас увел.

— Пожалуй, я справлюсь с угрызениями совести. — Гурдже оглянул собрата по Культуре с ног

до головы. — Насколько я понимаю, вы — посол?

— Именно. — За рыгнул. — Сюда, — кивнул он, ведя Гурдже сквозь толпу. — Я тут среди всякой выпивки нашел бутылки с *грифом* и хочу приложиться к одной-двум, прежде чем до них доберутся император и его дружки.

Они прошли мимо низкой сцены, на которой расположился грохочущий оркестр.

— Сумасшедшее место, правда? — прокричал За, обращаясь к Гурдже.

Они направились в заднюю часть зала. Гурдже недоумевал, что именно хочет сказать За.

— Ну, вот мы и пришли.

За остановился перед длинным рядом столов. За ними стояли азадианцы-мужчины в ливреях, подавая гостям еду и напитки. Сверху, на громадной изогнутой стене, висел гобелен, украшенный алмазами и золотой нитью: он изображал древнее космическое сражение.

За присвистнул и, нагнувшись над столом, шепнул что-то подошедшему к нему высокому суровому азадианцу; Гурдже увидел, как посол сунул лакею клочок бумаги. Потом За ухватил Гурдже за запястье и повел его от столов к большому закругленному дивану, стоящему у основания мраморной колонны. Колонна с желобками была

отделана золотом и серебром.

— Сейчас вы попробуете, что это такое, — сказал За, наклонившись к Гурдже и подмигнув ему.

Кожа у него была чуть светлее, чем у Гурдже, но гораздо темнее, чем у среднего азадианца. Судить о возрасте людей Культуры было бесконечно трудно, но Гурдже решил, что За на десяток лет моложе его.

— Вы пьете? — спросил За, словно неожиданно встревожившись.

— Я пропускаю алкоголь мимо желудка.

За выразительно покачал головой.

— Не делайте этого с грифом. — Он похлопал Гурдже по руке. — Это будет настоящей трагедией. Такое следует признать предательством с отягчающими обстоятельствами. Лучше вместо этого секретировать Состояние кристальной фуги. Великолепная комбинация — у вас от нее нейроны разбегутся. Гриф — это черт знает что. Его, понимаете ли, поставляют с Эхронедала. Поставляется на игры, готовится только во время сезона Кислорода. Мы получаем гриф, которому не меньше двух Больших лет. Стоит целое состояние. Это такая отмычка для дамских ножек — получше косметического лазера. Ну да ладно. — За сел, сцепил ладони и серьезно поглядел

на Гурдже. — Так что вы думаете об империи? Она замечательная, правда? То есть я хочу сказать, порочная, но сексуальная. — За вскочил со своего места — к ним приближался слуга-мужчина с подносом, на котором стояли два небольших закрытых кувшина. — Наконец!

Он взял поднос с кувшинами в обмен на еще один клочок бумаги. Открыв оба кувшина, За протянул один Гурдже, а свой поднес к губам, зажмурился и глубоко вдохнул. Потом пробормотал вполголоса что-то вроде заклинания и наконец выпил содержимое, не размыкая век.

Когда он открыл глаза, Гурдже сидел, опершись локтем о колено и положив на руку подбородок, и вопросительно смотрел на него.

— Вы уже таким и были, когда вас пригласили на эту работу? — спросил он. — Или это влияние империи?

За рассмеялся низким смехом, уставя глаза в расписной потолок. Роспись изображала сражение древних кораблей тысячелетней давности.

— И то и другое, — сказал За, продолжая посмеиваться. Он кивнул на кувшин Гурдже, на его лице появилось веселое, но (как показалось Гурдже) более осмысленное выражение. Гурдже подумал, что ему на несколько десятков лет боль-

ше, чем казалось поначалу.

— Вы будете пить? Чтобы угостить вас, я потратил столько, сколько неквалифицированный рабочий зарабатывает за год.

Гурдже заглянул в живые зеленые глаза, потом поднес кувшин к губам.

— За неквалифицированных рабочих, мистер За, — сказал он и выпил.

За снова громогласно рассмеялся, закинув голову.

— Я думаю, мы с вами сойдемся, игрок Гурдже.

Гриф оказался сладковатым, ароматизированным, изысканным, с запахом дымка. За осушил свой кувшин, поднеся тонкий носик к открытому рту, чтобы насладиться вкусом последних капель, затем посмотрел на Гурдже и чмокнул губами.

— Проходит, как жидкий шелк. — Он поставил кувшин на пол. — Значит, вы собираетесь участвовать в игре, Жерно Гурдже?

— Я здесь именно для этого. — Гурдже отхлебнул еще пьянящей жидкости.

— Позвольте мне дать вам совет. — За прикоснулся к его руке. — Не заключайте пари ни на что. И наблюдайте за женщинами… или за мужчинами, или за теми и другими и вообще за всем, с чем соприкасаетесь. Будьте осторожны,

иначе попадете в очень неприятные переделки. Даже если вы не желаете секса, вы можете скоро обнаружить, что некоторые из них, особенно женщины, страшно хотят выяснить, что у вас между ног. И они к таким делам относятся на удивление серьезно. Если вас интересуют телесные игры — сообщите мне, у меня есть контакты, я смогу все устроить — чудненько и без всякого шума. Полная тайна и крайняя осторожность гарантируются — спросите кого угодно. — За рассмеялся, потом снова коснулся руки Гурдже и посмотрел на него без тени улыбки. — Я серьезно. Могу для вас это устроить.

— Буду иметь в виду. — Гурдже отхлебнул еще. — Спасибо за предупреждение.

— Не стоит благодарности. Я был рад. Я здесь уже восемь… девять лет. Моя предшественница продержалась всего двадцать дней. Ее выставили за то, что она попыталась приударить за женой министра. — За покачал головой и фыркнул. — То есть я хочу сказать, стильный поступок, но, черт побери, — министр! Свихнувшаяся сучка — ей повезло, что ее только выкинули. Будь она одной из них, ей набили бы все дыры кислотным лишайником, а уж потом бросили в тюрьму. У меня в паху зудит, стоит об этом подумать.

Гурдже не успел ответить, а За — продолжить, так как с вершины роскошной лестницы раздался жуткий, невыносимый звук, словно одновременно разбились тысячи бутылок. Он пронесся по всему бальному залу.

— Черт, император. — За встал и кивнул на кувшин Гурдже. — Допивайте, дружище!

Гурдже медленно поднялся и втиснул кувшин в руку За.

— Допейте сами. Кажется, вам этот напиток нравится больше.

Тот закупорил кувшин и сунул себе под платье.

На вершине лестницы бурлила жизнь. Люди в зале тоже заволновались и образовали что-то вроде человеческого коридора — от нижних ступенек до большого сверкающего сиденья на невысоком возвышении, укрытом золотой материей.

— Лучше вернитесь на свое место, — сказал За.

Он снова попытался ухватить Гурдже за запястье, но тот неожиданно поднял руку — разгладить бородку, и За промахнулся.

Гурдже приглашающе кивнул:

— После вас.

За моргнул и зашагал вперед. Они оказались

позади группы людей, стоящих перед троном.

— Вот ваш дружок, Пекил, — сообщил За верховнику, у которого был взволнованный вид.

Гурдже встал рядом с Пекилом, слыша, как Флер-Имсахо гудит у него за спиной, на уровне поясницы.

— Мистер Гурдже, мы уже начали за вас волноваться, — прошептал Пекил, нервно поглядывая на лестницу.

— Правда? Приятно знать, что о тебе волнуются.

Вид у Пекила был недовольный — может, его опять неправильно титуловали?

— У меня хорошие новости, Гурджи, — прошептал он и посмотрел на Гурдже, который пытался изображать любопытство. — Мне удалось получить для вас персональное представление Их Императорскому Высочеству Императору-Регенту Никозару!

— Это такая честь, — улыбнулся Гурдже.

— Верно, верно. Удивительная и исключительная честь! — выдохнул Пекил.

— Только не изговняйте ее, — пробормотал сзади Флер-Имсахо.

Гурдже повернулся к машине.

Оглушительный шум раздался снова, пронесся

по лестнице, быстро заполнив ее во всю ширину, и большая цветастая толпа людей перед Гурдже откатилась вниз по лестнице. Гурдже решил, что тот, кто впереди, с длинным посохом, и есть император (или император-регент, как его назвал Пекил), но на последней ступени этот верховник отошел в сторону и прокричал:

— Их Императорское Высочество Колледжа Кандсев, Принц Космоса, Защитник Веры, Герцог Гроазначека, Мастер Огней Эхронедала, Император-Регент Никозар Первый!

Император, одетый в черное, был средних размеров верховником с серьезным лицом, в простом, без украшений платье. Он был окружен азадианцами всех полов в сказочно богатых одеяниях — впрочем, среди них были и охранники в довольно скромной форме, мужчины и верховники с длинными мечами или небольшими пистолетами. Перед императором шли крупные животные, четырех- и шестиногие, разномастные, в ошейниках и намордниках, на поводках, украшенных изумрудами и рубинами. Другой конец поводков держали толстые, почти обнаженные азадианцы мужского пола, чья намасленная кожа отливала, как матированное золото на люстрах бального зала.

Император остановился, чтобы поговорить с одним из гостей (те вставали на колени при его приближении) в дальнем конце коридора из людей. Потом он вместе со свитой перешел на ту сторону, где стоял Гурдже.

Бальный зал погрузился в почти полную тишину. Гурдже слышал хриплое дыхание ручных хищников. Пекил потел, на впадинке его щеки пульсировала жилка.

Никозар подошел ближе. Гурдже показалось, что у императора был не столь внушительно строгий и решительный вид, как у большинства азадианцев. Шел он, чуть сгорбившись, и даже когда остановился поговорить с кем-то всего в нескольких метрах от Гурдже, тот услышал только то, что говорил гость. Никозар выглядел моложе, чем ожидал Гурдже.

Хотя Пекил и сообщил ему о личном представлении, Гурдже был немного удивлен, когда одетый в черное верховник остановился перед ним.

— На колени, — прошипел Флер-Имсахо.

Гурдже встал на одно колено. Тишина, казалось, сгустилась еще сильнее. «Черт побери», — пробормотала гудящая машина. Пекил застонал.

Император посмотрел на Гурдже, потом улыб-

нулся одними губами.

— Господин одно колено, видимо, иностранец. Желаем вам хорошей игры.

Гурдже понял свою ошибку и встал на второе колено, но император чуть махнул рукой с множеством колец и сказал:

— Нет-нет, мы восхищаемся оригинальностью. Вы будете и дальше приветствовать нас на одном колене.

— Спасибо, ваше высочество, — сказал Гурдже, чуть поклонившись.

Император кивнул и пошел дальше. Пекил вздохнул, его слегка трясло. Император дошел до трона на возвышении, и тут загремела музыка. Гости внезапно начали говорить, разделенные ряды сомкнулись, все одновременно принялись болтать и жестикулировать. Вид у Пекила был такой, будто он вот-вот упадет в обморок: казалось, азадианец онемел. Флер-Имсахо подплыл вплотную к Гурдже.

— Прошу вас, — сказал он, — никогда больше не делайте ничего подобного.

Гурдже проигнорировал машину.

— По крайней мере, вы не лишились дара речи, а? — внезапно сказал Пекил, беря трясущейся рукой бокал с подноса. — По крайней мере, он

не лишился дара речи, а, машина? — Говорил он с такой быстротой, что Гурдже едва улавливал смысл. Пекил осушил бокал. — Многие просто коченеют. Наверно, и со мной бы такое случилось. Со многими случается. Подумаешь — одно колено, да? Подумаешь, какая ерунда, верно? — Пекил оглянулся в поисках слуги с подносом и посмотрел в сторону трона, на котором сидел император, разговаривавший с кем-то из своей свиты. — Ах, какое великодушное благородство! — сказал Пекил.

— Почему он «император-регент»? — спросил Гурдже у потеющего верховника.

— Их Императорское Высочество принял Королевскую Цепь после прискорбной кончины императора Молсе два года назад. В качестве игрока, занявшего второе место на последних играх, Их Милость Никозар были возведены на трон. Но я уверен, они там и останутся!

Гурдже, который читал о смерти Молсе, но не понял, что Никозар не считается полноправным императором, кивнул. Глядя на людей в экстравагантных одеяниях и животных, окружающих тронное возвышение, он задавался вопросом: какие еще почести полагались бы Никозару, если бы тот занял на играх первое место?

— Я бы предложил вам станцевать, но тут неодобрительно относятся к мужчинам, танцующим в паре, — сказал Шохобохаум За, подойдя к колонне, у которой стоял Гурдже.

За взял с маленького столика блюдо со сластями в обертках и протянул Гурдже, который отрицательно покачал головой. За отправил себе в рот пару печеньиц, а Гурдже принялся наблюдать за волнами плоти и цветастой материи, расходившимися по полу бального зала в сложном, изысканном танце. Рядом с ним парил Флер-Имсахо. К его корпусу, заряженному статикой, прилипли клочки бумаги.

— Не беспокойтесь, — обратился Гурдже к За. — Меня бы это ничуть не оскорбило.

— Хорошо. Вам тут нравится? — За прислонился к колонне. — Мне показалось, вы чувствуете себя не в своей тарелке, стоя тут один. А где Пекил?

— Беседует с какими-то официальными лицами, пытается организовать частную аудиенцию.

— Ну, ему повезет, — фыркнул За. — А что вы скажете о нашем замечательном императоре?

— Он выглядит… очень величественным, — сказал Гурдже, делая недовольный жест и показывая на свое облачение, а потом — на ухо.

За посмотрел на него веселым взглядом, по-

том в его глазах появилось удивление, потом он рассмеялся.

— А, вы имеете в виду микрофон! — За покачал головой, развернул еще пару печеньиц и положил их себе в рот. — Об этом можете не беспокоиться. Говорите, что хотите. Никто вас за это не убьет. Они не против. Дипломатический протокол. Мы делаем вид, что эти платья без жучков, а они — что ничего не слышали. Это такая маленькая игра.

— Ну, если вы так считаете… — Гурдже поглядел на тронное возвышение.

— Да, пока там ничего особенного не увидишь, кроме молодого Никозара, — сказал За, проследив за взглядом Гурдже. — Полные свои регалии он получит после игры, а сейчас формально пребывает в трауре по Молсе. Их траурный цвет — черный, кажется, это связано с космическим пространством. — Некоторое время За смотрел на императора. — Странное государственное устройство, правда? Вся эта власть принадлежит одному человеку.

— Похоже, это… потенциально ненадежный способ руководить обществом, — согласился Гурдже.

— Гм. Ну да, все относительно, правда? А знае-

те, тот старикан, с которым говорит император, возможно, имеет гораздо больше власти, чем сам Никозар.

— Правда? — Гурдже посмотрел на За.

— Да. Это Хамин, ректор колледжа Кандсев, наставник Никозара.

— И вы хотите сказать, он отдает распоряжения императору?

— Официально нет, но… — За рыгнул. — Никозар воспитывался в колледже, провел там шестьдесят лет ребенком и верховником — набирался знаний об игре у Хамина. Хамин холил и лелеял его, научил всему, что знает об игре и обо всем остальном. И вот когда старик Молсе получает билет в одну сторону и отправляется в царство вечного сна — нельзя сказать, что раньше времени, — и на трон садится Никозар, то к кому он обратится за советом в первую очередь?

— Понимаю, — кивнул Гурдже. Он начинал сожалеть, что не уделил должного внимания политической системе Азада, потратив почти все время на изучение игры. — Я думал, что в колледжах просто учат людей играть.

— Теоретически там ничем больше не занимаются, но на деле колледжи — это суррогатные благородные семейства. Империя там берет верх

над традициями крови: чтобы из всего населения заполучить самых умных, жестоких и коварных верховников, которые и заправляют всем, они используют игру, а не вливают путем браков новую кровь в деградирующую аристократию, чтобы встряхнуть ее гены. Вообще-то говоря, довольно стройная система. Игра позволяет решить многое. Я уверен, у нее есть будущее. Контакт, кажется, полагает, что тут все скоро развалится, но я сильно сомневаюсь. Эта система еще нас переживет. Они производят сильное впечатление, как вы думаете? Ну, признавайтесь, на вас все это произвело впечатление?

— Невыразимое. Но прежде чем вынести окончательное суждение, я бы хотел еще понаблюдать.

— И в конце концов на вас это произведет впечатление, вы оцените эту варварскую красоту. Нет-нет, я серьезно. Оцените. В конце концов вам тут захочется остаться. И не обращайте внимания на этого безумного автономника, которого вам дали в няньки. Эти машины все одинаковы: хотят, чтобы все было, как в Культуре, — мир, любовь и всякая такая дребедень. У них не хватает чувственности… — За рыгнул, — чтобы оценить… — он рыгнул еще раз, — империю.

Поверьте мне. К черту машину.

Гурдже обдумывал ответ, когда к нему и За подошла группа верховников и женщин, встав вокруг них улыбающимся, сверкающим кружком. Из круга вышел какой-то верховник и, поклонившись (на взгляд Гурдже, преувеличенно низко), сказал За:

— Не позабавит ли досточтимый посол наших жен своими глазами?

— С удовольствием! — сказал За и протянул поднос со сластями Гурдже.

Женщины хихикали, верховники глуповато ухмылялись друг другу, а За подошел вплотную к женщинам и принялся двигать вверх-вниз мигательными перепонками:

— Вот так!

Посол рассмеялся и, пританцовывая, отошел назад. Один из верховников поблагодарил его, после чего группка со смехом и болтовней отошла прочь.

— Они как большие дети, — сказал За, похлопал Гурдже по плечу и с пустыми глазами пошел прочь.

К Гурдже подплыл Флер-Имсахо, производя шум, похожий на шуршание бумаги.

— Я слышал, этот идиот советовал послать к

черту машины, — сказал он.

— Что? — переспросил Гурдже.

— Этот… впрочем, ладно. Вы не чувствуете себя брошенным из-за того, что не можете танцевать?

— Нет. Я не люблю танцевать.

— И все же, если бы кто-нибудь из присутствующих прикоснулся к вам, для него это было бы социальным унижением.

— А вы умеете выбирать слова, машина.

Гурдже поднес блюдо со сластями к автономнику, отпустил его и пошел прочь. Флер-Имсахо вскрикнул, но успел подхватить падающее блюдо, прежде чем печенье в обертках разлетелось по полу.

Гурдже бесцельно бродил по залу, слегка раздраженный и совсем не слегка раздосадованный. Его не отпускала мысль, что окружавшие его люди в известном смысле — неудачники, словно они все были не прошедшими испытаний деталями какой-то сложной системы и с их включением та была бы безнадежно испорчена. Глупыми и невоспитанными представлялись ему не только люди вокруг него — ему казалось, что и он сам недалеко от них ушел. Каждый, с кем он сталкивался, словно появился здесь, чтобы выставить

себя дураком.

Контакт отправил его сюда на дряхлом корабле, который и кораблем-то назвать трудно, приставил к нему тщеславного, безнадежно грубого молодого автономника, забыл сообщить то, что так важно для игры и что они должны были знать (система колледжей, которую пропустил «Фактор», была хорошим примером). К тому же, по крайней мере частично, Контакт вручил Гурдже заботам запойного горлопана и идиота, который, как дитя, увлекся всякими империалистическими штучками и изобретательно бесчеловечной социальной системой.

По пути сюда будущее приключение казалось ему романтическим, величайшим и отважным деянием, к тому же благородным. Это эпическое ощущение теперь покинуло Гурдже. Он чувствовал одно — что он, как Шохобохаум За или Флер-Имсахо, еще один неудачник, а вся эта насквозь убогая империя лежит перед ним, как груда мусора. Конечно, где-то там, в гиперпространстве, Разумы в полематерии громадного корабля давятся от смеха, думая о нем.

Гурдже оглядел бальный зал. Звучала пронзительная музыка, верховники и роскошно одетые женщины двигались парами по блестящему

инкрустированному полу в фигурах танца, — гордость и смирение на их лицах тоже вызывали у него отвращение. Мимо осторожно, словно машины, двигались мужчины-слуги, следившие, чтобы каждый бокал, каждое блюдо были полны. Гурдже считал, что не важно, как называется эта социальная система, важно, что она выглядит предельно жестко организованной.

— А, Гурджи, — услышал он голос Пекила, появившегося в пространстве между большим растением в горшке и мраморной колонной. Под руку он держал молодую женщину. — Вот вы где. Гурджи, прошу познакомиться с Тринев Датлисдоттир. — Верховник улыбнулся, переводя взгляд с девушки на Гурдже, подтолкнул ее вперед. Она слегка поклонилась. — Тринев — тоже игрок, — сообщил Пекил. — Любопытно, правда?

— Благодарю вас за честь, юная леди, — сказал Гурдже девушке, тоже чуть наклонив голову.

Та неподвижно стояла перед ним, устремив взгляд в пол. Платье ее было не таким разукрашенным, как большинство из виденных Гурдже на балу, и женщина в этом облачении выглядела не столь эффектно.

— Ну что ж, я оставлю вас, двух белых ворон, наедине, поговорите друг с другом. Хорошо? —

Пекил сделал шаг назад и сцепил пальцы. — Отец мисс Датлисдоттир вон там, у эстрады, где оркестр, Гурджи. Если вы не прочь отвести туда молодую даму, когда наговоритесь…

Гурдже посмотрел вслед Пекилу, потом улыбнулся макушке молодой женщины и откашлялся. Девушка хранила молчание. Гурдже сказал:

— Я… гм… я думал, что в азад играют только промежуточные — верховники.

Девушка чуть подняла голову и уставилась ему в грудь.

— Нет, сэр, есть и весьма способные игроки-женщины, но, конечно, низкого класса.

У нее был тихий, усталый голос. Девушка не подняла глаз на Гурдже, и ему приходилось обращаться к ее макушке — под черными, туго связанными волосами была видна белая кожа.

— Вот оно что, — сказал он. — А я думал, что это… запрещено. Я рад, что это не так. А мужчины тоже играют?

— Да, сэр. Играть разрешено всем. Это записано в конституции. Никаких ограничений, просто этим двум… — девушка замолчала, подняла голову и вдруг испуганно посмотрела на него, — второстепенным полам выучиться еще труднее, потому что все знаменитые колледжи

принимают только верховников. — Она снова опустила взгляд. — Конечно, это для того, чтобы не отвлекать тех, кто учится.

Гурдже не знал, что сказать.

— Понятно, — вот все, что он мог придумать в ответ, потом добавил: — И вы… надеетесь хорошо выступить на этих играх?

— Если мне удастся… если я дойду до второй игры в главной серии, то надеюсь, что смогу поступить на гражданскую службу и путешествовать.

— Я надеюсь, вам это удастся.

— Спасибо. К сожалению, это маловероятно. Первая игра, как вам известно, играется в группах по десять участников, и если ты единственная женщина среди девяти верховников, то к тебе относятся как к досадному недоразумению. Обычно женщину первой выставляют из игры, чтобы очистить поле.

— Гмм, меня предупредили, что подобное может случиться и со мной, — сказал Гурдже, улыбаясь голове девушки; ему хотелось, чтобы она снова подняла на него глаза.

— Нет-нет. — Она и в самом деле подняла на него взгляд, и Гурдже неожиданно смутился: столько искренности было на ее плоском лице. —

С вами они ничего такого не сделают — это было бы невежливо. Они не знают, какой вы игрок — сильный или слабый. Они… — Девушка снова опустила глаза. — Они знают, кто я, а потому удалить меня, чтобы они могли играть дальше, — в этом нет никакого неуважения.

Гурдже оглядел огромный, шумный, переполненный бальный зал, где люди разговаривали и танцевали, где громко играла музыка.

— И вы ничего не можете сделать? — спросил он. — Разве нельзя устроить так, чтобы в первом туре десять женщин играли друг с другом?

Девушка по-прежнему не поднимала глаз, но что-то в изгибе ее щек подсказало Гурдже, что она, вероятно, улыбается.

— Можно, сэр. Но, насколько я помню, ни в одной из серий большой игры не было случая, когда в одной группе играли бы два представителя второстепенных полов. За все эти годы жребий никогда не выпадал таким образом.

— Вот как? А в одиночных играх, когда играют один на один?

— Они не считаются, если ты не прошел через предыдущие туры. Когда я все же играю в одиночные игры, мне говорят, что я везучая. Наверно, так и есть. Даже наверняка, потому что мой отец

выбрал мне прекрасного хозяина и мужа, и если мне не повезет в игре, то все равно я удачно выйду замуж. А чего еще может желать женщина?

Гурдже не знал, что ответить. Его шею сзади словно кто-то щекотал — странное чувство. Он кашлянул два-три раза и наконец выдавил из себя:

— Я надеюсь, вы выиграете. Очень надеюсь.

Молодая женщина метнула на него взгляд и тут же снова вперилась в пол, покачав головой.

Немного погодя Гурдже предложил проводить ее к отцу, и девушка согласилась. Она сказала ему кое-что еще.

Гурдже с девушкой шли по огромному залу, пробираясь сквозь толпы людей туда, где ждал ее отец. В одном месте пришлось пройти между огромной резной колонной и батальной росписью на стене, так что они оказались скрыты от всех. В этот миг девушка коснулась запястья Гурдже, а пальцем другой руки надавила на определенную точку на его плече под платьем. Не отпуская рук (надавливая одним пальцем и слегка поглаживая запястье), она прошептала:

— Вы выиграете. *Вы* выиграете.

Наконец они подошли к ее семейству, и, повторив еще раз, как он поражен гостеприимством,

Гурдже оставил дочь с отцом. Та больше ни разу не посмотрела на него. А он не успел ответить на ее неожиданные слова.

— С вами все в порядке, Жерно Гурдже? — спросил Флер-Имсахо, найдя Гурдже, который стоял у стены и вроде бы смотрел в никуда, точно был одним из ливрейных лакеев.

Гурдже посмотрел на машину, приложил палец к тому месту на плече, куда надавила девушка.

— Где на платье находится микрофон — здесь?

— Да, именно здесь. Это вам Шохобохаум За сказал?

— Гм, так я и думал, — сказал Гурдже, отрываясь от стены. — Если я уйду сейчас, то не нарушу этикета?

— Сейчас? — Автономник, громко гудя, чуть подался назад. — Пожалуй, нет… Вы уверены, что с вами все в порядке?

— Никогда не чувствовал себя лучше. Идемте. — Гурдже направился к выходу.

— Вы, по-моему, взволнованы. Вы правда в порядке? Вам хорошо? Чем поил вас За? Вы нервничаете из-за предстоящей игры? За сказал вам что-то? Это из-за того, что к вам никто не прикасается?

Гурдже протискивался сквозь толпу, не обра-

щая внимания на гудящего, потрескивающего автономника у своего плеча.

Выйдя из зала, Гурдже понял, что не запомнил имени девушки — только то, что она чья-то дочь.

-

Первую игру Гурдже должен был сыграть через два дня после бала. Он провел это время, разрабатывая тактические приемы с помощью «Фактора сдерживания». Он мог пользоваться и мозгом модуля, но у старого корабля был более интересный игровой стиль. «Фактор» находился на расстоянии в несколько десятилетий, и это означало приличную временную задержку (хотя сам корабль отвечал на ход почти мгновенно), но все равно создавалось впечатление очень быстрой игры с талантливым соперником.

Гурдже больше не принимал приглашений на официальные мероприятия. Он сказал Пекилу, что его пищеварительная система должна приспособиться к жирной пище, принятой в империи, и это объяснение сошло. Гурдже даже отказался совершить ознакомительную экскурсию по столице.

В эти дни он не видел никого, кроме Флер-Им-

сахо, который большую часть времени сидел в своем фальшивом корпусе на перилах отеля, тихонько жужжал и наблюдал за птицами, приманивая их крошками, которые разбрасывал на превращенной в лужайку крыше.

Время от времени Гурдже выходил на усаженную травкой крышу и стоял, глядя на город.

Улицы и небеса были переполнены транспортом. Гроазначек напоминал огромное плоское сварливое животное, по ночам залитое светом, а днем погруженное в дымку собственных испарений. Город говорил множеством крикливых голосов: беспрерывный гул двигателей, в который время от времени врывался рев пролетающего самолета. Непрерывный вой, визг, завывание и вопли сирен и сигнализаций вонзались в ткань города, как осколки шрапнели.

Гурдже казалось, что город слишком велик и представляет собой безнадежную смесь архитектурных стилей. Одни здания воспаряли ввысь, другие жались к земле, но возникало такое ощущение, что все строились без оглядки на остальных, и вместо занятного разнообразия получалась просто жуть. Гурдже постоянно вспоминал «Негодника», где на меньшей площади обитало гораздо больше людей, чем в этом городе,

и притом корабль выглядел куда как изящнее, хотя большая его часть была занята строительными верфями, двигателями и всевозможным оборудованием.

Гурдже подумал, что Гроазначек, спланированный будто курица лапой, представляет собой некий лабиринт.

В день открытия игр он проснулся в приподнятом настроении, словно не собирался еще только участвовать в первом по-настоящему серьезном соревновании за всю свою жизнь, а уже одержал в нем победу. На завтрак он почти ничего не ел, затем медленно облачился в официальные одеяния, требуемые правилами игры. Это был довольно смешной разномастный комплект — мягкие тапочки, рейтузы, объемистый камзол с закатанными рукавами, которые удерживались подвязками. Но, как новичку, Гурдже полагалась одежда не столь разукрашенная и более сдержанная по цвету.

Пекил прибыл за ним в правительственной наземной машине. По пути верховник не закрывал рта, с воодушевлением рассказывая о каком-то недавнем завоевании империи в дальнем уголке космоса, — славная, по его словам, победа.

Машина неслась по широким улицам, на-

правляясь на окраину города. Там находилось переоборудованное в игровой зал общественное здание, в котором должен был играть Гурдже.

В это утро люди со всего города направлялись на свою первую игру новой серии; здесь можно было увидеть и воодушевленного молодого игрока, которому удалось получить место в играх благодаря государственной лотерее, и самого Никозара. Все эти двенадцать тысяч человек проснулись в тот день, зная, что он может коренным образом и навсегда изменить их жизнь в худшую или лучшую сторону.

Весь город был охвачен лихорадкой азарта — болезнью, которая поражала жителей каждые шесть лет. Гроазначек был переполнен игроками, их свитами, советниками, наставниками из колледжей, родственниками и друзьями, представителями прессы и новостных агентств, делегациями из колоний и доминионов, которые прибыли посмотреть, как определяется будущая история империи.

Несмотря на предыгровую эйфорию, Гурдже обнаружил, что ко времени их прибытия руки у него начали трястись, а когда его провели внутрь, в помещение с высокими белыми стенами и гулким деревянным полом, в животе словно

что-то опустилось. Ощущение это отличалось от той взвинченности, какую он испытывал перед большинством игр. Это было что-то иное, более острое, более волнующее и беспокойное, ничуть не похожее ни на что, знакомое прежде.

Несколько сняло напряжение лишь известие о том, что Флер-Имсахо запретили находиться в игровом зале во время игр — он должен был оставаться снаружи. Демонстративные щелчки, гудение, треск, призванные доказать его недоразвитость, оказались недостаточным доказательством для имперских властей, опасавшихся, что он каким-то образом будет помогать Гурдже. Автономника проводили в небольшой павильон неподалеку от зала — дожидаться конца игры вместе с дежурными гвардейцами. Машина громко возмущалась.

Гурдже представили другим девяти участникам игры. Теоретически все они были выбраны случайно. Они довольно доброжелательно приветствовали Гурдже, хотя один, младший имперский жрец, не произнес ни слова, а только кивнул ему.

Сначала они приступили к одной из малых игр — играли стратегическими картами. Гурдже начал очень осторожно, скидывая карты и очки,

желая узнать, что на руках у других. Когда это выяснилось, он начал играть как полагается, надеясь, что в спешке не будет выглядеть слишком глупо, но за следующие несколько кругов понял, что остальные все еще не уверены относительно его собственных карт и он единственный из всех играет так, будто игра близится к финалу.

Полагая, что, видимо, упустил что-то, он разыграл еще две разведочные карты, и только после этого жрец начал играть, двигая дело к концовке. Гурдже продолжил игру, и, когда все закончилось к середине дня, оказалось, что он набрал очков больше, чем другие.

— Ну что, пока все неплохо, машина? — сказал Гурдже Флер-Имсахо.

Он сидел за столом, где завтракали игроки, администрация игр и некоторые из наиболее важных зрителей.

— Как скажете, — раздраженно отозвалась машина. — Мне не очень-то видно из той каморки, где я сижу вместе с веселыми солдатами.

— Ну, тогда поверьте на слово — похоже, все довольно неплохо.

— Еще не вечер, Жерно Гурдже. Больше они на такую удочку не попадутся.

— Я знал, что могу рассчитывать на вашу под-

держку.

Во второй половине дня они сыграли на двух малых досках серию одиночных игр, которыми определялся ранг игроков в основной игре. Гурдже знал, что неплохо освоил обе доски, и легко победил остальных участников. Расстроило это, казалось, только священника. Последовал еще один перерыв — на обед, куда неофициально заглянул Пекил по дороге из офиса домой. Он выразил приятное удивление успехами Гурдже и перед расставанием даже похлопал его по плечу.

Сессия, состоявшаяся ранним вечером, была чистой формальностью. Администрация игр (любители из местного клуба, возглавляемые одним имперским чиновником) всего лишь сообщила им конфигурацию и порядок игр на следующий день на Доске начал. Как это стало ясно теперь, Гурдже к следующей игре имел уже значительное преимущество.

Сидя на заднем сиденье машины в компании одного Флер-Имсахо, довольный собой, Гурдже разглядывал город, погруженный в фиолетовые сумерки.

— Полагаю, вы отыграли неплохо, — сказал с соседнего сиденья автономник, издавая едва

слышное гудение. — На вашем месте я бы сегодня связался с кораблем и обсудил, что делать завтра.

— Неужели?

— Да. Вам понадобится любая возможная помощь. Завтра они все скопом обрушатся на вас — вот увидите. И конечно, вас ждет неминуемое поражение. Если бы кто-нибудь из них оказался в такой ситуации, то договорился бы с одним или несколькими из тех, кто занял места пониже, заключил бы с ними сделку…

— Да, но вы без устали повторяете, что любой из них унизил бы себя, пойдя на сговор со мной. С другой стороны, разве я смогу проиграть с вашей поддержкой и помощью «Фактора»?

Автономник ничего не ответил.

Тем вечером Гурдже связался с кораблем. Флер-Имсахо заявил, что ему скучно, скинул фальшивый корпус, зачернил себе поверхность и, невидимый, унесся в темноту — в городской парк, куда, по его словам, наведывались какие-то ночные птицы.

Гурдже обговорил свои планы с «Фактором сдерживания», однако из-за временной задержки приблизительно в минуту разговор превращался в тягомотину. Все же у корабля нашлись кое-ка-

кие неплохие предложения. Гурдже был уверен, что уж на этом уровне он получает от корабля советы гораздо лучше тех, что могут дать его непосредственным противникам их советники, ассистенты и наставники. Возможно, только первая сотня игроков, которых спонсировали и поддерживали ведущие колледжи, могла рассчитывать на такую квалифицированную помощь. Эта мысль приободрила Гурдже, и он, довольный, отправился спать.

Три дня спустя, в конце вечерней игровой сессии, Гурдже посмотрел на Доску начал и понял, что ему грозит отсеивание.

Поначалу все шло хорошо. До этого дня Гурдже был доволен тем, как он расставляет фигуры, и не сомневался, что тоньше других чувствует стратегический баланс игры. Имея позиционное и силовое преимущество, приобретенное на ранних этапах, он не сомневался, что идет к победе и останется в главной серии, где будет играть во втором туре одиночных игр.

Но вот на третье утро он понял, что был слишком уж уверен в себе, что упустил нить игры. То, что прежде казалось серией не связанных между собой ходов большинства других игроков, внезапно превратилось в скоординированную

массовую атаку, возглавляемую жрецом. Он запаниковал, и вот теперь разбит. Ему конец.

Жрец подошел к Гурдже, когда игровая сессия закончилась, а Гурдже все еще сидел на своем высоком стуле, разглядывая побоище на доске и спрашивая себя, где ошибка. Верховник спросил, готов ли он признать свое поражение. Такой вопрос принято было задавать, если кто-то из игроков сильно уступал по территории и количеству фигур, — подобный проигрыш считался почетным, в отличие от упрямого сопротивления и отказа признать реальность, что лишь затягивало игру. Гурдже посмотрел на жреца, потом на Флер-Имсахо, которого пускали в зал по окончании игры. Машина слегка покачивалась перед ним, громко жужжала и трещала статикой.

— Что скажете, автономник? — устало поинтересовался Гурдже.

— Думаю, чем скорее вы скинете с себя эти дурацкие одежды, тем будет лучше.

Жрец, в таких же одеждах, что и Гурдже, только более цветастых, свирепо скользнул взглядом по жужжащей машине, но ничего не сказал.

Гурдже снова посмотрел на доску, потом на жреца, глубоко вздохнул и открыл рот, но не успел произнести ни слова — заговорил опять

Флер-Имсахо:

— Я думаю, вам нужно вернуться в отель, переодеться, расслабиться и немного пораскинуть мозгами.

Гурдже медленно кивнул и потер бороду, разглядывая хаос своих фигур на Доске начал.

— Увидимся завтра, — сказал он жрецу.

— Я ничего не могу тут поделать — они выиграли, — сказал Гурдже автономнику, когда оба вернулись в модуль.

— Ну, если вы так считаете… Но почему бы не спросить у корабля?

Гурдже связался с «Фактором» и сообщил ему плохую новость. Корабль выразил сочувствие и вместо полезных советов подробно объяснил Гурдже, в чем состояла его ошибка. Гурдже любезно поблагодарил корабль и улегся спать в дурном настроении, жалея, что не принял предложение жреца и не сдался.

Флер-Имсахо снова отправился на прогулку по городу. Гурдже лежал в темноте безмолвного модуля и спрашивал себя — для чего же его все-таки послали сюда? Чего ждал от него Контакт? Неужели его послали для того, чтобы унизить в глазах азадианцев и таким образом убедить империю, что Культура не может ей угрожать?

Версия столь же правдоподобная, как любая другая. Можно представить, как Узел Чиарка подсчитывает тот колоссальный расход энергии, которого потребовала его отправка в такую даль… Нет, даже Культура, даже Контакт дважды подумали бы, прежде чем облагодетельствовать одного из своих граждан такой замечательной прогулкой. Культура не пользовалась деньгами как таковыми, но и не желала направо и налево тратить материю и энергию (расточительность — дурной тон). Но убедить империю в том, что Культура — пустой звук и не представляет для них угрозы… сколько это может стоить?

Гурдже повернулся на другой бок, включил гамак-поле, отрегулировал его сопротивление, попытался уснуть, поворочался еще немного, снова подрегулировал поле, но ему по-прежнему было неудобно, и поле пришлось выключить.

Неподалеку от кровати он увидел слабое мерцание, исходящее от браслета, подаренного Хамлисом. Он взял тоненькую ленту, покрутил в руках. Крохотное орбиталище ярко сияло в темноте, освещая его пальцы и постель. Гурдже разглядывал его дневную поверхность, микроскопические завитки атмосферных циклонов над синим морем и серовато-коричневой сушей.

Надо обязательно написать Хамлису, поблагодарить его.

Только теперь он понял, как умно сработана эта ювелирная вещица. Гурдже считал, что это просто подсвеченная неподвижная картинка, но оказалось иначе. Он помнил, как выглядел браслет, когда он впервые увидел его, — теперь кое-что изменилось. Островные континенты на дневной стороне теперь имели другие формы, хотя два-три из них Гурдже узнал — у границы света и тени. Браслет представлял собой подвижную модель орбиталища, а может, даже некое подобие часов.

Гурдже улыбнулся в темноте, повернулся на другой бок.

Они все думают, что он проиграет. Только он знает (или знал), что играет лучше, чем они думают. Но теперь он не использовал возможность доказать, что был прав, а они ошибались.

«Глупец, глупец», — прошептал он самому себе в тишине.

Он никак не мог уснуть, встал и велел модулю вывести позицию на включенный экран. Появилось изображение Доски начал. Гурдже некоторое время внимательно разглядывал доску, потом захотел связаться с кораблем.

Диалог был медленный, похожий на сон, и Гурдже, как зачарованный, вглядывался в распростершуюся перед ним яркую доску. Он ждал, когда его слова дойдут до далекого корабля, а потом ждал ответа.

— Жерно Гурдже?

— Корабль, я хочу знать кое-что. Есть ли выход из этого положения?

Дурацкий вопрос. Он и сам знал ответ. Его позиция говорила сама за себя. Единственное, в чем можно было не сомневаться, так это в ее безнадежности.

— Вы имеете в виду ваше нынешнее положение в игре?

Он вздохнул. Пустая трата времени.

— Да. Вы видите выход?

Застывшая голограмма перед ним — его позиция на экране — напоминала остановленный миг падения. Вот сейчас соскользнет нога, ослабят хватку пальцы, и случится неизбежное — набирая скорость, он понесется вниз. Он подумал о вечно падающих спутниках планет и управляемом ковылянии, которое двуногие зовут ходьбой.

— Ваше положение хуже, чем у любого из победителей главной серии за всю ее историю. Они считают, что вы уже проиграли.

Гурдже ждал продолжения, но услышал лишь молчание.

— Отвечайте на вопрос, — сказал он кораблю, — Вы не ответили на вопрос. Отвечайте мне.

На что это там намекал корабль? Хаос, абсолютный, полный хаос. Его позиция представляла собой беспорядочное, аморфное, бессвязное, чуть ли не варварское столпотворение фигур и пространств — разбитых, разъединенных, распадающихся. Что тут еще спрашивать? Он что, не верит своим глазам? Обязательно нужно, чтобы и Разум сказал ему то же самое? Неужели без этого нельзя поверить в то, что произошло?

— Да, конечно, выход есть, — сказал корабль, — И не один, хотя все они крайне маловероятны, фактически нереализуемы. Но сделать это можно. Практически нет времени, чтобы…

— Доброй ночи, корабль, — сказал Гурдже, но сигнал продолжал поступать.

— …объяснить их сколь-нибудь подробно, но думается, я могу дать вам общее представление о том, что нужно делать, хотя это и будет всего лишь набросок в самом общем виде, в…

— Извините, корабль. Доброй ночи.

Гурдже выключил канал связи. Раздался щелчок, и через несколько секунд мелодия отбоя

засвидетельствовала, что корабль тоже отключился. Гурдже снова посмотрел на голографическое изображение доски перед ним, потом закрыл глаза.

К утру у него все еще не было представления о том, что делать дальше. В эту ночь он не сомкнул глаз — только сидел перед экраном, глядя на панораму игры, пока это изображение чуть ли не впечаталось в мозг, а глаза не заболели от напряжения. Спустя какое-то время он перекусил и посмотрел несколько развлекательных программ, которыми империя пичкала своих подданных. Ему нужно было отвлечься, и программы отлично подходили для этого.

Прибыл улыбающийся Пекил, сказав, что Гурдже правильно поступил, приняв участие в соревнованиях, и что лично он, Пекил, не сомневается — Гурдже отлично выступит во второстепенных играх для тех, кого вышибли из основных, если захочет участвовать. Конечно, эти игры мало что значат и представляют интерес только для тех, кто ищет продвижения по службе, но Гурдже сможет сыграть против других… неудачников. Так или иначе, он ведь все равно полетит на Эхронедал, чтобы увидеть окончание игры, это же такая огромная честь, верно?

Гурдже едва пробормотал что-то, кивнул, и они отправились в зал. Пекил по пути рассказывал о выдающейся победе Никозара в первой игре днем ранее. Император-регент уже перешел на вторую доску, которая называлась Доской формы.

Жрец снова предложил Гурдже признать свое поражение, и снова Гурдже сказал, что хочет продолжить игру. Они все расселись перед огромной доской и либо продиктовали свои ходы ассистентам, либо сделали их сами. Гурдже долго думал перед тем, как сделать свой первый ход этим утром. Он несколько минут тер биотеха пальцами, глядя широко раскрытыми глазами на доску. Размышлял он очень долго, и другие игроки даже решили, что он забыл о своем ходе, и попросили судью напомнить ему.

Наконец Гурдже поставил фигуру. Он словно увидел две доски — одну здесь, перед ним, а другую — впечатавшуюся в его мозг за прошлую ночь. Другие игроки делали свои ходы, постепенно оттесняя Гурдже на ограниченный, малый участок доски, за пределами которого оставались лишь две его фигуры, преследуемые и спасающиеся бегством.

Когда его осенило (он знал, что так оно и будет, только не желал признаваться себе в том,

что знает), он воспринял это как откровение, возникло желание расхохотаться. Он даже откинулся назад на своем стуле, замотал головой. Жрец выжидательно посмотрел на него, словно надеясь, что глупец-инопланетянин наконец-то сдастся, но Гурдже лишь улыбнулся, посмотрев на верховника, выбрал самые сильные карты из своего тающего запаса, передал их судье и сделал следующий ход.

Как выяснилось, весь его расчет был на то, что остальные слишком поглощены достижением быстрого выигрыша. Было очевидно, что игроки заключили своего рода сделку, позволявшую выиграть жрецу, и Гурдже решил, что другие будут играть не наилучшим образом, — лавры все равно пожнет другой, и победа достанется не им. Не им будет она принадлежать. И конечно, они не обязаны играть хорошо, так как победят числом, а не умением.

Но ходы могли превращаться в язык, и Гурдже решил, что уже изучил этот язык достаточно хорошо, чтобы убедительно лгать на нем, и потому делал свои ходы, то намекая противникам, что уже сдался, то давая понять, что вознамерился забрать с собой одного из них… или двух… или нет, другого… обман продолжался. Но в ходах

Гурдже содержалось не одно послание, а скорее несколько противоречивых сигналов, постоянно разрушавших порядок на доске, и наконец то общее понимание позиции, которое было у других игроков, стало подтачиваться, разваливаться, распадаться.

Тут Гурдже сделал несколько на первый взгляд непоследовательных, бессмысленных ходов, которые (вроде бы неожиданно, без предупреждения) стали угрожать сначала нескольким, потом большинству полевых фигур одного игрока, но при этом силы самого Гурдже стали более уязвимыми. Игрок этот запаниковал, а жрец сделал то, что и ожидал Гурдже, — ринулся в атаку. В течение нескольких следующих ходов Гурдже попросил судью раскрыть карты, которые Гурдже вручил ему ранее. Карты эти действовали, как мины в «одержании». И тут оказалось, что силы жреца уничтожаются разными способами, что они деморализованы, в панике совершают бессмысленные ходы, безнадежно ослабляются и переходят на сторону Гурдже или (очень редко) других игроков. У жреца не осталось почти ничего, силы его были разбросаны по доске, как опавшие листья.

Противников охватило смятение, и Гурдже

смотрел, как они, лишившись лидера, пререкаются по поводу дальнейших действий. Один попал в серьезную переделку. Гурдже атаковал и уничтожил большинство его фигур, а остальные пленил, после чего продолжил атаку, даже не теряя времени на перегруппировку.

Позднее он понял, что в этот момент все еще отставал по очкам, но его несла вперед сама инерция его воскресения из мертвых, распространяя среди остальных игроков безумную, истеричную, почти суеверно-неодолимую панику.

С этого момента он больше не совершал ошибок. Его продвижение по доске стало сочетанием беспорядочного бегства и триумфального наступления. Вполне разумные игроки выглядели как полные идиоты, когда силы Гурдже свирепствовали на их территории, захватывали земли и стратегическое сырье, словно не было ничего легче и естественнее.

До вечернего сеанса Гурдже успел закончить игру на Доске начал. Он спасся. Он не только перешел на следующую доску, но и оказался в числе лидеров. Жрец какое-то время сидел и смотрел на игральную доску с выражением, которое Гурдже назвал бы ошарашенным, хотя и не очень разбирался в мимике азадианцев. Потом

жрец вышел из зала без обычного в конце игры обмена любезностями, а другие игроки либо ограничились двумя-тремя фразами, либо воздавали многословные хвалы игре Гурдже.

Вокруг него собралась толпа — члены клуба, репортеры, другие игроки, несколько гостей-болельщиков. Окружившие Гурдже верховники, болтая без умолку, странным образом умудрялись его не касаться. Они сгрудились вокруг него, но тем не менее старались не притрагиваться к нему, и уже одно их число придавало всей сцене оттенок нереальности. Гурдже засыпали вопросами, но он не мог ответить ни на один. Он даже едва мог разобрать их — все верховники говорили слишком быстро. Над головами толпы парил Флер-Имсахо, пытаясь криком привлечь внимание собравшихся, но ему удалось притянуть к себе лишь их волосы, которые встали дыбом от статического электричества. Гурдже увидел, как один их верховников, стараясь оттолкнуть машину, получил явно неожиданный и болезненный удар током.

Пекил протолкался к Гурдже и, вместо того чтобы прийти к нему на выручку, сообщил, что привел с собой еще двадцать репортеров. Он, словно безотчетно, прикоснулся к Гурдже, повер-

нул его лицом к нескольким камерам.

Последовали новые вопросы, но Гурдже проигнорировал их. Пришлось несколько раз спросить у Пекила, можно ли наконец уйти, прежде чем тот расчистил дорогу до дверей и машины.

— Мистер Гурджи, позвольте мне принести и мои поздравления, — сказал Пекил в машине. — Я узнал эту новость, находясь у себя в офисе, и сразу же направился к вам. Выдающаяся победа.

— Спасибо, — поблагодарил Гурдже, пытаясь успокоиться.

Он сидел на мягком, обтянутом кожей сиденье, поглядывая на залитый солнцем город. В автомобиле, в отличие от игрового зала, был кондиционер, но Гурдже только теперь понял, что потеет. Его трясло.

— И я тоже присоединяюсь, — сказал Флер-Имсахо. — Вы спасли игру в последний момент.

— Спасибо, автономник.

— Имейте в виду, вам чертовски повезло.

— Я рассчитываю, что вы позволите мне организовать настоящую пресс-конференцию, мистер Гурдже, — взволнованно сказал Пекил. — Я не сомневаюсь, после этого вы станете знаменитостью, что бы ни случилось дальше. Силы небесные, вы сегодня среди лидеров, вместе с

самим императором!

— Нет, спасибо. Не надо ничего устраивать.

Он представить себе не мог, о чем тут можно говорить. Ему нечего было сказать. Он одержал победу. У него отныне были все шансы выиграть и матч целиком. Но он все же слегка испытывал неловкость при мысли о том, что его лицо и голос станут известны всей империи и история сегодняшней победы, которой, безусловно, придадут налет сенсационности, станет рассказываться, пересказываться и искажаться этими людьми.

— Да нет же, вы должны дать пресс-конференцию! — возразил Пекил. — Все захотят вас увидеть! Вы, кажется, не понимаете, что совершили. Даже если вы проиграете матч, вы установили новый рекорд! Никому еще не удавалось одерживать победу в подобном положении! Это блестяще!

— Не важно, — сказал Гурдже, внезапно ощущая страшную усталость. — Я не хочу отвлекаться. Я должен сосредоточиться. Должен отдохнуть.

— Ну что ж, — сказал Пекил с удрученным видом. — Я вас понимаю. Но предупреждаю: вы совершаете ошибку. Люди захотят услышать, что вы можете им сообщить, а наша пресса, невзирая ни на какие трудности, всегда дает людям то, чего

они хотят. Они просто выдумают это. Лучше бы вам сказать что-нибудь самому.

Гурдже покачал головой, тупо разглядывая машины, несущиеся по бульвару.

— Если люди захотят лгать обо мне, это дело их совести. Но я, по крайней мере, не обязан говорить с ними. Меня и вправду абсолютно не интересует, что они скажут.

Пекил удивленно посмотрел на Гурдже, но ничего не сказал. Флер-Имсахо насмешливо фыркнул, заглушив собственное непрестанное жужжание.

Гурдже обсудил случившееся с кораблем. «Фактор сдерживания» сказал, что победу можно было одержать и более изящным способом, но то, что сделал Гурдже, представляло собой одну из ряда невероятных возможностей, о которых он хотел вкратце сообщить предыдущей ночью. Корабль поздравил его. Гурдже сыграл лучше, чем он, корабль, полагал возможным. Еще корабль спросил, почему Гурдже не стал его слушать после слов о том, что ему видится выход.

— Мне нужно было только знать, есть выход или нет.

(Снова задержка, груз времени, пока его слова, облаченные в форму луча, неслись под про-

давленной тяжестью материи поверхностью, которая и была реальным пространством.)

— Но ведь я мог вам помочь. Когда вы отказались от моей помощи, я решил, что это дурной знак. Я решил, что внутренне, если не на доске, вы уже сдались.

— Мне нужна была не помощь, корабль. — Гурджe поиграл с моделью орбиталища, рассеянно размышляя — изображает ли она реальный мир, и если да, то какой. — Мне была нужна надежда.

— Понятно, — сказал наконец корабль.

-

— Я бы не стал его принимать, — сказал автономник.

— Кого? — спросил Гурджe, отрываясь от голограммы доски.

— Не кого, а что. Приглашения За.

Маленькая машина подплыла к Гурджe поближе. Они теперь находились в модуле, и автономник сбросил свою громоздкую маскировку.

Гурджe холодно посмотрел на него.

— Я не заметил, чтобы в приглашении говорилось о вас.

От Шохобохаума За пришло послание, где он поздравлял Гурджe и приглашал поразвлечься

вечером.

— Не говорилось. Но я должен за всем следить…

— Неужели? — Гурдже снова повернулся к голографической проекции перед ним. — Что ж, можете оставаться здесь и следить за чем угодно, а я сегодня буду в городе с Шохобохаумом За.

— Вы пожалеете об этом. Вы вели себя разумно, оставаясь дома и ни во что не ввязываясь, но если вы пуститесь во все тяжкие, то заплатите за это.

— «Во все тяжкие»? — Гурдже уставился на автономника, только теперь понимая, как трудно следить глазами за предметом, если он двигается вверх-вниз, а в высоту имеет всего несколько сантиметров. — Вы что, моя мать, что ли?

— Я просто пытаюсь быть благоразумным, — сказала машина, повышая голос. — Вы находитесь в инопланетном обществе и особой осмотрительностью похвастаться не можете, а За, на мой взгляд, уж конечно не…

— Вы — упрямый кусок железа! — громко сказал Гурдже, подняв и выключив экран.

Автономник, подпрыгнув в воздухе, поспешно отскочил назад.

— Тише, тише, Жерно Гурдже…

— Вы тут не шикайте, дурацкий калькулятор.

Если мне захочется провести где-нибудь вечер, я так и сделаю. И, откровенно говоря, мысль о человеческом обществе — для разнообразия — становится для меня все более привлекательной. — Он погрозил машине пальцем. — Не смейте больше читать мою почту и не сопровождайте сегодня вечером меня и За. — Он быстро прошел мимо машины, направляясь в свою каюту. — А теперь я хочу принять душ. Почему бы вам не понаблюдать за вашими птичками?

Человек вышел из гостиной модуля. Маленький автономник некоторое время парил в воздухе.

— Ух ты, — сказал он наконец самому себе и, описав вираж, словно пожал плечами и унесся прочь, мелькнув розоватым полем.

— Попробуйте-ка вот это, — сказал За. Автомобиль мчался по улицам города под сумеречными небесами, отливающими красноватым цветом.

Гурдже взял у него фляжку и отхлебнул.

— Это не совсем гриф, — сказал ему За. — Но дело свое делает.

Гурдже немного закашлялся, За взял у него фляжку.

— Вы дали тому грифу на балу подействовать на вас?

— Нет, — признался Гурдже. — Я пропустил его

мимо. Мне нужна была свежая голова.

— Вот черт. — За опустил глаза. — Вы хотите сказать, что я мог бы выпить и больше? — Он пожал плечами, прогнал недовольную гримасу и прикоснулся к локтю Гурдже. — Слушайте, совсем забыл. Мои поздравления. По случаю вашей победы.

— Спасибо.

— Показали вы им. Они были просто потрясены. — За восхищенно покачал головой, его длинные каштановые волосы тяжелой дымной волной рассыпались по свободной рубахе. — Я вас числил среди первых кандидатов на вылет, Ж-Г, но вы устроили такое представление. — Он подмигнул Гурдже ярко-зеленым глазом и усмехнулся.

Гурдже несколько мгновений нерешительно смотрел на сияющее лицо За, потом рассмеялся, взял фляжку из рук За и приложил ее к губам.

— За представления, — сказал он и выпил.

— Аминь, маэстро.

Нора когда-то располагалась на окраине города, но теперь оказалась ближе к центру. Нора представляла собой ряд искусственных выемок в меловой породе, сделанных несколько веков назад для хранения природного газа. Запасы газа

давно иссякли, и город перешел на другие виды энергии, а огромные, связанные между собой выемки были обжиты — сначала бедняками Гроазначека, потом (в результате медленного процесса осмоса и выдавливания, словно ничего на самом деле не менялось, независимо от содержимого пещер) преступниками и изгоями и, наконец, хотя и не полностью, инопланетянами (которые активно выталкивались из общества) и поддерживающими их местными.

Автомобиль Гурдже и За подъехал к тому, что прежде было громадным газгольдером. Теперь здесь размещались два спиральных пандуса, по которым машины и другие транспортные средства спускались в Нору и поднимались наверх. В центре почти пустого и гулкого цилиндра располагались несколько лифтов разной величины, которые поднимались и опускались внутри ветхих конструкций, перекладин, труб и балок.

Наружная и внутренняя поверхности этого древнего газгольдера посверкивали в радужных огнях синевато-серым, нелепо громадные голографические рекламы отбрасывали мерцающе-нереальные отблески. Люди бесцельно двигались по поверхности пустой башни, воздух полнился криками, воплями, пререканиями и

звуком работающих двигателей. Гурдже смотрел, как мимо проплывают толпы людей, кабинки, стойки, — их машина начала долгий спуск. Странный горьковато-кислый запах просачивался в систему кондиционирования, словно влажное дыхание этого места.

Они оставили автомобиль в длинном, низком переполненном туннеле, где в воздухе висели дымы и крики. Галерея была забита транспортными средствами самых разнообразных форм и габаритов; они громыхали, шипели и медленно передвигались среди роя людей различных рас, как если бы крупные неуклюжие животные ползли в море насекомых. Когда машина подъехала к восходящему пандусу, За взял Гурдже за руку. Они начали двигаться к беловатому пятну входа в туннель в плотной толпе азадианцев и других гуманоидов.

— Ну и как вам это? — прокричал За, поворачиваясь к Гурдже.

— Тут довольно тесно, а?

— Побывали бы вы здесь в праздники!

Гурдже рассматривал людей вокруг. Он чувствовал себя призраком, невидимкой. До последнего времени он был центром внимания, уродом, на которого пялились, таращились, глазели и к

которому не подходили ближе чем на расстояние вытянутой руки. Теперь всем было на него наплевать, никто не удостаивал его второго взгляда. На него наталкивались, его пихали, мимо него протискивались, не обращая на иностранца ни малейшего внимания.

И какое разнообразие даже в этом нездоровом, зеленовато-синем туннельном свете! Столько различных типов плюс азадианцы, к виду которых Гурдже постепенно начал привыкать. Несколько инопланетян смутно напомнили ему различные пангуманоидные расы, но в основном здесь были совершенно новые для него формы. Он потерял счет вариациям конечностей, роста, размеров, физиономий и сенсорных аппаратов, которые попались ему на этом коротком отрезке пути.

Они спустились по теплому туннелю в огромную, ярко освещенную пещеру не менее восьмидесяти метров в высоту и примерно сорока в ширину. Кремовые стены тянулись в обеих направлениях на полкилометра, а то и больше и заканчивались громадными, подсвеченными с боков арками, которые вели в следующие галереи. На ровном полу теснились ветхие сооружения и палатки, перегородки и крытые дорожки, кабинки и киоски, там и сям виднелись

маленькие площади с яркими навесами, фонтаны источали воду. С тонких столбов свисали провода, на которых раскачивались лампы, а выше, под самыми сводами, огни были еще ярче, цвета среднего между слоновой костью и оловом. По бокам галереи, одно на другом, громоздились здания, пролегали мостики, прикрепленные к стенам и потолку, мрачно-серые стены были утыканы неправильной формы окнами, балконами, террасами, дверьми. Лифты и шкивы потрескивали и гудели, поднимая людей вверх или опуская их на запруженный толпами пол.

— Сюда, — сказал За.

Они протискивались вдоль узких улочек, что шли по полу галереи, пока не достигли дальней стены, затем поднялись по широким, ветхим деревянным ступенькам к тяжелой двери из дерева. У двери с опущенной металлической решеткой стояли два несуразно крупных охранника — один был азадианцем-мужчиной, происхождение другого Гурдже определить не смог. За махнул рукой, и решетка поднялась, хотя ни один из стражей не сделал, казалось, ни малейшего движения. Дверь тяжело открылась, Гурдже и За, оставив за спиной гулкую пещеру, оказались в относительной тишине сумеречного туннеля, деревянные

стены которого были чуть не сплошь увешаны коврами.

Свет пещеры исчез за дверью, и сюда сквозь сводчатый потолок и тонкий слой штукатурки проникало лишь неясное светло-вишневое мерцание. Толстые, на вид полированные деревянные стены были черны как смоль и теплы на ощупь. Откуда-то сверху доносилась приглушенная музыка.

Еще одна дверь; втиснутый в нишу стол, за которым сидели два верховника; они уставились на Гурдже и За мрачным взором, но потом удостоили улыбки За, который передал им маленький кожаный кошель. Дверь открылась. За и Гурдже оказались среди света, музыки и шума.

Здесь было не понять что. То ли одно помещение, разделенное как бог на душу положит, хаотически нарезанное на множество уровней, то ли скопление маленьких комнат и галерей, соединенных между собой. Народу полно, звучит громкая атональная музыка. Плотный дым, висевший здесь, наводил на мысль о пожаре, но пах он при этом сладко, почти как духи.

За повел Гурдже сквозь толпу к деревянному куполу, который на метр возвышался над небольшой крытой дорожкой, а тыльной сто-

роной выходил на углубление — нечто вроде шаткой сцены. Сцена была окружена такими же круглыми ложами, а также амфитеатром кресел и скамей — в них сидели большей частью азадианцы.

На небольшой, почти круглой сцене коротышка-инопланетянин (к пангуманоидам его можно было отнести лишь условно) в трясущейся лохани, полной дымящейся красноватой грязи и, видимо, помещенной в поле низкой гравитации, боролся (а может, совокуплялся) с азадианкой. Зрители кричали, хлопали, бросали бутылки.

— Отлично, — сказал За, усаживаясь. — Спектакль уже начался.

— Они трахаются или дерутся? — спросил Гурдже, приникнув к перилам и вглядываясь в переплетенные, извивающиеся тела инопланетянина и азадианки.

За пожал плечами:

— А какая разница?

Официантка, местная женщина в одной тоненькой набедренной повязке, приняла у них заказ на выпивку. Ее собранные в огромный шар волосы были словно охвачены огнем, окружены мерцающей голограммой желтовато-голубого пламени.

Гурдже отвернулся от сцены. Публика в зале одобрительно заорала, когда женщина сбросила с себя инопланетянина и запрыгнула на него, вдавливая его тело в дымящуюся грязь.

— И часто вы сюда приходите? — спросил Гурдже у За.

Высокий человек громко рассмеялся.

— Нет. — Его огромные зеленые глаза сверкнули. — Но ухожу довольно часто.

— Вы здесь снимаете напряжение?

За решительно потряс головой:

— Вовсе нет. Это распространенная ошибка, будто, развлекаясь, вы снимаете нервное напряжение. Если снимаете, значит, неправильно развлекаетесь. А Нора как раз для этого и существует — для развлечений. Для развлечений и игр. Днем здесь довольно спокойно, но иногда тут так расходятся — только держись. Хуже всего хмельные фестивали. Но сегодня беспорядков не ожидается. Все будет тихо-мирно.

Толпа взвизгнула. Женщина удерживала голову инопланетного карлика погруженной в грязь — тот бешено дергался.

Гурдже повернулся к сцене. Сопротивление инопланетянина медленно ослабевало — обнаженная, покрытая грязью женщина удерживала

его голову в бурлящей красной массе. Гурдже бросил взгляд на За:

— Значит, они все-таки боролись. За снова пожал плечами:

— Наверное, мы этого так и не узнаем.

Он тоже посмотрел вниз на сцену — женщина вдавливала успевшее обмякнуть тело инопланетянина в красноватую гущу.

— Она его убила? — спросил Гурдже, повысив голос, потому что зрители принялись вопить, топать ногами, стучать кулаками по столикам.

— Не, — сказал Шохобохаум За, покачивая головой. — Этот малютка с Анирча.

За кивнул, а женщина, продолжая одной рукой удерживать голову инопланетянина в грязи, другую победно вскинула вверх, обводя горящими глазами орущую публику.

— Видите, там торчит такая маленькая черная штучка?

Гурдже пригляделся. Из красной грязи торчала маленькая черная луковица.

— Да, вижу.

— Это его член.

Гурдже подозрительно посмотрел на своего спутника.

— И как же это ему поможет?

— Анирчане могут дышать через член. С этим парнем ничего не случилось. Завтра вечером он будет драться в другом клубе. А может, еще и сегодня, чуть позже.

За посмотрел на официантку, которая поставила на их столик бокалы. Он подался вперед и шепнул ей что-то — та кивнула и удалилась.

— Попробуйте пить это, секретируя Широкий, — посоветовал За.

Гурдже кивнул, и оба выпили.

— Не понимаю, почему Культура не завела это в гены, — сказал За, заглядывая в свой бокал.

— Что «это»?

— Способность дышать членом.

Гурдже задумался.

— Иногда чихать было бы довольно затруднительно.

За рассмеялся.

— Можно было бы как-нибудь компенсировать.

Публика восторженно вопила. За и Гурдже повернулись к сцене: женщина-победительница вытащила за пенис тело своего противника из грязи, голова и ноги инопланетянина были покрыты вязкой, медленно стекающей жидкостью.

— О-па, — пробормотал За и приложился к

бокалу.

Кто-то из зрителей швырнул женщине кинжал — та поймала его в воздухе, наклонилась и отхватила гениталии инопланетянина. Она принялась размахивать шматком окровавленной плоти, а толпа зашлась в восторженном крике. Тело инопланетянина стало медленно погружаться в мерзкую красную жидкость, женщина упиралась стопой в его грудь. Грязь постепенно почернела от крови, и на поверхность вышло несколько пузырей.

За ошеломленно откинулся к спинке стула:

— Видимо, это какой-то неизвестный мне подвид.

Чашу с грязью в низкогравитационном поле утащили со сцены, а женщина продолжала торжественно потрясать своим трофеем под одобрительные крики публики.

Шохобохаум За поднялся, чтобы встретить четверку поразительно красивых и ошеломляюще одетых азадианок, которые направлялись к их куполу. Гурдже секретировал гормон, о котором говорил За, и теперь начинал чувствовать действие как гормона, так и алкоголя.

Ему подумалось, что эти женщины выглядят ничуть не хуже, чем любая из виденных им на ба-

лу в честь открытия игр, и гораздо дружелюбнее.

Действо продолжалось; номера в основном носили сексуальный характер, и За с двумя азадианками (Инклейт и Ат-сен, между которыми сидел Гурдже) сказали ему, что за пределами Норы такие номера означали бы смерть для обоих участников — смерть от радиации или химических веществ.

Гурдже не обращал особого внимания на то, что происходит на сцене. У него был свободный вечер, по сравнению с этим непристойности на сцене значили мало. Главное — что он мог забыть об игре, пожить по другим правилам. Он знал, для чего За пригласил за столик женщин, и это забавляло его. Он не испытывал особого вожделения к двум изысканным особам, между которыми сидел (уж конечно, никаких неконтролируемых эмоций), но с ними было хорошо. За был вовсе не глуп, и две очаровательные дамы (Гурдже знал, что за столиком могли оказаться азадианцы мужского пола или даже верховники, если бы За узнал, что таковы предпочтения Гурдже) отличались умом и острым язычком.

Они знали кое-что о Культуре, до них дошли слухи о способности культурианцев менять пол, и они отпускали умеренно шаловливые шутки о

наклонностях и возможностях Гурдже в сравнении с их собственными, а также местных мужчин и верховников. Они вели себя почтительно, завлекающе и дружески. Они пили из маленьких рюмок, затягивались из маленьких тонких трубок (Гурдже тоже попробовал было затянуться, но только закашлялся, к общему смеху); их длинные, волнистые, мягкие волосы иссиня-черного оттенка были схвачены почти невидимой тонкой платиновой сеткой с вделанными в нее крохотными антигравитационными бусинами, отчего волосы медленно струились, а каждый поворот изящной головы был завораживающе неземным.

Обтягивающее платье Инклейт имело переливчатую окраску нефтяного пятна на воде и было усеяно драгоценными камнями, которые напоминали мерцающие звезды. На Ат-сен было видеоплатье, отливавшее красноватым цветом и питавшееся от какого-то скрытого источника.

Ожерелье у нее на шее действовало как небольшой телемонитор, давая размытое, искаженное изображение того, что было вокруг (с одной стороны — Гурдже, сзади — сцена, с другой стороны — одна из дам За, сидящая прямо напротив). Гурдже показал ей браслет-орбиталище, но она не

особенно впечатлилась.

За, сидевший по другую сторону, играл с двумя своими дамами в фанты: те вытаскивали маленькие, почти прозрачные карты — пластины из драгоценных камней — и громко смеялись. Одна из дам записывала фанты в маленький блокнотик, при этом постоянно хихикая и изображая смущение.

— Но Жерноу! — сказал Ат-сен, сидевшая слева от Гурдже. — Вы должны заказать шрам-портрет, чтобы мы вас вспоминали, когда вы вернетесь в свою Культуру, к ее развратным, на все готовым дамам!

Инклейт справа от Гурдже расхохоталась.

— Ни за что, — сказал Гурдже с шутливой серьезностью. — Это звучит по-варварски.

— О да, конечно, по-варварски!

Ат-сен и Инклейт прыснули в свои бокалы. Потом Ат-сен взяла себя в руки и прикоснулась к запястью Гурдже:

— Разве вам не приятно будет думать, что одна бедняжка бродит по Эа с вашим лицом на коже?

— Приятно. Но на каком месте будет мое лицо?

Обе женщины сочли его слова уморительно смешными. За встал. Одна из его дам убрала крохотные пластинки-карты в маленькую сумочку.

— Гурдже, — произнес За, допив остатки вина из своего бокала. — Мы удаляемся для более интимного разговора. Вы трое тоже?

За озорно улыбнулся Инклейт и Ат-сен, которые разразились смехом и с повизгиваниями. Ат-сен опустила пальцы в бокал и брызнула в За, но тот успел увернуться.

— Да, Жерноу, идем, — сказала Инклейт, обеими руками хватая Гурдже за локоть. — Идемте все, а то здесь душно и шум ужасный.

Гурдже улыбнулся и покачал головой.

— Нет. Я только разочарую вас.

— Ах, нет! Нет! — Тонкие пальчики потащили его за рукава, обвились вокруг его кистей.

Вежливо-смешливый спор продолжался несколько минут, а За в это время стоял, ухмыляясь, между своими дамами и смотрел, как Инклейт и Ат-сен тщетно пытаются поднять Гурдже на ноги — с помощью то силы, то убеждений.

Ни то ни другое не помогло. За пожал плечами (его дамы, повторив инопланетный жест, прыснули со смеху) и сказал:

— Ладно, игрок. Тогда оставайтесь здесь, хорошо?

За посмотрел на Инклейт и Ат-сен — вид у тех

был подавленный и раздраженный.

— А вы тут вдвоем присмотрите за ним, ладно? — сказал им За. — Не позволяйте ему разговаривать с незнакомыми.

Ат-сен высокомерно фыркнула:

— Вашему другу никто не нужен — знакомый или незнакомый.

Инклейт невольно рассмеялась.

— Или оба в одном, — вырвалось у нее.

После чего они с Ат-сен снова принялась смеяться, обмениваясь шлепками и щипками за спиной у Гурдже. За покачал головой:

— Жерно, постарайтесь контролировать этих двух, как вы контролируете себя.

Гурдже допил последние капли из своего бокала, женщины по обе стороны от него повизгивали.

— Я попытаюсь.

— Ну ладно. Я постараюсь недолго. Правда не хотите присоединиться? Вы многое теряете.

— Правда. Не беспокойтесь за меня.

— Хорошо. Никуда не уходите. Скоро увидимся.

За улыбнулся хихикающим девицам, потом все вместе повернулись и пошли прочь.

— Скоро, — крикнул За, повернув через плечо голову. — Но подождать придется, игрок.

Гурдже махнул рукой на прощание. Инклейт и Ат-сен чуть успокоились и принялись объяснять ему, какой он скверный мальчик из-за того, что не хочет быть скверным мальчиком. Гурдже заказал еще выпивки и трубок, чтобы угомонить их.

Девицы показали ему, как играть в стихии, приговаривая:

— Ножницы режут материю, в материю заворачивают камень, камень стопорит воду, вода гасит огонь, огонь плавит ножницы…

Они делали это, как прилежные школьницы, одновременно показывая, как нужно складывать руку.

Это была усеченная, двумерная версия вспомогательного розыгрыша стихий, используемого на Доске становления, только без Воздуха и Жизни. Гурдже показалось забавным, что даже в Норе он не мог избавиться от азада. Он сразился в эту простую игру по желанию дам и позаботился о том, чтобы не выиграть слишком много, поняв вдруг, что никогда в жизни еще не делал такого.

Продолжая размышлять над этой аномалией, он отправился в туалеты — таковых имелось четыре типа. Он воспользовался туалетом для инопланетян, но потратил время, чтобы найти подходящее оборудование. Выходя из туалета, он

продолжал посмеиваться над этим, но за похожей на сфинктер дверью обнаружил Инклейт. Вид у нее был встревоженный, платье с переливчатым рисунком потускнело и сморщилось.

— Что случилось? — спросил он.

— Ат-сен, — сказала она, сплетя свои маленькие ручки. — Появился ее прежний господин и увел ее. Он снова хочет владеть ею, а иначе будет десятый год с тех пор, как они одно, и она станет свободной. — Она посмотрела на Гурдже — маленькое лицо, искаженное гримасой отчаяния. Иссиня-черные волосы обтекали лицо неторопливой, текучей тенью. — Я знаю — Шо-За сказал, чтобы вы никуда не ходили, но это важно. Это, конечно, не ваша проблема, но она моя подружка…

— И что же я могу сделать?

— Идемте. Вдвоем мы сумеем его отвлечь. Я, кажется, знаю, куда он ее увел. Я не стану подвергать вас опасности, Жерноу. — Девушка взяла его за руку.

Они то ли шли, то ли бежали по извилистым деревянным коридорам мимо множества комнат и дверей. Все чувства Гурдже подвергались массированной атаке — какофонией звуков (музыки, смеха, криков), зрелищами (слуги, эротические картины, перед глазами мелькают галереи, на-

битые раскачивающимися телами) и запахами (пищи, парфюмерии, инопланетного пота).

Внезапно Инклейт остановилась. Они оказались в глубоком чашеобразном помещении, похожем на театральный зал; на сцене стоял обнаженный человек и медленно поворачивался то в одну, то в другую сторону перед громадным экраном, где крупным планом демонстрировалась его кожа. Играла низкая, гулкая музыка. Инклейт стояла, оглядывая набитый зал и все еще держа Гурдже за руку.

Гурдже бросил взгляд на человека на сцене. Свет горел ярко, в солнечном спектре. На теле у пухловатого, бледнокожего мужчины было несколько огромных многоцветных синяков, точно громадные печати. Самые крупные были на спине и на груди, и изображали они лица азадианцев. Смесь черного, синего, пурпурного, зеленого, желтого и красного цветов образовывала портреты сверхъестественной точности и изящества. При движении мускулов человека эти портреты, казалось, оживали, ежесекундно меняя свое выражение. Гурдже смотрел, затаив дыхание.

— Вот она! — перекрикивая бьющую по ушам музыку, сообщила Инклейт и потащила Гурдже

за руку.

Они пробрались сквозь людскую толпу туда, где стояла Ат-сен — перед сценой. Ее держал верховник, который указывал на мужчину с синяками, кричал на Ат-сен, тряс ее. Та стояла, опустив голову. Плечи ее подрагивали — она, видимо, рыдала. Видеоплатье было выключено и висело на ней, серое, унылое, безжизненное. Верховник ударил Ат-сен по голове (тягучие черные волосы лениво шевельнулись) и снова закричал на нее. Девушка упала на колени, волосы, усеянные бусинками, последовали за ней, словно она медленно погружалась под воду. Никто вокруг не обратил ни малейшего внимания. Инклейт бросилась к ним, таща за собой Гурдже.

Верховник увидел их и попытался утащить Ат-сен. Инклейт начала кричать на него. Она держала Гурдже за руку, протискиваясь сквозь толпу и приближаясь к Ат-сен и верховнику, который теперь с испуганным видом тянул Ат-сен к выходу под приподнятой сценой.

Инклейт ринулась вперед, но наткнулась на группку азадианцев-мужчин, которые, открыв рты, смотрели на человека на сцене. Инклейт принялась колотить по их спинам. Верховнику удалось-таки утащить Ат-сен, и Гурдже увидел,

как она исчезла в двери под сценой. Он увлек Инклейт в сторону и, используя свою большую массу и силу, протиснулся между двумя протестующими мужчинами и вместе с девушкой побежал к вращающейся двери.

Коридор делал резкий поворот. Они последовали по узкой лестнице туда, где слышались крики; на одной из ступеней лежал сломанный воротник-монитор — выключенный и безжизненный. Потом Гурдже с Инклейт побежали по другому коридору, тихому, с зеленоватым освещением и множеством дверей. Ат-сен лежала на полу, над ней стоял верховник и кричал на нее. Увидев Гурдже и Инклейт, он погрозил им кулаком. Инклейт прокричала ему что-то неразборчивое.

Гурдже двинулся вперед — верховник достал из кармана пистолет.

Гурдже остановился. Инклейт затихла. Ат-сен хныкала на полу. Верховник начал говорить, но быстро, слишком быстро — Гурдже не понял его. А тот указывал на лежащую на полу женщину, потом — на потолок. Он начал кричать, и пистолет задергался в его руке (а какая-то часть сознания Гурдже, способная к хладнокровному анализу, подумала: «Что я — испуган? Неужели это уже страх? Я смотрю в лицо смерти, взираю на нее

сквозь маленькое черное отверстие, маленький спиралевидный туннель в руке инопланетянина (словно еще один элемент, который можно изобразить пальцами), и я жду, когда почувствую страх…

…и этого еще не случилось. Я все еще жду. Означает ли это, что я не умру сейчас? Или что умру?

Жизнь или смерть в движении пальца, в одном нервном импульсе, в одном, может, даже не очень осознанном, решении какого-то ревнивого, невменяемого, одержимого тупоголового инопланетянина, за сотню тысячелетий от дома…»).

Верховник отшатнулся и сделал умоляющий, жалкий жест, обращенный к Ат-сен, Гурдже и Иклейт. Он сделал шаг и пнул Ат-сен в спину — несильно, но та вскрикнула, — потом повернулся и побежал, бросив пистолет на пол и выкрикивая что-то бессвязное. Гурдже кинулся следом, перепрыгнув через Ат-сен. Верховник исчез на темной винтовой лестнице в дальнем конце изогнутого прохода. Гурдже тоже бросился было к лестнице, но остановился. Стук подошв о пол смолк. Он вернулся в зеленоватый коридор.

Одна из дверей в нем была открыта, и оттуда лился мягкий желтый свет.

За дверью была недлинная прихожая, сбоку

дверь в ванную, а дальше — комната, маленькая, со стенами, обитыми зеркальными панелями, даже мягкий пол отливал изменчивым медовым блеском. Гурдже вошел внутрь и оказался среди армии своих отражений, терявшихся в глубине зеркал.

На прозрачной кровати одиноко сидела Ат-сен в помятом сером платье. Она рыдала, опустив голову, а Инлейт стояла перед ней на коленях, обнимая плачущую женщину за плечи и тихонько нашептывая ей что-то. Их изображения множились в сверкающих стенах. Гурдже помедлил, оглянулся на дверь. Ат-сен посмотрела на него; слезы катились из ее глаз.

— Ах, Жерноу! — Она протянула к нему трясущуюся руку.

Гурдже присел у кровати, обнял ее трясущееся тело. Обе женщины плакали.

Он погладил Ат-сен по спине. Она опустила голову ему на плечо, ее теплые, необычные губы коснулись его шеи. Инклейт поднялась, подошла к двери и закрыла ее, а потом вернулась к мужчине и женщине, сняв переливчатое платье и бросив его в блестящий радужный пруд зеркального пола.

Минуту спустя появился Шохобохаум За — пин-

ком распахнул дверь, быстрым шагом вошел в зеркальную комнату (бессчетное множество За повторяли и повторяли его движение в обманчивом пространстве) и оглянулся, не интересуясь тремя людьми на кровати.

Инклейт и Ат-сен замерли — их руки застыли на пуговицах и застежках одеяния Гурдже. Гурдже на мгновение потерял самообладание, но потом попытался напустить на себя светский вид. За посмотрел на стену позади Гурдже. Тот проследил за его взглядом и обнаружил, что видит собственное отражение — мрачное лицо, всклокоченные волосы, полуодетый. За перепрыгнул через кровать и пнул изображение в зеркале.

Стену расчертила сеть трещин. Зеркало обрушилось, — за ним оказалась темная комнатка, а в ней машинка на штативе, направленная в зеркальное помещение. Инклейт и Ат-сен, спрыгнув с кровати, бросились прочь. Инклейт на ходу подобрала свое платье.

За снял маленькую камеру со штатива и оглядел ее.

— Слава богу, только запись. Передатчика нет. — Он сунул машинку в карман и с усмешкой повернулся к Гурдже. — Ну, игрок, меч в ножны. Делаем ноги!

Они побежали по коридору с зеленоватым освещением к той самой винтовой лестнице, которой воспользовался похититель Ат-сен. За наклонился на бегу, подобрал пистолет, брошенный верховником, — Гурдже уже забыл о нем — и за несколько секунд осмотрел и выбросил его. Они добрались до винтовой лестницы и прыжками поднялись по ней.

Еще один коридор, желтовато-коричневый свет. Наверху грохотала музыка. За резко затормозил, когда им навстречу устремились два крупных верховника.

— О-па, — сказал За, делая разворот на сто восемьдесят градусов, и подтолкнул Гурдже назад к лестнице.

Они снова устремились вверх и вскоре оказались в темном пространстве, где била по ушам, пульсировала музыка. С одной стороны виднелся свет. Слышен был топот шагов по лестнице. За повернулся и, целясь куда-то вниз, ударил ногой. Раздались дикий крик и неожиданный грохот.

Темноту прорезал тонкий луч света — он появился из лестничного колодца и разошелся наверху желтым пламенем и оранжевыми искрами. За отпрыгнул в сторону.

— Ну вот, артиллерия пошла в ход, чтоб им пу-

сто было. — Он кивнул, показывая мимо Гурдже туда, откуда бил свет. — Наш выход, маэстро.

Они побежали к сцене, залитой ярким светом. Крупный азадианец мужского пола в центре сцены возмущенно повернулся им навстречу, когда они с громким топотом выскочили из кулис. Публика заорала на них. Но тут выражение лица почти обнаженного артиста, демонстрировавшего синяки, из гневного стало удивленным, ошарашенным.

Гурдже чуть не упал — он остановился на месте как вкопанный.

…снова видя перед собой свое лицо.

Оно было раза в два больше натуральной величины, впечатанное в кровяную радугу ушибов на туловище потрясенного балаганщика. Гурдже глядел на все это, и вид его зеркально отображал удивление на бочкообразном лице артиста.

— На искусство нет времени, Жерно! — За повлек его прочь, потащил к авансцене, сбросил вниз, потом прыгнул сам.

Они приземлились на группу протестующих азадианцев-мужчин, уронили их на пол. За поднял Гурдже на ноги, но сам чуть не упал опять, получив удар по затылку. Он повернулся и ударил ногой, одновременно отражая рукой новый удар.

Гурдже почувствовал, что его разворачивают, и увидел перед собой крупного рассерженного азадианца с окровавленным лицом. Тот завел назад руку, сложив пальцы в кулак (Гурдже даже успел подумать — камень из игры в стихии).

Человек, казалось, двигался в каком-то очень замедленном ритме.

Гурдже хватило времени, чтобы обдумать план действий.

Он ударил коленом в пах азадианцу, а тыльной стороной ладони — по лицу. Освободившись от падающего, он нырнул, уворачиваясь от кулака другого азадианца, и увидел, как За сует локоть в лицо третьему.

Они снова побежали во всю прыть. За орал и размахивал руками, несясь к выходу. Гурдже подавлял странное желание рассмеяться, но тактика сработала — люди расступались перед ними, как вода расступается перед лодкой.

Они сидели в небольшом баре без потолка, в глубине хаотического лабиринта построек основной галереи, под небесной твердью жемчужно-белого цвета. Шохобохаум За разбирал камеру, которую обнаружил за фальшивым зеркалом, разделяя ее на крохотные компоненты с помощью жужжащего инструмента размером с

зубочистку. Гурдже поглаживал царапину на щеке, полученную, когда За сбросил его со сцены.

— Моя вина, игрок. Я должен был знать. Брат Инклейт в службе безопасности, а у Ат-сен привычка сорить деньгами. Они хорошие девочки, но сочетание неприятное и не совсем то, о чем я просил. Вам повезло, что одна из моих красоток уронила рубиновую карту и без нее не хотела играть вообще ни во что. Ну что ж, трахнуться полраза лучше, чем не трахнуться вообще.

Он отвинтил еще одну детальку от камеры. Последовали треск и небольшая вспышка. За неуверенно потыкал инструментом в дымящийся корпус.

— Как вы узнали, где нас искать? — спросил Гурдже. Он чувствовал себя идиотом, но смущался меньше, чем предполагал.

— Знания, догадливость и удача, игрок. В клубе, если хочешь кого-нибудь ограбить, ты идешь в одно место, в других местах можно допрашивать, или убивать, или подвешивать на чем-нибудь… или снимать компромат. Я надеялся, что время крутых действий еще не пришло и ничего серьезного с вами не случится. — Он покачал головой, изучая камеру. — Но я должен был знать. Догадаться. Становлюсь слишком доверчивым.

Гурдже пожал плечами, глотнул горячей жидкости и уставился на чадящую свечу на прилавке перед ними.

— Обвели-то вокруг пальца меня. Но кто? — Он посмотрел на За. — И зачем?

— Государство, Гурдже. — За снова потыкал своей отверткой в камеру. — Потому что они хотят иметь что-нибудь против вас. На всякий случай.

— На какой еще всякий?

— На тот, если вы и дальше будете их удивлять и выигрывать. Это страховка. Вы о таком не слышали? Нет. Ну ничего. Это как азартная игра наоборот. — За взял камеру в одну руку, пытаясь отделить от нее еще какую-то часть. Корпус открылся. За со счастливым лицом извлек из внутренностей машинки диск размером с монетку, поднес его к свету, и тот переливчато засиял. — Здесь ваша гулянка, — сообщил он Гурдже.

Он насадил что-то на кончик своей зубочистки, и маленький диск прилип к инструменту как приклеенный. Потом За поднес маленькую полихроматическую монетку к пламени свечи, спустя какое-то время та зашипела, задымилась и стала маленькими хлопьями опадать на воск.

— Жаль, что нельзя оставить это на память, —

сказал За. Гурдже покачал головой:

— Я бы предпочел забыть об этом.

— А, бог с ним. Но эти две сучки у меня получат, — ухмыльнулся За. — За ними теперь должок — отдаться бесплатно. И не раз. — При этой мысли он засиял.

— И это все?

— Слушайте, они просто играли каждая свою роль. Ничего личного. Отшлепать — вот самое суровое для них наказание. — Брови у За сладострастно изогнулись.

Гурдже вздохнул.

Они вернулись в транзитную галерею, чтобы вызвать свою машину, и здесь За помахал нескольким крупным азадианцам — мужчинам и верховникам, которые всем своим видом давали понять, что оказались здесь совершенно случайно: просто ждут чего-то в тускло освещенном туннеле. За кинул одному из них остатки камеры — верховник поймал и отвернулся вместе с остальными.

— Ну и который теперь час? Вы хоть знаете, сколько я вас жду? У вас же завтра игра — забыли? Только посмотрите на свою одежду! А откуда эта царапина? Что вы…

— Машина! — Гурдже зевнул, стянул с себя пиджак и бросил в кресло. — Пошла ты в жопу.

-

На следующее утро Флер-Имсахо не разговаривал с Гурдже. Он присоединился к нему в гостиной модуля в тот момент, когда Пекил сообщил о своем прибытии, но на приветствие Гурдже автономник ничего не ответил, а спускаясь в лифте, жужжал громче обычного. В машине он тоже оставался неразговорчивым. Гурдже решил про себя, что переживет это.

— Что это у вас, Гурджи? — Пекил озабоченно посмотрел на царапину на щеке Гурдже.

— Ерунда. — Гурдже улыбнулся, поглаживая бородку. — Порезался, когда брился.

На Доске формы наступил этап отсева.

Гурдже с самого начала противостояли девять других игроков, и теперь это стало очевидным. Он воспользовался преимуществом, полученным на предыдущей доске, чтобы образовать небольшой, надежный и почти неприступный анклав, и отсиживался в нем два дня, наблюдая, как остальные тщетно бьются о его укрепления. При правильной атаке оборона Гурдже была бы

пробита, но его противники старались, чтобы их действия не выглядели слишком согласованными, а потому одновременно атаковали лишь двое-трое из них. К тому же каждый опасался ослабить себя слишком сильно, так как можно было ожидать атаки со стороны других.

К концу этих двух дней некоторые новостные агентства уже утверждали, что несправедливо и невежливо всем скопом набрасываться на инопланетянина.

Флер-Имсахо (к тому времени он преодолел свою обиду и снова начал разговаривать с Гурджде) решил, что такая реакция может быть искренней и спонтанной, но все же, скорее всего, вызвана давлением имперских властей. Машина определенно полагала, что за спиной Церкви (которая, несомненно, проинструктировала жреца, а также дала ему денег на сделки с другими игроками) стояла Имперская канцелярия. Так или иначе, на третий день массированная атака против Гурджде распалась и игра перешла в более привычное русло.

Игровой зал был битком набит зрителями. Стало гораздо больше любопытных, заплативших за вход; многие гости пренебрегли другими приглашениями, чтобы посмотреть на игру

инопланетянина, а пресс-агентства отправили дополнительных репортеров и операторов. Ассистенты под руководством главного судьи успешно пресекали шум в зале, а потому наплыв зрителей ничуть не отвлекал Гурдже от игры. Но во время перерывов двигаться по залу было трудно — люди постоянно заговаривали с ним, задавали вопросы или просто хотели на него посмотреть.

Пекил большую часть времени проводил в зале, но, казалось, был больше озабочен тем, чтобы самому покрасоваться перед камерами, а не защищать Гурдже от желающих с ним поговорить. По крайней мере, он помогал отвлекать репортеров, что позволяло Гурдже сосредоточиться на игре.

В течение следующих дней Гурдже обратил внимание на едва заметную перемену в стиле игры жреца и — в меньшей степени — двух других игроков.

Гурдже выбил из игры трех человек, еще трех выбил жрец, причем без особого напряжения. Два оставшихся верховника образовали свой собственный маленький анклав на доске и в остальной игре участвовали сравнительно мало. Гурдже играл хорошо, хотя и без того вдохнове-

ния, с помощью которого ему удалось одержать победу на Доске начал. Он должен был без труда разгромить священника и двух других. И в самом деле, он постепенно завоевывал преимущество, правда, очень медленно. Жрец играл лучше прежнего, особенно в начале каждой сессии, и Гурдже решил, что в перерывах верховник получает высококвалифицированную помощь. То же относилось и к двум другим игрокам, хотя их, судя по всему, консультировали не столь интенсивно.

Но когда подошел конец — на пятый день игры, — случилось неожиданное: игра жреца просто сломалась. Два других игрока сдались. Последовали новые потоки лести. Новостные агентства начали распространять передовицы, выражающие беспокойство, что какой-то чужак может играть так хорошо. В некоторых из наиболее сенсационных выпусков сообщалось, что инопланетянин с Культуры пользуется каким-то сверхъестественным чувством или запрещенным техническим устройством. Местные узнали имя Флер-Имсахо и упоминали его как возможный — и недозволенный — источник мастерства Гурдже.

— Они называют меня компьютером! — застонал автономник.

— А меня — мошенником, — задумчиво отозвался Гурдже. — Жизнь — штука жестокая. Так здесь говорят.

— Здесь это справедливо.

Последняя игра на Доске становления, в которой Гурдже чувствовал себя предельно уверенно, превратилась в настоящую драку. Священник до начала игры зарегистрировал у судьи специальный план по результатам — некие обязательства, которые он принимал на себя как игрок, занимающий по очкам второе место. Он и вправду уверенно претендовал на второе место и, хотя выбывал из главной серии, имел шансы вернуться туда, если выигрывал две следующие игры во второй серии.

Гурдже подозревал, что это уловка, и играл поначалу очень осторожно, ожидая либо массированной атаки, либо локального прорыва. Но другие, казалось, играли почти без всякой цели, и даже жрец вроде бы делал ходы механически, как в первой игре. Проведя несколько неглубоких разведок боем, Гурдже почти не встретил сопротивления. Он разделил свои силы на две части и предпринял полномасштабный рейд в тыл священника, чтобы нагнать на противника страху. Жрец запаниковал и после этого почти

не делал хороших ходов, а к концу сессии над его силами нависла угроза полного уничтожения.

После перерыва Гурдже подвергся атаке со стороны остальных игроков, жрец же, прижатый к краю доски, сопротивлялся. Гурдже понял намек. Он дал жрецу пространство для маневра и позволил атаковать двух из наиболее слабых игроков, чтобы восстановить свою позицию на доске. К концу игры Гурдже доминировал на большей части доски, а остальные были уничтожены или вытеснены в стратегически маловажные области. Гурдже не очень-то хотелось доводить игру до полного разгрома, к тому же он догадывался, что при попытке сделать это другие организуют совместное сопротивление, независимо от того, станет их союз очевидным для всех или нет. Гурдже предлагали победу, но жадность или мстительность с его стороны не пошли бы ему на пользу. Соглашение было достигнуто, игра закончилась. Жрец, пусть и с трудом, но все же занял второе место.

Пекил еще раз поздравил Гурдже. Он дошел до второго тура главной серии. Он был одним из всего тысячи двухсот Первых победителей и двух тысяч четырехсот участников квалификационных игр. Во втором туре он должен был

играть против одного игрока. Пекил опять стал уговаривать Гурдже дать пресс-конференцию, а Гурдже опять отказался.

— Но вы просто обязаны! Чего вы добиваетесь? Если вы в ближайшем будущем ничего не скажете, то настроите всех против себя. Нельзя вечно играть на загадочности. Сейчас вы для всех — жертва несправедливости, не упустите своего шанса.

— Пекил, — сказал Гурдже, отлично зная, что такое обращение оскорбительно для верховника, — у меня нет намерений разговаривать с кем бы то ни было о моей игре, а что обо мне говорят или думают, мне совершенно безразлично. Я здесь для того, чтобы играть, и ни для чего другого.

— Вы — наш гость, — холодно сказал Пекил.

— А вы — мои хозяева.

Гурдже повернулся и пошел прочь. Обратный путь они проделали в полной тишине, если не считать жужжания Флер-Имсахо; Гурдже время от времени казалось, что за этим звуком скрывается смех.

— А вот теперь начинаются неприятности.

— Почему вы так думаете, корабль?

Стояла ночь. Тыльные двери модуля были от-

крыты. До Гурдже доносилось приглушенное расстоянием гудение полицейского флаера, который циркулировал над отелем, чтобы не допустить туда летательные аппараты новостных агентств. В модуль проникал и запах города — теплый, пряный и дымный. Гурдже изучал проблему локальных военных операций в одиночной игре и делал заметки. При временной задержке такой способ общения с «Фактором» представлялся оптимальным. Выскажись, потом отключись и рассматривай проблему, пока луч ГП несется туда-сюда; потом, получив ответ, снова переключись в речевой режим — почти как настоящий разговор.

— Потому что теперь вы должны раскрыть ваши нравственные основания. Это игра один на один, так что вы должны определить ваши базовые принципы, обнародовать философские постулаты. Поэтому придется сообщить им о том, во что вы верите. Боюсь, тут у вас могут возникнуть проблемы.

— Корабль, — сказал Гурдже, делая заметки в видеоблокноте и изучая голограмму перед собой. — Не думаю, что у меня есть какие-либо верования.

— А я думаю, что есть, Жерно Гурдже, и Импер-

ское бюро игр пожелает узнать, что они из себя представляют. Боюсь, вам придется придумать что-нибудь.

— С какой стати? Какое это имеет значение? Никаких должностей или званий выиграть я не могу, никакой власти я не получу, так при чем тут мои верования? Я понимаю — им нужно знать, о чем думают люди во власти, но я хочу одного — играть.

— Да, но они пожелают это знать для своей статистики. Ваши взгляды могут ничего не значить, если говорить о занятии должностей по итогам игры, но здесь ведется учет, какие игроки выигрывают какого рода матчи… и потом, их интересует, какого рода экстремистской политике вы сочувствуете.

Гурдже посмотрел на камеру экрана.

— Экстремистская политика? О чем это вы?

— Жерно Гурдже, — машина произвела звук, похожий на тяжелый вздох, — карательная система не знает невиновных. Любая машина насилия считает, что все либо за нее, либо — против. Мы — против. И вы были бы тоже, дай вы себе труд задуматься. Уже один образ мышления делает вас врагом. Может, это и не ваша вина, потому что каждое общество воспитывает в своих граж-

данах определенные ценности, но дело в том, что некоторые общества придают ценностям максимальное значение, а некоторые — минимальное. Вы происходите из общества второго типа, а рассказать вас о себе просит общество первого типа. Уклониться будет так трудно, что вы и представить себе не можете, сохранить нейтралитет — практически невозможно. Вы просто не можете не сочувствовать той политике, в которой воспитаны, поскольку она не является чем-то независимым от остальных частей вашего «я». Она — составляющая вашей личности. Мне это известно, и им это известно. И вам лучше принять все как есть. Гурдже задумался.

— А могу я солгать?

— Насколько я понимаю, вы спрашиваете совета — стоит ли давать ложные сведения о себе, а не ставите под сомнение свою способность говорить неправду. — (Гурдже покачал головой.) — Возможно, это самый разумный образ действий. Хотя может оказаться, что будет затруднительно сказать что-нибудь приемлемое для них и в то же время не вызывающее у вас нравственного протеста.

Гурдже снова посмотрел на голограмму.

— Вы будете удивлены, с какой легкостью я это

сделаю, — пробормотал он. — Но в любом случае, если я солгу, как моя ложь может вызывать у меня нравственный протест?

— Интересный вопрос. Во-первых, если индивидуум полагает, что ложь сама по себе не безнравственна, особенно если она в основной или значительной степени представляет собой то, что мы называем скорее своекорыстной, а не бескорыстной или не сострадательной ложью, то...

Гурдже перестал слушать, погрузившись в изучение голограммы. Нужно найти какие-нибудь прежние игры своего соперника, как только он узнает имя этого соперника.

Он услышал, что корабль прекратил говорить.

— Вот что я вам скажу, корабль, — сказал Гурдже. — Почему бы вам не подумать об этом? Вы, судя по всему, гораздо больше меня увлечены этой идеей, а я так или иначе занят, так почему бы вам не сочинить некий компромисс между правдой и целесообразностью, который устроит всех нас? А? Я, вероятно, соглашусь на любое ваше предложение.

— Хорошо, Жерно Гурдже. С удовольствием.

Гурдже пожелал кораблю спокойной ночи, а закончив изучать особенности игры один на один,

выключил экран. Он встал, потянулся, зевнул, потом вышел из модуля в оранжево-коричневую тьму висячего сада и чуть не наткнулся на крупного азадианца в форме.

Охранник отдал честь (Гурдже так и не понял, как отвечать на этот жест) и протянул лист бумаги. Гурдже взял лист и поблагодарил охранника — тот вернулся на свой пост у лестничного пролета, ведущего на крышу.

Гурдже направился в модуль, пытаясь на ходу прочесть бумагу.

— Флер-Имсахо? — позвал он, не зная, здесь маленькая машина или нет.

Автономник появился из другого угла модуля в своем обычном — не маскарадном — облачении, бесшумный, с большим, богато иллюстрированным руководством по эаской орнитологии.

— Да?

— Что здесь написано? — Гурдже помахал бумагой. Автономник подлетел поближе.

— Если оставить в стороне имперское пышнословие, то они приглашают вас завтра во дворец, чтобы принести свои поздравления. А это означает, что на вас хотят посмотреть.

— Полагаю, придется идти?

— Пожалуй, да.

— Вы там упоминаетесь?

— Нет. Но я все равно пойду. Им придется выкинуть меня, если что. О чем вы говорили с кораблем?

— Он должен составить список моих принципов. А еще прочел мне лекцию о социальной притирке.

— Он желает вам добра. Не хочет доверять такую деликатную задачу кому-нибудь вроде вас.

— Вы куда-то собирались, автономник? — спросил Гурдже, снова включая экран и усаживаясь перед ним.

Он настроил игровой канал на имперскую волну, желая выяснить что-нибудь о жеребьевке игр второго тура. Оказалось, решения о жеребьевке пока не принято, его ждали с минуты на минуту.

— Знаете, — сказал Флер-Имсахо, — тут и правда есть крайне любопытные ночные птицы, питающиеся рыбой. Они обитают в устье, всего в сотне километров отсюда, и я подумывал…

— Не хочу задерживать вас, — сказал Гурдже как раз в тот момент, когда игровой канал начал транслировать результаты — по экрану поползли имена и цифры.

— Отлично. Желаю спокойной ночи. — Автономник исчез из виду.

Гурдже, не оглядываясь, махнул рукой.

— Спокойной ночи, — сказал он.

Ответил автономник или нет, он не услышал.

Он нашел на экране и свое имя рядом с именем Ло Весекиболда Рама, управляющего директора Имперского монопольного комитета. Гурдже был причислен к мастерам Пятого главного уровня, а значит, принадлежал к шестидесяти лучшим игрокам империи.

Следующий день у Пекила был выходным. За Гурдже прислали летательный аппарат из Имперской канцелярии. Когда тот приземлился рядом с модулем, Гурдже и Флер-Имсахо (который очень поздно вернулся из экспедиции в устье) взошли на борт и скоро были доставлены через весь город в императорский дворец. Они совершили посадку на крыше внушительного комплекса административных зданий, выходящих на один из небольших парков в пределах дворца. Их провели вниз по широкой, устланной коврами лестнице в кабинет с высоким потолком, где слуга-мужчина спросил у Гурдже, не хочет ли он чего-нибудь выпить или перекусить. Гурдже отказался, и их с автономником оставили вдвоем.

Флер-Имсахо подлетел к высокому окну, а Гур-

дже принялся разглядывать какой-то портрет на стене. Немного погодя в помещение вошел моложавый верховник. Он был высок, одет в относительно непритязательную и деловую разновидность формы имперских чиновников.

— Господин Гурдже, рад вас видеть. Меня зовут Ло Шав Олос.

— Здравствуйте, — сказал Гурдже.

Они обменялись вежливыми поклонами, после чего верховник быстро подошел к большому столу перед окнами и положил на него объемистую пачку бумаг, а затем сел.

Ло Шав Олос посмотрел на Флер-Имсахо, который жужжал и потрескивал неподалеку.

— А это, судя по всему, ваша маленькая машина.

— Ее зовут Флер-Имсахо. Она помогает мне общаться на вашем языке.

— Понятно. — Верховник указал на резной стул по другую сторону стола. — Прошу вас, садитесь.

Гурдже сел, и Флер-Имсахо подлетел к нему. Слуга-азадианец вернулся с хрустальным кубком и поставил его на стол рядом с Олосом, который, приложившись к напитку, сказал:

— Вы, похоже, не сильно нуждаетесь в помощи, мистер Гурдже. — Моложавый верховник улыб-

нулся. — Ваш эасский очень хорош.

— Спасибо.

— Позвольте мне присоединить к поздравлениям Имперской канцелярии и мои личные поздравления, господин Гурдже. Ваши успехи превосходят все ожидания. Насколько я понимаю, вы изучали азад только в течение трети одного из наших Больших лет.

— Да, но азад мне так понравился, что все это время я не делал почти ничего другого. И потом, у азада много общего с теми играми, что я изучал прежде.

— И тем не менее вы победили игроков, которые изучали азад всю жизнь. Ожидалось, что жрец Лин Гофорьев Таунсе преуспеет в этих играх.

— Ясно. Возможно, мне просто повезло.

Верховник усмехнулся и откинулся к спинке стула.

— Может, и так, мистер Гурдже. Мне жаль, что ваше везение не распространилось на жребий следующего тура. Ло Весекиболд Рам — выдающийся игрок, и многие ждут, что он превзойдет самого себя.

— Надеюсь, что смогу оказать ему достойное сопротивление.

— Мы все на это надеемся. — Верховник еще

раз приложился к кубку, встал и подошел к окнам, выходящим в парк. Он поскреб толстое стекло, словно стирая соринку. — Хотя, строго говоря, это и не входит в круг моих обязанностей, должен признаться, что был бы рад, если бы вы поделились со мной своими планами насчет регистрации принципов. — Он повернулся и посмотрел на Гурдже.

— Я еще не решил окончательно, как изложить их. Возможно, я зарегистрирую принципы завтра.

Верховник задумчиво кивнул и поддернул рукав своей имперской формы.

— Если позволите, я бы посоветовал вам отнестись к этому… осмотрительно, мистер Гурдже. — (Гурдже попросил автономника перевести ему слово «осмотрительно».) Олос после паузы продолжил: — Вы, конечно же, должны зарегистрироваться в Бюро, но, как известно, вы участвуете в этих играх исключительно в почетном качестве, а потому изложение ваших принципов имеет чисто статистическую, так сказать, ценность.

Гурдже попросил автономника перевести для него «в качестве».

— Натянажка, игра-игрокоид, — мрачно про-

бормотал Флер-Имсахо на марейне. — Перевереигрываете. Сочета-четаньем «в качестве» эаском на вы ужеже пользовольвовались. Умумник этот не дудурак. Ребярета эти в язызы-ках кудкуда разузумней, чем можеможет покаказаться.

Гурдже подавил улыбку. Олос продолжал:

— Как правило, участники должны быть готовы аргументированно защищать свои взгляды, если Бюро сочтет необходимым оспорить какие-либо из них, но я надеюсь, вы понимаете, что с вами такое вряд ли произойдет. Имперское бюро не может закрывать глаза на тот факт, что ценности в вашем обществе могут резко отличаться от наших. Мы не имеем намерений смущать вас, заставляя рассказывать о вещах, которые нашей прессе и обществу могут показаться оскорбительными. — Он улыбнулся. — Лично я — неофициально — предположил бы, что вы можете выражаться довольно, я бы сказал, «туманно» и никого это особенно не обеспокоит.

— «Особенно»? — с невинным видом спросил Гурдже жужжащего, потрескивающего автономника.

— Опять туфтутить недоумо дурудурить, вы мозговизгокрут и титхва тыватьиспы мое тепрпение в жопу, Гурдже.

Гурдже громко закашлялся.

— Извините, — сказал он Олосу. — Да, я понимаю. Я буду помнить об этом, составляя обзор своих принципов.

— Я рад, мистер Гурдже. — Олос вернулся к своему стулу и снова уселся. — То, что я сказал, — это, конечно, моя личная точка зрения, и у меня нет никаких связей с Имперским бюро. Мой департамент совершенно независим от него. И тем не менее одно из великих преимуществ империи — во взаимосвязи всех ее частей, в ее единстве, и я думаю, что не ошибаюсь, говоря о том, какова может быть позиция другого имперского департамента. — Ло Шав Олос любезно улыбнулся. — Мы и в самом деле действуем все заодно.

— Я вас понимаю.

— Не сомневаюсь. Скажите мне — вы с нетерпением ждете путешествия на Эхронедал?

— С огромным. В особенности потому, что такой чести удостаиваются далеко не все заезжие игроки.

— Вы абсолютно правы. — На лице у Олоса появилось довольное выражение. — Лишь немногие из наших гостей допускаются на Огненную планету. Это святое место, оно само по себе является символом вечной природы империи и игры.

— У меня нет слов, чтобы выразить свою благодарность империи, — пропел Гурдже, сделав едва заметный поклон.

Флер-Имсахо произвел какой-то трескучий звук. Олос широко улыбнулся.

— Я абсолютно уверен, что вы, зарекомендовав себя столь умелым — я бы даже сказал, талантливым — игроком, докажете, что более чем заслужили свое место в замке игр на Эхронедале. А теперь, — верховник бросил взгляд на свой настольный экран, — у меня по расписанию посещение еще одного, несомненно, крайне скучного заседания Торгового совета. Я бы предпочел продолжить нашу беседу, мистер Гурдже, но, к сожалению, она должна быть завершена в интересах эффективного регулирования товарообмена между нашими многочисленными мирами.

— Я вас понимаю, — сказал Гурдже, вставая одновременно с верховником.

— Рад был с вами познакомиться, мистер Гурдже, — улыбнулся Олос.

— И я тоже.

— Позвольте мне пожелать вам удачи в игре против Ло Весекиболда Рама, — сказал верховник, шествуя к двери вместе с Гурдже. — Боюсь, вам

она понадобится. Уверен, игра будет интересной.

— Надеюсь, — согласился Гурдже.

Они вышли из комнаты. Олос протянул руку — Гурдже пожал ее, позволив своему лицу принять слегка удивленное выражение.

— Всего доброго, мистер Гурдже.

— Всего доброго.

Гурдже и Флер-Имсахо проводили к летательному аппарату на крыше, а Ло Шав Олос зашагал по коридору на заседание.

— Вы идиот, Гурдже! — начал автономник на марейне, как только они оказались в модуле. — Во-первых, вы спросили меня о двух словах, которые вам уже известны, а потом вы использовали и то и другое, к тому же…

Тут Гурдже затряс головой и прервал его:

— Вы и в самом деле ничего не понимаете в игре, автономник?

— Я понимаю, когда люди играют глупцов.

— Все лучше, чем играть домашнюю зверушку, машина.

Машина произвела что-то похожее на звук задержанного дыхания, потом, словно поколебавшись, сказала:

— Ну, как бы там ни было… по крайней мере, теперь можете не беспокоиться о принципах. —

Автономник издал неестественный смешок. — Они не меньше вас опасаются, что вы скажете правду!

-

Игра Гурдже против Ло Весекиболда Рама вызвала огромный интерес. Пресс-агентства, заинтригованные необычным инопланетянином, который отказывался с ними разговаривать, послали самых пронырливых репортеров и операторов, умевших лучше других улавливать мимолетные выражения лиц так, чтобы объект съемок выглядел уродливым, глупым или жестоким (а лучше всего — и первым, и вторым, и третьим). Инопланетная физиономия Гурдже одним операторам представлялась трудной для схватывания, а другим — наоборот.

Многочисленные болельщики, заплатившие за вход, пытались обменять билеты на другие игры, чтобы наблюдать эту, и галерея для гостей вмещала далеко не всех желающих, хотя игра была перенесена из первого зала, где до этого играл Гурдже, в большой шатер, поставленный в парке всего в нескольких километрах и от Гранд-отеля, и от императорского дворца. Шатер вмещал в три раза больше народа, чем в прежний зал, и все же

был битком набит.

Пекил появился, как обычно, утром, в машине Бюро инопланетных дел и отвез Гурдже в парк. Верховник уже больше не пытался красоваться перед камерами — он быстро прошел мимо них, расчищая дорогу для Гурдже.

Гурдже представили Ло Весекиболду Раму, который оказался коренастым, крепким верховником с лицом гораздо более грубым, чем ожидал увидеть Гурдже, и военной выправкой.

Рам играл быстро и остро, и в первый день они закончили две малые игры с приблизительно равным счетом. Гурдже понял, как трудно ему пришлось в этот день, только вечером, когда заснул, сидя перед экраном. Проспал он почти шесть часов.

На следующий день они сыграли еще две малые игры, но, по обоюдному соглашению, остались и на вечерний сеанс. Гурдже чувствовал, что верховник проверяет его, пытается вымотать или хотя бы определить пределы его стойкости. Они должны были отыграть все шесть малых игр, перед тем как перейти на три главные доски, и Гурдже уже понимал, что игра против одного Рама куда утомительнее, чем против девяти соперников.

После ожесточенной борьбы, затянувшейся чуть ли не до полуночи, Гурдже закончил игру, немного опережая соперника. Он проспал семь часов и проснулся, едва-едва успевая подготовиться к следующему игровому дню. Заставив себя пробудиться, Гурдже секретировал Снап — любимый гормон культурианцев во время завтрака — и был немного разочарован, увидев, что Рам выглядит свежим и энергичным не меньше его самого.

Эта игра стала еще одной войной на истощение — они кое-как продержались первую половину дня, а продолжить игру вечером Рам не предложил. Так что Гурдже несколько часов обсуждал игру с кораблем, а потом, чтобы отвлечься, посмотрел имперские каналы.

Там были приключения, викторины и комедии, новости и документальные репортажи. Гурдже поискал отчеты о своей собственной игре. Упоминания были, но довольно скучная дневная игра не вызвала большого интереса. Он видел, что информагентства стали относиться к нему хуже, и теперь спрашивал себя, не жалеют ли они о своей поддержке инопланетянина, когда на него набросились скопом.

В следующие пять дней новостные агентства

стали выражать еще большее недовольство «инопланетянином Гурджей» (фонетически эаский был менее гибок, чем марейн, а потому его имя часто искажалось). Малые игры с Рамом они закончили приблизительно с равным числом очков, потом Гурдже победил противника на Доске начал, едва не проиграв на одном из этапов, и лишь чуть-чуть уступил ему на Доске формы.

Новостные агентства тут же решили, что Гурдже — угроза для империи и общественного блага, и начали кампанию за высылку его из Эа. Они заявляли, что Гурдже общается телепатически с «Ограничивающим фактором» или роботом по имени Флер-Имсахо, что он использует всевозможные тошнотворные наркотики, которые хранит в пресловутом вертепе мерзостей на крыше Гранд-отеля, что (будто об этом только узнали) он может производить наркотики внутри организма (что было правдой), используя железы, удаленные у детей в результате жутких, бесчеловечных операций (что правдой не было). Эти наркотики якобы превращали его либо в суперкомпьютер, либо в секс-маньяка (по некоторым сообщениям — в того и другого одновременно).

Одно из агентств обнаружило принципы Гурдже, которые составил для него корабль и

зарегистрировал в Бюро игр. Принципы эти клеймились бесчестными, неоткровенными и лицемерными — что вообще свойственно Культуре, — открывающими верный путь к анархии и революции. Тон агентств становился мягким и почтительным, когда они верноподданно просили императора «сделать что-нибудь» с Культурой и обвиняли Адмиралтейство в том, что оно уже несколько десятилетий знает о существовании этой шайки мерзких извращенцев и, судя по всему, не желает показать им, кто тут хозяин, — или просто уничтожить их раз и навсегда. Одно отважное агентство даже зашло дальше других и заявило, будто Адмиралтейство не знает в точности, где находится родная планета Культуры. Они возносили молитвы за то, чтобы Ло Весекиболд Рам раздавил этого инопланетянина Гурджей на Доске становления с такой же решительностью, с какой флот империи однажды избавит мир от насквозь прогнившей и социалистической Культуры. Они побуждали Рама прибегнуть к физической опции, если понадобится: пусть все узнают, что там внутри у этого слащавого инопланетянина (возможно, в буквальном смысле!).

— Это все серьезно? — спросил Гурдже, с улыбкой поворачиваясь от экрана к автономнику.

— Абсолютно серьезно.

Гурдже рассмеялся и покачал головой. Он подумал, что простой люд, видимо, глуп безмерно, если верит всей этой чепухе.

После четырех дней игры на Доске становления Гурдже был близок к победе. Он видел, как Рам взволнованно разговаривает со своими советниками, и предполагал, что верховник после дневной игры сдастся. Но Рам решил продолжать сопротивление. Они договорились пропустить вечерний сеанс и возобновить сражение наутро.

Под шелест большого шатра на теплом ветерке Флер-Имсахо присоединился у выхода к Гурдже. Пекил расчищал путь до машины сквозь толпу. Она состояла в основном из тех, кто просто хотел увидеть инопланетянина, хотя некоторые из них устроили шумную демонстрацию против Гурдже, и совсем немногие приветствовали его. Рам и его советники первыми покинули шатер.

— Кажется, я вижу в толпе Шохобохаума За, — сказал автономник, пока они ждали у выхода.

Свита Рама все еще шествовала в конце дорожки, расчищенной для них двумя шеренгами полицейских.

Гурдже бросил взгляд на машину, потом на полицейских, которые стояли в ряд, сцепив руки.

Он все еще не отошел от напряжения игры, и кровь его была полна разнообразными химическими агентами. С ним такое случалось время от времени — все, что он видел вокруг, казалось ему частью игры: люди стояли группками наподобие фигур, словно готовясь снять с доски или загнать в угол соседа; рисунок на материале шатра напоминал простую разметку доски, а шесты, словно воткнутые в доску источники энергии, готовы были подпитать истощенную второстепенную фигуру или поддержать рывок в решающий момент; люди и полицейские стояли строем, который был похож на внезапно сомкнувшиеся фланги при кошмарном охватывающем маневре… Все это было игрой, все виделось ему в свете игры, переводилось в ее воинственные образы, на ее язык, оценивалось соответственно ее структуре, запечатленной в мозгу.

— За? — переспросил Гурдже.

Он посмотрел туда, куда указывало поле автономника, но За не было видно.

Свита Рама покинула стоянку, на которой стояли машины официальных лиц, и Пекил дал знак Гурдже — можно идти. Они пошли между двух рядов азадианцев-мужчин в форме. На Гурдже нацеливались камеры, он слышал,

как из толпы выкрикивают вопросы. Началось какое-то нестройное скандирование, потом Гурдже увидел поднятый над головами плакат: «ИНОПЛАНЕТЯНИНА — ДОМОЙ».

— Похоже, я не слишком-то популярен, — сказал он.

— Не слишком, — подтвердил Флер-Имсахо.

Еще два шага (Гурдже почувствовал это шестым, игровым чувством, когда обменивался словами с автономником), и он окажется рядом с… ему потребовался еще один шаг, чтобы проанализировать проблему… чем-то плохим, чем-то опасным и диссонансным… тут было что-то… другое, в группке слева из трех человек, мимо которых он должен был сейчас пройти, словно это были зарезервированные призрак-фигуры, спрятавшиеся в лесах… Он понятия не имел, что не так в этой группке, но сразу же понял (поскольку определяющие структуры игрового мышления возобладали в его сознании), что рисковать и ставить фигуру *туда* не стоит… Еще полшага…

…понять, что фигура, которой не хочется рисковать, — это он сам.

Он увидел, как группка из трех человек разделилась, и повернулся, автоматически пригибаясь, — это был очевидный ответный ход

фигурой, над которой нависла угроза, но которая из-за слишком большой инерции не могла сразу остановиться или двинуться назад, отступая от нападающих.

Послышались несколько громких хлопков. Тройка, словно внезапно разделившаяся составная фигура, рванулась ему навстречу, разрывая сцепленные руки двух полицейских. Гурдже преобразовал свой начальный маневр в нырок и перекат, с удовольствием отметив, что это — почти идеальный физический аналог действий фигуры-подсечки при остановке атакующих. Он почувствовал удар ног в свой бок, но несильный, потом что-то навалилось на него, хлопки стали громче. На ноги его упало что-то еще.

Это было похоже на пробуждение. Его атаковали. Были вспышки, разрывы, люди бросились на него.

Он боролся под теплой, живой массой, навалившейся сверху, — массой того, кому он сделал подсечку. Люди кричали, полицейские суетились. Он увидел лежащего на земле Пекила. Здесь же стоял и За с недоуменным видом. Кто-то протяжно визжал. Флер-Имсахо нигде не было видно. Что-то теплое сочилось на рейтузы Гурдже.

Он сбросил лежащее на нем тело, почувство-

вав вдруг отвращение при мысли о том, что это (верховник или мужчина) может быть мертвец. Шохобохаум За и полицейский помогли Гурдже подняться. Крики вокруг не смолкали, люди отступали или оттеснялись в стороны, освобождая пространство для того, что тут происходило. На земле лежали тела, некоторые в яркой красно-оранжевой крови. Гурдже неуверенно встал на ноги.

— Ну что, игрок, живы? — ухмыльнулся За.

— Кажется, да, — кивнул Гурдже.

На его ногах была кровь, но, судя по цвету, чужая. Сверху спустился Флер-Имсахо.

— Жерно Гурдже, вы живы?

— Да. — Гурдже оглянулся. — Что случилось? — спросил он у Шохобохаума За. — Вы видели, что случилось?

Полицейские, вытащив пистолеты, окружили место происшествия, люди отодвигались все дальше, репортеры с камерами оттеснялись орущими полицейскими. Пятеро стражей порядка прижимали кого-то к траве. На дорожке лежали два верховника в гражданской одежде; тот, которого свалил Гурдже, был в крови. Над каждым из тел стоял полицейский, еще двое занимались Пекилом.

— Эти трое напали на вас, — сказал За, стреляя вокруг глазами и одновременно кивая на два тела и на прижатого к земле.

Гурдже услышал чьи-то громкие рыдания, доносившиеся из поредевшей толпы. Репортеры по-прежнему выкрикивали свои вопросы.

За провел Гурдже туда, где лежал Пекил; над головами шипел и потрескивал Флер-Имсахо. Пекил лежал на спине и моргал, уставясь в небеса, а полицейский отрезал пропитанный кровью рукав его форменного мундира.

— Старина Пекил оказался на пути пули, — сказал За. — Как вы, Пекил, живы? — весело прокричал он.

Пекил слабо улыбнулся и кивнул.

— А ваш отважный и находчивый автономник, — сказал За, обнимая Гурдже за плечи и все время крутя головой и стреляя глазами, — со скоростью звука подпрыгнул метров на двадцать.

— Я просто набрал высоту, чтобы лучше видеть, кто…

— А вы упали, — сказал За, по-прежнему не глядя на Гурдже, — и перекатились. Я даже подумал, что они в вас попали. Мне удалось шарахнуть одного из этих типов по голове, а другого, кажется, свалили полицейские. — Взгляд За на мгновение

остановился на группке людей за полицейским кордоном, откуда доносились рыдания. — В толпе тоже кого-то задело. А пули предназначались вам.

Гурдже посмотрел на одного из мертвых верховников — его голова лежала под прямым углом к телу прямо на плече: положение, невероятное почти для любого гуманоида.

— Да, этого уложил я. — За скользнул взглядом по верховнику. — Кажется, перестарался.

— Повторяю, — сказал Флер-Имсахо, двигаясь перед Гурдже и За, — я всего лишь набрал высоту, чтобы…

— Да, автономник, мы рады, что с вами ничего не случилось.

За отмахнулся от жужжащей машины, как от большого назойливого насекомого, и направил Гурдже вперед — туда, где верховник в полицейской форме махал руками, показывая им на стоящие автомобили. Громкие крики доносились откуда-то сверху и с соседних улиц.

— А вот и ребятки, — сказал За, когда воющий звук пронесся над парком и большой оранжево-красный флаер совершил стремительную посадку, подняв над травой тучу пыли.

В потоках воздуха затрепетала, захлопала,

пошла складками материя шатра. Изнутри выпрыгнули полицейские, вооруженные более основательно.

Возникла маленькая неразбериха — решалось, куда нужно идти: к машинам или нет. Наконец Гурдже и За провели назад в шатер, где они вместе кое с кем из свидетелей дали показания. У двух операторов отобрали камеры, те протестовали.

Во флаер погрузили тела двух убитых и раненого участника покушения. К Пекилу, получившему легкое ранение в руку, прибыла воздушная «скорая помощь».

Когда наконец Гурдже, За и автономник покинули шатер и стали садиться в полицейский флаер, чтобы вернуться в отель, в ворота парка въехала наземная «скорая помощь» — за тремя азадианцами (двумя мужчинами и одной женщиной), раненными при нападении.

— Отличный модулек, — заметил Шохобохаум За, падая в формокресло.

Гурдже тоже сел. Послышался звук улетающего полицейского аппарата. Как только они оказались внутри, Флер-Имсахо перестал жужжать и исчез в другом отсеке.

Гурдже попросил у модуля выпивку для себя и спросил, не хочет ли чего За.

— Модуль, — сказал За, удобно располагаясь в кресле и напуская на себя задумчивый вид, — я бы хотел двойной стандартный стаоль и охлажденное вино Шунгустериаунг из печени кривокрыла, настоянное на винном спирту, сепарированном из губ белого эфлайр-спина в шуге из среднего каскало с горкой жареных чудо-ягод, и подать в осмос-чаше из типравлика третьей прочности или ближайший аналог названного.

— Кривокрыл — самка или самец? — спросил модуль.

— Это здесь-то? — За рассмеялся. — Черт побери — оба.

— Потребуется несколько минут.

— Превосходно. — За потер руки, потом посмотрел на Гурдже. — Итак, вы остались живы. Хорошая работа.

Гурдже неуверенно посмотрел на За, потом сказал:

— Да. Спасибо.

— Постарайтесь не думать об этом. — За махнул рукой. — А вообще-то я получил удовольствие. Вот только не стоило убивать того парня.

— Жаль, что я не могу проявить такое же великодушие. Он пытался убить меня. К тому же пулями.

Смерть от пуль казалась Гурдже особенно ужасной.

— Ну, — пожал плечами За, — я думаю, большой разницы нет — убивает вас пуля или луч. Так или иначе, вы будете мертвы. Я действительно сочувствую этим ребятам. Бедняги, наверно, просто выполняли свою работу.

— Работу? — недоуменно переспросил Гурдже.

За кивнул, зевая и потягиваясь в подстраивающемся под его позу формокресле.

— Да. Они из Имперской тайной полиции, Девятое бюро или что-то в этом роде. — Он снова зевнул. — Но, конечно, газеты напишут, будто недовольные граждане… хотя могут попытаться повесить и на революто в… но это вряд ли… — За ухмыльнулся и пожал плечами. — Хотя могут и попытаться, ну так, ради смеха.

Гурдже задумался.

— Нет, — сказал он наконец. — Не понимаю. Вы сказали, что эти люди из полиции. Но как…

— *Секретной полиции*, Жерно.

— Но как можно иметь секретного полицейского? Я полагал, полицейские носят форму, в частности, для лучшей узнаваемости, чтобы играть роль сдерживающей силы.

— Господи, — сказал За, пряча лицо в ладонях,

потом убрал руки и, глубоко вздохнув, посмотрел на Гурдже. — Хорошо… ладно. Секретная полиция — это те, кто ходит среди людей, подслушивает, о чем те говорят, когда форма не дает им играть роль сдерживающей силы. И тогда, если человек не сказал ничего противозаконного, но сказал нечто, по их мнению, угрожающее безопасности империи, то его похищают, допрашивают и — как правило — убивают. Иногда отправляют в исправительную колонию, но обычно все же сжигают или сбрасывают в старую шахту. Здесь атмосфера насыщена революционной лихорадкой, Жерно Гурдже, а улицы города кишат неосторожными языками. Они делают и кое-что другое — эта секретная полиция. Сегодняшняя история и есть кое-что другое. — За откинулся назад и сделал экспансивный недоуменный жест. — Хотя, с другой стороны, я допускаю, что они и в самом деле — революты или недовольные граждане. Вот только они все перепутали… Но такими вещами занимается именно секретная полиция, уж вы мне поверьте. Ага!

Появился поднос с большой чашей в держателе. Над кипящей многоцветной поверхностью жидкости поднимался густой пар. За взял чашу.

— За империю! — прокричал он и залпом вы-

пил содержимое, а потом с треском поставил чашу на поднос. — А-а-а-а-а! — выкрикнул он, сопя, кашляя и вытирая глаза рукавом. И подмигнул Гурдже.

— Извините, если я туго соображаю, — сказал Гурдже, — но если эти люди из имперской полиции, то они, видимо, действовали по приказу? Что происходит? Неужели империя хочет моей смерти, потому что я выигрываю у Рама?

— Гмм, — промычал За, покашливая. — Вы учитесь, Жерно Гурдже. Черт, я полагал, что игрок должен соображать немного быстрее, что у него должно быть природное коварство… но вы здесь — ягненок среди волков, как бы там ни было, кто-то из власть имущих желает вашей смерти.

— Вы думаете, они попытаются еще раз?

За покачал головой:

— Слишком очевидно. Если они идут на такое, то ситуация для них отчаянная… по крайней мере в ближней перспективе. Думаю, они подождут и посмотрят, как сложатся ваши десять следующих игр. И если не удастся добиться вашего поражения, они вынудят вашего следующего одиночного противника применить физическую опцию — в надежде, что вы с испугу наложите в штаны. Если вы зайдете настолько далеко.

— Неужели я для них представляю такую угрозу?

— Послушайте, Гурдже, они понимают, что сделали ошибку. Вы не видели передач, которые шли тут перед вашим появлением. Там говорили, что вы — лучший игрок всей Культуры и к тому же что-то вроде декадентствующего бездельника, гедониста, который ни дня в жизни не проработал, что вы высокомерны и абсолютно уверены в своей победе, что вам в тело вшили бог знает сколько новых желез, что вы трахали свою матушку, мужчин, животных, что вы — наполовину компьютер… Потом Бюро просмотрело несколько ваших игр на пути сюда и заявило…

— Что? — сказал Гурдже, подаваясь вперед. — Как они могли увидеть некоторые из моих игр?

— Они попросили меня предоставить им некоторые из ваших недавних игр, я связался с «Фактором сдерживания» — ну и зануда же этот корабль! — и попросил его прислать мне записи двух-трех ваших последних игр против него. Бюро сделало свои выводы о вашей силе как игрока и сказало, что категорически не возражает — пусть, мол, использует свои наркогланды и все остальное… Прошу прощения. Я решил, что корабль сначала испросил вашего разрешения.

Он что, не запрашивал?

— Нет.

— Ну все равно. Они сказали, что вы можете играть без всяких ограничений. Не думаю, что они на самом деле этого хотели (ну там чистота игры, вы же понимаете), но распоряжения такого рода были отданы. Империя хотела доказать, что даже с вашими несправедливыми преимуществами вы не сможете остаться в главной серии. Видя вашу игру в первые два-три дня против этого жреца и его прихвостней, они, наверно, радостно потирали свои ручонки, но тут случилась эта победа, неожиданная, как кролик из шляпы фокусника, и радости у них поубавилось. Когда в одиночной игре вам выпало играть против Рама, это, вероятно, показалось им отличной шуткой, но теперь вы вот-вот выставите его перед всем миром с грязной задницей, и они запаниковали. — За икнул. — Вот откуда эта неудавшаяся стрельба сегодня.

— Так, значит, жребий на самом деле тоже совсем не жребий?

— Силы небесные, Гурдже, конечно нет! — За рассмеялся. — Чтоб мне так жить! Неужели вы настолько наивны?

Он сидел, покачивая головой, глядел в пол и

время от времени икал.

Гурдже встал и подошел к открытой двери модуля, откуда открывался вид на город, мерцающий в предвечерней дымке. Длинные тени башен лежали, словно редкие волосины на почти облысевшей шкуре. В небесах виднелся отливавший красным цветом заката флаер.

Гурдже никогда еще не чувствовал себя таким разочарованным и злым. Еще одно неприятное чувство в придачу к испытанным в последнее время: что он намертво втянут в игру и что впервые в жизни он играет всерьез.

Все, казалось, считали его ребенком. Они беззаботно решали, что ему нужно и чего не нужно говорить, утаивали от него то, что он должен был знать, а если что и говорили, то действовали при этом так, словно он все время должен был знать об этом.

Он оглянулся на За, но тот сидел с отсутствующим видом, потирая живот. Потом За громко рыгнул, безмятежно улыбнулся и крикнул:

— Эй, модуль, включи десятый канал! Да, на экране.

Он встал и засеменил к стойке перед экраном, остановился перед ней, сложив руки на груди, насвистывая что-то неудобоваримое и бессмыс-

ленно ухмыляясь при виде живых картинок. Гурдже наблюдал за этим сбоку.

В новостях показывали высадку имперских войск на далекой планете. Горели города и поселки, петлями вились по дорогам колонны беженцев. Показывали интервью, взятые у безутешных родственников павших бойцов. Показывали обитателей покоренной планеты — волосатых четырехногов с приспособленными для хватания губами: они лежали, связанные, в грязи или стояли на коленях перед портретом Никозара. Один был разрублен — пусть дома посмотрят, что там у него под волосатой шкурой. Губы четырехногов стали ценным трофеем.

В следующем репортаже рассказывали, как Никозар уничтожил своего противника в одиночной игре. Император шествовал от одного конца доски к другому, подписывал какие-то документы у себя в кабинете, потом общий план: император снова стоит на доске. Комментатор за кадром с воодушевлением говорил о его великолепной игре.

Следующим сюжетом шло нападение на Гурдже. Он был поражен, увидев это происшествие на экране. Все закончилось в одно мгновение — неожиданный прыжок, он падает, автономник

подскакивает вверх, несколько вспышек, из толпы выпрыгивает За, смятение и движение, потом лицо Гурдже крупным планом, кадр с Пекилом на земле, другой кадр — убитые налетчики. Сообщалось, что он, Гурдже, был ошеломлен, но благодаря оперативным действиям полиции остался невредим. Рана Пекила оказалась неопасной — в больнице он поведал репортерам о своем самочувствии. Сообщалось, что нападавшие — экстремисты.

— Это означает, что впоследствии их могут причислить к револютам, — сказал За, потом велел экрану выключиться и повернулся к Гурдже. — Ну, видели, как быстро я среагировал, а? — сказал он, ухмыляясь во весь рот и широко разбрасывая руки. — Видели, как я двигался? Просто великолепно! — Он со смехом развернулся вокруг собственной оси, потом, пританцовывая, вернулся на свое место и упал в формокресло. — Черт! Ведь я пришел туда только посмотреть, каких психов выпустят для демонстрации против вас, но слава богу, что я все же пришел! Ни хера себе — какая скорость. Настоящая кошачья грация, гроссмейстер!

Гурдже согласился с За — тот и в самом деле двигался очень быстро.

— Давай-ка посмотрим еще раз, модуль! — прокричал За.

Экран модуля засветился, и Шохобохаум За, довольно хихикая, принялся разглядывать несколько секунд экранного действия. Он прокрутил репортаж еще несколько раз в медленном повторе, потирал руки, потом попросил еще выпивки. На этот раз кипящая чаша появилась быстрее — синтезаторы модуля благоразумно сохранили прежнюю кодировку. Гурдже снова сел, видя, что За пока не собирается уходить. Гурдже заказал себе закуску, а За, насмешливо фыркнув в ответ на предложение поесть, заказал жареные чудо-ягоды, которые были поданы вместе с его пенящимся коктейлем.

Они смотрели передачи имперского канала, За неторопливо потягивал напиток из своей чаши, а снаружи одно солнце уже зашло и в сумерках замерцали огоньки города. Появился Флер-Имсахо, без своего маскарадного наряда (За не обратил на это внимания), и заявил, что отправляется продолжать свои исследования птичьей популяции планеты.

— Вы не думаете, что эта ваша штуковина потрахивает птичек, а? — спросил За, когда Флер-Имсахо исчез.

— Нет, — сказал Гурдже, отхлебнув легкого вина. За фыркнул.

— Слушайте, у вас есть желание еще оттянуться? Это наше посещение Норы было настоящей потехой. Нет, мне правда понравилось, на этакий чудной манер. Что скажете? Только давайте на этот раз пустимся во все тяжкие. Покажем этим недоумкам-тяжелодумам, что такое, когда истинные культурианцы развлекаются по-настоящему.

— Нет. После того, что случилось, у меня нет желания.

— То есть вам не понравилось? — удивился За.

— Не очень.

— Но мы же так здорово провели время! Выпили, захмелели, потом — ну, по крайней мере, один из нас трахнулся, а вы почти что трахнулись, у нас была драка, мы их побили, черт побери, а потом убежали… Силы небесные, неужели вам этого мало?

— Много. Но в любом случае, меня ждут игры.

— Вы с ума сошли. Такой был замечательный вечер. Замечательный.

За откинул голову к спинке кресла и глубоко вздохнул.

— За, — сказал Гурдже, подаваясь вперед. Он

сел, упершись подбородком в кулак, а локтем — в колено. — Зачем вы так много пьете? Не стоит этого делать. У вас есть все обычные железы. Зачем вам это нужно?

— Зачем? — переспросил За, снова поднимая голову. Он обвел помещение взглядом, словно не понимая, где оказался. — Зачем? — повторил он и икнул. — Вы спрашиваете меня «зачем»? — сказал он.

Гурдже кивнул.

За поскреб у себя под мышкой и потряс головой. Вид у него был извиняющийся.

— Так что вы спросили?

— Зачем вы так много пьете? — Гурдже снисходительно улыбнулся.

— А почему бы и нет? — За всплеснул руками. — Разве вы никогда не делали чего-нибудь просто… ну просто так? Я хочу сказать… это… сопереживание. Именно это и делают местные. Так они дают выход чувствам, перестают быть винтиками в величественной машине империи… к тому же после этого так хорошо видны все их вонючие трюки… Вы знаете, Гурдже, все это так разумно устроено. Я ведь сам все скумекал. — За с умным видом кивнул, пальцем вяло постучал себя по виску. — Сам скумекал, — повторил он. —

Вы только подумайте, Гурдже, Культура — это все ее… — тот же самый палец описал кривую в воздухе, — стоит на железах, сотнях гормонов, тысячах эффектов — любая комбинация, которая вас устраивает, и все бесплатно… но в империи — ни-ни! — Палец указал вверх. — В империи вы должны платить. Бегство — такой же товар, как и любой другой. А куда бежать? В выпивку. Повышает реакцию, выжимает слезы… — За поднес два трясущихся пальца к щекам. — Пальцы чуть что сжимаются в кулаки… — Он изобразил боксерское движение, удар. — И… — Он пожал плечами. — В конечном счете это убивает вас. — Он посмотрел в сторону Гурдже. — Понимаете? — Он снова развел руки в стороны, а потом безвольно уронил их в кресло. — И кроме того, — сказал он неожиданно усталым голосом, — нет у меня всех обычных желез.

Гурдже удивленно посмотрел на него.

— Нет?

— Нет. Слишком опасно. Империя похитила бы меня и сделала бы самое основательное вскрытие, какое вам доводилось видеть. Хотите узнать, что внутри у культурианца? — Он закрыл глаза. — Мне пришлось удалить почти все, а потом, когда я прилетел сюда, позволил империи

провести всевозможные тесты, сделать какие им нужно анализы… сделать все, что они хотели, иначе был бы дипломатический инцидент — исчезновение посла…

— Понятно. Я вам сочувствую, — Гурдже не знал, что еще тут сказать. Он честно не догадывался ни о чем таком. — Значит, все те гормоны, что вы советовали мне секретировать…

— Сплошные догадки и воспоминания, — сказал За, по-прежнему не открывая глаз. — Просто пытался вести себя по-дружески.

Гурдже почувствовал смущение, чуть ли не стыд. Голова За снова откинулась назад, он захрапел. Внезапно его глаза открылись, и он вскочил на ноги.

— Ну, мне пора, — сообщил он.

Гурдже показалось, что За изо всех сил пытается овладеть собой. Он стоял, покачиваясь перед Гурдже.

— Не вызовете мне воздушное такси?

Гурдже вызвал. Несколько минут спустя, получив от игрока через охранников разрешение совершить посадку на крыше, аппарат забрал мурлыкающего себе под нос Шохобохаума За.

Гурдже посидел некоторое время (вечер сгущался, зашло и второе солнце) и вдруг стал

наговаривать послание Хамлису Амалк-нею; он благодарил старого автономника за браслет-орбиталище, который все еще был у него на руке. Длинное письмо он отправил также Йей, рассказав обоим, что с ним произошло после прибытия на Эа. Он не стал приукрашивать игру, в которую играл, или саму империю — он только спрашивал себя, какая часть правды будет понятна его друзьям. Потом он просмотрел на экране кое-какие варианты и обговорил с кораблем план игры на следующий день.

Он подобрал оставленную Шохобохаумом За чашу, увидел, что в ней осталось еще несколько глотков, понюхал жидкость, поморщился и попросил поднос все убрать.

-

На следующий день Гурдже добил Ло Весекиболда Рама, причем его стиль пресса назвала презрительным. Присутствовал и Пекил — почти такой же, как вчера, не считая забинтованной руки на повязке. Он порадовался за Гурдже, который остался цел и невредим. Гурдже в ответ посочувствовал Пекилу в связи с его ранением.

В шатер, где проводилась игра, и обратно их доставил самолет — Имперская канцелярия

решила, что, передвигаясь по земле, Гурдже подвергается слишком большой опасности.

Вернувшись в модуль, Гурдже обнаружил, что между этой и следующей играми не будет перерыва. Бюро игр направило ему письмо, сообщая, что первая из десяти следующих игр начинается на следующее утро.

— Я бы предпочел отдохнуть, — признался Гурдже автономнику.

Он принимал плав-душ, повиснув в середине антигравитационной камеры, где струи воды били со всех сторон, а потом вода засасывалась через дырочки в полусферической внутренней поверхности. Специальные мембраны препятствовали попаданию воды в нос, однако, разговаривая, Гурдже все же производил небольшие брызги.

— Это понятно, — сказал Флер-Имсахо своим скрипучим голосом. — Но они пытаются утомить вас. И конечно же, это значит, что вам будут противостоять лучшие игроки — те, кто сумел добиться быстрых побед.

— Это и мне пришло в голову, — сказал Гурдже, едва различая автономника сквозь брызги и пар.

Он спрашивал себя, что случилось бы, не будь машина доведена до совершенства: если бы в нее попала вода? Он неторопливо перевернулся

через голову в хлещущих струях воздуха и воды.

— Вы всегда можете подать протест в Бюро. Я думаю, это несомненная дискриминация.

— Да, это так. Меня дискриминируют. Ну и что?

— Протест может пойти вам на пользу.

— Так подайте его.

— Не говорите глупостей. Вы же знаете, что они меня игнорируют.

Гурдже закрыл глаза и начал напевать себе под нос.

Одним из противников Гурдже в десяти играх был тот самый жрец, которого он побил в первом туре, — Лин Гофорьев Таунсе, одержавший победу в утешительных играх и вернувшийся в главную серию. Гурдже посмотрел, как жрец входит в зал развлекательного комплекса, где должны были состояться игры, и улыбнулся. Он время от времени практиковал этот азадианский мимический жест — бессознательно, а не как ребенок, пытающийся подражать выражению лиц взрослых. Внезапно Гурдже показалось, что для такого жеста сейчас самое время. Он знал, что правильно у него не получится — просто его лицо было устроено не так, как у азадианцев, — но мог подражать им достаточно умело, чтобы его

мимика не выглядела двусмысленно.

Но Гурдже знал, что, верно переданная или нет, эта улыбка говорила: «Ты меня помнишь? Я тебя побил один раз и теперь с нетерпением жду возможности повторить».

Улыбка самодовольства, победы, превосходства. Жрец попытался улыбнуться в ответ, но неубедительно, так что скорее получился сердитый оскал. Он отвернулся.

Гурдже испытывал подъем, воодушевление, горел желанием играть, и ему приходилось сдерживать себя.

Восемь других игроков, как и Гурдже, выиграли свои матчи. Трое были из Адмиралтейства или Военного флота, один — армейский полковник, еще один — судья, трое — чиновники. Все были превосходными игроками.

На этом третьем этапе главной серии участники проходили через мини-турнир из малых игр один на один, и Гурдже полагал, что здесь ему выпадает наилучший шанс пройти в следующий тур. На главных досках он неизбежно столкнулся бы с согласованными действиями против себя, но в одиночных играх можно было набрать достаточно очков, чтобы выдержать подобные потрясения.

Он испытал огромное удовольствие, победив Таунсе — жреца. Верховник взмахнул рукой над доской после победного хода Гурдже, встал и принялся размахивать кулаком у него перед носом, крича о наркотиках и варварских обычаях. Гурдже понимал, что прежде такая реакция вызвала бы у него холодный пот или по меньшей мере ужасно смутила, но теперь он спокойно сидел и улыбался.

Но раздраженная тирада верховника продолжалась, Гурдже подумал, что тот может ударить его, и его сердце забилось чуточку быстрее… но Таунсе внезапно замолк, оглянулся на притихших, потрясенных людей в помещении, словно осознал, где он находится, и поспешно вышел.

Гурдже облегченно вздохнул, напряженное выражение исчезло с его лица. Имперский судья подошел к нему и принес извинения за поведение жреца.

Всеобщее мнение было таково, что Флер-Имсахо предоставляет Гурдже какую-то помощь в игре. Бюро заявило, что с целью отмести необоснованные подозрения на этот счет они хотят, чтобы во время игры машина находилась в помещении имперской компьютерной компании на другом конце города. Автономник шумно протестовал,

но Гурдже с готовностью согласился.

Его партии по-прежнему привлекали массу народа. Некоторые приходили, чтобы посверлить его взглядом и освистать, но таких администрация выпроваживала из зала, в основном же люди хотели посмотреть на игру Гурдже. В развлекательном комплексе имелись экраны для отображения игр на основных досках, и публика за пределами главного зала могла следить за ходом игр, в том числе и за некоторыми партиями Гурдже. Они шли в прямой трансляции, если только одновременно не играл император.

После жреца Гурдже играл с двумя чиновниками и полковником и победил во всех партиях, хотя полковника — с минимальным преимуществом. На это ушло пять дней, и Гурдже все это время был максимально сосредоточен. Он ждал, что под конец будет вымотан, но испытывал лишь незначительную усталость, а главным его чувством было торжество. Он отыграл довольно хорошо, чтобы по меньшей мере получить шанс противостоять девятке игроков, выставленных против него империей. Вовсе не обольщаясь насчет своих перспектив, он обнаружил, что сгорает от нетерпения — ждет, когда остальные завершат малые игры и начнется состязание на

основных досках.

— Вам-то хорошо, но меня весь день держат в мониторинг-камере. Я вас умоляю — в мониторинг-камере! Эти недоумки пытаются меня зондировать! Такая прекрасная погода, у птиц начинается перелетный сезон, а я заперт вместе с кучей гнусных машиноненавистников, которые пытаются меня оскорбить!

— Извините, автономник, но чем я могу помочь? Сами понимаете, они только и ищут повода, чтобы выкинуть меня из игры. Если хотите, я попрошу позволить вам оставаться здесь, в модуле, но сомневаюсь, что они разрешат.

— Вы же знаете, Жерно Гурдже, что я не обязан это делать. Я могу поступать так, как мне хочется. При желании я бы просто отказался садиться под замок. Я не принадлежу ни вам, ни им, никто не может мною помыкать.

— Я-то знаю об этом, но вот они — нет. Конечно, вы можете делать то, что вам нравится… что считаете нужным.

Гурдже повернулся от автономника к экрану модуля, на котором изучал десятку классических игр. Флер-Имсахо посерел от злости. Обычно после сбрасывания фальшивого корпуса аура его делалась зеленовато-желтой, но за последние

несколько дней сильно посветлела. Гурдже почти сочувствовал ему.

— Это, — прогнусавил Флер-Имсахо (Гурдже показалось, что будь у автономника настоящий рот, из него летели бы капельки слюны), — это уж слишком!

С каковым довольно непонятным замечанием автономник вылетел из помещения.

Гурдже задавался вопросом, как чувствовал себя автономник, будучи взаперти целый день. Ему недавно пришло в голову, что, возможно, машина получила инструкции не допустить слишком громкого его, Гурдже, триумфа. Тогда отказ сидеть под замком стал бы подходящим средством для этого. Контакт мог с достаточными основаниями заявить, что требование к автономнику поступиться свободой безосновательно и тот имеет все права отвергнуть его. Гурдже пожал про себя плечами — он с этим ничего не может поделать.

Он переключился на еще одну старую игру.

Десять дней спустя все закончилось, и Гурдже вышел в четвертый тур. Ему оставалось победить всего одного противника, и тогда он попадет на Эхронедал, где проводились финальные игры, но уже как участник, а не как наблюдатель или

гость.

В малых играх ему удалось набрать, как он и рассчитывал, достаточный запас очков, и на основных досках он даже не пытался вести крупных наступательных операций. Он ждал, что остальные набросятся на него, но полагал, что, в отличие от первого матча, они будут не очень охотно сотрудничать друг с другом. Против него теперь играли важные персоны, которые, невзирая на свою преданность империи, должны были думать о собственной карьере, блюсти собственные интересы. Только жрецу было практически нечего терять, а потому он, возможно, готовился принести себя в жертву ради блага империи и тех не связанных с игрой постов, которые могла подыскать для него Церковь.

Гурдже подумал, что в своих играх за пределами игры Бюро совершило ошибку, выставив против него в квалификации десять лучших игроков. Поначалу могло показаться, что тут есть своя логика, так как Гурдже не получал передышки, но, как выяснилось, никакой передышки ему и не требовалось. А теперь из-за такой тактики властей его противники принадлежали к различным ветвям имперского древа, и потому их было труднее соблазнить служебными приманками;

кроме того, они вряд ли знали игровые стили друг друга.

Еще Гурдже открыл для себя такую вещь, как соперничество между службами (он обнаружил записи нескольких старых игр, на первый взгляд лишенных всякого смысла, пока корабль не объяснил ему смысл этого странного явления), а потому специально постарался стравить полковника и представителей Адмиралтейства. В особых подсказках они не нуждались.

Это был матч опытных соперников, и хотя играли они без вдохновения, но мастерски, а Гурдже просто играл лучше всех остальных, он не очень сильно оторвался от других игроков по очкам, но этого было достаточно для выигрыша. Вторым оказался вице-адмирал флота. Таунсе, жрец, пришел к финишу последним.

И опять Гурдже почти не получил времени для отдыха между матчами — по итогам случайной, как полагалось считать, жеребьевки. Но он был втайне рад этому. Это означало, что сохранится прежний настрой, что не останется времени для беспокойств или слишком долгих раздумий. Какая-то часть Гурдже на периферии его сознания, словно сторонний наблюдатель, все изумлялась и поражалась тому, как удачно у него склады-

ваются дела. Если бы эта его часть когда-нибудь вышла на передний план, заняла центральное место на сцене и ей было бы позволено сказать: «Эй там, на минуточку…», то Гурдже подозревал, что его нервы сдали бы, чары разрушились и его размеренный спуск стал бы падением в пропасть. Как гласила поговорка, падение еще никого не убило — убивает остановка…

Так или иначе, его затопил горько-сладкий поток эмоций — новых и старых, но усиленных: страх перед риском и возможным поражением; радость из-за правильно сделанных ставок и мудро выбранной стратегии; боязнь обнаружить в своей позиции слабость, которая может привести к поражению; облегчение от того, что никто вовремя не заметил слабости и есть время заделать брешь; прилив яростной, восторженной радости при виде такой же слабости в позиции другого и ни с чем не сравнимое торжество победы.

А еще — добавочное удовлетворение от сознания того, что он выступает гораздо лучше, чем кто-либо предполагал. Все их прогнозы (Культуры, империи, корабля, автономника) оказались ошибочными; неприступные на вид укрепления пали перед его натиском. Он превзошел даже свои собственные ожидания, и если что-то бес-

покоило его, так это опасение, что какой-нибудь механизм подсознания позволит ему немного расслабиться — теперь, когда он так многого добился, прошел такой путь, нанес поражение стольким противникам. Он не хотел, чтобы это случилось, он хотел продолжать, он наслаждался всем этим. Он хотел оценить себя с помощью этой бесконечно разнообразной, безмерно требовательной игры и боялся, что какая-нибудь слабая, боязливая часть его «я» подведет. Боялся он и того, что империя избавится от него нечестным способом. Но это было далеко не все. У него появилось бесшабашное чувство неуязвимости: пусть-ка они попытаются убить меня!.. Только не дать им дисквалифицировать его с помощью какой-нибудь формальной зацепки. Это было бы больно.

Но был и другой способ остановить его. Гурдже знал, что в одиночной игре можно прибегнуть к физической опции. Вот как они могут рассуждать: культурианец не примет такую ставку, он испугается. А если все же он примет предложение и продолжит борьбу, то его парализует страх перед возможным исходом, этот страх подточит его изнутри и приведет к поражению.

Он обговорил это с кораблем. «Фактор» про-

консультировался с «Негодником» (тот был на расстоянии в десятки тысячелетий, в Большой туманности) и после этого смог дать ему гарантии выживания. Старый боевой корабль останется за границами империи, но с началом игры наберет максимально возможную скорость и будет двигаться по минимальному радиусу. Если Гурдже вынудят принять физическую опцию и он проиграет, «Фактор» на полной скорости устремится к Эа. Корабль совершенно точно сумеет избежать столкновений с имперскими силами, добраться за несколько часов до Эа и при помощи тяжелого перемещателя забрать Гурдже и Флер-Имсахо с планеты, даже не замедляясь.

— Это что такое? — Гурдже недоуменно посмотрел на крохотный шарик, извлеченный откуда-то Флер-Имсахо.

— Маяк и односторонний коммуникатор, — сообщил ему автономник, уронив шарик в ладонь Гурдже, где тот, описав круг, остановился. — Положите его под язык — он имплантируется, и вы даже не будете его чувствовать. Корабль станет наводиться на него, если не сможет найти вас другим способом. Когда вы почувствуете резкую боль под языком — четыре укола за две секунды, — у вас останутся две секунды, чтобы принять

позу зародыша, прежде чем все в радиусе трех четвертей метра от этого шарика будет затянуто на борт корабля. Так что придется спрятать голову между колен и не раскидывать руки.

Гурдже посмотрел на шарик диаметром около двух миллиметров.

— Вы серьезно, автономник?

— Абсолютно. Корабль, вероятно, будет идти на форсированной тяге — возможно, со скоростью от одного до двадцати килолет. Поэтому даже его тяжелый перемещатель будет находиться в зоне действия только в течение пятой доли миллисекунды, и нам понадобится вся возможная помощь. Вы ставите меня и себя в очень сомнительное положение, Гурдже. Знайте, что меня это совсем не радует.

— Не беспокойтесь, автономник. Я ни в коем случае не позволю распространить физическую ставку на вас.

— Нет, я говорю о возможности перемещения. Это рискованно. Меня об этом не предупредили. Поля перемещения в гиперпространстве — явления исключительные, подверженные принципу неопределенности…

— Да, может кончиться тем, что вас затянет в другое измерение или…

— Или, что более вероятно, расплющит о какой-нибудь угол этого.

— И как часто такое случается?

— Приблизительно один раз на восемьдесят три миллиона перемещений, но это не…

— Это все же гораздо меньше того риска, которому вы подвергаетесь в автомобилях или самолетах этой шайки. Да побудьте вы хоть немного сорвиголовой, Флер-Имсахо, — рискните.

— Вам хорошо говорить, но даже если…

Гурдже позволил машине болтать сколько угодно.

Он пойдет на этот риск. Корабль, если придется выручать их, потратит несколько часов на приближение к планете, но смертельные ставки никогда не приводились в исполнение раньше следующего утра, а Гурдже мог легко отключить болевые ощущения, связанные с любыми пытками. Пусть даже случится худшее, — на «Факторе» есть все нужные медикаменты, чтобы полностью поставить его на ноги.

Гурдже сунул шарик под язык и несколько секунд чувствовал онемение, которое тут же прошло, словно растворилось. Шарик, однако, прощупывался в ткани основания рта.

Он проснулся утром первого дня нового тура,

испытывая чуть ли не сексуальное возбуждение.

Новое место. На этот раз игра шла в конференц-центре неподалеку от порта, где они приземлились в день прибытия. Здесь ему противостоял Ло Принест Бермойя, судья верховного суда Эа и один из наиболее впечатляющих верховников, с какими сталкивался Гурдже. Он был высок, сед и двигался с грацией, которая показалась Гурдже до странности, даже тревожно знакомой, и поначалу он даже не мог объяснить почему. Потом он понял, что у пожилого судьи была походка культурианца — в движениях чувствовалась неторопливая легкость, которую Гурдже в последнее время перестал принимать как должное и потому увидел, можно сказать, словно впервые.

Бермойя в малых играх сидел между ходами, почти замерев, не отрывая глаз от доски, и двигался, лишь когда наступала его очередь. Его карточные ходы были так же точны и обдуманны, и Гурдже обнаружил, что в ответ ведет себя прямо противоположно — начинает нервничать, дергается. Он противодействовал этому, выделяя гормоны, сознательно успокаивая себя, и за семь дней малых игр постепенно подладился под неторопливый, размеренный стиль верховника. После подведения итогов судья немного

опережал его. Ни о каких физических ставках речь не шла.

Они стали играть на Доске начал, и сперва Гурдже подумал было, что империя решила положиться на несомненное мастерство Бермойи… но не прошло и часа игры, как седоволосый верховник поднял руку, призывая судью.

Вместе они подошли к Гурдже и стали у одного угла доски. Бермойя поклонился.

— Жерноу Гурджей, — сказал он низким голосом, и Гурдже показалось, что в каждом басовитом слоге звучала непререкаемая властность. — Я должен просить вас принять телесную ставку. Готовы ли вы рассмотреть это предложение?

Гурдже заглянул в большие спокойные глаза, почувствовал, что не выдерживает этого взгляда, и опустил голову. На миг в его сознании мелькнула девушка на балу. Он снова взглянул на судью — и снова увидел перед собой это непреклонное выражение мудрых и знающих глаз.

Перед Гурдже был человек, который приговаривал своих соплеменников к казни, обезображиванию, боли, заключению; верховник, который не раз прибегал к пыткам и увечьям, который своей властью мог применить их и даже смертную казнь во имя сохранения империи и

ее ценностей.

«И я мог бы ответить „нет“, — подумал Гурджe. — Я уже и без того сделал немало. Никто не сможет меня обвинить.

Так почему не отказаться? Почему не согласиться с тем, что они в этом сильнее меня? Зачем доставлять себе столько беспокойств и мучений? Пусть даже только психологических, хотя, возможно, и физических? Ты уже доказал все, что от тебя требовалось, все, что хотел, больше, чем от тебя ожидалось.

Сдайся. Не будь идиотом. Ты ведь не герой. Тут должен быть трезвый игровой расчет — ты уже выиграл в жизни все, что тебе было нужно. Отступи, покажи им, что ты думаешь об их идиотской физической опции, об их убогих, наглых угрозах… покажи им, как мало это для тебя значит».

Но он не собирался делать этого. Он спокойно посмотрел в глаза верховника и понял, что продолжит игру. Он подумал, что слегка сошел с ума, но отступать не собирался. Он возьмет за холку эту легендарную игру маньяков, запрыгнет на нее, объездит ее. Интересно, сколько он сможет продержаться на спине этого зверя, прежде чем тот сбросит его и сожрет.

— Готов, — сказал он, и его зрачки расшири-

лись.

— Насколько я понимаю, вы принадлежите к мужскому полу.

— Да, — ответил Гурдже, чувствуя, как потеют ладони.

— Моя ставка — кастрация. Удаление мужского члена и яичек против верховнианского холощения. Это касается данной игры на Доске начал. Вы принимаете эти условия?

— Я…

Гурдже сглотнул было слюну, но во рту стояла сушь. Вот ведь нелепица — он не подвергался серьезной опасности. Его спасет «Фактор», либо он пройдет через это. Боли он не почувствует, а гениталии — одна из самых быстро восстанавливаемых частей тела… И все же ему показалось, что помещение перед ним накренилось и приняло другой вид, мысленным взором он увидел тошнотворную красноватую жидкость, которая медленно сочилась, сворачивалась, булькала…

— Да! — выпалил он, выдавливая из себя это слово. — Да, — сказал он судье.

Два верховника, поклонившись, удалились.

-

— Если хотите, можно сразу же вызвать корабль, — сказал Флер-Имсахо.

Гурдже не отводил глаз от экрана. Он и в самом деле собирался вызвать «Фактор сдерживания», но хотел обсудить свою довольно неважную позицию, а не взывать о спасении. Он проигнорировал автономника.

Сейчас была ночь, а день прошел для него плохо. Бермойя играл блестяще, и новостные передачи были полны известий об их игре. Ее провозглашали классической, и теперь Гурдже (вместе с Бермойей) опять стал лидером по числу упоминаний в новостях. Вместе с Никозаром, который по-прежнему громил соперников, хотя это и считалось большим достижением.

Пекил, все еще носивший руку на перевязи, после вечерних игр подошел к Гурдже с подавленным, почти подобострастным видом и сказал, что модуль до окончания игры взят под специальную охрану. Пекил не сомневался в порядочности Гурдже, но участники физических ставок всегда брались под усиленную охрану. В случае с Гурдже был задействован высокоатмосферный антигравитационный крейсер из эскадрильи, которая

постоянно патрулировала околопланетное пространство над Гроазначеком. Модулю не будет позволено покидать его стоянку на крыше отеля.

Гурдже спрашивал себя, что теперь чувствует Бермойя. Он обратил внимание, что верховник, намереваясь сделать физическую ставку, употребил глагол «должен». Гурдже проникся уважением к его стилю игры, а следовательно — и к самому Бермойе. Он сомневался, что судья настолько сильно хотел прибегнуть к этой опции, но ситуация становилась угрожающей для империи. Предполагалось, что он, Гурдже, к этому этапу будет уже побит, и вся стратегия раздувания мнимой угрозы с его стороны основывалась на этом допущении. Затея, изначально считавшаяся выигрышной, превращалась в небольшую катастрофу. Ходили слухи, что в Имперской канцелярии из-за этого уже покатились головы. Бермойя, видимо, получил четкие указания: Гурдже надо остановить.

Гурдже выяснил, что угрожает судье в том маловероятном случае, если проиграет не инопланетянин Гурдже, а сам судья. Верховнианское холощение означало полное и бесповоротное удаление реверсируемой вагины и яичников. Размышляя над этим, представляя себе, что будет

сделано с уравновешенным, величественным судьей, Гурдже понял, что не до конца взвесил все последствия физической опции. Даже если он выиграет, как можно позволить такое издевательство над другим? Если Бермойя проиграет, то для него это станет концом карьеры, семейной жизни, всего. Империя не позволяла регенерации или замены утраченных в ходе игры частей тела: проигрыш судьи будет окончательным и, возможно, роковым. В таких случаях проигравшие нередко совершали самоубийство. Может, будет даже лучше, если Гурдже проиграет.

Беда в том, что он не хотел проигрывать. Он не испытывал к Бермойе враждебных чувств, но отчаянно хотел выиграть эту игру, и следующую, и ту, которая будет потом. Играя в азад в дружественной к себе обстановке, он не понимал, насколько затягивает эта игра. Хотя формально азад оставался тем же, что и на «Факторе», чувства, которые Гурдже испытывал по отношению к нему, играя там, где в азад только и необходимо было играть, меняли все. Теперь Гурдже понимал, нет, знал, почему империя выжила благодаря игре. Просто сам азад порождал это ненасытное желание: больше побед, больше власти, больше территории, больше влияния…

В тот вечер Флер-Имсахо оставался в модуле. Гурдже вышел на связь с кораблем и обсудил свою безнадежную позицию. Корабль, как и всегда, видел несколько невероятных выходов из положения, но эти выходы уже видел и сам Гурдже. Однако признать наличие выходов — это одно, а реализовать их на доске в ходе игры — совсем другое. Так что помощь корабля оказалась здесь минимальной.

Гурдже прекратил анализ игры и спросил у «Фактора», что можно сделать для изменения ставки, которую сделали они с Бермойей, если случится маловероятное и он, Гурдже, выиграет, а предстать перед хирургом придется судье. Ответ был — ничего. Ставки сделаны, предпринять ничего нельзя. Никто из них был не в силах ничего изменить — следовало доиграть до конца. Если оба откажутся от игры, то обоим придется понести наказание, определенное ставкой.

— Жерно Гурдже, — неуверенно сказал корабль. — Мне нужно знать, что вы хотите от меня, если дела завтра пойдут плохо.

Гурдже опустил глаза. Он ждал этого вопроса.

— Вы спрашиваете, хочу ли я, чтобы вы явились сюда и вытащили меня отсюда, или же я намереваюсь пройти все до конца в расчете, что

вы подберете меня потом с обрубком между ног, и буду дожидаться, когда все отрастет? Но, конечно же, при этом не должны пострадать добрые отношения между Культурой и империей.

Гурдже не пытался скрыть сарказм.

— Более или менее, — сказал корабль после паузы. — Проблема в том, что, если вы решитесь на такое, трудностей будет меньше, но мне все равно придется переместить вас или уничтожить ваши гениталии, если они будут удалены. Империя получит слишком много информации о нас, если проведет полный анализ гениталий.

Гурдже чуть не рассмеялся.

— Вы хотите сказать, что мои яйца — что-то вроде государственного секрета?

— Несомненно. Так что мы в любом случае огорчим империю, даже если вы позволите вас прооперировать.

Гурдже все продолжал думать, даже после поступления задержанного сигнала. Он свернул язык у себя во рту, нащупал крохотный комочек под мягкой тканью.

— А-а, хер с ним, — сказал он наконец. — Следите за игрой. Если я пойму, что точно проиграл, то постараюсь держаться как можно дольше… где-нибудь, где угодно. Когда все станет до конца

ясно — спускайтесь и выхватывайте нас отсюда. И передайте мои извинения Контакту. Если же я сдамся… пусть так оно и будет. Посмотрим, как я буду себя чувствовать завтра.

— Хорошо, — ответил корабль.

Гурдже сидел, поглаживая бородку, и думал, что у него хотя бы есть выбор. Но если бы они не собирались похитить «секретные данные» и, возможно, вызвать этим дипломатический инцидент, оставался бы Контакт таким же снисходительным? Это не имело значения. Но в глубине души Гурдже знал, что после этого разговора утратил волю к победе.

У корабля были еще известия. Он получил сигнал от Хамлиса Амалк-нея — тот обещал вскорости отправить послание подлиннее, а пока сообщал только, что Ольц Хап добилась-таки выигрыша «полной сетью». Игрок Культуры наконец-то добился максимально возможного результата в стрикене. Молодая дама стала знаменитостью среди игроков Чиарка и Культуры. Хамлис уже поздравил ее от имени Гурдже, но полагал, что Гурдже и сам захочет сделать это. В конце машина желала ему успехов.

Гурдже выключил экран и откинулся к спинке. Некоторое время он смотрел в пустоту, не

понимая, что ему нужно знать, или думать, или помнить, или даже кем быть. Он улыбнулся кривой печальная улыбкой.

Флер-Имсахо выплыл из-за его плеча:

— Жерно Гурдже, вы устали?

Он повернулся к машине.

— Что? Да. Немного. — Гурдже встал и потянулся. — Вряд ли я смогу выспаться.

— Я так и думал. А не хотите ли прогуляться со мной?

— Что — смотреть на птичек? Нет, автономник, не думаю. Но все же спасибо.

— Вообще-то я имел в виду не наших пернатых друзей. По ночам я не всегда выбирался наблюдать за ними. Иногда я направлялся в другие части города — поначалу искал местных пернатых, а позднее потому, что… Ну, потому что.

Гурдже нахмурился.

— И зачем вы приглашаете меня с собой?

— Затем, что завтра мы, возможно, отбудем в спешке, а я подумал, что вы почти не видели города.

Гурдже махнул рукой.

— За показал мне достаточно.

— Вряд ли он показывал вам то, о чем думаю я. Тут есть на что посмотреть.

— Меня не интересуют достопримечательности, автономник.

— То, что хочу показать я, вас заинтересует.

— Думаете?

— Думаю. Полагаю, что знаю вас достаточно, чтобы утверждать это. Прошу вас, Жерно Гурдже. Клянусь, вам понравится. Прошу вас. Вы ведь сказали, что все равно не будете спать, да? Так что же вам терять?

Поля автономника имели обычный зеленовато-желтый цвет: спокойствие и контроль над собой. Голос машины звучал низко, серьезно.

Гурдже сощурился:

— Что это у вас на уме, автономник?

— Прошу вас присоединиться ко мне, Гурдже. — Автономник подлетел к носовой части модуля, Гурдже встал, наблюдая за ним, — тот остановился у дверей гостиной. — Прошу вас, Жерно Гурдже. Обещаю, вы не пожалеете.

Гурдже пожал плечами.

— Ну ладно, ладно. — Он покачал головой. — Пойдем, поиграем, — пробормотал он себе под нос.

Гурдже последовал за автономником в носовую часть модуля. Здесь размещался отсек с двумя антигравитационными велосипедами,

подвесными устройствами и кое-каким другим оборудованием.

— Наденьте, пожалуйста, подвесное устройство. Я сейчас.

Автономник оставил Гурдже надевать антигравитационный ранец поверх шорт и рубашки и через несколько мгновений появился, неся длинный черный плащ с капюшоном.

— Пожалуйста, наденьте это.

Гурдже надел плащ поверх антиграва. Флер-Имсахо накинул ему на голову капюшон и привязал так, чтобы спрятать лицо Гурдже с боков — спереди его скрывала тень капюшона. Под плотным материалом устройства не было видно. Свет в отсеке потускнел и выключился, Гурдже услышал какой-то шорох наверху. Он поднял голову и увидел прямо над собой квадрат тускловатых звезд.

— Я буду управлять вашим подвесным устройством, если вы не против, — прошептал автономник.

Гурдже согласно кивнул.

Он быстро поднялся среди темноты, но затем не провалился вниз, как предполагал, а продолжал подъем, окруженный пахучим теплом ночного города. Плащ тихо развевался в потоках воздуха, а город внизу раскинулся морем огней и казал-

ся бесконечной долиной, полной рассеянного сияния. Автономник маленькой, неподвижной тенью летел у плеча.

Они пустились в путешествие над городом — пролетали над дорогами и реками, огромными зданиями и куполами, лентами огней и башнями света, одеялами тумана, плывущего над темнотой и над огнями, вздымающимися строениями, в которых горели отражения и мерцали светлые точки, над подрагивающими темными водоемами, широкими темными парками с травой и деревьями. Наконец начался спуск.

Приземлились они в той части города, где было сравнительно мало огней, и оказались между двумя зданиями без окон. Ноги Гурдже коснулись земляной тропинки.

— Прошу прощения, — сказал автономник и подлетел под капюшон, забравшись ближе к левому уху Гурдже. — Идите сюда, — прошептал он.

Гурдже пошел по тропинке. Вскоре он споткнулся обо что-то мягкое и, еще до того, как перевернул предмет, понял, что перед ним — чье-то тело. Он присмотрелся к шевелящейся груде тряпья. Человек съежился под драными одеялами, положив голову на грязный мешок.

Определить пол этого существа было невозможно — тряпье не давало никакого ключа.

— Ш-ш-ш, — предупредил автономник, когда Гурдже собрался было заговорить. — Это один из тех бродяг, о которых говорил Пекил. Один из тех, кого согнали с земли. Он отчасти пахнет перегаром, а отчасти самим собой.

И только теперь до носа Гурдже дошла вонь, поднимавшаяся от спящего азадианца. Гурдже чуть не вырвало.

— Оставьте его, — сказал Флер-Имсахо.

Они вышли из проулка. Гурдже перешагнул через двух других спящих. Улица, на которой они оказались, была погружена в полумрак, и на ней сильно пахло — видимо, пищей, решил Гурдже. По улице шли несколько человек.

— Ссутультесь немного, — сказал автономник. — Тогда вы в плаще сойдете за ученика-миананца. Только не откидывайте капюшон и не распрямляйте спину.

Гурдже сделал, как ему велели.

Он шел по улице под тусклым мерцающим светом редких одноцветных уличных фонарей. Еще одна груда тряпья у стены — видимо, очередной пьяница. Между ног верховника была лужа крови; еще одна темная, засохшая струя тянулась

от головы. Гурдже остановился.

— Не стоит, — послышался тихий голос. — Он умирает. Наверно, подрался с кем-то. Полиция сюда заглядывает нечасто. А уж врачей тут вообще не вызывают. Видимо, его ограбили, так что им пришлось бы платить за лечение самим.

Гурдже оглянулся, но поблизости никого не было. Веки верховника чуть дрогнули, словно он пытался их поднять.

Потом дрожь прекратилась.

— Ну, вот и все, — тихо сказал Флер-Имсахо. Гурдже пошел дальше. Откуда-то с верхних этажей мрачного дома на дальнем конце улицы до него донеслись крики.

— Верховник лупит свою женщину. Знаете, здесь тысячелетиями считали, что женщины не оказывают никакого влияния на наследственность вынашиваемых ими детей. Но вот уже пятьсот лет им известно, что все наоборот. Вирус, аналог ДНК, изменяет гены женщины, в которую он проник. Тем не менее по закону женщина считается просто собственностью. Если верховник убьет женщину, то получит всего год каторги. Если женщина убьет верховника, ее будут медленно замучивать до смерти несколько дней. Смерть под воздействием химикатов считается

одной из самых страшных. Не останавливайтесь.

В этом месте улицу пересекала другая, более оживленная. На углу стоял азадианец и кричал что-то на диалекте, незнакомом Гурдже.

— Он продает билеты на казнь, — сказал автономник. Гурдже поднял брови, чуть повернул голову.

— Я серьезно.

И однако Гурдже недоверчиво покачал головой.

Посреди улицы стояла толпа людей. Транспорт (примерно половина — автомобили, остальные — рикши) был вынужден объезжать ее. Гурдже подошел, думая, что благодаря высокому росту все увидит, но обнаружил, что люди расступаются перед ним, пропускают его ближе к центру толпы.

Несколько молодых верховников били старика-мужчину, лежащего на земле. На верховниках была какая-то странная форма, хотя Гурдже и догадался, что форма эта неофициальная. Они пинали старика с холодной яростью, словно это избиение было неким выступлением в конкурсе номеров боли и оценку им ставили не только за грубое мучительство и травмы, но и за артистизм.

— Если вы думаете, что это постановка, — прошептал Флер-Имсахо, — то ошибаетесь. И люди эти ничего не платят за зрелище. Старика действительно бьют, может, просто ради удовольствия, а люди предпочитают смотреть, а не вмешиваться.

Слушая автономника, Гурдже понял, что понемногу оказался в центре толпы. Два молодых верховника посмотрели на него.

Гурдже отстраненно подумал: что будет теперь? Два верховника закричали на него, потом повернулись и стали указывать на него другим. Их было шестеро. Все они стояли, не обращая внимания на стонущего старика позади них, и внимательно смотрели на Гурдже. Один из них, самый высокий, отвязал что-то от своих узких штанов с металлическими нашлепками и извлек оттуда полудряблую вагину в вывернутом положении. Широко улыбнувшись, он сначала протянул вагину Гурдже, потом повернулся и помахал ею перед толпой.

Ничего больше. Молодые одинаково одетые верховники некоторое время улыбались, глядя на собравшихся, а потом просто пошли прочь. Каждый, словно ненароком, наступил на голову скрюченному старику, лежащему на земле.

Толпа стала расходиться. Старик, весь в крови, валялся на дороге. Из разорванного рукава его куртки торчал серебристо-серый обломок кости, а вокруг головы на мостовой валялись выбитые зубы. Одна нога была странно вывернута — стопой наружу.

Старик застонал. Гурдже бросился вперед, склоняясь над ним.

— Не касайтесь его!

Гурдже наткнулся на голос автономника, как на каменную стену.

— Если кто-нибудь из этих людей увидит ваши руки или лицо — вы покойник. У вас другой цвет, Гурдже. Послушайте меня. По мере истощения генов каждый год все еще рождаются несколько сот темнокожих детей. По закону их следует удушить, а тела за вознаграждение доставить в Евгенический совет, но кое-кто все же рискует головой и воспитывает таких детей, выбеливая им кожу по мере взросления. Если кто-нибудь решит, что вы — один из них, да еще в плаще ученика, с вас живьем сдерут кожу.

Гурдже отошел от старика, опустил голову и побрел дальше по дороге.

Автономник указал ему на проституток — в основном женщин, которые отдавались верхов-

никам за плату: на несколько минут, несколько часов или на всю ночь. Опять пошли темные улицы; автономник рассказывал, что в некоторых районах города есть верховники, которые потеряли конечности, но не могут себе позволить прививку рук или ног, ампутированных у преступников. Эти верховники продают свои тела мужчинам.

Гурдже видел много калек, сидевших на углах улиц. Они продавали всякие безделушки, играли на скрипучих, визгливых инструментах или просто побирались. Некоторые были слепыми, другие — безрукими, третьи — безногими. Гурдже смотрел на этих инвалидов, и у него кружилась голова. Ему казалось, что грязная улица под ним дыбится и накреняется. На несколько мгновений ему представилось, будто город, планета, вся империя вращаются вокруг него, став безумным вихрем чудовищ, явившихся из ночных кошмаров, созвездием страдания и боли, сатанинской пляской агонии и уродства.

Они шли мимо кричащих витрин с выставленным в них ярким, цветастым хламом, мимо аптек и винных магазинов, мимо лавок, где продавались религиозные принадлежности, книги, артефакты и всякая всячина, мимо киосков, пред-

лагавших билеты на казни, ампутации, пытки и постановочные изнасилования (в основном из-за проигранных партий в азад), мимо лотков с лотерейными билетами, рекламками борделей и непатентованными лекарствами. По улице проехал автомобиль, набитый полицейскими, — ночной патруль. Некоторые из лоточников бросились в темные переулки, в нескольких киосках резко опустились ставни, но стоило машине уехать, как ставни снова поднялись.

В скверике они увидели верховника с двумя чумазыми мужчинами и одной женщиной — все трое на длинных поводках. Верховник заставлял их показывать всякие трюки, но у тех ничего не получалось. Вокруг стояла толпа и хохотала, глядя на эти кривляния. Автономник сообщил Гурдже, что эта троица — наверняка чокнутые, но лечение в сумасшедшем доме некому оплатить, а потому их лишили гражданства и продали этому верховнику. Оба некоторое время смотрели, как жалкие, грязные существа пытаются залезть на уличный столб или построиться в пирамиду, потом Гурдже отвернулся. Автономник сообщил ему, что один из десяти встреченных ими здесь раз в жизни лечился от душевной болезни. Пропорция была выше для мужчин, чем для вер-

ховников, а еще выше — для женщин. И один из десяти азадианцев пытался совершить самоубийство, что было запрещено законом.

Флер-Имсахо свернул к больнице. Обычная больница, сообщил он, типичная для города, как и весь этот район. Больница существовала за счет пожертвований, и многие из работавших там не получали ничего за свой труд. Автономник сказал Гурдже, что его примут за ученика, пришедшего навестить кого-то из своих, но персонал в любом случае слишком занят, чтобы останавливать и допрашивать всех посетителей. Гурдже шел по больнице, как во сне.

Он видел там, как и на улицах, людей без рук и ног, или с необычным цветом кожи, или покрытых струпьями и шрамами. Некоторые были худы, как щепка, — серая кожа, натянутая на кости. Другие лежали, хватая ртом воздух, третьих шумно рвало за тонкими ширмами, четвертые стонали, хныкали или кричали. Он видел людей в крови, ждущих своей очереди, людей, сложившихся пополам и харкающих кровью в маленькие чаши. Другие лежали, связанные, на металлических койках и яростно мотали головой, с их губ, пенясь, капала слюна.

Повсюду здесь были больные. Кровати, кой-

ки, матрасы стояли и лежали вплотную друг к другу, и всюду висел гнилостный запах плоти и резкий запах дезинфекции. Еще воняло испражнениями.

Эта была самая ординарная ночь, сообщил автономник. Больница была забита пациентами чуть больше обычного, потому что после славных побед недавно вернулись несколько кораблей с ранеными солдатами империи. Кроме того, накануне выплачивали жалованье, на следующий день можно было не работать, и многие по обычаю напивались и устраивали драки. После этого машина принялась сыпать цифрами — уровень детской смертности и ожидаемая продолжительность жизни, соотношение полов, типы болезней и их преобладание в различных слоях общества, средние доходы, количество безработных, среднедушевой доход в том или ином регионе, налог на рождение и на смерть, наказание за аборты и незаконные рождения; машина рассказывала о законах, регулирующих совокупления, о благотворительных взносах, о религиозных организациях, устраивающих бесплатные кухни, ночлежки и клиники первой помощи. Автономник был кладезем данных, и Гурдже казалось, что эта информация не оседает

у него в голове. Он просто двигался по больнице — несколько часов, как казалось ему, — потом увидел дверь и вышел наружу.

Он стоял в маленьком садике с тыльной стороны больницы, огороженном со всех сторон, темном, пыльном, заброшенном. На серую траву и растрескавшиеся камни брусчатки проливался желтый свет из мрачных окон. Автономник сказал, что хотел бы еще многое показать: Гурдже должен увидеть место, где спят бездомные, а еще можно добыть пропуск на посещение тюрьмы…

— Я хочу назад. Немедленно! — прокричал Гурдже, сбрасывая с головы капюшон.

— Хорошо, — сказал автономник, накидывая капюшон обратно.

Они взлетели, долгое время двигались по прямой, а потом взяли курс на отель и модуль. Автономник молчал.

Гурдже тоже помалкивал, смотря на обширную галактику огней — город, над которым они летели.

Наконец дверь в крыше модуля открылась перед ними, пропустила их внутрь, а когда закрылась снова, внутри зажегся свет. Гурдже немного постоял, пока автономник снимал с него плащ и антигравитационную систему. Когда она

соскользнула с плеч, у него возникло странное ощущение наготы.

— Я бы хотел показать еще только одно, — сказал автономник, двигаясь по коридору модуля к гостиной.

Гурдже последовал за ним.

Флер-Имсахо подлетел к центру помещения. Включился экран, и на нем возникла сцена совокупления верховника с мужчиной. Била по ушам музыка; все происходило в помещении, обитом бархатом, с подушками и тяжелыми портьерами.

— Этот канал называется «Имперский избранный», — сказал автономник. — Уровень первый, несложная шифровка.

На экране возникла новая сцена, потом еще одна, и еще — показывали разнообразные соития, от одиночной мастурбации до совокупления представителей всех трех полов.

— Доступ к программам ограничен, — сказал автономник. — Посторонним их не показывают. Однако на рынке, выложив деньги, можно приобрести дешифратор. А теперь посмотрим немного каналы второго уровня. Эти — только для чиновников, военных, жрецов и крупных коммерсантов.

Экран ненадолго потускнел от затопившей его цветовой радуги, потом снова прояснился, и на нем появились несколько азадианцев, голых или почти голых. И опять упор был на секс, но тут уже присутствовал и другой элемент. На многих были странные, неудобные на вид одеяния, некоторые были связаны — их избивали, третьи отдавались в нелепых позах. Азадианки в форме помыкали верховниками и мужчинами. На некоторых Гурдже различил офицерскую форму Имперского военного флота. Другие носили разновидность обычной формы. Некоторые верховники были одеты в мужскую одежду, некоторые — в женские платья. Верховников заставляли есть свои или чужие экскременты, пить мочу. Масса других пангуманоидных видов, казалось, особенно ценилась именно за эту способность. Рты и анусы, животные и инопланетяне охаживались азадианцами — мужчинами и верховниками. Инопланетян и животных принуждали к совокуплению с особями различных полов, разные предметы (одни бытовые, другие — изготовленные специально) использовались как фаллические орудия. В каждой из сцен был элемент, как решил Гурдже, подчинения.

Его ничуть не удивляло, что империя предпо-

читала скрывать программы, показываемые на первом уровне. Люди, которые так серьезно относились к чинам, протоколу, форме, по вполне понятным причинам не обнародовали такие вещи, какими бы безобидными те ни казались. Со вторым уровнем дело обстояло иначе. Гурдже решил, что этот уровень слегка намекает на игру, и мог понять их смущение в связи с этим. Было понятно, что удовольствие на уровне два было не удовольствием от чужого наслаждения и проецирования его на себя. Здесь оно достигалось от зрелища человеческого унижения: одни были жертвами, другие наслаждались за их счет. Уровень один был отдан сексу; второй — тому, что интересовало империю явно больше, хотя и от первого она никак не могла отказаться.

— А теперь уровень три, — сказал автономник.

Гурдже смотрел на экран.

Флер-Имсахо смотрел на Гурдже.

Глаза человека сверкали в свете экрана, неиспользованные фотоны отражались от радужки. Поначалу зрачки его расширились, потом сузились, превратились в точки. Автономник ждал, когда эти большие неподвижные глаза наполнятся влагой, когда крохотные мышцы вокруг глаз автоматически опустят веки, когда человек

затрясет головой и отвернется. Но ничего этого не случилось. Экран притягивал к себе взгляд человека, словно бесконечно легкие частицы света с экрана отражались от стен, заставляя смотрящего подвинуться вперед и, слегка покачиваясь, держаться, перед тем как упасть. А пока человек впился в мигающий экран, похожий на замершую луну.

Крики эхом отдавались в комнате, отражались от формокресел и диванов, от низких столиков — крики верховников, мужчин, женщин, детей. Иногда они быстро смолкали, но обычно продолжались довольно долго. Каждый инструмент и каждая часть пытаемых издавали собственный звук: кровь, ножи, кости, лазеры, плоть, пилы, химикалии, пиявки, плотоядные черви, вибропистолеты, даже фаллосы, пальцы и когти — все они производили особые, хорошо различимые шумы, контрапункты к теме криков.

В финальной сцене, которую увидел Гурдже, участвовали преступник-психопат мужского пола, которому ввели большую дозу сексуальных гормонов и галлюциногенов, нож и готовая родить женщина, названная врагом государства.

Глаза Гурдже закрылись. Руки устремились к ушам. Голова опустилась.

— Хватит, — пробормотал он.

Флер-Имсахо выключил изображение. Гурдже откинулся назад на каблуках, словно его действительно притягивал горящий экран, создавая искусственную гравитацию: теперь она потеряла силу, и человек чуть не потерял равновесие.

— Это прямая трансляция, Жерно Гурдже. Это происходит сейчас. В эти минуты. Глубоко в подвалах тюрьмы или казарм полиции.

Гурдже поднял взгляд на почерневший экран, глаза его по-прежнему были расширенными, неподвижными, но сухими. Он смотрел, покачиваясь назад-вперед, глубоко дыша. На лбу у человека виднелись капельки пота, его трясло.

— Третий уровень только для правящей элиты. Шифровка такая же надежная, как у стратегических военных сообщений. Думаю, понятно почему… И это не какая-то особая ночь, Гурдже. Не фестиваль садоэротики. Такое здесь каждый вечер… Вообще всего этого гораздо больше, но вы видели представительную выборку.

Гурдже кивнул. Во рту стояла сушь. Он с трудом сделал глотательное движение, несколько раз глубоко вздохнул, потер бородку и открыл рот, собираясь заговорить, но автономник опередил его.

— И еще кое-что. То, что от вас утаили. Я сам не знал до вчерашнего вечера, пока корабль не сказал. После игры с Рамом ваши противники пользовались различными стимуляторами. Как минимум амфетаминами, воздействующими на кору головного мозга, но у них есть и куда более действенные наркотики, которыми они тоже пользуются. Их вводят подкожно или принимают с пищей: у азадианцев нет генно-закрепленных желез для выработки таких веществ. У большинства из тех, с кем вы играли, в крови было гораздо больше «химии», чем у вас.

Автономник издал звук, похожий на вздох. Человек все глядел и глядел на мертвый экран.

— Вот так вот, — сказал автономник. — Мне жаль, если вас расстроило то, что я показал, Жерно Гурдже. Но я не хотел, чтобы вы покинули эту планету с мыслью, что империя — это кучка почтенных игроков, внушительные здания и несколько прославленных ночных клубов. То, что вы видели сегодня, это тоже империя. А между двумя этими крайностями — много всего, чего я не могу вам показать. Все горести, достающиеся на долю бедняков и даже сравнительно зажиточных, происходят оттого, что они живут в обществе, в котором человек не свободен де-

лать то, что хочет. Вы тут увидите журналиста, который не может опубликовать известную ему правду, доктора, который не может облегчить страдания больного, потому что тот принадлежит не к тому полу… и ежедневно — миллион вещей, не столь впечатляющих, не столь жестоких, как я вам показал, но все это — часть системы и ее последствия. Корабль вам сказал, что криминальная система не признает существования невиновных. А по-моему, признает. Она признает невинность ребенка, и вы видели, что с этой невинностью делают. Она в некотором роде даже признает «святость» тела… но только чтобы осквернить его. Повторяю, Гурдже, все сводится к обладанию, владению. Речь идет о «брать» и «иметь». — Флер-Имсахо прервался, потом подлетел совсем вплотную к Гурдже. — Прошу прощения, но я опять читаю проповеди, да? Недостатки молодости. Продержал вас допоздна. Может, теперь вы готовы немного поспать — такая длинная была ночь, да? Я вас покидаю. — Он развернулся и полетел прочь, но остановился возле двери. — Доброй ночи.

Гурдже откашлялся.

— Доброй ночи, — сказал он, отрывая наконец взгляд от темного экрана.

Автономник нырнул вниз и исчез.

Гурдже сел в формокресло. Некоторое время он смотрел на свои ноги, потом поднялся и вышел из модуля в висячий сад. Занимался рассвет. Город казался каким-то вымытым и холодным. Слабо блестели тысячи огоньков — их яркость растворялась в спокойной голубизне бесконечного неба. Охранник на лестнице кашлянул и слегка топнул ногой — Гурдже не видел его, только слышал.

Он вернулся в модуль и лег на кровать. Так он и лежал, не закрывая глаз, потом закрыл и повернулся на бок, стараясь уснуть. Это ему не удалось, не получилось и выделить гормон, который усыпил бы его.

Наконец он поднялся и вернулся гостиную, где был экран, попросил модуль войти в игровой канал и долго сидел, изучая свою игру с Бермойей. Он сидел молча и неподвижно, без единой молекулы секретированных стимуляторов в крови.

-

Около конференц-центра стояла тюремная выездная амбулатория. Гурдже вышел из летательного аппарата и прошел прямо в игровой зал. Пекилу, чтобы не отстать, пришлось бежать. Верховник не понимал, что такое с иноплане-

тянином, — тот отказывался говорить на пути из отеля в конференц-центр, тогда как люди в его положении обычно очень разговорчивы. И почему-то он вовсе не казался испуганным, хотя Пекил и не понимал, как такое возможно. Не изучи Пекил достаточно хорошо этого неловкого, довольно простодушного инопланетянина, он подумал бы, что бледное, бородатое, заостренное лицо Гурдже искажено гневом.

Ло Принест Бермойя сидел рядом с Доской начал. Гурдже зашел на саму доску, поскреб бородку длинным пальцем и передвинул две фигуры. Бермойя сам делал свои ходы, но потом, когда игра распространилась на всю доску (инопланетянин пытался выкарабкаться из своего безнадежного положения), большинство ходов за судью стали делать ассистенты. Инопланетянин оставался на доске, делая собственные ходы, стремительно перемещаясь туда-сюда, как гигантское темное насекомое.

Бермойя не понимал, чего добивается инопланетянин. Его игра, казалось, была лишена цели, он либо делал глупые ошибки, либо приносил бессмысленные жертвы. Бермойя добил часть разрозненных сил соперника. Прошло какое-то время, и ему показалось, что у его противника

должен быть план, но в таком случае уж больно неопределенный. Может, этот самец-инопланетянин просто пытается хоть немного спасти лицо, пока он все еще самец.

Кто знает, какими странными принципами руководствовался в своем поведении инопланетянин в такой момент? Он продолжал делать свои ходы — неясные, нечитаемые. Сделали перерыв на ланч. Потом игра возобновилась.

После перерыва Бермойя не вернулся на свое сиденье — он встал рядом с доской, пытаясь понять, какому сомнительному, неуловимому плану следует инопланетянин. Это напоминало игру с призраком, словно они играли на разных досках. Бермойе казалось, что он вообще утратил способность следовать за ходом мысли инопланетянина, чьи фигуры продолжали ускользать от судьи, двигаясь так, словно противник предугадывал ходы судьи еще до того, как он начинал их обдумывать.

Что случилось с инопланетянином? Вчера он играл совсем по-другому. Неужели он и в самом деле получал помощь извне? Бермойя внезапно почувствовал, что потеет. С какой стати? Он все еще значительно опережал противника, все еще был нацелен на победу, но почему-то вдруг начал

потеть. Он говорил себе, что беспокоиться не о чем, что это побочный эффект концентраторов внимания, принятых за ланчем.

Бермойя сделал несколько ходов, призванных все прояснить, выявить реальные планы инопланетянина, если только у него были планы. Безрезультатно. Бермойя сделал более решительные пробные шаги. Гурдже немедленно атаковал.

Бермойя сотню лет провел, изучая азад и играя в него, и пятьдесят лет заседал в судах разных уровней. Он видел немало вспышек со стороны только что приговоренных преступников и наблюдал игры (а иногда даже участвовал в них), в которых совершались абсолютно неожиданные и яростные ходы. Но следующие несколько ходов инопланетянина несли в себе гораздо больше варварства и безумия, чем доводилось видеть Бермойе — в игре и вне игры. Не будь у него судейского опыта, он наверняка был бы потрясен.

Эти несколько ходов были как серия ударов в живот — в них содержалась вся яростная энергия, какую изредка демонстрировали лучшие из числа молодежи, но при этом упорядоченная, синхронизированная, направленная и высвобожденная, со стилем и дикой грацией,

не доступными никакому новичку. При первом ходе Бермойя увидел, в чем может заключаться план противника. При следующем он проникся всем великолепием этого плана. После третьего он понял, что игра может затянуться до завтра, когда инопланетянин все же будет наконец побежден. Еще один ход, и Бермойя понял, что его собственная позиция вовсе не такая неуязвимая, как казалось… Еще два — и Бермойя увидел, что ему еще предстоит много работы, а потом стало ясно, что, возможно, все закончится в этот день.

Бермойя снова сам делал свои ходы, прибегая ко всем хитростям и стратагемам, освоенным за сто лет практики, — замаскированная фигура-наблюдатель, финт внутри финта с использованием атакующих фигур и карт, преждевременное использование элементов Доски становления, заболачивание территории с помощью комбинации Воды и Земли… но ничто не помогало.

Он встал перед самым перерывом, в конце дневной сессии, и посмотрел на инопланетянина. В зале царила тишина. Инопланетянин-самец стоял в центре доски, безразлично взирая на какую-то второстепенную фигуру и потирая волосы на лице. Вид у него был спокойный, безмятежный.

Бермойя оценил собственное положение. Он был разгромлен, ничего сделать теперь было не возможно. Положение непоправимо. Все вместе напоминало плохо подготовленное, изначально проигранное дело или на две трети испорченное оборудование — проще выкинуть, чем пытаться запустить.

Но Бермойя уже не мог пытаться что-то запустить сначала. Теперь его отвезут в больницу и выхолостят. Он потеряет принадлежность, делавшую его тем, чем он был, и ему никогда не позволят вернуть утраченное — никогда. Никогда.

Бермойя не слышал людей в зале. Он и не видел их, как не видел доски у себя под ногами. Видел он только самца-инопланетянина — тот стоял, высокий, насекомообразный, остролицый, угловатый, и скреб лицо длинным темным пальцем, под чуть выступающим ногтем которого кожа была светлее.

Почему он выглядит таким спокойным? Бермойя подавил желание закричать. Из его груди вырвался тяжелый вздох. Он подумал о том, какой близкой казалась победа еще утром, как он был воодушевлен тем, что не только отправится на Огненную планету для игры в финале, но и

окажет немалую услугу Имперской канцелярии. Теперь он думал, что канцелярия, видимо, учитывала возможность такого поворота и хотела унизить его и уничтожить (по неизвестной ему причине — ведь он всегда был верноподданным и честным работником. Ошибка. Нет, это явно ошибка…).

«Но почему теперь? — подумал он. — Почему теперь?»

Почему именно в это время, почему именно так, на этой ставке? Почему они хотели, чтобы он сделал это, предложил эту ставку теперь, когда в нем было семя младенца? Почему?

Инопланетянин тер свое волосатое лицо, складывал трубочкой свои странные губы, внимательно разглядывая какое-то поле на доске. Бермойя на нетвердых ногах направился к нему, не замечая препятствий по пути, наступая на биотехи и другие фигуры, сминая насыпи.

Человек посмотрел на него, словно видел в первый раз. Бермойя замер. Он заглянул в глаза инопланетянина.

И не увидел ничего. Ни жалости, ни сострадания, ни тени доброты или раскаяния. Судья смотрел в эти глаза, и поначалу ему припомнилось выражение, виденное им порой в глазах

преступников, когда их приговаривали к быстрой смерти. Это было выражение безразличия — не отчаяния, не ненависти, но чего-то более равнодушного и ужасающего, чем то и другое. Выражение смирения, прощания со всякой надеждой — флаг, поднятый душой, которой уже все равно.

И хотя в этот миг просветления Бермойя сперва вспомнил приговоренного к смерти преступника, судья тут же понял, что тут другое. А что именно — он не знал. И возможно, никто не мог узнать.

Но потом Бермойя догадался. И внезапно, впервые в жизни, он понял, что означало для осужденных заглянуть в его глаза.

Он упал. Сначала на колени, ударившись о доску, сметая возвышенности, потом — вперед, лицом вниз. Глаза его оказались вровень с доской и впервые увидели ее в таком ракурсе. Бермойя смежил веки.

К нему подошли судья с помощниками и мягко подняли, санитары пристегнули его, тихо рыдающего, к носилкам и понесли из здания к тюремной санитарной машине.

Пекил стоял как ошарашенный. Он не думал, что ему когда-нибудь доведется увидеть имперского судью в таком жалком виде. Да еще на

глазах у инопланетянина! Пекилу пришлось бегом догонять высокого человека, который выходил из зала таким же быстрым шагом, каким пришел, не обращая внимания на свист и выкрики с галерей вокруг него. Они успели сесть в летательный аппарат до того, как их окружила пресса, и немедленно поспешили прочь.

Пекил вдруг понял, что за все время их пребывания в зале Гурдже не произнес ни слова.

Флер-Имсахо наблюдал за человеком. Машина ожидала более сильной реакции, но человек ничего не делал — только сидел перед экраном, просматривая все сыгранные им после прибытия партии. Говорить он не желал.

Теперь ему предстояло отправиться на Эхронедал в числе ста двадцати победителей одиночного четвертьфинала. Как это и было принято после жестоких физических опций, семья искалеченного теперь Бермойи подала от его имени в отставку. Не переставив ни одной фигуры на двух оставшихся больших досках, Гурдже выиграл матч и место на Огненной планете.

После игры против Бермойи оставалось около двадцати дней до отбытия императорского флота в двенадцатидневный вояж на Эхронедал. Гурдже пригласили провести несколько дней в

имении Хамина, ректора правящего колледжа Кандсев и наставника императора. Флер-Имсахо советовал отвергнуть приглашение, но Гурдже принял его. Они должны были отправиться туда на следующий день — до острова во внутреннем море, где располагалось имение, было несколько сот километров.

Гурдже проявлял нездоровый и, на взгляд автономника, даже извращенный интерес к тому, что о нем говорили новостные и пресс-агентства. Он, казалось, наслаждался клеветой и оскорблениями, которые ушатами выплескивали на него после победы над Бермойей. Иногда он улыбался, читая или слушая то, что о нем говорят, особенно когда дикторы (с потрясением и трепетом) сообщали о том, что стараниями инопланетянина Гурдже проделали с Ло Принестом Бермойей — мягким, снисходительным судьей, имевшим пять жен и двух мужей, хотя и бездетным.

Гурдже, кроме того, начал смотреть каналы, где показывали, как имперские войска побеждают дикарей и неверных, цивилизуя дальние части империи. Модуль по просьбе Гурдже декодировал военные передачи высоких уровней, которые, похоже, были рассчитаны на конкуренцию с развлекательными каналами двора, еще лучше

зашифрованными.

В передачах военного ведомства показывали сцены казни и пыток инопланетян. Иногда передавали, как взрывают здания и сжигают произведения искусства непокорных или мятежных видов. Такие вещи крайне редко демонстрировались по стандартным новостным каналам хотя бы потому, что инопланетяне в них традиционно изображались нецивилизованными монстрами, недоразвитыми идиотами или жадными предателями-недочеловеками, неспособными породить высокое искусство и подлинную цивилизацию. Порой показывали, как азадианцы-мужчины (но никогда верховники) насиловали дикарей, если к тому располагала анатомия.

Флер-Имсахо расстроился, видя, что Гурдже с интересом смотрит такие вещи, в особенности еще и потому, что сам показал ему эти зашифрованные программы; оставалось только утешаться, что они не заводят его сексуально. Гурдже не западал на них, как это случалось, насколько знал автономник, с азадианцами. Он просто смотрел, запоминал, потом переключался на что-нибудь другое.

Большую часть времени Гурдже по-прежнему изучал игры. Но закодированные передачи и

плохие отзывы о нем в прессе снова и снова, как наркотик, влекли его.

— Но я не люблю кольца.

— Вопрос не в том, любите вы их или нет, Жерно Гурдже. Отправившись в имение Хамина, вы будете за пределами модуля. Скорее всего, я не всегда смогу быть рядом. К тому же я не специалист по токсикологии. Вы будете есть их еду и пить их напитки, а здесь есть весьма умелые химики и астробиологи. Но если у вас на каждой руке будет по этой штуке — лучше на указательном пальце, — то вы защищены от отравления. Если чувствуете одиночный укол, это означает нелетальное вещество, например галлюциноген. Три укола — значит, кто-то решил разделаться с вами.

— А два укола?

— Не знаю. Может, просто какое-нибудь расстройство. Ну как, наденете?

— Они даже не моего размера.

— А саван будет вашего?

— Они меня щекочут.

— Пускай, но они действуют.

— А как насчет волшебных амулетов, которые отводят пули?

— Вы серьезно? Я хочу сказать, если вы серьез-

но, то у нас на борту есть противоударный щит на пассивных сенсорах в виде кулона. Правда, они могут применить лазерники…

Гурдже взмахнул рукой (с кольцом на пальце).

— Забудем об этом. — Он снова сел и включил военный канал со сценами казней.

Автономник обнаружил, что ему трудно говорить с человеком, — тот его не слушал. Машина попыталась объяснить, что, несмотря на все ужасы, увиденные им в городе и на экране, вмешательство Культуры принесло бы больше вреда, чем блага. Машина старалась внушить, что Контакт (а фактически вся Культура) похож на Гурдже — стоит, одетый в плащ, и смотрит, не в силах помочь калеке на мостовой, что они должны сохранять маскировку и ждать подходящего момента… Но либо доводы машины не доходили до человека, либо мысли его были заняты другим: он не отвечал и не вступал ни в какие дискуссии.

Флер-Имсахо в эти дни почти не покидал модуля. Он оставался с человеком и беспокоился за него.

— Мистер Гурдже, рад с вами познакомиться. — Старый верховник протянул руку, Гурдже пожал

ее. — Надеюсь, вы хорошо долетели?

— Да, мы хорошо долетели, — сказал Гурдже.

Оба стояли на крыше невысокого здания, окруженного роскошной зеленой растительностью: оно выходило на спокойные воды внутреннего моря. Дом тонул в цветущей зелени, только на крыше не было никаких деревьев. Рядом со зданием находились загоны с ездовыми животными, а от разных этажей дома отходили длинные широкие мостки: изящные и хрупкие, они парили над тенистым лесом, над тесно стоящими стволами деревьев и вели к золотому берегу, беседкам и пляжным домикам. В небесах огромные освещенные солнцем облака, отбрасывая блики, громоздились над далеким материком.

— Вы говорите «мы», — заметил Хамин, когда они шли по крыше; мужчины позади них несли багаж Гурдже.

— Автономник Флер-Имсахо и я, — сказал Гурдже, кивая на объемистую гудящую машину у своего плеча.

— Ах да. — Старый верховник рассмеялся, на его лысой голове заиграли зайчики от двух солнц. — Машина, которая, по мнению многих, помогала вам так хорошо играть.

Они спустились на длинный балкон, уставлен-

ный множеством столов; здесь Хамин представил Гурдже (и автономника) гостям, в основном верховникам и нескольким изящным азадианкам. Из них Гурдже знал только одного: улыбающийся Ло Шав Олос поставил бокал и поднялся со своего стула, чтобы пожать ему руку.

— Мистер Гурдже, рад снова вас видеть. Удача не отвернулась от вас, а мастерство возросло. Выдающиеся достижения. Поздравляю еще раз. — Взгляд верховника скользнул по кольцам на пальцах Гурдже.

— Спасибо. Но я предпочел бы не добиваться успеха такой ценой.

— В самом деле. Вы не перестаете нас удивлять, мистер Гурдже.

— Не сомневаюсь, что еще удивлю вас.

— Вы слишком скромны. — Олос улыбнулся и сел. Гурдже отказался от предложения пойти в выделенную ему комнату и освежиться — он и без того чувствовал себя абсолютно свежим. Он сел за один столик с Хамином, еще кем-то из директоров Кандсева и официальными лицами двора. Подали охлажденные вина и закуски. Флер-Имсахо расположился на полу у ног Гурдже и почти не гудел. Новые кольца Гурдже, казалось, ничуть не возражали — ничего вреднее алкоголя

подано не было.

Гости старались избегать разговоров о последней игре Гурдже. Все произносили его имя правильно. Директора колледжа поинтересовались его уникальным игровым стилем. Гурдже ответил, как мог. Придворные вежливо спросили о его родном мире, и он наплел какой-то ерунды о жизни на планете. Спросили его и про Флер-Имсахо. Гурдже ожидал, что ответит сама машина, но та молчала, и тогда он сказал им правду. Машина, согласно понятиям Культуры, была физическим лицом. Она могла поступать, как ей нравится, и не принадлежала ему.

Одна высокая, поразительно красивая азадианка, спутница Ло Шав Олоса, пересела за их столик и спросила у автономника, играет его хозяин, следуя логике, или нет.

Тот ответил (с усталостью в голосе, которую, как подозревал Гурдже, мог различить только он), что Гурдже — не его хозяин, что, по его мнению, Гурдже играет более логически, чем сам автономник, но в любом случае он, Флер-Имсахо, почти не разбирается в азаде.

Все сочли это весьма забавным.

После этого встал Хамин и заявил, что его желудок, имея более двух с половиной столетий

опыта, может точнее часов любого слуги сказать, что приближается время обеда. Присутствующие рассмеялись и начали постепенно расходиться с длинного балкона. Хамин лично проводил Гурдже в его комнату и сказал, что слуга сообщит, когда будет подан обед.

— Интересно, зачем они пригласили вас сюда, — сказал Флер-Имсахо, быстро распаковывая чемоданы, пока Гурдже смотрел из окна на неподвижные деревья и спокойное море.

— Может, они хотят принять меня на имперскую службу. Что скажете об этом, автономник? Из меня выйдет хороший генерал?

— Это все не смешно, Жерно Гурдже. — Автономник перешел на марейн. — И не забывайте, сумбур бурсум, что нас прослушивают, чепуха пучеха.

Гурдже озабоченно посмотрел на машину и сказал на эаском:

— Силы небесные, автономник, у вас что, развивается дефект речи?

— Гурдже… — прошипел автономник, доставая одежду, которую в империи считали необходимым надевать за обедом.

Гурдже с улыбкой отвернулся.

— Может, они просто хотят меня убить.

— Интересно, понадобится им моя помощь?

Гурдже рассмеялся и подошел к кровати, на которой автономник разложил официальные одеяния.

— Все будет в порядке.

— Это вы так говорите. Но здесь мы даже не под защитой модуля. Я уж не говорю ни о чем другом. Хотя… давайте не будем беспокоиться.

Гурдже взял часть одеяния и приложил к себе, держа под подбородком, затем посмотрел вниз.

— А я совсем ни о чем не беспокоюсь.

Автономник сердито закричал на него:

— Ах, Жерно Гурдже! Сколько раз вам повторять? Красное и зеленое вместе не носят вот так.

— Вы любите музыку, мистер Гурдже? — спросил Хамин, наклоняясь к гостю.

Гурдже кивнул:

— Немного музыки не повредит.

Хамин откинулся к спинке стула, явно довольный ответом. Они сидели в висячем саду на крыше, куда поднялись после обеда — долгой и сложной церемонии, во время которой кормили весьма основательно. Пока гости обедали, в центре помещения танцевали обнаженные женщины, и (если верить кольцам) никто не пытался отравить Гурдже. На землю уже опустились

сумерки, и гости под открытым небом дышали теплым вечерним воздухом, слушая завывания, производимые оркестром из верховников. Изящные мостки вели из сада в группу высоких, стройных деревьев.

Гурдже сидел за маленьким столиком с Хамином и Олосом, Флер-Имсахо устроился у его ног. На деревьях вокруг них горели лампы, и висячий сад был островком света в ночи. Отовсюду раздавались крики птиц и животных, словно отвечающих на звуки музыки.

— Я бы хотел знать, мистер Гурдже, — сказал Хамин, приложившись к бокалу и закурив длинную, с маленькой чашечкой трубку, — какая-нибудь из танцовщиц показалась вам привлекательной? — Он затянулся трубкой с длинным черенком, потом, выпустив клуб дыма, окутавший его лысую голову, продолжил: — Я спрашиваю только потому, что одна из них — та, у которой серебряная прядь в волосах, если помните, — проявила к вам немалый интерес. Прошу прощения. Надеюсь, я никак не оскорбил ваши чувства, мистер Гурдже.

— Ничуть.

— Так вот, я только хотел сказать, что вы здесь среди друзей, да? Вы более чем доказали свои

способности в игре, и теперь вы в уединенном месте, вдалеке от прессы и простых людей, которые, конечно же, должны следовать жестким и неотвратимым правилам тогда как нам здесь это не обязательно. Вы понимаете, к чему я клоню? Вы можете спокойно расслабиться.

— Я весьма признателен. И обязательно попытаюсь расслабиться. Но перед отъездом в империю мне говорили, что здешние жители будут считать меня уродливым, даже страшным. Ваша доброта безгранична, но я предпочел бы не навязывать себя никому, кто несвободен в своем выборе.

— Вы опять слишком скромны, Жерно Гурдже, — улыбнулся Олос.

Хамин кивнул, затягиваясь из трубки.

— Знаете, господин Гурдже, я слышал, что у вас в Культуре нет законов. Уверен, это преувеличение, но зерно истины тут должно быть, и вы, наверное, можете счесть, что наши законы по количеству и по строгости сильно отличаются от ваших. У нас здесь много правил, и мы стараемся жить по законам Бога, Игры и Империи. Но одно из преимуществ законов состоит в том удовольствии, которое получаешь, нарушая их. Мы не дети, господин Гурдже. — Хамин обвел трубкой

сидящих за столом. — Правила и законы существуют лишь потому, что нам нравится делать то, что они запрещают, но, пока большинство людей большую часть времени подчиняются их предписаниям, законы свое дело делают. Слепое подчинение означало бы, что мы, — Хамин хохотнул и указал трубкой на автономника, — всего лишь роботы!

Флер-Имсахо зажужжал чуть громче, но только на мгновение.

Наступила тишина. Гурдже отпил из своего бокала. Олос и Хамин переглянулись.

— Жерно Гурдже, — сказал наконец Олос, перекатывая в руках бокал. — Будем откровенны. Вы для нас помеха. Вы сыграли гораздо лучше, чем мы предполагали. Мы не думали, что нас можно так легко одурачить, но вам это как-то удалось. Я поздравляю вас с удачной хитростью, в чем бы она ни заключалась — то ли ваши наркожелезы, то ли ваша машина, или просто гораздо более длительный опыт игры в азад, чем вы утверждали. Вы превзошли нас, и мы поражены. Мне только жаль, что при этом пострадали невинные люди — например, те зеваки, которых пристрелили вместо вас, и Ло Принест Бермойя. Как вы уже, несомненно, догадались, нам бы не хоте-

лось, чтобы вы продолжали игру. Но поскольку Имперская канцелярия никак не связана с Бюро игр, то напрямую мы ничего не можем сделать. Однако у нас есть предложение.

— Какое же? — Гурдже опять отхлебнул.

— Как я говорил, — Хамин навел черенок своей трубки на Гурдже, — у нас много законов. А потому у нас совершается много преступлений. Некоторые из них сексуального свойства, так? Нет нужды говорить, — продолжал Хамин, — что физиология нашей расы делает нас необычными, можно даже сказать, особо одаренными в этом отношении. Кроме того, в нашем обществе есть возможность контролировать людей. Здесь можно заставить человека, даже не одного, делать то, чего он не желает. Мы можем предложить вам кое-какие впечатления, которые, по вашему же собственному признанию, невозможны в вашем мире. — Старый верховник подался поближе к Гурдже, понизил голос. — Можете вы себе представить чувство, когда несколько женщин и мужчин — даже верховников, если захотите, — исполняют все ваши желания?

Хамин вытряхнул свою трубку, постучав ею о ножку стола, и пепел пролетел над жужжащим Флер-Имсахо. Ректор Кандсева заговорщицки

улыбнулся, откинулся к спинке стула и снова набил трубку табаком из маленького кисета.

Олос подался вперед:

— Весь этот остров — ваш, Жерно Гурдже. Можете оставаться здесь, сколько пожелаете. В вашем распоряжении столько людей любого пола, сколько и пока вашей душе угодно.

— Но в этом случае я не участвую в игре.

— Да, вы выходите из игры, — подтвердил Олос.

Хамин кивнул:

— Подобные случаи уже были.

— Весь остров?

Гурдже демонстративно оглядел мягко освещенный висячий сад. Появилась группа танцоров — гибкие, почти обнаженные мужчины, женщины и верховники поднялись по ступенькам на небольшую сцену, расположенную за музыкантами.

— Весь, — сказал Олос. — Остров, дом, слуги, танцоры — всё и все.

Гурдже кивнул, но ничего не сказал. Хамин снова зажег трубку.

— Даже оркестр, — сказал он, откашлявшись. Он махнул в сторону музыкантов. — Что вы думаете об инструментах, мистер Гурдже? Сладкая

музыка, правда?

— Очень приятная. — Гурдже отпил немного из бокала, глядя, как танцоры выстраиваются на сцене.

— Но вы даже здесь кое-чего недопонимаете, — сообщил Хамин. — Видите ли, нам доставляет огромное удовольствие знать, какой ценой досталась эта музыка. Видите слева этот инструмент, у которого восемь стальных струн?

Гурдже кивнул. Хамин продолжил:

— Могу сообщить вам, что каждой из этих струн был удавлен человек. А эту белую трубу видите сзади — на которой играет мужчина?

— Похоже на кость?

Хамин рассмеялся.

— Бедренная кость женщины, изъятая без анестезии.

— Естественно, — сказал Гурдже и взял несколько сладких орешков из блюда на столе. — Их получают парами или у вас много одноногих женщин — музыкальных критиков?

Хамин улыбнулся.

— Видите? — обратился он к Олосу. — Он в этом разбирается. — Старый верховник снова показал на танцоров, которые уже выстроились, готовые начать представление. — Барабаны изготовлены

из человеческой кожи, и теперь вы понимаете, почему каждый комплект называется «семейным». Горизонтальный ударный инструмент сделан из фаланговых костей и… тут есть и другие, но вы теперь можете понять, почему эта музыка звучит так… драгоценно для тех из нас, кто знает, что потребовалось для ее создания?

— О да, — сказал Гурдже.

Начался танец. Танцоры, гибкие, умелые, почти сразу поразили его. На некоторых, наверно, были антигравитационные системы, потому что они передвигались по воздуху, как громадные, прозрачные и медленные птицы.

— Хорошо, — кивнул Хамин. — Как видите, в империи можно занимать разное положение. Кто-то — игрок, а на ком-то… играют. — Хамин улыбнулся этой игре слов на эаском; впрочем, на марейне она отчасти сохранялась.

Гурдже несколько мгновений наблюдал за танцорами, потом, не отрывая от них взгляда, сказал:

— Я буду играть, ректор. На Эхронедале. — Он принялся в такт музыке постукивать одним из колец по бокалу.

Хамин вздохнул.

— Ну что ж, Жерно Гурдже, должен вам сказать,

что мы обеспокоены. — Он снова затянулся своей трубкой, скосив глаза в чашечку, мерцавшую красным. — Обеспокоены тем воздействием, которое ваши дальнейшие победы могут оказать на нравственность нашего народа. Здесь так много простых людей, и наш долг — ограждать их иногда от грубой реальности. А какая реальность может быть хуже осознания того, что большинство твоих близких легковерны, глупы и жестоки? Они не поймут, если чужак, инопланетянин, придет в их мир и будет одерживать победы в святой игре. Мы здесь, то есть те из нас, кто служит при дворе и в колледжах, может, и не столь озабочены этим, но мы должны думать о простолюдинах… я бы даже сказал, об умственно невинных людях, мистер Гурдже, и то, что приходится для этого делать, то, за что мы иногда берем на себя ответственность, не всегда нам нравится. Но мы знаем свой долг и исполним его — ради них и ради нашего императора.

Хамин наклонился к Гурдже:

— Мы не намерены убивать вас, мистер Гурдже, хотя, насколько мне известно, при дворе есть группы, которые только этого и желают, и, говорят, агенты служб безопасности могут сделать это без всякого труда. Нет, ничего такого вульгарного

мы не замышляем. Но…

Старый верховник затянулся своей тонкой трубкой, издав звук, похожий на легкий хлопок. Гурдже ждал. Хамин снова направил на него черенок.

— Должен вам сказать, Гурдже, что независимо от того, как вы сыграете первую партию на Эхронедале, будет объявлено, что вы потерпели поражение. У нас полный контроль над коммуникационными и новостными службами на Огненной планете, и что касается публики и прессы, то они будут знать: вы потерпели поражение в первом же туре. Мы сделаем все необходимое для того, чтобы ни у кого не возникло сомнений на сей счет. Можете кому угодно сообщить, что я сказал вам это, можете заявлять что угодно после игры — над вами только посмеются, и так или иначе случится то, о чем я вам рассказал. Какой должна быть истина, уже решено.

Наступила очередь Олоса.

— Так что, Гурдже, как видите, вы можете отправляться на Эхронедал, но там вас ждет поражение, совершенно неминуемое поражение. Вы можете отправиться туда как важный турист или остаться здесь и наслаждаться жизнью в качестве нашего гостя, но продолжать игру вам

не имеет ни малейшего смысла.

— Гм, — произнес Гурдже.

Танцоры медленно оголялись, снимая друг с друга одежду. Некоторые из них, продолжая танцевать, одновременно умудрялись гладить и касаться друг друга на преувеличенно чувственный манер. Гурдже кивнул:

— Я подумаю над этим. — Потом он улыбнулся двум верховникам. — И тем не менее я бы хотел увидеть вас на Огненной планете. — Он отхлебнул прохладную жидкость из бокала и стал смотреть танец; эротическое действо позади музыкантов становилось все более откровенным, — А в остальном… не могу себе представить, что я буду из кожи вон лезть.

Хамин изучал свою трубку. Лицо Олоса было очень серьезным.

Гурдже жестом покорной беспомощности протянул перед собой руки.

— Что еще я могу сказать?

— Но вы готовы к сотрудничеству? — спросил Олос. Гурдже недоуменно посмотрел на него. Олос медленно протянул руку и постучал по ободку бокала Гурдже.

— Что-нибудь похожее на правду, — тихо сказал он. Гурдже увидел, как два верховника обменя-

лись взглядами. Он ждал, когда они продолжат свою игру.

— Документальное свидетельство, — сказал Хамин минуту спустя, обращаясь к своей трубке. — Фильм, в котором вы с озабоченным видом смотрите на свою безнадежную позицию. Может, даже интервью. Мы, естественно, могли бы организовать это и без вашего участия, но так будет проще, меньше забот для всех нас, если вы готовы помочь.

Старый верховник затянулся трубкой. Олос отпил из бокала, скользнув взглядом по танцорам с их эротическими ужимками.

Гурдже не скрывал удивления.

— Вы предлагаете мне солгать? Принять участие в создании вашей ложной реальности?

— Нашей *реальной* реальности, Гурдже, — тихо сказал Олос. — Официальной версии, которая будет иметь документальное подтверждение, которой будут верить.

Гурдже усмехнулся во весь рот.

— Я буду рад помочь. Конечно же. Я буду рассматривать это как вызов — выставить себя в жалком виде для массы народа. Я даже помогу вам создать позиции такие жуткие, что сам не смогу найти выход. — Он поднял свой бокал. — Ведь в

конце концов, важна сама игра, разве нет?

Хамин фыркнул, плечи его сотряслись. Он снова присосался к трубке, потом сквозь клуб дыма ответил:

— Ни один истинный игрок не мог бы сказать больше. — Он похлопал Гурдже по плечу. — Мистер Гурдже, даже если вы не захотите использовать все то, что вам предлагают в моем доме, я надеюсь, вы побудете с нами некоторое время. Я с удовольствием побеседую с вами. Вы останетесь?

— Почему бы и нет? — сказал Гурдже, и они втроем выпили друг за друга.

Олос откинулся к спинке и безмолвно рассмеялся. Все втроем обратились к танцорам, которые теперь изображали совокупление, образовав нечто вроде головоломки из тел, но по-прежнему, с удивлением отметил Гурдже, двигались в такт музыке.

Следующие пятнадцать дней он оставался в доме Хамина, вел осторожные беседы со старым ректором. Покидая хозяина, Гурдже чувствовал, что они изучили друг друга недостаточно хорошо, но все же узнали чуть больше — один о Культуре, другой об империи.

Хамин никак не мог поверить, что Культура

обходится без денег.

— А как быть, если я захочу что-нибудь непомерное?

— Что?

— Ну, например, планету в собственность? — разразился смехом Хамин.

— Но как можно владеть планетой? — покачал головой Гурдже.

— Ну, если мне захочется?

— Я думаю, если бы вы нашли никем не занятую планету, куда можно высадиться, не ущемляя ничьих интересов… тогда, может быть. Но как бы вы не допустили высадки на нее других людей?

— А мог бы я купить флот боевых кораблей?

— Все наши корабли наделены разумом. Вы, конечно, можете попытаться приказать кораблю, но вряд ли у вас что-нибудь получится.

— Ваши корабли считают, что наделены разумом! — прыснул Хамин.

Еще более очаровательными Хамин нашел сексуальные нравы Культуры. Его приводило в восторг и одновременно в неистовство то, что Культура терпимо относится к гомосексуализму, инцесту, перемене пола, гермафродитизму и изменению половых характеристик — как относятся к путешествиям или новой прическе.

Хамин считал, что таким образом полностью теряется привлекательность всего этого. Неужели в Культуре *ничто* не запрещено?

Гурдже попытался объяснить, что у них нет никаких писаных законов, но тем не менее почти отсутствует преступность. Случаются изредка преступления на почве страсти (как предпочел назвать это Хамин), но больше почти ничего. Когда у каждого есть терминал, трудно совершать преступления и скрывать их, но ведь и мотивов практически не осталось.

— Но если кто-нибудь убьет кого-нибудь другого?

Гурдже пожал плечами:

— К нему приставляют автономника.

— Ага, уже на что-то похоже. А что делает автономник?

— Повсюду следует за вами, чтобы вы больше ничего такого не сделали.

— И это все?

— А что еще вы хотите? Социальная смерть, Хамин. Вас почти никто не приглашает в гости.

— А в вашей Культуре что, разве нельзя прийти без приглашения?

— Ну вообще-то можно, — согласился Гурдже. — Только с вами никто не будет разговаривать.

Что же касается рассказов Хамина об империи, то они лишь подчеркивали правоту Шохобохаума За, который говорил, что империя — это драгоценный камень, хотя его грани остры и режут все без разбора. Было не так уж трудно понять извращенные взгляды азадиан на то, что они называли «человеческим естеством» (слова, которые употреблялись каждый раз для оправдания чего-нибудь нечеловеческого и неестественного), — ведь они были частью сотворенного ими же самими монстра, который звался империей Азад и демонстрировал такой свирепый инстинкт (другого слова Гурдже не находил) самосохранения.

Империя хотела выжить. Она была похожа на животное с огромным могучим телом, которое позволяло сохраняться только определенным клеткам или вирусам, деловито, автоматически и бездумно убивая всех остальных. Сам Хамин использовал эту аналогию, сравнивая революционеров с раком. Гурдже попытался было сказать, что отдельные клетки есть отдельные клетки, тогда как собранные в одно целое и наделенные сознанием сотни миллиардов их (или наделенный сознанием механизм, изготовленный из множества пикосхем) — это совсем другое… но

Хамин не пожелал его слушать. Это Гурдже, а не он ничего не понимает!

Остальное время Гурдже проводил, гуляя в лесу или плавая в теплом штилевом море. Неторопливая жизнь в доме строилась вокруг приемов пищи, и Гурдже научился с должным тщанием относиться к переодеванию для этих мероприятий, поглощению еды, разговорам с гостями (старыми и новыми — одни уезжали, другие приезжали) и последующему расслаблению, когда, сытый и довольный, он продолжал беседы и наблюдал представления: заранее выбранные, большей частью эротические, и случайные — вакханалию мимолетных связей между гостями, танцорами, слугами и работниками. Соблазняли Гурдже много раз, но он ни разу не поддался. Он с каждым днем находил азадианских женщин все более привлекательными, и не только физически, но использовал свои генно-закрепленные железы для нейтрализации, даже подавления желания, чтобы оставаться в прямом смысле трезвым среди несколько нарочитых оргий.

Несколько дней прошли довольно приятно. Кольца Гурдже не кололись, никто в него не стрелял. Он с Флер-Имсахо без приключений вернулся в модуль на крыше Гранд-отеля за два дня

до намеченного отбытия на Эхронедал. Гурдже и автономник предпочли бы отправиться в путь на модуле, который имел для этого все возможности, но Контакт запретил это: узнай Адмиралтейство, что аппарат размером со спасательную лодку может опередить их крейсеры, — последствия будут непредсказуемы, а внутри имперского корабля инопланетную машину разместить не позволили. Так что Гурдже, как и всем остальным, предстояло совершить путешествие на одном из кораблей флота.

— Вы полагаете, что у *вас* возникли проблемы, — горько сказал Флер-Имсахо. — Они будут все время наблюдать за нами — сначала на корабле, а потом и в замке. А это означает, что я должен оставаться в этом дурацком корпусе день и ночь напролет до окончания игр. Почему вы не могли проиграть в первом туре, как было запланировано? Мы сказали бы им, куда они могут засунуть свою Огненную, и были бы уже на ВСК.

— Да замолчите вы, машина.

Как выяснилось, возвращаться в модуль было незачем — все необходимое уже было при них. Гурдже постоял в маленькой гостиной, играя браслетом-орбиталищем на запястье и понимая, что с горячечным нетерпением ждет начала игр

на Эхронедале. Никакого внешнего давления, никаких оскорблений от прессы и отвратительной имперской публики, он будет сотрудничать с империей в создании убедительных фальшивых новостей, так что вероятность физических ставок сведется к минимуму. В общем, Гурдже собирался пожить в свое удовольствие…

Флер-Имсахо был рад тому, что человек отходит от увиденного за парадным фасадом империи. Гурдже стал почти таким же, как прежде, и дни, проведенные в имении Хамина, казалось, помогли ему расслабиться. Но машина не могла не отметить и небольшую перемену в нем — трудноуловимую, но несомненную.

Они больше не видели Шохобохаума За. Тот отправился в путешествие в «верхние пределы», что бы это ни значило. Он оставил привет и послание на марейне, в котором писал, что если Гурдже сможет наложить лапу на бутылочку свежего грифа…

Перед отбытием Гурдже спросил у модуля о девушке, с которой познакомился на большом балу несколькими месяцами ранее. Он никак не мог вспомнить ее имя, но если модуль выдаст ему список женщин, прошедших первый тур, он наверняка узнает ее… Модуль смешался, но

Флер-Имсахо велел обоим забыть об этом.

Ни одна женщина не прошла во второй тур.

В порт их сопровождал Пекил. Рука его полностью зажила. Гурдже и Флер-Имсахо попрощались с модулем, и он унесся в небо на рандеву с далеким «Фактором». Попрощались они и с Пекилом. Тот двумя руками пожал руку Гурдже, после чего человек и автономник поднялись на борт шаттла.

Гурдже смотрел, как исчезает в дымке Гроазначек. Город накренился, и Гурдже вдавило в кресло, — изображение на экране пошло вбок и задрожало, когда шаттл, набирая скорость, устремился в туманные небеса.

Постепенно стали проявляться контуры города, очертания его улиц, и некоторое время они заполняли экран. Потом большое расстояние, смог из городских испарений, пыли и грязи плюс изменившаяся траектория полета стерли все это из виду.

Несмотря на всю свою неразбериху, город на мгновение показался мирным и упорядоченным в своих частях. С расстоянием исчезли хаос и несообразность его отдельных районов, а с определенной высоты, откуда деталей было уже не разобрать, город стал похож на огромный, без-

мозглый, разрастающийся организм.

3
MACHINA EX MACHINA

Ну что, могло быть и хуже, правда? Нашему игроку снова потрафило. Полагаю, вы уже заметили, что он теперь другой человек. Ах уж эти люди!

Но я-то буду последовательным. Я еще не сказал вам, кто я такой, и пока не собираюсь говорить. Может, позднее.

Может.

Да и потом, разве важно, кто мы такие? Вряд ли. Мы — то, что мы делаем, а не то, что думаем. Важны только взаимодействия (здесь нет противоречия со свободной волей — она совместима с верой в то, что вас определяют ваши поступки). И вообще, что такое свободная воля? Неопределенность. Случайный фактор. Если действия человека невозможно предсказать, то тут, конечно, и говорить больше не о чем. Люди, которые этого не понимают, ужасно меня разочаровывают!

Даже человеку должно хватить ума, чтобы понять очевидное.

Главное — результат, а не то, как он достигнут (если только процесс достижения сам по себе не является рядом результатов). Какая разница — из чего состоит мозг: из огромных склизких живых клеток, работающих со скоростью звука (в воздухе!), или из блестящей нанопены рефлекторов и структур голографической когеренции, действующих со скоростью света? (Я уж не говорю о мозгах Разума.)

Каждая из них — машина, организм — выполняет одну и ту же задачу.

Всего лишь материя, коммутирующая ту или иную энергию.

Коммутаторы. Память. Случайный элемент, который есть неопределенность и который называется выбором: все это — общие знаменатели.

Повторяю: мы — это то, что мы сделали. Динамический (дис)бихевиоризм — вот мое кредо.

Гурдже? Его коммутаторы работают странным образом. Он думает по-другому, действует нетипично. Он ни на кого не похож. Он видел худшее, что может породить мясорубка города, и воспринял это лично, решился на месть.

Теперь он снова в космосе, его голова напичкана правилами азада, его мозг адаптирован и адаптируется к меняющимся, переключающимся

схемам этого соблазнительного, всеобъемлющего, мрачного набора правил и вероятностей, его доставляют в святая святых, в место, ставшее символом империи, — на Эхронедал, планету постоянной волны пламени, Огненную планету.

Но победит ли наш герой? И может ли он победить? И вообще, что будет означать для него победа?

Сколько еще предстоит узнать человеку? И что он сделает с этим знанием? А точнее, что оно сделает с ним?

Поживем — увидим. Со временем все само собой прояснится.

Итак, вам карты в руки, маэстро…

Эхронедал находится в двадцати световых годах от Эа. На полпути имперский флот вышел из облака пыли, расположенного между системой Эа и основной галактикой, так что этот гигантский караван, закрутившись в спираль, распростерся на полнеба, — словно миллионы драгоценных камней были подхвачены вихрем.

Гурдже с нетерпением ждал прибытия на Огненную планету. Путешествие казалось ему бесконечным, к тому же его корабль был безнадежно переполнен. Большую часть времени он проводил в своей каюте. Чиновники, придвор-

ные и другие игроки на корабле смотрели на него с нескрываемой антипатией, и, если не считать двух посещений линейного крейсера «Неуязвимый», флагманского корабля, где давался прием, Гурдже ни с кем не общался.

Происшествий по пути не случилось, и через двенадцать дней они прибыли на Эхронедал, обитаемую планету во вполне обычной системе желтого карлика, но у Эхронедала была одна особенность.

На планетах, когда-то быстро вращавшихся вокруг собственной оси, нередко можно встретить отчетливые экваториальные вспучивания. Скорость вращения Эхронедала была не запредельной, но достаточной, чтобы образовалась цельная полоса суши — континент, лежащий приблизительно между тропиками. Остальную часть планеты занимали два огромных океана с полярными шапками на полюсах. Необычным же (ни в Культуре, ни в империи ничего подобного не знали) было то, что по континенту вокруг планеты постоянно двигалась волна огня.

Эта волна описывала полный круг приблизительно за год, своими краями касаясь берегов двух океанов. Фронт волны представлял собой почти отвесную линию, и пламя пожирало всю

растительность, взошедшую на благодатном пепле предыдущего пожара. Вся наземная экосистема развивалась под влиянием этой огненной стихии. Некоторые растения могли прорезаться только из-под еще теплой золы, их семена оживали под воздействием проходящего жара. Другие расцветали ко времени прибытия огня, быстро разрастались, перед тем как огонь настигал их, и термальные воздушные потоки затем переносили семена в верхние слои атмосферы, откуда те падали на пепел. Сухопутные живые организмы делились на три категории: одни постоянно двигались с той же скоростью, что и волна, вторые пережидали огонь в прибрежных водах, а третьи зарывались в землю, прятались в пещеры или выживали различными способами в озерах и реках.

Птицы циркулировали вокруг планеты пернатым потоком.

В течение одиннадцати пробегов огонь оставался всего лишь большим непрерывным пожаром. На двенадцатом все менялось.

Золоцвет представлял собой высокое, тонкое растение, быстро устремлявшееся вверх после укоренения семени. У него за двести дней до следующего пожара развивалось хорошо защи-

щенное основание, а побег вырастал на десять метров и больше. Когда снова приходил огонь, золоцвет не сгорал — он закрывал свою лиственную крону и оставался в таком положении, пока огонь не уходил, а потом продолжал расти на пепле. По завершении цикла в одиннадцать Больших месяцев, одиннадцатикратного крещения в огне, золоцветы становились крупными деревьями, достигая семидесяти метров в высоту. В результате происходившего в них метаболизма наступал сначала Кислородный сезон, а после него — Всесожжение.

Во время этого бурного цикла огонь не полз — он несся. Это был уже не широкий, но низкий, чуть ли не кроткий лесной пожар — это был ад. Озера исчезали, реки пересыхали, породы спекались от невыносимого жара, все животные, выработавшие собственный механизм сосуществования с пожарами Больших месяцев, должны были искать другой способ выживания — бежать с достаточной скоростью, чтобы опережать Всесожжение, заплывать далеко в океан или на немногие, в основном маленькие, островки у побережья либо залегать в спячку глубоко в разветвленных пещерах, в руслах глубоких рек, в ложах озер и фьордов. Растения тоже переклю-

чались на новый механизм выживания — они глубже пускали корни, отращивали толстостенные семенники или оснащали свои термальные семена для высокого и долгого полета и последующего укоренения в спекшейся земле.

В течение Большого месяца после Всесожжения планета задыхалась от дыма, сажи и пепла в атмосфере, находясь на грани гибели, поскольку облака дыма не пропускали солнечные лучи и температура на поверхности падала. Дальше волна огня, съежившись, продолжала свой путь, атмосфера понемногу очищалась, животные снова начинали плодиться, растения опять шли в рост, и сквозь пепел от прежних корневых систем начинали пробиваться маленькие золоцветы.

Имперские замки на Эхронедале, оснащенные немыслимыми поливочными машинами и противопожарными средствами, были построены так, чтобы уцелеть при самом жестоком пожаре и воющих ветрах, порождаемых странной экологией этой планеты. В самой большой из этих крепостей, замке Клафф, последние триста стандартных лет проводились финальные игры, причем их по возможности приурочивали ко Всесожжению.

Имперский флот прибыл на Эхронедал в раз-

гар Кислородного сезона. Флагман оставался над планетой, а сопровождающие его боевые корабли рассредоточились по окраинам системы. Пассажирские суда оставались на орбите, пока посадочная эскадрилья «Неуязвимого» не высадила всех игроков, придворных, гостей и наблюдателей, а потом отправились в ближайшую систему. Шаттлы спускались в прозрачной атмосфере Эхронедала и приземлялись в замке Клафф.

Крепость эта стояла на вершине скалы у подножия гряды выветренных пологих холмов, замыкавшей широкую долину. Обычно из замка открывался вид до самого горизонта на земли, поросшие невысоким кустарником, среди которого то здесь, то там высились тонкие башни золоцветов в той или иной стадии их развития. Но теперь эти растения дали побеги и расцвели, их кроны, в которых гулял ветер, висели над долиной наподобие прикрепленных к земле желтых облаков, а самые высокие стволы поднимались выше замковой куртины.

С приходом Всесожжения живая стена огня обступала замок. От стихии сооружение спасал только двухкилометровый акведук, ведущий из резервуара в невысоких холмах: гигантские

цистерны и сложная система разбрызгивания обеспечивали закрытую наглухо крепость водой после прохождения огня. На случай отказа системы в глубине скалы имелись убежища, где жители могли укрываться, пока бушует пламя. Однако пока вода неизменно спасала крепость, и та оставалась оазисом выжженной желтизны среди стихии огня.

Император — тот, кто одерживал победу в финале, — по старинному обычаю должен был находиться в Клаффе при прохождении огня. Он покидал крепость, когда пламя уходило, и сквозь черный дым поднимался в черноту космоса, а оттуда направлялся в свою империю. Игры, однако, не всегда оказывались точно приуроченными к пожару, и раньше императору и его двору порой приходилось пережидать пожар в другом замке, а случалось, что они вообще пропускали Всесожжение. Но на сей раз расчет был точным, и по всем приметам Всесожжение (которое должно было начаться всего в двухстах километрах с подветренной стороны от замка, где золоцветы резко изменили свою обычную форму и размер, превратившись в громады) должно было наступить более-менее вовремя, чтобы стать подходящим фоном для коронации.

Гурдже сразу же по прибытии почувствовал себя нехорошо. Эа имела массу лишь немногим меньше той, которая в Культуре довольно произвольно считалась стандартной, а потому ее гравитация была примерно такой же, что генерировало своим вращением орбиталище Чиарк или создавали внутри себя «Фактор сдерживания» и «Маленький негодник». Но Эхронедал был в полтора раза больше Эа, и Гурдже почувствовал себя отяжелевшим.

Замок испокон веков был оснащен лифтами низкого ускорения, и обычно никто, кроме слуг-азадианцев, не поднимался по лестницам, но в первые два коротких местных дня передвигаться даже и по плоскости было довольно затруднительно.

Комнаты Гурдже выходили во внутренний двор замка. Он обосновался там с Флер-Имсахо (который, судя по всему, никак не реагировал на возросшую гравитацию) и слугой-мужчиной, полагавшимся каждому финалисту. Гурдже возразил было против слуги («Ну да, — заметил автономник, — кому нужны сразу два?»), но ему объяснили, что это традиция, а для мужчины к тому же большая честь, и Гурдже согласился.

В день их прибытия был устроен довольно

шумный прием. Все болтали без умолку, утомленные после долгого путешествия и мучимые силой тяжести. Главной темой разговоров были распухшие лодыжки. Гурдже появился ненадолго — только чтобы соблюсти приличия. Никозара он увидел здесь впервые после большого бала в честь открытия игр — прием на «Неуязвимом» во время путешествия император своим присутствием не удостоил.

— Не перепутайте в этот раз, — напомнил Флер-Имсахо Гурдже, когда они вошли в главный зал замка.

Император восседал на троне, приветствуя входящих. Гурдже собирался, как и все, встать на колени, но Никозар увидел его, погрозил окольцованным пальцем и указал на свое колено.

— Одно колено, мой друг, — вы не забыли?

Гурдже опустился на одно колено и наклонил голову.

Никозар тоненько рассмеялся. Хамин, сидевший справа от императора, улыбнулся.

Гурдже сел в одиночестве на стуле у стены, около здоровенного древнего доспеха. Без всякого воодушевления он оглядел комнату. Наконец его нахмуренный взгляд остановился на одном верховнике, — тот стоял в углу и разговаривал с

группой других верховников, одетых в форму и рассевшихся вокруг него на стульях. Этот верховник выглядел необычно не только потому, что стоял: он словно был помещен в костяк из пушечной бронзы, надетый поверх флотской формы.

— Кто это? — спросил Гурдже у Флер-Имсахо, который угрюмо жужжал и потрескивал между его стулом и доспехами у стены.

— Кто — кто?

— Верховник в экзоскелете. Так это, кажется, называется? Вон тот.

— Это звездный маршал Йомонул. В последних играх он с благословения Никозара сделал личную ставку и в случае проигрыша должен был отправиться в тюрьму на Большой год. Он проиграл, но ожидал, что Никозар наложит имперское вето — это право императора, если ставка не физическая, — не желая на целых шесть лет терять одного из своих лучших полководцев. Никозар и в самом деле применил вето, но с условием, что Йомонул будет помещен в такую вот штуковину, а не заперт в камере… Эта передвижная тюрьма — проторазумное существо. У нее есть несколько независимых сенсоров, а также обычные компоненты экзоскелета, то есть микрореактор и привод конечностей. Ее задача в том, чтобы обес-

печивать Йомонулу тюремный режим, позволяя ему исполнять полководческие обязанности. Экзоскелет разрешает ему есть лишь немного самой простой пищи, исключает алкоголь, заставляет постоянно делать физические упражнения, не разрешает участвовать в общественных мероприятиях — то, что он сегодня здесь, это, видимо, специальное послабление от императора — и не дает совокупляться. Кроме того, маршал обязан слушать проповеди тюремного капеллана, который проводит у него по два часа каждые десять дней.

— Бедняга. Я вижу, ему, помимо всего прочего, приходится стоять.

— Ну, я полагаю, не стоит пытаться перехитрить императора, — сказал Флер-Имсахо. — Однако срок его приговора почти истек.

— А за хорошее поведение срок не снижается?

— Имперская служба наказаний не снижает сроков. Там могут добавить в случае плохого поведения, но снизить — никогда.

Гурдже покачал головой, глядя на стоящего вдалеке заключенного в его персональной тюрьме.

— Довольно злобная старая империя, да, автономник?

— Довольно злобная, да… Но если она только

попытается морочить яйца Культуре, то узнает, что такое настоящая злоба.

Гурдже удивленно посмотрел на машину. Она, гудя, висела в воздухе: громоздкий серо-коричневый корпус казался жестким и даже зловещим на фоне тускловатого сияния пустых доспехов.

— Ишь ты, какие мы сегодня воинственные.

— Да. И вам советую.

— Для игры? Я готов.

— Вы что, и правда собираетесь принять участие в этой мерзкой пропаганде?

— Какой еще пропаганде?

— Вы это прекрасно знаете. Хотите помочь Бюро сфальсифицировать ваше поражение, делая вид, что проиграли, — давать интервью, лгать.

— Да. А почему нет? Бюро позволяет мне продолжать игру. Иначе они могли бы попытаться остановить меня.

— Убить?

Гурдже пожал плечами.

— Дисквалифицировать.

— Неужели вам так хочется играть?

— Нет, — солгал Гурдже. — Но соврать несколько раз — не такая уж большая цена.

— Ну-ну.

Гурдже ждал, что машина скажет что-нибудь

еще, но она молчала. Немного позже они покинули собрание. Гурдже встал со стула и пошел к двери, сообразив, что нужно повернуться и поклониться Никозару, только после напоминания автономника.

Первая игра на Эхронедале, которую Гурдже официально должен был в любом случае проиграть, представляла собой серию из десяти партий. На сей раз никто не ополчался против него скопом, напротив, четыре игрока обратились к нему с предложением образовать команду, которая будет противостоять другой. Так по традиции играли серию из десяти партий, правда, Гурдже впервые участвовал в такой системе, если не считать случаев, когда он в одиночестве противостоял союзу из девяти игроков.

И вот он уже обсуждал стратегию и тактику с парой адмиралов флота, звездным генералом и имперским министром, а происходило это в одном из крыльев замка, и Бюро гарантировало, что ни электронного, ни оптического наблюдения за этой комнатой не ведется. Три дня они решали, как будут играть, потом азадианцы поклялись перед Богом (а Гурдже дал слово) в том, что не нарушат соглашения, пока не победят остальных пятерых или не проиграют сами.

Малые игры закончились приблизительно с равным счетом. Гурдже обнаружил, что игра в команде имеет свои плюсы и минусы. Он делал все, что мог, чтобы приспособиться и играть соответствующим образом. Последовали еще переговоры, после которых они вступили в сражение на Доске начал.

Гурдже играл с удовольствием. Ощущение, что ты — часть команды, многое добавляло к игре, он испытывал искренние теплые чувства к верховникам из своей команды. Они приходили друг другу на выручку в трудных ситуациях, они доверяли друг другу во время массированных атак и вообще играли так, словно силы каждого были частью единого целого. Товарищи по игре не вызывали у Гурдже особых симпатий как люди, но как к партнерам он питал к ним дружеское расположение, и в нем росло чувство грусти (по мере того как они постепенно брали верх над противником) из-за того, что скоро им придется противостоять друг другу.

Когда же последнее сопротивление наконец было подавлено, прежние чувства почти растаяли. По крайней мере частично Гурдже все же провели: он держался за то, что считал духом договоренности, тогда как другие держались бук-

вы. Никто из команды не атаковал, пока с доски не исчезли или не были взяты в плен последние фигуры противников, но когда стало ясно, что они побеждают, началось какое-то едва заметное маневрирование, соперничество за поля, которые станут наиболее важными по окончании командной игры. Гурдже не замечал этого, пока вдруг не понял, что еще чуть-чуть — и будет слишком поздно. И в начале следующего этапа он оказался слабейшим из пяти участников.

Кроме того, стало очевидно, что два адмирала, вполне естественно, неофициально сотрудничают против остальных. Они вдвоем были сильнее, чем трое других игроков.

В каком-то смысле слабость Гурдже спасла его. Играл он так, чтобы долгое время не привлекать к себе внимания, — пусть четверка выясняет между собой отношения. Позднее, когда два адмирала накопили достаточно сил и грозили остальным полным разгромом, он атаковал их, и те оказались беззащитными перед его малыми силами — больше, чем перед внушительными силами генерала и министра.

Игра долгое время шла ни шатко ни валко, но Гурдже постепенно улучшал свое положение и в конце концов, выйдя первым из пяти, набрал до-

статочно очков для участия в игре на следующей доске. Трое из их пятерки сыграли так плохо, что не смогли продолжить состязание.

Гурдже так полностью и не оправился после ошибки, совершенной им на первой доске, и играл плохо на Доске формы. Уже стало казаться, что империи не придется лгать о его выходе из игры после первого тура.

Он продолжал беседовать с «Фактором», используя Флер-Имсахо в качестве ретранслятора, а игровой экран в комнате — для демонстрации позиций.

Он чувствовал, что привык к более высокой гравитации. Флер-Имсахо пришлось напомнить Гурдже, что дело тут в генно-закрепленной реакции — кости его быстро утолщились, а мускулатура усилилась без всяких физических упражнений.

— Разве вы не заметили, что становитесь упитаннее? — сердито спросил автономник, когда Гурдже разглядывал свое тело в зеркале.

Гурдже покачал головой:

— Я думал, что просто много ем.

— Вы очень наблюдательны. Интересно, что еще вы можете проделывать, не зная об этом. Неужели вам не рассказали ничего о вашей же

собственной биологии?

Гурдже пожал плечами:

— Я забыл.

Он привык и к укороченному дневному циклу планеты — адаптировался быстрее всех, если судить по многочисленным жалобам других. Большинство в замке, сообщил ему автономник, использовали наркотики, чтобы приспособиться к дню продолжительностью в три четверти от стандартного.

— Опять генно-закрепленная реакция? — спросил Гурдже как-то утром за завтраком.

— Да, конечно.

— Я не знал, что мы столько всего умеем.

— Явно не знали. Силы небесные, Гурдже, культурианцы осваивают космос вот уже одиннадцать тысяч лет. И то, что вы большей частью обосновались в идеальных, сделанных на заказ условиях, не означает, что способность к быстрой адаптации утрачена Сила в глубине, избыточности, конструировании с запасом. Вы же знаете философию Культуры.

Гурдже нахмурился, посмотрев на машину. Он сделал жест в сторону стены, потом показал на свое ухо.

Флер-Имсахо покачался из стороны в сторону

— аналог пожимания плечами.

Игру на Доске формы Гурдже закончил пятым из семи. На Доске становления он начал играть без малейшей надежды на выигрыш — ему светил разве что небольшой шанс попасть в утешительные игры. Но под конец он заиграл с блеском. На последней из трех больших досок он начинал себя чувствовать абсолютно свободно, с удовольствием использовал символику элементов, включенную в игру, — вместо кидания костей, которое практиковалось в остальной части матча. Гурдже чувствовал, что из трех больших досок Доска становления была наименее освоенной: в империи не очень хорошо понимали игру на этом этапе и не уделяли ему должного внимания.

Ему удалось. Выиграл один из адмиралов, а Гурдже хоть и с трудом, но пробился в утешительные игры. Он отстал от адмирала всего на одно очко: 5522 против 5523. Еще чуть-чуть — и могла быть ничья и переигровка, но, думая об этом впоследствии, Гурдже понял: ни на мгновение он не сомневался, что выйдет в следующий круг.

— Еще чуть-чуть — и вы заговорите о судьбе, Жерно Гурдже, — сказал Флер-Имсахо, когда Гурдже попытался объяснить ему это.

Он сидел в своей комнате, положив руку на столик перед собой, а автономник снимал с его запястья браслет-орбиталище. Сам Гурдже уже не мог снять подарок, а из-за его раздавшихся мышц браслет стал туговат.

— Судьба, — проговорил Гурдже, задумчиво глядя перед собой. — Да, похоже, что это именно судьба, — кивнул он.

— Что же дальше? — воскликнула машина, полем перерезая браслет. Гурдже думал, что яркое маленькое изображение исчезнет, но оно осталось. — Господь Бог? Призраки? Путешествие во времени? — Автономник снял браслет с его руки и заново соединил разрезанные части, так что орбиталище опять стало целым.

Гурдже улыбнулся.

— Империя.

Он взял браслет у машины, легко встал и подошел к окну. Глядя во внутренний двор замка, он крутил браслет в руке.

«Империя?» — подумал Флер-Имсахо. Он уговорил Гурдже положить браслет в шкатулку. Не стоит оставлять на виду — кто-нибудь может догадаться, что тут изображено. «Очень надеюсь, он шутит».

Когда Гурдже закончил свою партию, у него

образовалось свободное время, и он стал наблюдать за игрой Никозара. Император играл в главном зале замка — огромном чашеобразном помещении, одетом в серый камень и способном вместить более тысячи человек. Здесь должна была состояться и финальная игра, которая решит, кто станет императором. Главный зал располагался в дальнем конце замка и выходил на ту сторону, с которой должен был прийти огонь. Высокие окна, пока еще открытые, смотрели на море желтых золоцветов.

Гурдже сидел на одном из балконов для зрителей, наблюдая за игрой императора. Никозар действовал осторожно, постепенно накапливая преимущество, используя малейшие возможности, чтобы завоевать хотя бы очко, делая выгодные размены, координируя ходы остальных четырех игроков своей команды. Гурдже был поражен — Никозар вел двойную игру. Неторопливая, размеренная манера, демонстрируемая теперь императором, была лишь одной стороной его игрового стиля. Время от времени, когда возникала необходимость и когда ожидался наиболее разрушительный эффект, император делал ходы поразительной дерзости и глубины. А превосходные ходы, удававшиеся иногда

противнику, встречали адекватный, а то и превосходящий отпор со стороны императора.

Гурдже почувствовал симпатию к противникам Никозара. Даже плохая игра деморализует меньше, чем временами блестящая, но неизменно встречающая сокрушительный отпор.

— Вы улыбаетесь, Жерно Гурдже?

Гурдже был так поглощен игрой, что не заметил, как подошел Хамин. Старый верховник осторожно опустился на сиденье рядом с Гурдже. Судя по выпуклостям под его одеждой, на нем была антигравитационная система, частично компенсирующая высокое тяготение.

— Добрый вечер, Хамин.

— Я слышал, вы попали в утешительные игры. Хороший результат.

— Спасибо. Это, конечно, только неофициально.

— Ах да. Официально вы заняли четвертое место.

— Какая неожиданная щедрость.

— Мы приняли во внимание вашу готовность к сотрудничеству. Вы по-прежнему настроены помогать нам?

— Конечно. Покажите мне, в какую камеру нужно говорить.

— Может быть, завтра. — Хамин кивнул, глядя туда, где стоял Никозар, изучавший свою позицию на Доске становления. — Вашим противником в одиночной игре будет Ло Теньос Крово. Предупреждаю — это выдающийся игрок. Вы уверены, что не хотите выйти из игры сейчас?

— Абсолютно уверен. Стоило заставлять меня калечить Бермойю, чтобы я бросил игру сейчас, когда она достигла такого накала?

— Я понимаю ваши доводы, Гурдже, — вздохнул Хамин, не сводя глаз с императора и кивая. — Да, понимаю. И в любом случае, это только утешительная игра, куда вы попали с трудом. К тому же Ло Теньос Крово — великолепный, выдающийся игрок. — Он еще раз кивнул. — Да-да. Возможно, вы наконец достигли своей планки, а? — Морщинистое лицо повернулось к Гурдже.

— Вполне возможно, ректор.

Хамин с отсутствующим видом кивнул и снова отвернулся, уставившись на своего императора.

На следующее утро Гурдже участвовал в нескольких постановочных съемках у доски. Позицию в его прошлой игре восстановили, и Гурдже сделал несколько очевидных, хотя и не блестящих ходов плюс одну откровенную ошиб-

ку. Роли его противников исполняли Хамин и двое старших профессоров колледжа Кандсев. Гурдже был поражен тем, как превосходно эти трое подражали стилю верховников, против которых он играл.

Как и прогнозировалось, Гурдже закончил четвертым. Он записал интервью с Имперской службой новостей, в котором сожалел о том, что его выбили из главной серии, и благодарил за то, что ему было позволено играть в азад. Он будет помнить это всю жизнь. Он, несомненно, в долгу перед азадианским народом. Его уважение к гению императора-регента возросло неизмеримо, хотя и поначалу было огромным. Он с нетерпением ждет продолжения игр, в которых будет выступать уже в качестве наблюдателя. Он желает императору, его империи, всему народу и подданным самого блестящего, яркого и изобильного будущего, какое их, несомненно, ждет.

У корреспондентов и Хамина вид был довольный.

— Вам бы в актеры пойти, Жерно Гурдже, — сказал Хамин.

Гурдже воспринял это как комплимент.

Он сидел, глядя на лес золоцветов. Деревья достигали в высоту шестидесяти, если не больше,

метров. При максимальных темпах роста они, по словам Флер-Имсахо, ежедневно вытягивались почти на четверть метра, высасывая из почвы столько воды и питательных веществ, что земля вокруг них проваливалась, обнажая верхнюю часть корневой системы, которая сгорала во время Всесожжения, а после этого восстанавливалась целый Большой год.

Смеркалось — наступило то короткое время короткого дня, когда желтый карлик исчезал за горизонтом быстро вращающейся планеты. Гурдже глубоко вздохнул. Запаха гари не чувствовалось. Воздух казался довольно прозрачным, и в небесах светились две планеты местной системы. И тем не менее Гурдже знал: в атмосфере достаточно пыли, чтобы навсегда скрыть из виду большинство звезд, горящих сегодня в небесах, и превратить огромное колесо — большую галактику — в нечто размытое и неотчетливое, далекое от того захватывающего вида, который открывался сейчас из-за дымчатой газовой оболочки планеты.

Он сидел в маленьком садике близ вершины крепости, откуда были видны верхушки почти всех золоцветов. На этом уровне располагались плодоносящие кроны самых высоких деревьев.

Оболочка плодов была размером со свернувшегося клубочком ребенка и наполнена жидкостью, состоявшей в основном из этилового спирта. С наступлением Всесожжения часть этих плодов упадет на землю, часть останется висеть, но гореть будут все.

Дрожь пробрала Гурдже при мысли об этом. До Всесожжения оставалось еще дней семьдесят. Если с приходом огненного фронта все они останутся там, где находятся сейчас, то сгорят заживо, и никакие системы орошения им не помогут. Одно только тепловое излучение зажарит их. Сад, где сидит Гурдже, исчезнет в огне. Деревянную скамейку, на которой он сидит, унесут внутрь, спрячут за толстенными ставнями — каменными, металлическими, огнеупорного стекла. Сады в глубине внутреннего двора уцелеют, хотя их придется откапывать из-под нанесенной ветром золы. Люди будут в безопасности в напитанном влагой замке или глубоких убежищах… если только по какой-нибудь глупости не окажутся снаружи, когда придет огонь. Такое уже случалось, как ему рассказывали.

Он увидел, как Флер-Имсахо появился из-за деревьев и полетел в его сторону. Машина получила разрешение летать самостоятельно, если

будет сообщать властям, куда направляется, и согласится надевать монитор, по которому всегда можно будет определить ее местонахождение. Судя по всему, на Эхронедале не было ничего такого, что империя считала бы военной тайной. Автономник не очень обрадовался, узнав про эти условия, но подумал, что с ума сойдет от скуки, если его запрут в замке, и потому согласился. Это была его первая вылазка.

— Жерно Гурдже?

— Привет, автономник. Наблюдали за жизнью птиц?

— Летающих рыб. Решил начать с океанов.

— Собираетесь посмотреть на пожар?

— Пока нет. Я слышал, следующий ваш соперник — Ло Теньос Кровo.

— Через четыре дня. Говорят, отличный игрок.

— Так оно и есть. А еще он один из тех, кто знает о Культуре все.

Гурдже уставился на машину:

— Что-что?

— В империи есть не менее восьми человек, которым известно, где находится Культура, каковы ее приблизительные размеры и уровень технологических достижений.

— Неужели? — сквозь зубы процедил Гурдже.

— В течение последних двухсот лет император, глава флотской разведки и шесть звездных маршалов получали сведения о мощи и размерах Культуры. Они не хотят, чтобы кто-нибудь еще обладал этой информацией, — это их, а не наш выбор. Они боятся. И их можно понять.

— Автономник, — громко сказал Гурдже, — вам не приходила мысль, что такое вот обращение со мной как с ребенком может подействовать мне на нервы? Почему, черт побери, вы не могли сказать об этом раньше?

— Жерно, мы только хотели облегчить вам жизнь. Зачем все усложнять, сообщая вам, что несколько человек все же имеют эту информацию, когда вероятность вашего контакта с ними — ну разве что кроме самого мимолетного — сведена к минимуму? Откровенно говоря, вам вообще не следовало бы этого говорить, если бы вы не дошли до этапа, когда будете играть против одного из них. Зачем? Ведь на самом деле мы пытаемся вам помочь. Я решил проинформировать вас только из опасения, как бы Кроово во время игры не удивил вас и не выбил из колеи.

— Вам бы позаботиться о моем настроении, а не только о моей колее, — сказал Гурдже, вставая и собираясь опереться о перила, ограждавшие

садик.

— Извиняюсь, — сказал автономник без малейшего следа раскаяния.

Гурдже махнул рукой.

— Бог с ним. Так значит, Крово вовсе не из отдела культурных обменов, а из флотской разведки?

— Верно. Официально его поста не существует. Но каждый при дворе знает, что игроку, занявшему самое высокое место и внушающему минимальное доверие, предлагают эту работу.

— Я тоже подумал, что отдел культурных обменов — довольно странное место для такого классного игрока.

— Крово уже три Больших года служит в разведке, и некоторые считают, что при желании он мог бы и сам стать императором, но Крово предпочитает оставаться на своем нынешнем месте. Он трудный противник.

— Мне все об этом твердят, — сказал Гурдже, потом, нахмурившись, посмотрел в сторону гаснущего горизонта. — Что это? — спросил он. — Вы слышали?

Звук повторился — протяжный, навязчивый, жалобный крик откуда-то издалека, почти утонувший в шелесте крон золоцветов. Слабый крик чуть усилился, но по-прежнему остался тихим,

хотя от него и стыла кровь в жилах. Потом стих и он. Гурдже второй раз за вечер пробрала дрожь.

— Что это? — прошептал он. Автономник подлетел к нему поближе.

— Что вы имеете в виду? Этот зов? — спросил он.

— Да! — сказал Гурдже, прислушиваясь к слабому звуку, принесенному и рассеянному мягким теплым ветерком, налетевшим из-за шелестящих крон гигантских золоцветов.

— Звери, — сказал Флер-Имсахо, чей силуэт едва виднелся на фоне исчезающего на западе света. — В основном крупные хищники, которых называют троши. Шестиногие. Вы видели нескольких на балу — из личного зверинца императора. Помните?

Гурдже кивнул, зачарованно прислушиваясь к далеким крикам животных.

— И как же они спасаются от Всесожжения?

— Троши бегут вперед почти до самой линии огня весь предыдущий Большой месяц. Те, кого вы слышите, не смогли бы двигаться достаточно быстро, даже если бы побежали прямо сейчас. Их окружили и загнали в загон, так что теперь можно поразвлечься — устроить на них охоту. Поэтому-то они и воют. Они знают, что огонь

наступает, и хотят бежать.

Гурдже ничего не ответил. Он стоял, повернув голову в ту сторону, откуда доносился вой обреченных животных.

Флер-Имсахо подождал с минуту, но человек не шелохнулся и ничего не спросил. Машина полетела назад, в комнату Гурдже. Перед тем как миновать ворота замка, автономник обернулся и посмотрел на Гурдже, который вцепился в каменные перила в дальнем конце маленького сада. Он стоял неподвижно, чуть ссутулившись, наклонив голову вперед. Теперь уже совсем стемнело, и обычный человеческий глаз не смог бы разглядеть эту застывшую фигуру.

Автономник помедлил еще мгновение и исчез в крепости.

-

Гурдже полагал, что Азад принадлежит к тем играм, в которые нельзя играть плохо не то что двадцать дней, но даже один, а когда он выяснил, что можно, то испытал сильное разочарование.

Он успел просмотреть многие из прошлых игр Ло Теньоса Крово и с нетерпением ждал партии с главой разведки. У этого верховника был захватывающий стиль игры, гораздо более

яркий (пусть временами и слегка хаотичный), чем у любого другого из асов. Гурдже ждал, что матч предстоит интересный, увлекательный, но ошибался. Игра была гнусной, унизительной, недостойной. Гурдже уничтожил Кровo. Поначалу дородный верховник выглядел довольно веселым и беззаботным; он сделал несколько ужасных, очевидных ошибок, часть которых объяснялась его блестящей вдохновенной игрой, но закончилось все для него полной катастрофой. Гурдже знал, что иногда противник одним своим стилем доставляет куда больше проблем, чем ты ждешь, а иногда у тебя все идет наперекосяк, невзирая на все твои старания, на все удивительные прозрения и острые ходы. Видимо, глава разведки столкнулся сразу с двумя этими проблемами — стиль игры Гурдже вызывал у Кровo затруднения, а удача вообще отвернулась от верховника.

Гурдже искренне сочувствовал Кровo, которого расстроил не столько сам факт, сколько характер поражения. Оба вздохнули с облегчением, когда это закончилось.

Флер-Имсахо наблюдал за игрой Гурдже на последних этапах матча. Он читал каждый ход по мере их появления на экране и видел даже не иг-

ру, а операцию. Гурдже, игрок, *морат*, расчленял своего противника. Да, игра у верховника не шла, но Гурдже тем не менее играл с небрежным блеском. В его игре появилась этакая жестокость — то, что автономник и предполагал увидеть, но все же был удивлен столь скорым и решительным ее возникновением. Флер-Имсахо читал знаки на лице и теле человека — раздражение, жалость, гнев, печаль… и читал его игру, но не видел в ней ничего похожего на эти чувства. В ней читалась только ярость игрока, который обходился с досками, фигурами, картами и правилами, словно то были рычаги управления некоей всемогущей машиной.

Еще одна перемена, подумал Флер-Имсахо. Человек изменился, глубже погрузился в игру и общество. Флера-Имсахо предупреждали, что это может случиться. Одна из причин была в том, что Гурдже все время говорил на эаском. Флер-Имсахо всегда сомневался, можно ли в точности определить человеческое поведение, но ему сказали, что когда люди Культуры долго не говорят на марейне и пользуются другим языком, то становятся склонны к переменам. Они действуют иначе, они начинают думать на другом языке, они утрачивают тщательно сбалансированную

интерпретирующую структуру языка Культуры, отказываются от едва уловимых перебоев модуляции, тональности и ритма в пользу (едва ли не всегда) более грубых средств.

Марейн был синтетическим языком, призванным быть настолько экспрессивным с фонетической и философской стороны, насколько то позволяют пангуманоидный мозг и речевой аппарат. Флер-Имсахо считал такую оценку слишком уж хвалебной, но марейн был составлен умами посильнее его собственного, и десять тысячелетий спустя даже самые утонченные и быстродействующие Разумы высоко оценивали этот язык, а потому Флер-Имсахо склонялся перед их мнением. Один из Разумов, инструктировавших его, даже сравнил марейн с азадом. Это было довольно прихотливое сравнение, но Флер-Имсахо принял эту точку зрения и не считал ее преувеличением.

Эаский язык был обычным естественным языком, продуктом эволюции, с укоренившейся подменой понятий: вместо сострадания — сентиментальность, вместо сотрудничества — агрессия. Относительно чистая и чувствительная натура вроде Гурдже при постоянном пользовании этим языком непременно должна

была усвоить часть лежащих в его основании этических принципов.

И поэтому Гурдже играл теперь, как один из тех хищников, вой которых он слушал: подкрадывался по доске к противнику, расставлял капканы, вывешивал флажки, копал ямы и атаковал, преследовал, сбивал с ног, пожирал, переваривал…

Флер-Имсахо неуютно поежился в своем фальшивом корпусе, а потом выключил экран.

Гурдже на следующий день после окончания игры с Кроово получил послание от Хамлиса Амалк-нея. Он сидел в своей комнате и смотрел на изображение старого автономника. Тот показывал виды Чиарка, сообщал последние новости. Профессор Борулал все еще не вернулась из отпуска. Хаффлис беременна. Ольц Хап отправилась в круиз со своей первой любовью, но не позже чем через год вернется и продолжит учебу в университете. Хамлис продолжает работу над своим историческим трудом.

Гурдже смотрел и слушал. Контакт цензурировал поступающий сигнал, вырезая те информационные блоки, по которым, как полагал Гурдже, можно было догадаться, что Чиарк — орбиталище, а не планета. Раздражало его это меньше, чем он того ждал.

Письмо не доставило ему особого удовольствия. Все это казалось таким далеким, таким несуразным. Слова старого автономника представлялись страшно банальными — и уж никак не мудрыми и не дружескими, а у людей на экране был какой-то дряблый и глупый вид. Амалк-ней показал ему Икрох, и Гурдже почувствовал злость, узнав, что туда время от времени наезжают люди. Что это они там о себе думают?

Йей Меристину собственной персоной в письме не появлялась. Она в конце концов устала от Бласка и машины Пришиплейл и отправилась продолжать свою карьеру ландшафтного дизайнера на [стерто]. Йей передавала привет. Перед отъездом она запустила программу вирусного изменения, чтобы стать мужчиной.

Ближе к концу сообщения был один странный раздел, явно добавленный после записи основного сигнала. В нем Хамлиса можно было увидеть в главной гостиной Икроха.

— Гурдже, — сказала машина, — это прибыло сегодня общей почтой, неуказанный отправитель, послано через Особые Обстоятельства. — Камера начала панорамировать в ту сторону, где — если только какой-нибудь незваный наглец не переставил мебель — должен был стоять

стол. Потом экран почернел. Хамлис сказал: — Наш маленький друг. Но абсолютно безжизненный. Я просканировал его, и… [вырезано] прислал команду специалистов, чтобы они тоже посмотрели. Мертвая оболочка. Просто корпус без начинки, как нетронутое тело с аккуратно выскобленным мозгом. В центре есть небольшая полость, где, наверно, и находился его мозг.

Картинка вернулась. В кадре снова был Хамлис.

— Я могу только предположить, что эта машинка наконец согласилась на переделку и они сделали ей новое тело. Странно только, что они прислали сюда старое. Скажите, что с ним делать. Жду скорого ответа. Надеюсь, что мое послание найдет вас в добром здравии и что удача сопутствует вам в задуманном. Примите самые лу…

Гурдже выключил экран, быстро встал, подошел к окну и, нахмурившись, выглянул во двор внизу.

По его лицу медленно расползалась улыбка. Мгновение спустя он беззвучно рассмеялся, подошел к переговорному устройству и попросил слугу принести вина. Он подносил бокал к губам, когда через окно влетел Флер-Имсахо, вернувшийся с очередной экскурсии. Корпус его был

покрыт пылью.

— Вы, кажется, довольны собой, — сказала машина. — За что пьем?

Гурдже заглянул в янтарные глубины бокала и улыбнулся:

— За отсутствующих друзей.

Следующий матч состоял из трех игр. Гурдже должен был играть против Йомонула Лу Распа, звездного маршала в экзоскелете, и моложавого полковника Ло Фрага Траффа. Гурдже знал, что оба они считаются ниже рангом, чем Крово, но шеф разведки играл так плохо (и, вероятно, должен был утратить свой пост), что Гурдже по всем признакам ждала теперь более тяжелая игра. Двое военных должны были естественным образом объединиться против него.

Никозару предстояло играть против старого звездного маршала Вечестедера и министра обороны Джилно.

Гурдже проводил все время, изучая партии противников. Флер-Имсахо продолжал свои вылазки. По его словам, он видел, как целый фронт надвигающегося пламени был погашен проливным дождем. Через два дня он обнаружил, что сухие растения на этом месте снова занимаются огнем.

Это было впечатляющее зрелище, сказал

автономник, свидетельство того, что огонь — неотъемлемая часть экологии планеты.

Придворные днем развлекались охотой в лесу, а по вечерам — живыми или голографическими представлениями.

Гурдже находил эти развлечения однообразными и скучными. Единственное, что представляло хоть какой-то интерес, это дуэли; обычно дрались азадианцы-мужчины. Происходило это в ямах, вокруг которых стояли, крича и делая ставки, игроки и имперские чиновники. Лишь изредка исход оказывался смертельным. Гурдже подозревал, что в замке по ночам устраиваются развлечения иного рода и неизменно заканчиваются смертью одного из участников. Его туда не приглашали, и предполагалось, что он и знать об этом не должен.

Но мысль об этом больше не беспокоила его.

Ло Фраг Трафф был молодым верховником; бросался в глаза шрам, который рассекал его щеку от брови почти до рта. Играл он быстро, свирепо, как действовал и в рядах Имперской звездной армии. Самым знаменитым его подвигом было уничтожение Юрутипейгской библиотеки. Трафф тогда командовал небольшим наземным отрядом в войне против одного гуманоидного ви-

да. Война в космосе временно зашла в тупик, но Траффу, благодаря изрядному военному таланту и удаче, удалось достичь вражеской столицы по земле. Враг запросил мира, поставив условием, чтобы их огромная библиотека, известная среди всех цивилизованных видов Малой туманности, осталась нетронутой. Трафф знал, что, откажись он от этого условия, боевые действия продолжатся, и потому дал слово, что ни одна буква, ни один пиксель на древних микрофайлах не будет уничтожен и все они останутся в целости и сохранности.

Трафф имел приказ от своего звездного маршала — уничтожить библиотеку. Сам Никозар, который в то время только-только пришел к власти, утвердил этот приказ одним из своих первых эдиктов. Покоренные расы должны знать: если они разгневают императора, то наказания им не избежать.

Хотя никого в империи нимало не волновало, нарушит ли один из ее верных солдат свое соглашение с какими-то инопланетянами, Трафф знал, что данное им слово священно и, если он его нарушит, никто больше не поверит ему.

Трафф уже знал, что нужно делать. Он разрешил проблему, перетасовав библиотеку, — поставил

все слова в ней в алфавитном порядке, а пиксели в иллюстрациях расположил в порядке цвета, оттенка и яркости. Исходные микрофайлы были записаны вновь с перекодировкой, что дало миллионы томов, каждый со словами «и», «а», «он», «она» и так далее. Иллюстрации же превратились в поля чистого цвета.

Конечно, после этого начались беспорядки, но Трафф к тому времени уже контролировал ситуацию и, как он объяснил негодующим охранникам-камикадзе (которые таки исполнили свой долг) и Верховному суду империи, слово свое он сдержал — не уничтожил и не взял в качестве трофея ни единого слова, картинки или файла.

Посередине игры на Доске начал Гурдже понял кое-что весьма примечательное: Йомонул и Трафф играют друг против друга, а не против него. Играли они так, словно ожидали, что Гурдже в любом случае одержит победу, а между собой сражались за второе место. Гурдже знал, что эти двое не питают друг к другу особой любви. Йомонул представлял старую гвардию военных, а Трафф принадлежал к новой поросли молодых и дерзких искателей приключений. Йомонул придерживался тактики переговоров и минимального применения силы, Трафф предпочитал

делать сокрушительные ходы. Йомонул либерально относился к другим видам, Трафф был настоящим ксенофобом. Учились они в традиционно враждовавших колледжах, и все различия между ними ярко проявлялись в игре. Йомонул играл обдуманно, осторожно и отстраненно, Трафф был агрессивен до бесшабашности.

К императору они тоже относились по-разному. Йомонул смотрел на монархию с философских и прагматических позиций, тогда как Трафф был фанатично предан самому Никозару, а не трону. Каждый презирал убеждения другого.

И тем не менее Гурдже никак не предполагал, что они будут более-менее безразличны к нему и вцепятся друг другу в глотки. Он опять чувствовал себя слегка обманутым, потому что настоящей игры вновь не получилось. Единственным утешением было то, сколько яда вливали военачальники в свои ходы: это количество, бесспорно, впечатляло, хотя было губительным для обоих игроков, да и просто ненужным. Гурдже курсировал по доске, спокойно набирая очки, пока военные выясняли отношения. Он выигрывал, но не мог подавить чувства, что двое других получают от этой игры гораздо больше него. Он думал, что они воспользуются физической опцией, но

сам Никозар запретил на этом этапе подобные вещи. Гурдже знал, что два игрока ненавидят друг друга и в то же время не хотят рисковать, боясь вылететь из военной иерархии.

Настал третий день игры на Доске начал. Гурдже во время ланча сидел перед настольным экраном. До конца перерыва оставалось еще несколько минут, и Гурдже в одиночестве смотрел репортаж о том, как блестяще идут дела у Ло Теньоса Крово в игре против Йомонула и Траффа. Тот, кто играл за Крово (только не он сам, — шеф разведки наотрез отказался участвовать в фальсификациях), блестяще подражал стилю верховника. Гурдже едва заметно улыбался, следя за новостями.

— Размышляете над своей грядущей победой, Жерно Гурдже? — спросил Хамин, опускаясь на стул с другой стороны стола.

Гурдже повернул экран к нему:

— Не рановато ли?

Старый лысый верховник, ехидно улыбаясь, впился глазами в экран.

— Гмм, вы так думаете? — Он протянул руку, выключил экран.

— В жизни многое меняется, Хамин.

— Вы правы, Гурдже, кое-что меняется. Но я

думаю, ход этой игры останется неизменным. Йомонул и Трафф продолжат свою тактику — они будут игнорировать вас и изничтожать друг друга. Вы одержите победу.

— Ну что ж, — сказал Гурдже, глядя на погасший экран, — тогда Крово придется играть с Никозаром.

— Возможно. Мы сможем сфабриковать партию, чтобы дать информационное прикрытие этой игре. Но вы играть не должны.

— Не должен? — сказал Гурдже. — Мне казалось, я сделал все, о чем вы меня просили. Что еще от меня может требоваться?

— Отказаться играть против императора.

Гурдже заглянул в бледно-серые глаза верховника, оплетенные сетью морщинок. Они с таким же спокойствием ответили на его взгляд.

— В чем проблема, Хамин? Ведь я больше не представляю угрозы.

Хамин разгладил тонкую материю у себя на рукаве.

— Знаете, Гурдже, я ненавижу навязчивые идеи. Они такие прилипчивые. Верно? — Он улыбнулся. — Я начинаю волноваться за моего императора, Гурдже. Я знаю, как хочется ему доказать, что он по праву занимает свое место,

что он достоин трона, на который взошел два года назад. Я уверен, именно это он и сделает, но я знаю, чего он хочет на самом деле — чего он всегда хотел: сыграть с Молсе и победить. Но это, конечно, теперь уже невозможно. Император умер, да здравствует император. Он восстает из пламени… Но мне думается, он видит в вас, Жерно Гурдже, старого Молсе и чувствует, что должен сыграть с вами, победить вас — инопланетянина, человека Культуры, мората, игрока. Не уверен, что это хорошая мысль. В этом нет необходимости. Так или иначе, вы все равно проиграете, не сомневаюсь, но… Как я уже сказал, навязчивые идеи меня беспокоят. Для всех будет лучше, если вы после этой игры объявите о своем отказе от дальнейшей борьбы.

— И значит, лишу Никозара возможности победить меня? — Гурдже с удивлением и любопытством посмотрел на верховника.

— Да. Пусть уж лучше чувствует, что ему еще есть что доказывать. Это не причинит ему никакого вреда.

— Я подумаю, — пообещал Гурдже.

Хамин несколько мгновений смотрел на него.

— Надеюсь, вы понимаете, насколько я откровенен с вами, Жерно Гурдже. Было бы прискорбно,

если бы такая честность осталась без признания и вознаграждения.

Гурдже кивнул:

— Да, это было бы прискорбно.

Слуга-мужчина у дверей объявил, что игра должна вот-вот возобновиться.

— Прошу меня извинить, ректор, — сказал Гурдже, вставая. — Долг зовет.

Старый верховник не сводил с него взгляда.

— Будьте послушны долгу.

Гурдже замер, глядя сверху вниз на высохшего старика, потом повернулся и зашагал прочь.

Хамин вперился взглядом в темный экран перед собой, словно захваченный некоей увлекательной игрой, которую видел только он один.

Гурдже выиграл на Доске начал и Доске формы. Яростная борьба между Траффом и Йомонулом продолжалась. Вперед вырывался то один, то другой. На Доску становления Трафф перешел, набрав очков чуть больше, чем старший верховник. Гурдже сильно опережал обоих и был практически неуязвим, так что мог расслабиться в своих укрепленных пунктах и наблюдать за тотальной войной, развернувшейся вокруг него, а потом выйти и разделаться с истощенными силами победителя. Подобная тактика представ-

лялась единственно справедливой и к тому же разумной. Пусть ребята развлекаются, а потом придет взрослый дядя, наведет порядок, спрячет разбросанные игрушки.

Но и это была неважная замена настоящей игре.

— Вы довольны или нет, господин Гурдже?

Звездный маршал Йомонул подошел к Гурдже в перерыве, пока Трафф консультировался с судьей. Гурдже стоял, задумчиво глядя на доску, и не заметил приближения верховника. Он с удивлением поднял глаза на стоящего перед ним маршала с морщинистым лицом: тот с легкой улыбкой смотрел на Гурдже из своей титаново-углеродной клетки. Ни один из военных до того не обращал на инопланетянина ни малейшего внимания.

— Тем, что обо мне забыли?

Верховник махнул оплетенной стержнями рукой, указывая на доску.

— Да, тем, что выигрыш дается так легко. Вы чего ищете — побед или решения трудных задач? — Маска из прутьев двигалась с каждым движением его челюсти.

— Мне нравится и то и другое, — признался Гурдже. — Я думал было поучаствовать в схват-

ке в качестве третьей силы или войти в союз с кем-то… но то, что происходит, очень похоже на личную войну.

Пожилой верховник ухмыльнулся, голова-клетка легонько кивнула.

— Похоже, — сказал он. — Ваша тактика верна. На вашем месте я бы и дальше так продолжал.

— А вы? — спросил Гурдже. — Вам, кажется, теперь нелегко приходится.

Йомонул улыбнулся. Лицо-маска перекосилось даже при этом легком движении.

— Это лучшее время в моей жизни. И у меня в запасе есть еще несколько сюрпризов для этого щенка. И несколько трюков. Но я чувствую себя немного виноватым из-за того, что вы идете вперед с такой легкостью. Вы поставите всех нас в неловкое положение, если будете играть с Никозаром и выиграете.

Гурдже изобразил удивление.

— Вы думаете, я смог бы?

— Нет. — Ответ верховника прозвучал тем более эмоционально, что донесся из темной клетки, которая усилила звук. — Никозар, когда нужно, играет наилучшим образом, и он победит. Если только не проявит чрезмерного честолюбия. Нет, он вас победит, поскольку будет чувствовать в

вас угрозу, а угрозу он уважает. Но… гм…

Маршал повернулся к Траффу, который, пройдясь по доске, передвинул две фигуры, а потом с демонстративной вежливостью поклонился Йомонулу. Маршал снова повернулся к Гурдже:

— Похоже, моя очередь. Прошу извинить. — Он вернулся к своему сражению.

Возможно, один из трюков, о которых упоминал Йомонул, состоял в том, чтобы ввести в заблуждение Траффа — пусть думает, будто маршал хочет заручиться поддержкой человека Культуры. Какое-то время после этого молодой военный действовал так, будто в любой момент ожидал борьбы на два фронта.

Это дало Йомонулу преимущество, и он немного опередил Траффа. Гурдже выиграл матч и получил шанс сыграть с Никозаром. Сразу же после этой победы Хамин попытался заговорить с ним в коридоре, но Гурдже только улыбнулся и прошел мимо.

Вокруг них раскачивались золоцветы, легкий ветерок шелестел в золотистых кронах. Двор, игроки и их свита расположились на высоком, с крутым пандусом деревянном помосте, который размером не уступал небольшому замку. Перед этим подобием трибуны среди просторной про-

галины в лесу золоцветов пролегала длинная, узкая дорожка, огражденная толстыми бревнами высотой метров в пять или больше. Это была центральная часть загона, имевшего форму песочных часов: оба конца его расширялись к лесу. Никозар и высокопоставленные игроки сидели на высокой деревянной платформе в первом ряду, и перед ними открывался прекрасный вид на воронку с бревенчатым окаймлением.

С задней стороны у трибуны стояли навесы, — под ними готовилась пища. В воздухе над трибуной плавал и уносился в лес запах жареного мяса.

— У них от этого слюнки потекут, — сказал маршал Йомонул, наклоняясь к Гурдже; сервомеханизмы его клетки издали при этом жужжание.

Они сидели бок о бок в первом ряду, невдалеке от императора. У каждого было большое пулевое ружье, закрепленное на треноге.

— От чего — от этого?

— От запаха. — Йомонул ухмыльнулся, показывая на жаровни и грили у них за спиной. — Жареное мясо. Ветер понесет запах в их сторону. Они от этого с ума сойдут.

— Как мило, — пробормотал Флер-Имсахо, расположившийся неподалеку от ноги Гурдже.

Машина тщетно пыталась уговорить его не участвовать в охоте. Гурдже, не обращая на него внимания, кивнул Йомонулу.

— Да, конечно.

Он взвесил в руках ложе винтовки. Древнее оружие стреляло одиночными патронами, а чтобы его перезарядить, нужно было передернуть затвор. У каждой из винтовок была своя нарезка ствола, чтобы по пулям, извлеченным из туш, можно было вести счет и определять, кому принадлежит голова или шкура.

— Вы уверены, что стреляли из таких прежде? — Йомонул с ухмылкой поглядел на Гурдже.

Верховник пребывал в хорошем настроении. Еще сорок-пятьдесят дней, и ему можно будет выйти из экзоскелета. А пока император разрешил немного ослабить тюремный режим — Йомонул мог общаться с людьми, есть и пить, что пожелает.

Гурдже кивнул.

— У меня есть дробовики, — сказал он.

Он никогда не пользовался пулевыми ружьями, но помнил тот день в пустыне, с Йей, — это было несколько лет назад.

— Уверен, вы никогда прежде не стреляли ни во что живое, — сказал автономник.

Йомонул постучал по корпусу машины углеродным каблуком своего ботинка.

— А ты, вещица, помалкивай.

Флер-Имсахо медленно поднялся вверх, так что его скошенный коричневый передок оказался прямо перед лицом Гурдже.

— Вещица?! — возмущенно произнес он голосом, похожим на хриплый шепот.

Гурдже подмигнул и приложил палец к губам. Они с Йомонулом улыбнулись друг другу.

Охота, как это называлось, началась со звука труб и далекого воя трошей. Из леса появилась шеренга азадианцев-мужчин, они побежали вдоль воронковидной прогалины. Все вокруг заволновались, предвкушая развлечение.

— Крупный, — с видом знатока сказал Йомонул, когда на дорожке показался черный, в золотую полоску шестиног.

Щелчки, раздавшиеся там и сям на платформе, возвестили о том, что охотники изготовились к стрельбе. Гурдже приподнял ложе своей винтовки. В условиях повышенной гравитации тренога значительно облегчала стрельбу, а кроме того, ограничивала сектор обстрела, что, несомненно, сильно утешало бдительных охранников императора.

Троши бежал по дорожке, оставляя следы в пыли. Охотники начали стрелять, воздух наполнился приглушенными звуками выстрелов и клубами серого дыма. От стволов по бокам дорожки откалывались щепки, пули выбивали из земли облачка. Йомонул прицелился и выстрелил, вокруг Гурдже раздались новые хлопки. Потом звуки пальбы смолкли, но Гурдже все равно почувствовал, как каналы ушей немного сузились, приглушая шум. Он выстрелил, отдача застала его врасплох. Пуля, видимо, прошла высоко над головой зверя.

Гурдже поглядел вниз, на дорожку. Животное выло. Оно пыталось перепрыгнуть через ограждение, но град пуль поубавил ему прыти. Оно прохромало еще немного, волоча три ноги и оставляя за собой кровавый след. Гурдже услышал еще один приглушенный хлопок сбоку, и голова хищника тут же дернулась в сторону — зверь упал. Раздался хор одобрительных выкриков. В ограждении открылись воротца, вбежали несколько азадианцев и утащили тело.

Йомонул, кричавший со всеми, стоял рядом с Гурдже. Когда из леса появилось следующее животное и побежало между рядами бревен, Йомонул быстро сел, сервомоторы его экзоскелета

зажужжали.

После четвертого одинокого троши появились несколько зверей сразу, в сумятице один из них запрыгнул на бревно, перемахнул на другую сторону и бросился на стоявших за ограждением. Охранник на земле у подножия трибуны одним выстрелом из лазерного ружья свалил животное.

В разгар утра, когда в середине дорожки скопилась целая груда полосатых тел, возникла опасность, что какое-нибудь животное заберется на туши убитых ранее. Охота была приостановлена, мужчины с крюками, веревками и двумя маленькими тракторами расчистили дорожку, увозя теплые, забрызганные кровью туши. Кто-то поодаль от императора пристрелил одного из мужчин, пока те работали на дорожке. Раздался гул осуждающих голосов и несколько пьяных одобрительных выкриков. Император оштрафовал провинившегося и сказал, что если кто-нибудь сделает такое еще раз, то побежит по дорожке вместе с троши. Все рассмеялись.

— Вы совсем не стреляете, Гурджи, — заметил Йомонул.

По его подсчетам, он к этому времени убил еще трех животных. А Гурдже стало казаться, что охота — занятие довольно бессмысленное,

и он почти прекратил стрелять. Все равно он не попадал в цель.

— Я в этом деле не мастак.

— Практика! — рассмеялся Йомонул, хлопнув Гурдже по спине.

Усиленный серводвигателями удар возбужденного маршала чуть не вышиб из Гурдже дух.

Йомонул сообщил об еще одном удачном выстреле, издал радостный крик и пнул Флер-Имсахо.

— Принеси! — рассмеялся он.

Автономник медленно и с достоинством поднялся с пола.

— Жерно Гурдже, это свыше моих сил. Я возвращаюсь в замок. Вы не возражаете?

— Вовсе нет.

— Спасибо. Желаю получить удовольствие от метких попаданий.

Он отлетел вниз и в сторону, после чего исчез за краем платформы. Йомонул почти все это время держал его под прицелом.

— И вы просто так его отпустили? — со смехом спросил он у Гурдже.

— Рад от него избавиться, — ответил тот.

Настал перерыв на ланч. Никозар поздравил Йомонула, похвалив за точность стрельбы. Гур-

дже сидел рядом с Йомонулом и, когда паланкин Никозара принесли на их конец стола, опустился на одно колено. Йомонул сообщил императору, что экзоскелет помогает точнее целиться. Никозар сказал, что рад скорому — после официального завершения игр — снятию устройства. Император скользнул взглядом по Гурдже, но больше ничего не сказал. Антигравитационный паланкин приподнялся сам, и охранники понесли его дальше вдоль ряда ожидающих людей.

После ланча все вернулись на свои места, и охота продолжилась. Для охотников остались еще животные, и первая часть короткого послеобеденного сеанса ушла на их отстрел, но троши вернулись еще раз, позднее. Пока что только семь из приблизительно двухсот троши, выпущенных из лесных загонов на огороженную дорожку, успели пробежать по ней и через дальний конец воронки исчезнуть среди деревьев. Но и эти были ранены, и им так или иначе было суждено погибнуть во время Всесожжения.

Земля перед помостом потемнела от рыжеватой крови. Гурдже стрелял, когда звери бежали по напитанной влагой дорожке, но целился мимо, наблюдая, как перед носом у раненых, воющих, запыхавшихся животных вскипают

фонтанчики грязи. Вся эта охота казалась ему отвратительной, но он не мог не признать, что заразительный энтузиазм азадианцев подействовал и на него. Йомонул явно наслаждался происходящим. Верховник наклонился вперед, когда из леса выбежала крупная самка троши с двумя маленькими щенками.

— Вам нужно больше практиковаться, Гурджде, — сказал он. — Вы что, у себя дома разве не охотитесь?

Самка со щенками бежала к огороженному пространству.

— Почти нет, — признался Гурджде.

Йомонул фыркнул, прицелился с дальней дистанции и выстрелил. Один из щенков упал. Самка затормозила, остановилась и побежала назад к щенку. Второй детеныш продолжал неуверенно бежать вперед. Пули попали в него, и он взвизгнул.

Йомонул перезарядил винтовку.

— Я вообще удивился, увидев вас здесь, — сказал он.

Пуля попала самке в заднюю ногу, та с рычанием ринулась прочь от мертвого детеныша и снова побежала вперед, зарычав на раненого, хромающего щенка.

— Я хотел показать, что я вовсе не такой уж чувствительный, — сказал Гурдже, видя, как дернулась голова второго щенка и животное упало у ног матери. — И я охотился на…

Он хотел сказать «азад», что означало машину или животное, любой организм или систему, и с улыбкой повернулся к Йомонулу, чтобы произнести это, но, посмотрев на верховника, увидел, что с ним что-то не так.

Йомонула трясло. Он сидел, сжимая свою винтовку, полуобернувшись к Гурдже, лицо его в темной клетке дрожало, кожа побелела и покрылась капельками пота, глаза выпучились.

Гурдже подошел к нему и положил ладонь на руку маршала — на пруток экзоскелета, по наитию предлагая помощь.

В верховнике словно что-то сломалось. Ружье Йомонула развернулось, стукнув по треноге, здоровенный глушитель оказался направлен прямо в лоб Гурдже. Перед глазами Гурдже мелькнуло лицо Йомонула — безумное выражение, челюсти сжаты, струйка крови сочится по подбородку, глаза застыли, пол-лица дергается в яростном тике. Гурдже пригнулся — ружье громыхнуло где-то над его головой — и, кувырнувшись со стула в сторону треноги со своим ружьем, услышал крик.

Не успев встать, Гурдже получил удар по спине, повернулся и увидел над собой Йомонула, который раскачивался с безумным видом; позади него виднелись недоумевающие, бледные лица. Йомонул боролся с затвором, перезаряжая винтовку. Одна его нога снова ударила в ребра Гурдже. Тот откатился назад, пытаясь самортизировать удар, и свалился вниз, прямо перед платформой.

Он увидел, как закружились деревянные планки, мотнулись кроны золоцветов, потом он ударился, обрушившись на мужчину, в чьи обязанности входило оттаскивать мертвых животных. Оба они, тяжело дыша, упали на землю. Гурдже посмотрел наверх и увидел на платформе Йомонула: экзоскелет отливал матовым блеском в лучах солнца, а сам маршал целился в Гурдже. Два верховника подбежали, чтобы схватить Йомонула. Даже не повернувшись, маршал резко выбросил назад руки — его ладонь ударила в грудь одного из верховников, приклад ружья пришелся в лицо другого. Оба рухнули на платформу. Окруженные прутьями руки вернулись в прежнее положение, и Йомонул снова стал наводить ружье на Гурдже.

Гурдже уже успел вскочить на ноги и нырнуть в сторону. Пуля угодила в не успевшего перевести

дух азадианца, лежавшего за спиной Гурдже. Тот бросился к деревянной двери, чтобы укрыться под высокой платформой. Сверху донеслись крики — Йомонул спрыгнул вниз, приземлившись между Гурдже и дверью. Оказавшись на земле, маршал тут же перезарядил винтовку, а экзоскелет легко поглотил удар при приземлении. Гурдже чуть не упал, разворачиваясь, нога его поскользнулась на пропитанной кровью земле.

Оттолкнувшись от земли, Гурдже побежал между деревянным ограждением и краем платформы. На его пути оказался охранник в форме с лазерным ружьем на плече, который неуверенно поглядывал на платформу. Гурдже метнулся мимо него, пригнув голову. Когда Гурдже был в нескольких метрах от охранника, тот начал стаскивать лазер с плеча. На его плоском лице запечатлелось чуть ли не комическое удивление — за миг до того, как одна сторона его груди разорвалась и охранник рухнул перед Гурдже, который споткнулся о него.

Гурдже перекатился через мертвого охранника и сел. Йомонул был в десяти метрах и неуклюже бежал к нему, перезаряжая винтовку. У ног Гурдже лежало ружье охранника. Гурдже схватил его, прицелился в Йомонула и выстрелил.

Звездный маршал пригнулся, но Гурдже целился с учетом отдачи, ошеломившей его утром при стрельбе из пулевого ружья. Луч лазера ударил в лицо Йомонула, голова верховника разлетелась на части.

Йомонул не остановился. Он даже не замедлил бега. Бегущее тело с почти пустой клеткой для головы (куски плоти и расколотые кости развевались, как вымпел, из шеи хлестала кровь) только увеличило скорость. Оно бежало к Гурдже все быстрее и сноровистее и целилось ему прямо в голову.

Гурдже, ошарашенный, замер. Слишком поздно он начал снова наводить винтовку и подниматься с земли. Безголовый экзоскелет был в трех метрах. Гурдже смотрел в черный зев глушителя, понимая, что он погиб. Но тут необычная фигура замедлила бег, пустая клетка дернулась вверх, винтовка дрогнула в руке.

Что-то врезалось в Гурдже сзади — он с удивлением понял, что сзади, когда в глазах у него потемнело. Сзади, не спереди, а потом не стало ничего.

-

Спина болела. Он открыл глаза. Между ним и белым потолком гудел массивный коричневатый автономник.

— Гурдже? — сказала машина.

Он сделал глотательное движение, облизнул губы.

— Что? — спросил он.

Он не знал, где находится, не знал, что это за автономник. И лишь приблизительно представлял себе, кто такой он сам.

— Гурдже, это я, Флер-Имсахо. Как вы себя чувствуете?

Ага, Флер-Имсахо. Что-то знакомое.

— Спина немного болит, — сказал он, надеясь, что не будет разоблачен. Гурджи? Гурджей? Наверно, это его имя.

— Меня это ничуть не удивляет. Вам в спину врезался здоровенный троши.

— Кто-кто?

— Бог с ним, поспите еще.

— …Поспать.

Веки были такие тяжелые — не удержать, и автономник подернулся туманом.

Спина болела. Он поднял веки и увидел белый потолок, повел глазами в поисках Флер-Имсахо. Темные деревянные стены. Окно. Флер-Имсахо. Вот он где. Автономник подплыл к нему.

— Привет, Гурдже.

— Привет.

— Вы помните, кто я такой?

— Всё ваши глупые вопросы, Флер-Имсахо. Я поправлюсь?

— Несколько царапин, сломанное ребро и небольшое сотрясение мозга. Через день-другой вы встанете.

— Кажется, вы говорили, в меня врезался… троши? Или мне это приснилось?

— Не приснилось, я это говорил. Именно так все и было. Что вы еще помните?

— Как я упал с трибуны… помоста, — медленно произнес он, напрягая память.

Он был в постели, и у него ныла спина. Он лежал в своей комнате в замке, горел свет: значит, вероятно, была ночь. Глаза его расширились.

— Йомонул на меня напал! — вдруг сказал он. — За что?

— Теперь уже не важно. Поспите еще.

Гурдже начал было говорить что-то, но гудящий автономник подлетел еще ближе, и усталость

навалилась снова. Гурдже закрыл глаза. Всего на секунду. Чтобы дать им отдохнуть.

Гурдже стоял у окна, глядя во внутренний двор. Слуга-азадианец убрал поднос. Бокалы на нем чуть звякнули.

— Продолжайте, — сказал Гурдже автономнику.

— Этот троши, пока все смотрели на вас и Йомонула, перебрался через заграждение, подбежал к вам сзади и прыгнул. Он сбил вас, а потом перекатился через экзоскелет, прежде чем тот успел что-нибудь сделать. Охранники пристрелили троши, который пытался сожрать Йомонула, а когда зверя оттащили от экзоскелета, тот уже был выключен.

Гурдже медленно покачал головой.

— Я помню только, что меня сбросили с помоста. — Он сел в кресло у окна. Дальний конец двора отливал золотом в предзакатных лучах солнца. — А где были вы, пока все это происходило?

— Здесь. Смотрел охоту по имперскому каналу. Жаль, что я ушел, Жерно Гурдже, но этот отвратительный верховник пинал меня, и зрелище было уж слишком кровавым и омерзительным — словами не описать.

Гурдже махнул рукой.

— Ладно. Я жив. — Он закрыл лицо руками. — Вы уверены, что это я пристрелил Йомонула?

— О да! Это все записано. Хотите посмотреть?..

— Нет. — Гурдже предостерегающе поднял руку. Глаза его все еще были закрыты. — Нет, не хочу.

— Прямой трансляции я не видел, — сказал Флер-Имсахо. — Я бросился назад, к месту охоты, как только Йомонул выстрелил в первый раз и убил человека рядом с вами. Но я просматривал запись. Да, вы убили маршала из лазерного ружья того охранника. Но после этого тому, кто захватил управление экзоскелетом, не нужно было больше преодолевать сопротивление Йомонула. Как только Йомонул умер, эта штуковина стала двигаться быстрее и точнее. Наверно, Йомонул изо всех сил пытался ее остановить.

Гурдже уставился в пол.

— Вы уверены?

— Абсолютно. — Автономник подлетел к стенному экрану. — Слушайте, почему вам не посмотреть своими гла…

— Нет! — закричал Гурдже, вставая. Его качнуло, и он снова сел. — Нет, — сказал он уже спокойнее.

— Когда я вернулся туда, тот, кто управлял экзоскелетом, уже убрался. Пролетая между замком и платформой, я быстренько проанализировал показания моих микроволновых сенсоров, но прежде, чем удалось что-нибудь нащупать, оно отключилось. Какой-то фазово-импульсный контроллер. Имперские охранники тоже что-то нащупали. Когда мы вас унесли, они начали поиски в лесу. Я перенес вас сюда — убедил их, что так будет лучше. Они пару раз присылали доктора для осмотра, но тем дело и кончилось. Хорошо, что я вернулся туда вовремя, а то они могли бы доставить вас в больницу и начать брать все эти дурацкие анализы… — В голосе автономника послышалась тревога. — Поэтому у меня такое ощущение, что служба безопасности здесь ни при чем. Они бы не стали убивать вас на глазах у всех, и уж они-то непременно подготовились бы заранее, чтобы доставить вас в больницу в случае неудачи… но тут слишком уж все плохо организовано. Что-то странное творится, поверьте мне.

Гурдже пощупал спину, тщательно обследуя больное место.

— Жаль, что я всего не помню. Жаль, что я не помню, намеренно ли убил Йомонула, — сказал он.

Грудь болела. Он чувствовал себя разбитым.

— При том, насколько вы никудышный стрелок, подозреваю, что нет.

Гурдже посмотрел на машину.

— А вы, наверно, еще много чего умеете, автономник, а?

— Да нет. Кстати, император хочет вас видеть, когда вы поправитесь.

— Я пойду к нему сейчас. — Гурдже начал медленно вставать.

— Вы уверены? Мне кажется, не стоит. У вас нездоровый вид. На вашем месте я бы полежал. Пожалуйста, сядьте. Вы еще не готовы. Что, если он гневается на вас за убийство Йомонула? Нет, лучше я отправлюсь с вами…

Никозар сидел на небольшом троне, перед длинным рядом наклонных разноцветных окон. В императорских апартаментах горел насыщенный полихромный свет. Огромные гобелены, вытканные из нитей драгоценных металлов, сверкали, как сокровища в подводных пещерах.

У стен и за троном стояли невозмутимые охранники, туда-сюда курсировали придворные и чиновники с бумагами и плоскими экранами. Офицер императорского двора подвел Гурдже к трону, оставив Флер-Имсахо в другом конце

помещения под бдительным присмотром двух охранников.

— Садитесь, пожалуйста. — Никозар показал Гурдже на стоящий перед троном маленький стул. Гурдже с благодарностью сел. — Жерно Гурдже, — сказал император спокойно и сдержанно, почти бесстрастно. — Мы приносим вам наши глубочайшие извинения за то, что случилось вчера. Мы рады видеть, что вы так быстро оправились, хотя и понимаем, что вы все еще страдаете от боли. У вас есть какие-нибудь пожелания?

— Благодарю вас, ваше высочество, нет.

— Мы рады. — Никозар неторопливо кивнул.

На нем по-прежнему было полное траурное облачение, строгость которого в сочетании с небольшой фигурой и невзрачным лицом императора контрастировала с сочными цветными всплесками окон наверху и пышными нарядами придворных. Император положил маленькую руку с кольцами на подлокотник трона.

— Мы, разумеется, глубоко скорбим о том, что лишились внимания и услуг нашего звездного маршала Йомонула Лу Распа, в особенности при таких трагических обстоятельствах, но мы понимаем — выбора у вас не было, вы должны были защищаться. По нашей воле мер против вас

предпринято не будет.

— Благодарю вас, ваше высочество.

Никозар махнул рукой.

— Теперь о тех, кто составил заговор против вас. Лицо, которое перехватило контроль над экзоскелетом маршала, было установлено и подвергнуто допросу. Мы с прискорбием узнали, что главным заговорщиком оказался наш наставник и воспитатель с младенческих лет, ректор колледжа Кандсев.

— Хам… — начал было Гурдже, но замолчал.

На лице Никозара появилась гримаса неудовольствия. Имя старого верховника замерло на губах Гурдже.

— Я… — начал было опять Гурдже, но Никозар поднял руку.

— Мы хотим сообщить вам, что ректор колледжа Кандсев, Хамин Ли Стрилист, был приговорен к смерти за участие в заговоре против вас. Мы понимаем, что это, возможно, было не единственным покушением на вашу жизнь. Если это так, мы расследуем все обстоятельства дела и преступники будут переданы в руки правосудия. Некоторые лица при дворе, — продолжал Никозар, глядя на свои кольца, — желали защитить своего императора неправедным путем. Импе-

ратор не нуждается в защите от противника по игре, даже если этот противник пользуется средствами, которые мы отвергаем. Мы сочли необходимым обмануть наших подданных касательно ваших успехов в финальных играх, но сделано это было ради их блага, а не нашего. Нам нет нужды защищаться от неприятных истин. Император не знает страха, он только должен проявлять осторожность. Мы будем счастливы отложить игру между императором-регентом и человеком по имени Жерно Морат Гурдже, пока тот не поправится и не будет готов к игре.

Гурдже обнаружил, что ждет еще спокойных, неторопливых, певучих слов, но Никозар сидел молча, с бесстрастным видом.

— Я благодарю ваше высочество, — сказал Гурдже, — но предпочел бы не откладывать игру. Я чувствую себя вполне нормально, к тому же до начала матча еще три дня. Уверен, нет никакой нужды переносить игру.

Никозар неторопливо кивнул.

— Мы удовлетворены. Однако мы надеемся, что если Жерно Гурдже пожелает изменить свое решение до начала матча, то он незамедлительно сообщит об этом в Имперскую канцелярию, которая с радостью перенесет финальный матч

на более поздний срок, когда Жерно Гурдже будет чувствовать себя готовым играть в азад во всю силу своих способностей.

— Я еще раз благодарю ваше высочество.

— Мы рады, что Жерно Гурдже не причинили никакого серьезного вреда и он смог прийти на эту аудиенцию, — сказал Никозар.

Он слегка кивнул Гурдже, а потом перевел взгляд на придворного, нетерпеливо ожидавшего в стороне. Жерно встал, поклонился и, пятясь, вышел из зала.

— Вы должны были, пятясь, сделать только четыре шага, прежде чем повернуться к нему спиной, — сказал ему Флер-Имсахо. — В остальном все отлично.

Они снова были в комнате Гурдже.

— Постараюсь запомнить на следующий раз.

— Но, похоже, к вам нет никаких претензий. Пока вы беседовали с ним наедине, я подслушивал разговоры придворных — они обычно знают, в чем дело. Судя по всему, удалось поймать верховника, который пытался бежать через лес, по сигналам мазера и органов управления экзоскелетом. Он бросил оружие, которое ему вручили для самозащиты, что было очень кстати: оказалось, что это вовсе не оружие, а бомба. Так что его

удалось взять живым. Под пыткой он сломался и назвал одного из дружков Хамина, который попытался выторговать смягчение наказания, рассказав все. И тогда они взялись за Хамина.

— Вы хотите сказать, что его пытали?

— Только немного. Он стар, и ему нужно сохранить жизнь для кары, которую назначит император. Тот верховник, что управлял экзоскелетом, и его приспешник посажены на кол. Дружок Хамина, который пытался выторговать себе прощение, посажен в клетку в лесу — будет там дожидаться Всесожжения, а Хамина лишили антигравитационных таблеток, и теперь он умрет через сорок или пятьдесят дней.

Гурдже покачал головой.

— Хамин… вот не думал, что он так меня боится.

— Дело в том, что он стар. Старикам иногда приходят в голову странные идеи.

— Как, по-вашему, теперь я в безопасности?

— Да. Императору вы нужны живым, чтобы он мог разгромить вас на досках азада. Больше никто не осмелится покушаться на вас. Можете сосредоточиться на игре. И в любом случае, я буду приглядывать за вами.

Гурдже недоуменно посмотрел на гудящего

автономника.

В голосе того не слышалось ни малейшей иронии.

Три дня спустя Гурдже и Никозар начали первую из малых игр. Финальный матч проходил в странной атмосфере — в замке Клафф царил какой-то упаднический дух. Обычно последняя игра была кульминацией шестилетней работы и подготовки внутри империи, апофеозом всего того, что представлял собой азад. На этот раз вопрос с преемственностью власти был уже решен. Никозар обеспечил себе следующие шесть лет правления, победив Вечестедера и Джилно, хотя остальная империя знала, что императору еще предстоит игра с Кровo, которая и решит, кто наденет корону. Даже если бы Гурдже одержал победу в этой игре, это ничего не изменило бы, разве что уязвило императорскую гордость. Двор и Бюро, наученные горьким опытом, в следующий раз уже не станут приглашать разложившихся, хотя и пронырливых инопланетян принять участие в святой игре.

Гурдже подозревал, что много народу в крепости охотно оставили бы Эхронедал и вернулись на Эа, если бы не церемония коронации и религиозной конфирмации: никому не разрешалось

покидать Эхронедал, пока не пройдет огонь и император не восстанет из пепла.

Вероятно, только Гурдже и Никозар с нетерпением ждали предстоящего матча. Даже выбывшие игроки и аналитики без всякого энтузиазма смотрели на игру, обсуждать которую было заранее запрещено даже в их узком кругу. Все игры Гурдже после того, когда он, согласно легенде, был выбит из соревнований, стали недозволенной темой для бесед. Их просто не существовало. В Имперском бюро игр уже вовсю шла работа над составлением официального финала между Никозаром и Крово. Зная их предыдущие труды, Гурдже полагал, что и на сей раз партии будут предельно убедительными. Возможно, им будет не хватать гениальных озарений, но результат будет более чем приемлемым.

Итак, все уже было решено. У империи были новые звездные маршалы (хотя для замещения Йомонула еще требовались кое-какие перетасовки), новые генералы и адмиралы, архиепископы, министры и судьи. Курс империи определен, — он остается практически неизменным. Никозар будет продолжать нынешнюю политику. Заверения победителей разных уровней говорили о том, что в империи нет ни серьезного недоволь-

ства, ни новых идей. Чиновники и придворные снова могли вздохнуть свободно, зная, что существенных изменений не грядет и их положению по-прежнему ничто не угрожает. А потому вместо обычного напряжения, сопутствующего финалу, в замке царила атмосфера, более свойственная показательным играм. И только два соперника усматривали в последней игре настоящую битву.

Стиль Никозара сразу же произвел на Гурдже сильное впечатление. Гурдже с каждым ходом все выше оценивал игру императора — чем больше он изучал ее, тем отчетливее понимал, какой могучий и грозный соперник ему противостоит. Чтобы победить Никозара, ему потребуется нечто большее, чем простая удача: ему потребуется стать другим. С самого начала Гурдже сосредоточился не столько на победе, сколько на том, чтобы не быть разгромленным в пух и прах.

Большую часть времени Никозар играл осторожно, а потом вдруг наносил серию блестящих ударов, которые в первое мгновение казались озарениями сумасшедшего, но вскоре выяснялось, что это точно выверенные ходы мастера — идеальные ответы на невозможные вопросы, им же самим и поставленные.

Гурдже старался вовсю, чтобы предвосхитить

эти сокрушительные всплески хитрости и силы и найти на них адекватные ответы, но ко времени завершения малых игр, приблизительно за тридцать дней до прихода огня, у Никозара было значительное преимущество в фигурах и картах, дававшее ему фору на первой из трех больших досок. Гурдже видел единственный свой шанс в том, чтобы продержаться на первых двух досках, в надежде отыграться на последней.

Золоцветы вокруг замка устремлялись все выше, как медленный золотой прилив у самых стен. Гурдже сидел в том же маленьком садике, куда заглядывал и прежде. Тогда он мог видеть далекий горизонт за кронами деревьев, теперь же обзор перекрывался первым рядом огромных золотистых крон в двадцати метрах от него. Тень от замка наползала на этот лиственный полог в лучах заката. За спиной Гурдже, в крепости, зажигались огни.

Гурдже, посмотрев на коричневатые стволы высоких деревьев, покачал головой. Он уже проиграл на Доске начал, а теперь проигрывал на Доске формы.

Чего-то ему не хватало, какая-то грань игры Никозара ускользала от него. Гурдже не сомневался в том, что знает о ней, но никак не мог

сообразить, что это за грань. У него было мучительное подозрение, что это должно быть чем-то очень простым, пусть даже на доске оно и находит сложное выражение. Он давно должен был обнаружить это, проанализировать, оценить и использовать к своей выгоде, но по какой-то причине (явно связанной с его пониманием игры) никак не мог. Игровые навыки отчасти утратились, и Гурдже начал думать, что удар по голове, полученный во время охоты, повлиял сильнее, чем он думал.

С другой стороны, и корабль, похоже, не мог понять, что Гурдже делает не так. Советы корабля казались разумными во время их переговоров, но стоило Гурдже подойти к доске, как обнаруживалось, что они неприменимы на практике. Если он все же пересиливал себя и начинал действовать наперекор собственному чутью, пользуясь советами «Фактора», то его ждали еще большие неприятности. Если что и гарантировало ему крупные проблемы на доске, так это игра по принципам, в которые он сам не верил.

Гурдже медленно поднялся, выпрямил спину, которая почти прошла, и вернулся в свою комнату. Флер-Имсахо завис перед экраном, изучая голографическое изображение какой-то необыч-

ной диаграммы.

— Что вы делаете? — спросил Гурдже, опускаясь в мягкое кресло.

Автономник повернулся и ответил на марейне:

— Я разработал способ избавляться от жучков. Теперь можно говорить на марейне. Здорово, правда?

— Наверно, — сказал Гурдже, по-прежнему на эаском. Он взял маленький плоский экран — посмотреть, что происходит в империи.

— Вы бы могли потрудиться говорить на своем языке, когда я потратил столько трудов, чтобы заблокировать жучки. Это, знаете ли, было нелегко. Меня не для такой работы создавали. Мне пришлось многое узнать из моих собственных файлов, посвященных электронике и оптике, полям прослушивания и всяким таким техническим штукам. Я думал, вы будете рады.

— Я просто на седьмом небе, — осторожно сказал Гурдже на марейне.

Он посмотрел на маленький экран. В новостях сообщали о новых назначениях, о подавлении восстания в далекой системе, о ходе игры между Никозаром и Крово (Крово отставал от императора не так сильно, как Гурдже), о победе имперских

войск над расой монстров, о повышении ставок для азадианцев, желавших поступить в армию.

— На что это вы там смотрите? — спросил он, скользнув взглядом по стенному экрану, где перед Флер-Имсахо медленно поворачивался какой-то странный тор.

— Неужели вы не узнаете? — спросил автономник высоким голосом, выражающим удивление. — Я думал, вы сразу догадаетесь. Это модель Реальности.

— Чего? Ах да. — Гурдже кивнул и снова обратился к маленькому экрану, на котором имперские линейные крейсеры, подавляя мятежников, бомбардировали скопление астероидов. — Четыре измерения и все такое.

Он переключился на игровой канал. На Эа все еще проходили несколько матчей второй серии.

— Вообще-то фактически семь измерений, если мы говорим о самой Реальности, одна из этих линий… вы слушаете?

— Гм? О да.

Игры на Эа перешли в последнюю стадию. Все еще анализировались и второстепенные игры с Эхронедала.

— …Одна из этих линий Реальности представляет всю нашу вселенную… но вас, конечно же,

учили всему этому?

— Ммм, — кивнул Гурдже.

Его никогда особо не интересовала космическая теория гиперпространства, или гиперсфер, или чего-то еще. Ничто из этого, казалось, не влияло на его жизнь, так что за важность? Были игры, которые лучше всего могли быть поняты в четырех измерениях, но Гурдже интересовали лишь конкретные правила, а общие теории — только если они были применимы конкретно к данным играм. Он перевернул страницу на маленьком экране и увидел собственное изображение. Экранный Гурдже снова выражал огорчение в связи с тем, что его выбили из игр, желал всяческих благ империи Азад и благодарил всех за приглашение. Голос диктора, наложенный на приглушенный голос Гурдже, сообщал, что тот выбыл из игр второй серии на Эхронедале. Гурдже едва заметно улыбнулся, наблюдая за официальной реальностью, частью которой он согласился быть, реальностью, которая постепенно обрастала мясом и становилась общепризнанным фактом.

Он скользнул взглядом по тору на экране и вспомнил кое-что, о чем размышлял несколько лет назад.

— А в чем разница между гиперпространством и ультрапространством? — спросил он у автономника. — Корабль говорил об ультрапространстве, а я так толком и не понял, что он, черт возьми, имел в виду.

Автономник попытался объяснить, иллюстрируя рассказ голографической моделью Реальности. Как и всегда, он переусердствовал в своих объяснениях, но в общих чертах Гурдже понял.

Флер-Имсахо действовал ему на нервы этим вечером, без умолку болтая на марейне обо всем и обо всех. Хотя поначалу родной язык и показался Гурдже излишне сложным, в конце концов он стал с удовольствием прислушиваться к нему и обнаружил, что говорить на нем приятно; но высокий, скрипучий голос автономника стал его утомлять. Тот замолчал, лишь когда Гурдже приступил к традиционному и довольно утомительному анализу игры вместе с кораблем (тоже на марейне).

В эту ночь он спал так крепко, как еще не спал после охоты, и проснулся с чувством (непонятно откуда взявшимся), что все еще есть шанс повернуть игру в свою пользу.

В течение большей части утренней партии Гурдже соображал, что задумал Никозар. И когда

наконец понял, дух у него перехватило.

Император вознамерился победить не просто Гурдже, а всю Культуру. Иного способа описать то, как он пользовался фигурами, территорией и картами, просто не было: свою игру он построил так, что его позиция теперь отражала империю, стала образом Азада.

Еще одно откровение потрясло Гурдже, пожалуй, с не меньшей силой. Одно из прочтений его стиля (вероятно, самое точное) состояло в том, что игра Гурдже символизировала собой Культуру. Строя свою позицию и разворачивая фигуры, он привычно воздвигал нечто вроде общества-сети: переплетение сил и отношений без видимой иерархии, изначально лишенное агрессии.

Во всех своих играх он никогда не начинал первым враждебных действий. Весь предыдущий период он рассматривал как подготовку к сражению, но теперь понимал, что если бы присутствовал на доске один, то сделал бы приблизительно то же самое — медленно присоединял бы новые территории, укреплялся постепенно, спокойно, экономно… такого, конечно, никогда не происходило. Он всегда становился объектом атаки и, уже начав военные действия, ввязывался в драку с таким же упорством и с таким же самозабвением,

с какими прежде развивал позицию, защищал фигуры, укреплял территорию.

Все остальные игроки, противостоявшие ему, невольно пытались приспособиться к этому новому стилю на его же условиях и, вполне понятно, проигрывали. Никозар не пытался делать ничего подобного. Он пошел другим путем и превратил доску в свою империю, точно повторяя все ее составляющие вплоть до структурных деталей, насколько позволял масштаб игры.

Гурдже был ошеломлен. Это понимание ослепило его, как восходящее солнце, неожиданно превратившееся в новую звезду, словно ручеек понимания стал речкой, рекой, потоком, цунами. Следующие несколько ходов он сделал машинально — ответ на действия противника, а не применение собственной стратегии, хотя он уже понял, насколько она ограничена и неадекватна. Во рту у него пересохло, руки дрожали.

Ну конечно же, именно этого ему и не хватало, вот в чем была скрытая грань, такая явная и очевидная, и тем не менее абсолютно невидимая, слишком тривиальная для слов или понимания. Все было так просто, так изящно, так поразительно амбициозно, но в то же время донельзя практично — и явно находилось в полном согла-

сии с императорским представлением об игре.

Неудивительно, что Никозар так отчаянно хотел сыграть против культурианца, если именно такая игра с самого начала и входила в его намерения.

Тут просматривались даже подробности сведений о Культуре, ее истинных размерах и масштабах, известные только Никозару и горстке высокопоставленных чиновников. Все это присутствовало и проявлялось на доске, но, наверное, было абсолютно непонятно для непосвященных. Доска-империя Никозара была чем-то завершенным, ничуть не скрываемым, силы противника отображали нечто неизмеримо более мощное.

В том, как император относился к фигурам, своим и противника, была и некая безжалостность, даже, подумал Гурдже, почти издевка — тактика, призванная вывести инопланетянина из равновесия. Император отправлял фигуры на верную гибель с некоей веселой жестокостью, тогда как Гурдже выжидал, пытаясь подготовиться и накопить сил. Там, где Гурдже готов был уступить сопернику силы и территорию, Никозар сеял опустошение.

В некоторых аспектах различия были едва заметны (ни один хороший игрок не стал бы губить

фигуры или устраивать бойню просто ради удовольствия), но идея жестокости присутствовала и висела над доской, как беззвучная дымка, как запах, как вонь.

И еще Гурдже увидел, что наносит ответные удары именно так, как, видимо, ждет этого Никозар, что он пытается спасти фигуры, делать разумные, взвешенные, консервативные ходы и в каком-то смысле не обращать внимания на то, как Никозар кидает, швыряет свои фигуры в бой и отрывает полосы территории у своего оппонента, словно куски плоти. Гурдже, можно сказать, изо всех пытался не играть с Никозаром. Император вел грубую, жестокую, властную и нередко некрасивую игру и вполне обоснованно предполагал, что какие-то качества культурианца просто не позволят ему участвовать в этом.

Гурдже начал накапливать ресурсы, оценивать возможности, сделав при этом еще несколько непоследовательных блокирующих ходов, чтобы дать себе время подумать. Смысл игры был в том, чтобы выиграть, а он забывал об этом. Ничто иное не имело значения, другого результата у игры не было. Игра была не связана ни с чем, а потому можно было позволить ей значить что угодно, и единственное препятствие, которое

предстояло преодолеть Гурдже, было создано его собственными чувствами.

Он должен дать ответ. Но как? Стать Культурой? Еще одной империей?

Он уже играл от имени Культуры, и из этого ничего не получилось, но можно ли конкурировать с императором, становясь империалистом?

Он стоял на доске в своей смешной подоткнутой одежде и воспринимал все вокруг будто сквозь туман. Он попытался отвлечься на минуту от игры, оглядел огромный ребристый главный зал, высокие открытые окна и желтые кроны золоцветов снаружи, полупустые трибуны для гостей, императорских гвардейцев и арбитров, громадные черные выгнутые экраны наверху, множество людей в нарядах и в форме. Все это он видел сквозь призму игры; все это представало перед ним так, словно какой-то мощный наркотик, воздействуя на мозг, превращал картину перед глазами в искаженные аналоги дурманных видений.

Он подумал о зеркалах и о реверсивных полях, которые создавали картину технически более искусственную, но для ощущений — более реальную. Зеркальное письмо — вот о чем это говорило, обратное письмо было обычным письмом. Он

увидел закрытый тор нереальной реальности Флер-Имсахо, вспомнил Хамлиса Амалк-нея и его предупреждение насчет изобретательности; вспомнил вещи, которые не значили ничего и значили что-то, вспомнил обертоны своей мысли.

Щелчок. Вкл./Выкл. Словно он машина. Свалиться с кривой, ведущей к катастрофе, и не очень переживать на сей счет. Он забыл обо всем и сделал первый ход, какой пришел в голову.

Он оценил свой ход. Ничего подобного Никозар не мог бы сделать.

Именно такой ход и сделала бы Культура. Он почувствовал, как упало сердце. Он надеялся на что-то лучшее, на что-то иное.

Он пригляделся внимательнее. Да, именно такой ход и сделала бы Культура, но, по крайней мере, это был *атакующий* ход Культуры. Начатая этим ходом линия разрушала всю его осторожную стратегию, но ничего другого не оставалось, если он хотел получить хоть малейший шанс эффективно противостоять Никозару. Делать вид, что на карту поставлено многое, что он сражается за всю Культуру, загореться желанием победы, несмотря ни на что…

По крайней мере, он наконец-то нащупал вер-

ную стратегию.

Он знал, что проиграет, но все же не будет разгромлен.

Постепенно он перестроил весь план игры в соответствии с духом воинствующей Культуры, он громил противника и оставлял целые участки доски, где перемена стратегии не дала бы результата, отступал, перегруппировывал и реорганизовывал свои силы, где возможно, жертвовал ими, где необходимо, выжигал и опустошал территории, когда другого не оставалось. Он не пытался подражать жестокой, но энергичной стратегии Никозара, который, атакуя, отступал, возвращаясь, захватывал, — он выстраивал позицию и фигуры так, чтобы в конечном счете можно было совладать с грубой силовой игрой императора, пусть не сейчас, пусть позднее, когда все будет готово.

Наконец-то он выиграл несколько очков. Игра все равно была потеряна, но впереди еще оставалась Доска становления, на которой он теперь мог дать сражение Никозару.

Раз или два он уловил взгляд Никозара и почти не сомневался теперь, что нащупал верную тактику, даже если император и предвидел такой поворот. Теперь он видел некое признание

своей силы — в выражении лица верховника, в его ходах, — даже своего рода уважение: этим подтверждалось, что борьба идет на равных.

Гурдже переполняло ощущение, что он похож на провод, по которому течет огромная энергия. Он был громадной тучей, из которой в доску должна была ударить молния, колоссальной волной, что несется по океану к спящему берегу, мощнейшим потоком расплавленной лавы из сердца планеты, богом, который наделен властью уничтожать и созидать по своей воле.

Он утратил контроль над собственными нанокожелезами, и поток химических веществ в его крови взял верх — он почувствовал, как его мозг, словно в лихорадке, наполнился всепроникающей мыслью: победить, господствовать, контролировать. В каждом уголке его разума было одно желание, одна тотальная решимость.

Перерывы и ночи ушли куда-то на второй план, превратились в интервалы между реальной жизнью на доске, в игре. Он что-то делал, разговаривал с автономником, кораблем или другими людьми, ел, спал, гулял… но все это было ничто, не имело отношения к делу. Все внешнее было лишь декорациями, фоном для игры.

Он видел, как силы соперников волна за вол-

ной катятся вдоль большой доски, слышал их странный язык, их странную песню, которая одновременно являла собой идеальную гармонию и сражение за контроль над сочинением тем. То, что видел перед собой Гурдже, было похоже на единый огромный организм. Фигуры, казалось, двигались не по его или императорской воле, а подчинялись требованиям самой игры, выражали ее конечную суть.

Он видел это и знал, что и Никозар видит, но полагал, что больше это не было дано никому. Они были похожи на тайных любовников, укрывшихся в своем обширном гнездышке на глазах сотен людей, которые смотрят на них, но ничего не понимают, неспособны догадаться о том, что видят перед собой.

Игра на Доске формы подошла к концу. Гурдже проиграл, но все же отошел от края пропасти, и преимущество, которое Никозар получил на Доске становления, было далеко не решающим.

Два противника разошлись, действо закончилось, но развязка еще не наступила. Гурдже вышел из главного зала, опустошенный, усталый, но неимоверно счастливый. Он проспал два дня. Разбудил его автономник.

— Гурдже? Вы спите? Ну что, этот туман кон-

чился?

— О чем это вы?

— О вас. Об игре. Что происходит? Даже корабль не мог понять, что случилось на доске.

Коричневато-серый автономник парил над ним, тихонько жужжа. Гурдже потер глаза и моргнул. Стояло утро, до начала пожара оставалось еще дней десять. Гурдже казалось, будто он просыпается от сна, более яркого и реального, чем реальность. Он зевнул и сел.

— А что за туман?

— Болит ли боль? Ярка ли сверхновая звезда?

Гурдже потянулся с глуповатой ухмылкой.

— Никозар не принимает это на свой счет, — сказал он, вставая и направляясь к окну.

Он вышел на балкон. Флер-Имсахо, неодобрительно бурча, подлетел и набросил на него халат.

— Если вы опять хотите говорить загадками…

— Какими загадками? — Гурдже с удовольствием вдыхал свежий воздух. Он снова размял руки и плечи. — Какой замечательный старый замок, правда, автономник? — сказал он, облокотясь о перила и снова вдыхая полной грудью воздух. — Они умеют строить замки, правда?

— Наверно, умеют. Но Клафф не был построен

империей. Они отвоевали его у другого гуманоидного вида, проводившего подобную же церемонию коронации императора. Но не увиливайте. Я задал вам вопрос. Что это за стиль? В последние несколько дней вы вели себя крайне уклончиво и странно. Я видел, что вы пытаетесь сосредоточиться, и не расспрашивал, но все же мы с кораблем хотели бы знать.

— Никозар играл за империю, этим и объясняется его стиль. У меня не было другого выбора, как только представлять Культуру. Вот вам и мой стиль. Все очень просто.

— Что-то не похоже.

— Круто. Думайте об этом как о взаимном изнасиловании.

— Мне кажется, вам следует выражаться яснее, Жерно Гурдже.

— Я… — начал было Гурдже, но остановился на полуслове и зло нахмурился. — Я говорю абсолютно ясно, вы, идиот! Сделайте лучше что-нибудь полезное — закажите мне завтрак.

— Да, хозяин, — мрачно ответил Флер-Имсахо и исчез в комнате.

Гурдже поднял голову и посмотрел на пустую доску голубого неба. В его голове уже лихорадочно роились планы игры на Доске становления.

Флер-Имсахо видел, что между второй и финальной игрой Гурдже стал еще сосредоточеннее, еще больше погрузился в себя. Он, казалось, почти не слышал, что ему говорят, ему нужно было напоминать о том, что пришло время есть или спать. Автономник ни за что не поверил бы в это, если бы сам дважды не видел, как Гурдже сидит неподвижно, с болью на лице, устремив глаза в никуда. С помощью дистанционного ультразвукового сканирования автономник обнаружил, что мочевой пузырь его полон, — Гурдже даже забывал помочиться! Он проводил все дни, каждый день, уставившись в пустоту или лихорадочно изучая старые партии. И хотя после долгого сна в организме у него на короткое время почти не осталось наркотиков, проснувшись, он немедленно и безостановочно начал их выделять. Автономник с помощью своего эффектора проследил за мозговыми волнами человека и обнаружил, что, даже когда тот вроде бы спал, на самом деле он не спал. Контролируемое сновидение при выключенном сознании — вот что это, вероятно, было. Его наркожелезы явно работали каждую секунду на всю катушку, и в первое время, судя по внешним признакам, организм Гурдже потреблял больше наркотиков, чем организм его противника.

Как он может играть в таком состоянии? Будь на то воля Флер-Имсахо, он немедленно запретил бы человеку продолжать игру. Но у машины были свои инструкции. У нее была своя роль, уже отыгранная, а теперь ей оставалось только ждать, что из всего этого выйдет.

К началу игры на Доске становления зрителей собралось больше, чем на двух предыдущих. Другие игроки все еще пытались понять, что происходит в этой странной, сложной, непостижимой игре, и хотели увидеть, что случится на последней доске, где император стартовал со значительным преимуществом, — ведь было известно, что именно на этой доске инопланетянин играет особенно хорошо.

Гурдже снова погрузился в игру, словно лягушка, нырнувшая в долгожданную воду. Несколько ходов он сделал, просто наслаждаясь возвращением к себе, к примитивной и простой радости состязания, он получал удовольствие, поигрывая своими силами и средствами, видя, как полнятся напряжением фигуры и укрепленные места. Потом забавы сменились серьезным делом — строительством, охотой, созиданием и налаживанием связей, уничтожением и отсечением, поисками и уничтожением.

Доска снова стала Культурой и империей. Декорации создавались ими обоими — величественное, прекрасное, смертельно опасное поле, непревзойденно тонкое, приятное и хищное, созданное из убеждений Никозара и Гурдже. Образы их разумов, голограмма чистой когерентности, которая горит, как стоячая волна огня, на доске, идеальная карта расположения мыслей и верований в их головах.

Гурдже начал неторопливый маневр, который был поражением и победой одновременно, даже прежде, чем он понял это. На доске азада никто прежде не видел ничего более утонченного, более сложного, более прекрасного. Он в это верил. Он знал это. Он сделает это истиной.

Игра продолжалась.

Перерывы, дни, вечера, разговоры, обеды — все это происходило в одном измерении: бесцветное, плоское, зернистое изображение. Он находился в совершенно другом. Другое измерение, другое изображение. Его череп был как блистер «Фактора» с доской внутри, а его телесная оболочка — еще одной фигурой, переходившей с поля на поле.

Он не разговаривал с Никозаром, но они общались, между ними происходил изысканный

обмен настроениями и чувствами через те фигуры, которые они трогали и которые трогали их. Песня. Танец. Совершенная поэма. Зрители теперь заполняли игровую комнату каждый день — их притягивала сказочно тревожная работа, обретающая перед ними свою форму; они пытались прочесть эту поэму, увидеть эту живую картину изнутри, услышать эту симфонию, потрогать эту живую скульптуру и таким образом понять ее.

«Это будет продолжаться, пока не кончится», — однажды подумал про себя Гурдже, и в тот же миг, когда банальность этой мысли поразила его, он увидел, что это закончилось. Высшая точка уже была пройдена. Это было сделано, уничтожено, больше не могло длиться. Это было закончено, но не завершено. Страшная печаль поглотила его, наложила на него длань, как на фигуру, отчего он покачнулся и чуть не упал, и ему пришлось подойти к своему стулу. Гурдже рухнул на сиденье, как старик.

— Господи… — услышал он собственный голос.

Он посмотрел на Никозара, но император еще не увидел этого. Он смотрел на карты стихий, пытаясь найти способ изменить территорию впереди себя, подготовить ее к наступлению.

Гурдже не мог поверить. Игра была кончена

— неужели *никто* этого не видел? Он безумным взглядом скользнул по лицам чиновников, зрителей, наблюдателей и судей. Да что с ними со всеми такое? Он снова обратился к доске, отчаянно надеясь, что он чего-то не заметил, ошибся и у Никозара еще есть шанс, что совершенный танец может продолжиться еще немного. Но ничего не увидел — дело было сделано. Он посмотрел на часы — пора было объявлять перерыв. За окном уже стояла вечерняя темнота. Он попытался вспомнить, какой сегодня день. Очень скоро должен начаться пожар, да? Может, сегодня или завтра. Может, уже начался? Нет, даже он заметил бы это. Огромные высокие окна зала были все еще открыты, выходили во мрак, где ждали громадные золоцветы, обремененные тяжелыми плодами.

Кончено, кончено, кончено. Его — их — прекрасная игра завершилась. Мертва. Что он сделал? Он приложил сцепленные руки ко рту. Никозар, ты глупец! Император попался в ловушку, заглотил наживку, ступил на дорожку, побежал по ней и был разорван на части у высокого помоста, попав перед огнем под дождь щепок.

Империи и раньше рушились перед наступающими варварами и, несомненно, будут рушиться и впредь. Детей Культуры учили этому в школах.

Варвары вторгаются в империи и растворяются в них. Нет, не всегда. Некоторые империи прекращают свое существование, но многие поглощают варваров, принимают их в себя и в конечном счете побеждают. Они вынуждают пришельцев жить так, словно покорили их. Архитектура системы направляет их энергию, обманывает их, соблазняет и трансформирует, требуя от них того, чего они не могли дать прежде, но постепенно вырастили в себе. Империи выживают, варвары выживают, но империй больше нет и варваров больше нигде не увидишь.

Культура стала империей, империя — варварами. У Никозара торжествующий вид, фигуры повсюду, приспосабливаются, завоевывают, изменяются и двигаются, чтобы убивать. Но эта перемена станет их гибелью, они не смогут остаться прежними, неужели это не ясно? Они перейдут на сторону Гурдже или станут нейтральными, их возрождение — его освобождение. Кончено.

У него засвербило в носу, и он откинулся назад, печальный оттого, что игра закончилась, и ожидая слез.

Но слезы не пришли. Уместный укор тела за столь умелое использование химических ве-

ществ и столь неумеренное потребление воды. Он отразит атаки Никозара; император играл с огнем и будет уничтожен. Для него не будет слез.

Что-то оставило Гурдже, просто отошло, выгорело, отпустило его. В помещении было прохладно, воздух полнился запахом и шуршанием листвы золоцветов за высокими, широкими окнами. Люди на трибунах тихо беседовали.

Он оглянулся и увидел Хамина — тот сидел на скамьях для профессоров колледжа. Старый верховник казался сморщенным, похожим на куклу — крошечная, усохшая оболочка, жалкий остаток прежнего, лицо в морщинах, тело искорежено. Гурдже посмотрел на него. Может, это один из их призраков? Был ли он там все это время? Был ли он все еще жив? Невыносимо старый верховник, казалось, неподвижно смотрел в центр доски, и на миг у Гурдже возникла абсурдная мысль, что тот уже мертв и его засохшее тело принесли в зал как своего рода трофей, ради окончательного унижения.

Потом звук трубы возвестил об окончании вечерней игры, появились два императорских гвардейца и укатили умирающего верховника. Сморщенная седая голова метнула взгляд в сторону Гурдже.

Гурдже чувствовал себя так, будто только что вернулся из дальнего путешествия. Он посмотрел на Никозара — тот совещался с двумя своими советниками, судья фиксировал позицию, а люди на галереях встали; послышались их голоса. Ему показалось или у Никозара в самом деле озабоченный, даже встревоженный вид? Может быть. Внезапно он испытал жалость к императору, ко всем собравшимся вместе и к каждому в отдельности.

Он вздохнул, и этот вздох был как последний порыв сильнейшей бури, прошедшей через него. Он вытянул руки, затем ноги, снова встал, посмотрел на доску. Да — кончено. Он сделал это. Еще много предстояло сделать, многое еще должно было произойти, но Никозар проиграет. Он может выбрать, как ему проиграть — упасть вперед и быть поглощенным, упасть назад и быть плененным, впасть в неистовство и уничтожить все… но с его империей на доске было кончено.

Он на мгновение встретился взглядом с императором и понял, что Никозар еще не полностью осознал произошедшее. Но Гурдже видел, что тот тоже читает по его лицу и, вероятно, заметил перемену в нем, ощутил это чувство победы… Гурдже отвел взгляд от тяжелого зрелища, повер-

нулся и пошел прочь из зала.

Не было никаких аплодисментов, никаких поздравлений. Никто еще ничего не понял. Флер-Имсахо был, как всегда, озабочен, зануден, но и он ничего не увидел и продолжал спрашивать у Гурдже, как, по его мнению, идет игра. Гурдже солгал. «Фактор» полагал, что игра идет в нужном направлении. Гурдже не сказал ничего и кораблю, от которого ждал большего.

Ел он в одиночестве, и мысли его были ничем не заняты. Вечер он провел, плавая в бассейне глубоко под замком, вырубленном в той самой скале, на которой стояла крепость. Он был один. Все остальные разбрелись по башням и зубчатым стенам замка. Некоторые поднялись в воздух на аэрокарах, чтобы увидеть далеко на западе красное сияние — там начиналось Всесожжение.

-

Гурдже плавал, пока не устал, потом вылез из воды, вытерся, оделся — брюки, рубашка, легкий пиджак — и пошел прогуляться по куртине замка.

Ночь была темна под плотными тучами. Высоченные золоцветы, поднявшиеся выше наружных стен, перекрывали далекий свет при-

ближающегося Всесожжения. Императорская гвардия стояла на страже, чтобы никто не учинил пожара раньше срока. Гурдже пришлось подвергнуться обыску — охранники проверили, нет ли у него чего-нибудь для высечения искр, и только после этого выпустили из замка, в котором уже готовили к закрытию ставни, а дорожки были влажны после проверки оросительной системы.

В безветренной темени потрескивали и шелестели золоцветы, подставляя свои только что созревшие, сухие, как трут, плоды пряному воздуху: огромные луковицы с горючей жидкостью, висевшие на верхних ветвях, скидывали с себя верхний слой коры. Ночной воздух был насыщен пьянящим ароматом их соков.

Над древней крепостью повисло ожидание — некий религиозный транс, трепетное предчувствие, и даже Гурдже почуял эту ощутимую перемену настроения. Звуки аэрокаров, которые, возвращаясь в замок, заходили на посадку над заболоченным, увлажненным участком леса, напомнили Гурдже о том, что к полуночи все должны вернуться в замок. Он медленно побрел назад, впитывая в себя атмосферу замершего ожидания, будто она была чем-то драгоценным, мимолетным и неповторимым.

Он не чувствовал усталости, а приятная ломота в мышцах после плавания перешла в покалывание, распространявшееся по всему телу, и потому он, поднимаясь по лестнице на этаж, где располагалась его комната, ни разу не остановился и продолжал подниматься, даже когда труба возвестила полночь.

Гурдже наконец поднялся к высокой стене под приземистой башней. На дорожке, обегавшей вокруг замка, было темно и влажно. Он посмотрел на запад, где кромка неба полыхала неярким, размытым сиянием. Всесожжение было еще далеко, за горизонтом, и его ореол отражался от туч наподобие багрового искусственного заката. Несмотря на этот свет, Гурдже ощущал непроницаемость и спокойствие ночи, которая окружила замок, убаюкивала его. Он нашел дверь в башне и поднялся на ее зубчатую вершину, а там, облокотившись на каменное ограждение, устремил свой взгляд на север, где лежали невысокие холмы. Он прислушался к звуку капель в системе орошения где-то под ним и едва различимому шуршанию листвы золоцветов, готовящихся к самоуничтожению. Холмы были почти неразличимы, Гурдже оставил попытку разглядеть их и снова повернулся к той изогнутой темно-красной

полосе на западе.

Где-то в замке протрубила труба, потом еще одна, потом еще. Послышались и другие звуки, отдаленные выкрики, топот, словно замок опять пробуждался. Что бы это могло значить? — подумал он и плотнее запахнул на себе тонкий пиджак, ощутив прохладу ночи, когда с востока вдруг подул ветерок.

Печаль, которую он испытал днем, не до конца оставила его — напротив, ушла куда-то вглубь, стала чем-то менее явным, но при этом в большей мере частью его самого. Какой прекрасной была эта игра, как он радовался, наслаждался ею… но зачем-то гнал ее к концу, делая свою радость скоротечной. Понял ли уже Никозар? Уж подозрения-то у него наверняка должны появиться. Гурдже сел на небольшую каменную скамеечку.

Он внезапно осознал, что ему будет не хватать Никозара. Он чувствовал, что император в определенном смысле ближе ему, чем любое другое существо, что эта игра — интимное действо, что они делятся опытом и ощущениями, и никакие другие отношения, пожалуй, с этим не сравнятся.

Наконец он вздохнул, поднялся со скамьи и снова подошел к ограждению, откуда открывался

вид на мощеную дорожку у подножия башни. Там стояли два императорских гвардейца, едва видимые в лучах света из открытой башенной двери. Их бледные лица были задраны вверх — они смотрели на Гурдже. Он не знал, помахать им или нет. Один из стражников поднял руку, и в глаза Гурдже ударил яркий свет. Он закрылся рукой. Третья фигура — потемнее и поменьше, — которой Гурдже не заметил до этого, двинулась к башне и вошла в освещенную дверь. Луч фонаря погас. Гвардейцы встали по сторонам двери.

В башне раздалось эхо шагов. Гурдже снова сел на каменную скамейку и стал ждать.

— Морат Гурдже, добрый вечер.

Это был Никозар — темный, чуть сгорбленный силуэт императора Азада выплыл из башни.

— Ваше высочество…

— Сидите, Гурдже, — сказал тихий голос.

Никозар присоединился к Гурдже на скамейке; его лицо, освещаемое только слабым мерцанием из лестничного колодца башни, напоминало неотчетливый лунный диск. Видит ли Никозар его, спрашивал себя Гурдже. Лицо-луна повернулось к растянувшемуся на весь горизонт пунцовому мазку.

— На мою жизнь покушались, Гурдже, — тихо

сказал император.

— Неужели… — в ужасе начал Гурдже. — Вы целы, ваше высочество?

Лунообразное лицо снова повернулось к нему.

— Со мной ничего не случилось. — Верховник поднял руку. — Прошу вас, обойдемся без «высочеств». Мы здесь одни, так что протокола вы не нарушаете. Я хотел объяснить лично вам, почему в замке введено военное положение. Все стратегические пункты заняла гвардия. Новой атаки я, правда, не жду, но мы должны быть предусмотрительны.

— Но кому это нужно? Кому нужно нападать на вас?

Никозар посмотрел на север, в сторону невидимых холмов.

— Мы полагаем, что преступники предприняли попытку бежать через акведук к озерам, так что я и туда послал гвардейцев. — Он неторопливо повернулся назад к Гурдже. Голос его звучал приглушенно. — Вы поставили меня в любопытную ситуацию, Морат Гурдже.

— Я… — Гурдже вздохнул, опустил глаза. — Да. — Он скользнул взглядом по круглому бледному лицу перед ним. — Мне очень жаль. Я хочу сказать, что игра… почти закончена. — Он услы-

шал, как дрогнул его голос, и не смог заставить себя взглянуть на Никозара.

— Ну что ж, — тихо сказал император, — посмотрим. Может быть, утром у меня для вас будет сюрприз.

Гурдже вздрогнул. Мутное бледное лицо перед ним было слишком неотчетливым, чтобы различить выражение. Но неужели Никозар говорит всерьез? Он ведь наверняка должен был увидеть, что его позиция безнадежна. Или он увидел что-то такое, чего не заметил Гурдже? Волнение сразу же охватило культурианца. Может, он был излишне самоуверен? Ведь больше никто ничего такого не заметил, даже корабль. Что, если он ошибся? Ему захотелось еще раз взглянуть на доску, но даже тот лишенный подробностей образ, который сохранился в памяти, был достаточно точен, чтобы оценить шансы обоих. Поражение Никозара было неочевидным, но неизбежным. Гурдже не сомневался — у императора не было выхода, игра *наверняка* кончена.

— Скажите мне кое-что, Гурдже, — ровным голосом сказал Никозар. Белый круг снова повернулся к Гурдже. — Сколько времени вы на самом деле потратили на изучение игры?

— Мы сообщили вам правду — два года. Это был

интенсивный курс, но…

— Не лгите мне, Гурдже. В этом больше нет необходимости.

— Никозар, я вам не лгу.

Лунообразное лицо качнулось.

— Как вам угодно. — Несколько мгновений император молчал. — Вы, наверно, очень гордитесь своей Культурой.

Последнее слово он произнес с отвращением, которое могло бы показаться комичным, если бы не было таким искренним.

— Горжусь? — переспросил Гурдже. — Не знаю. Я ее не строил — просто так случилось, что я в ней родился, я…

— Не упрощайте, Гурдже. Я говорю о той гордости, что мы испытываем, будучи частью чего-то. О гордости представлять свой народ. Вы что, хотите сказать, что не чувствуете ничего такого?

— Я… ну, разве что, может быть, немного… но я никого здесь не представляю, Никозар, кроме себя самого. Я здесь для того, чтобы играть, только и всего.

— Только и всего, — тихо повторил Никозар — Ну что ж, наверно, следует сказать, что отыграли вы хорошо.

Гурдже жалел, что не видит лица верховника.

Дрогнул его голос или это только показалось?

— Спасибо. Но это наполовину и ваша заслуга, более чем наполовину, потому что вы…

— Мне не нужны ваши похвалы!

Никозар, выкинув вперед руку, хлестнул Гурдже по лицу; тяжелые кольца оцарапали ему щеку и губы. Гурдже откинулся назад — пораженный, ошеломленный, шокированный. Никозар вскочил на ноги и подошел к перилам, положив пальцы-когти на темный камень. Гурдже прикоснулся к окровавленному лицу. Рука его дрожала.

— Вы мне отвратительны, Морат Гурдже, — сказал Никозар, обращаясь к красному мерцанию на западе. — В вашей слепой безжизненной морали даже не предусмотрено места для вашего успеха здесь, и вы относитесь к этой игре-сражению как к грязному танцу. Игра — это борьба, это схватка, а вы пытались соблазнить ее. Вы ее извратили, священнодействие заменили мерзкой порнографией… вы ее испоганили… самец.

Гурдже потрогал разбитые губы. Голова у него кружилась, плыла.

— Может… это только вы видите так, Никозар. — Он проглотил густую солоноватую кровь. — Я не думаю, что вы абсолютно справедливы в…

— Справедлив?! — прокричал император; он подошел к Гурдже и теперь стоял, возвышаясь над ним и перекрывая собой далекое зарево. — Кому она нужна — эта ваша справедливость? Разве жизнь справедлива? — Он протянул руку и ухватил Гурдже за волосы, встряхнул его голову. — Ну, справедлива? Справедлива?

Гурдже не сопротивлялся. Мгновение спустя император отпустил его волосы. Руку он держал так, словно прикоснулся к чему-то грязному. Гурдже откашлялся.

— Нет, жизнь несправедлива. По большому счету — нет.

Верховник рассерженно отвернулся и снова ухватился за каменное резное ограждение.

— Но мы можем пытаться сделать ее справедливой, — продолжил Гурдже. — Поставить перед собой эту цель и стремиться к ней. Все зависит от того, что вы для себя выберете. Мы сделали свой выбор. Мне жаль, что это вызывает у вас отвращение.

— «Отвращение» — слишком слабо сказано, чтобы передать мои чувства по отношению к вашей драгоценной Культуре, Гурдже. Не думаю, что у меня хватит слов, чтобы объяснить мои чувства к вам… Культура. Вы не знаете ни славы,

ни гордости, ни почитания. Да, вы сильны, я в этом убедился. Я знаю, что вы можете… но вы все равно импотенты. И останетесь ими навсегда. Кроткие, жалостливые, испуганные, трусливые… да их конец уже близок, какими бы жуткими и устрашающими машинами они ни окружали себя. В конце вас ждет падение, и вся ваша блестящая машинерия вам не поможет. Выживет сильнейший. Этому нас учит жизнь, Гурдже, именно это доказывает нам игра. Борись, чтобы возобладать, дерись, чтобы показать, что ты достоин. Это не пустые фразы, это истины!

Гурдже видел, как бледные руки вцепились в темный камень. Что может он сказать этому верховнику? Зачем вести метафизический спор здесь и сейчас с помощью такого несовершенного инструмента, как язык, когда последние десять дней они провели, созидая самый совершенный образ их соперничающих мировоззрений, невыразимый в любой другой форме?

Да и что он мог сказать? Что разум может превзойти, одолеть слепую силу эволюции, с ее упором на мутации, борьбу и смерть? Что осознанное сотрудничество плодотворнее мрачного соперничества? Что азад может быть гораздо большим, чем простое сражение, если его ис-

пользовать, чтобы формулировать, общаться, определять?.. Он уже сделал все это, сказал все это, и сказал лучше, чем мог бы повторить теперь.

— Вы не победили, Гурдже, — тихим, резким, почти скрипучим голосом сказал Никозар. — Ваши никогда не победят. — Он повернулся и посмотрел на него сверху вниз. — Вы жалкий, смешной самец. Вы играете, но ничего в этом не понимаете, да?

Гурдже услышал в голосе верховника нечто вроде искренней жалости.

— Я думаю, вы уже решили, что я не понимаю, — сказал он Никозару.

Император рассмеялся, повернувшись спиной к далекому зареву огня за горизонтом, огня, который захватил весь континент. Смех замер, перейдя в кашель. Он махнул Гурдже рукой.

— Такие, как вы, никогда не поймут. Вас будут только использовать. — Он покачал головой в темноте, — Возвращайтесь в свою комнату, Морат. Увидимся утром. — Лунообразное лицо уставилось в сторону горизонта — красноватое сияние выкрасило снизу поверхность туч. — К тому времени огонь будет уже здесь.

Гурдже подождал несколько мгновений. У него возникло ощущение, будто он уже ушел. Он

чувствовал себя отставленным, забытым. Даже последние слова Никозара прозвучали так, будто предназначались вовсе не Гурдже.

Гурдже медленно поднялся и пошел вниз по тускло освещенной башне. У выхода, по обе стороны двери, стояло по гвардейцу. Гурдже поднял голову к вершине башни и увидел у бойниц Никозара — плоское бледное лицо глядело в сторону приближающегося пожара, белые руки вцепились в холодный камень. Он смотрел несколько мгновений, потом повернулся и пошел дальше по коридорам и залам, где рыскали императорские гвардейцы, отправляя всех по их комнатам, запирая двери, проверяя все лестницы и лифты, включая повсюду свет, отчего безмолвный замок засветился в ночи, как огромный каменный корабль в темно-золотом море.

Когда Гурдже вошел к себе, Флер-Имсахо переключал телеканалы. Машина спросила, что там за шум, и Гурдже рассказал.

— Не может быть, чтоб так уж плохо, — сказала машина, пожав на свой манер плечами — покачнувшись. Он снова занялся экраном. — Они не играют военной музыки. Но исходящая связь перекрыта. Что у вас случилось со ртом?

— Упал.

— Ммм.

— Можем мы связаться с кораблем?

— Конечно.

— Скажите ему, пусть будет в готовности. Он может нам понадобиться.

— Ишь ты. Начинаете осторожничать. Хорошо.

Гурдже лег в кровать, но никак не мог уснуть, прислушиваясь к усиливающемуся реву ветра.

Верховник на высокой башне несколько часов наблюдал за горизонтом, словно запертый в камне, как бледная статуя или деревце, выросшее из заблудшего семени. Ветер с востока посвежел, заиграл темными одеяниями неподвижной фигуры, его завывания стали слышны среди помещений замка, а кроны раскачивающихся золоцветов шумели под дуновением ветра, точно море.

Наступил рассвет. Сначала он высветил тучи, потом коснулся кромки ясного горизонта на позолоченном востоке. И в это же время в черной безбрежности запада, где кромка материка отливала красным, появилась внезапная вспышка чего-то яркого, горящего, оранжево-желтого. Она задрожала, помедлила и исчезла, потом вернулась, стала ярче, начала расползаться.

Фигура на башне отпрянула от растущего разло-

ма в красно-черном небе и (на миг оглянувшись в сторону рассвета) замерла в нерешительности, словно не умея выбрать ни один из соперничающих потоков света, захлестнувших два ярких горизонта.

В его комнату пришли два гвардейца. Они отперли дверь и сказали, что Гурдже и машину ждут в главном зале. На Гурдже были азадианские одеяния. Гвардейцы сообщили, что император для сегодняшней утренней игры просит отказаться от установленной правилами одежды. Гурдже посмотрел на Флер-Имсахо и пошел переодеваться. Он надел свежую рубашку и легкий пиджак, который был на нем накануне вечером.

— Итак, наконец-то я могу побыть зрителем. Кайф, — сказал Флер-Имсахо по дороге в игровой зал.

Гурдже ничего не ответил. Гвардейцы сопровождали группы людей, идущих из различных частей замка. Двери и окна уже были задраены, за ними завывал ветер.

Гурдже в этот день не завтракал — не было аппетита. Утром на связь вышел корабль с поздравлениями. Наконец-то и корабль увидел. Вообще-то он полагал, что выход для Никозара все же есть, правда, ведущий только к ничьей.

И никакому человеческому мозгу не по силам провести такую партию. Корабль снова вышел в высокоскоростной режим, чтобы прийти на помощь, как только он почувствует опасность. Он наблюдал за происходящим глазами Флер-Имсахо.

Когда они добрались до главного зала и Доски становления, Никозар был уже там. На нем была форма главнокомандующего императорской гвардией — строгое, ненавязчиво грозное одеяние с парадным мечом. Гурдже в своем старом пиджаке почувствовал себя неловко. В главном зале яблоку негде было упасть. Зрители, сопровождаемые вездесущими гвардейцами, все прибывали и заполняли расположенные ярусами ряды сидений. Никозар игнорировал Гурдже, разговаривая с офицером гвардии.

— Хамин! — сказал Гурдже, направляясь туда, где в первом ряду сидел старый верховник, крохотный и скрюченный.

Ректор казался сморщенным и смертельно больным между двумя мощными гвардейцами. Лицо его высохло и пожелтело. Один из гвардейцев вытянул вперед руку, останавливая Гурдже, и тот встал перед скамьей и присел, заглядывая в лицо старого ректора.

— Хамин, вы меня слышите?

Ему опять пришла в голову нелепая мысль, что верховник мертв, но тут маленькие глаза сверкнули, один из них открылся — желто-красный и влажный от прозрачных выделений. Сморщенная голова чуть шевельнулась.

— Гурдже…

Глаз закрылся, голова упала. Гурдже почувствовал чью-то руку у себя на плече — его отвели к его месту у края доски.

Балконные окна главного зала были закрыты, стекла подрагивали в металлических рамах, но ставни еще не были опущены. Снаружи, под свинцовым небом, высокие золоцветы сотрясались под порывами ветра, низкий вой которого служил фоном для разговоров и топота людей, все еще пробирающихся на свои места.

— А не пора ли закрыть ставни? — спросил Гурдже у автономника, садясь на свой стул.

Флер-Имсахо, потрескивая и жужжа, парил в воздухе у него за спиной. Судья с помощниками проверяли позицию на доске.

— Да, — сказал Флер-Имсахо. — Огонь в двух часах отсюда. Они могут опустить ставни в последнюю минуту, если захотят, но обычно это делают раньше. Я присмотрю за этим, Гурдже. По

закону на этом этапе императору не разрешается прибегать к физической опции, но тут творится что-то странное. Я это чую.

Гурдже хотел сказать что-то язвительное относительное чутья автономника, но в животе у него забурчало, и он тоже почувствовал, что здесь творится нечто странное.

Он посмотрел на скамью, где сидел Хамин. Высохший верховник не шелохнулся. Глаза его все еще были закрыты.

— Что-то еще, — сказал Флер-Имсахо.

— Что?

— На потолке смонтировали дополнительное оборудование.

Гурдже поднял глаза так, чтобы это было не очень заметно. Мешанина всевозможных приборов подавления и экранирования сигналов на первый взгляд была такой же, как раньше. Правда, Гурдже никогда не разглядывал их внимательно.

— Что за оборудование?

— Не могу понять, и это необычно. Это меня тревожит. И еще полковник гвардии с оптическим дистанционным микрофоном.

— Тот офицер, что говорит с Никозаром?

— Да. Разве это не против правил?

— Похоже.

— Не хотите подать протест судье?

Судья стоял у края доски между двумя плечистыми гвардейцами. Вид у него был испуганный и мрачный. Наконец судья посмотрел туда, где стоял Гурдже, но как будто сквозь него.

— У меня такое чувство, — прошептал Гурдже, — что это мало чем поможет.

— У меня тоже. Хотите, вызову корабль?

— Он может добраться сюда до начала пожара?

— Еле-еле успеет.

Гурдже не стал долго раздумывать.

— Вызывайте.

— Сигнал отправлен. Вы помните это упражнение с имплантом?

— Прекрасно помню.

— Отлично, — язвительно сказал Флер-Имсахо. — Высокоскоростное перемещение из враждебной среды с элементами непонятного эффекторного оборудования. Как раз то, что мне нужно.

Зал заполнился, и двери закрылись. Судья сердито посмотрел на гвардейца-полковника, стоящего рядом с Никозаром. Офицер время от времени едва заметно кивал. Судья объявил о возобновлении игры.

Никозар сделал два малозначительных хода. Гурдже не понимал, какую цель преследует император. Видимо, пытается что-то сделать. Но что? Это не имело никакого отношения к выигрышу. Он попытался поймать взгляд Никозара, но верховник не желал смотреть на него. Гурдже потер разбитую губу и щеку. «Я невидим», — подумал он.

Золоцветы раскачивались и дрожали на ветру, их листья выросли до предельного размера, теперь их хлестал ветер. Листья сливались воедино, казались огромным тупым желтым существом, дрожащим и выжидающим за стенами замка. Гурдже чувствовал, что зрители в зале беспокойно шевелятся, что-то бормочут друг другу, поглядывают на окна, пока не закрытые ставнями. Гвардейцы стояли у выходов из зала, держа оружие на изготовку.

Никозар сделал несколько ходов, разместив карты стихий в определенных местах. Гурдже никак не мог понять смысла этого. Шум ветра за содрогающимися окнами был настолько силен, что в нем тонули голоса людей. Воздух был насыщен запахом летучих золоцветовых соков, несколько сухих листьев как-то проникли в зал и теперь парили, плыли, кружились в воздухе.

Высоко в темном небе за окнами яркое оранжевое сияние подсвечивало тучи. Гурдже начал потеть. Он прошелся по доске, сделал несколько ответных ходов, пытаясь вывести Никозара на чистую воду. Послышался чей-то крик со зрительского балкона, потом все смолкло. Гвардейцы молча, настороженно стояли у дверей и вокруг доски. Полковник гвардии, с которым Никозар недавно беседовал, стоял около императора. Гурдже, когда он возвращался к своему стулу, показалось, что на щеках у офицера блестят слезы.

Никозар встал и, взяв четыре карты стихий, направился в центр пестрой доски.

Гурдже хотел закричать и подпрыгнуть. Сделать что-нибудь. Что угодно. Но он был словно прикован, пригвожден к стулу. Гвардейцы в зале были напряжены, руки императора заметно дрожали. Ветер снаружи хлестал золоцветы, словно разумные и презренные существа. Над верхушками деревьев тяжело пролетело оранжевое копье, врезалось в стену темноты, а потом медленно поползло вниз и исчезло из виду.

— Господи ты боже мой, — прошептал Флер-Имсахо. — Огонь всего в пяти минутах.

— Что? — Гурдже бросил взгляд на машину.

— В пяти минутах, — сказал автономник и про-

извел довольно правдоподобный глотательный звук. — Должно было оставаться еще около часа. Не мог же он так быстро добраться сюда. Они устроили поджог.

Гурдже закрыл глаза, чувствуя бугорок под своим сухим, как бумага, языком.

— Что корабль? — спросил он, снова открывая глаза. Автономник помолчал секунду-другую.

— Ни малейшего шанса, — сказал он ровным, покорным голосом.

Никозар ссутулился. Он положил карту огня на символ воды, уже находившийся на доске в складке высокогорья. Полковник гвардии чуть повернул голову, рот его шевелился, словно он сдувал пылинку с высокого форменного воротника.

Никозар выпрямился, оглянулся, так, словно к чему-то прислушивался, но услышал только вой ветра.

— Я только что зафиксировал ультразвуковой импульс, — сказал Флер-Имсахо. — Взрыв в километре отсюда к северу. Акведук.

Гурдже беспомощно смотрел на Никозара, который медленно пошел к новому полю и положил одну карту на другую — огонь на воздух. Полковник что-то сказал в микрофон на своем

плече. Замок сотрясло. Серия ударов прокатилась по залу.

Фигуры на доске задрожали, публика повскакивала с мест, закричала. Стекла в металлических рамах треснули, осколки полетели на плитки пола, а следом за ними в зал ворвались влекомые порывом ветра горящие листья. Над верхушками деревьев вспыхнула стена пламени, заполнив огнем низ кипящего черного горизонта.

Император положил следующую карту огня — на землю. Замок под Гурдже, казалось, сместился. Ветер врывался сквозь окна, — нелепое, неотвратимое нашествие, — сбивал с доски легкие фигуры, хлестал по одеяниям судьи и его помощников. Люди спешили прочь с балконов, падали друг на друга, пробираясь к выходу, где стояли гвардейцы, державшие на изготовку свои ружья.

Небо наполнилось огнем.

Никозар посмотрел на Гурдже, кладя последнюю карту Огня на стихию-призрак — Жизнь.

— Дело принимает все более… дрррррррр! — голос Флер-Имсахо сорвался на визг.

Гурдже повернулся и увидел, что объемистая машина дрожит в воздухе, окруженная яркой аурой зеленого огня.

Гвардейцы открыли стрельбу. Двери зала были

выбиты, и народ хлынул наружу, но гвардейцы внезапно оказались на игральной доске, откуда принялись обстреливать балконы и скамьи, вести лазерный огонь по удирающим зрителям, убивая кричащих, размахивающих руками верховников, мужчин и женщин, поднимая в помещении бурю мелькающих огней и громоподобных взрывов.

— Хрррррррррк! — проскрежетал Флер-Имсахо. Его корпус засветился тускловато-красным цветом и начал дымиться. Гурдже смотрел, не в силах двинуться с места. Никозар стоял почти в центре доски, среди гвардейцев, и улыбался Гурдже.

Над золоцветами бушевал огонь. Зал опустел — последние раненые выбрались через двери. Флер-Имсахо парил в воздухе, сверкая оранжевым, желтым, белым. Он начал подниматься, роняя на доску капли расплавленного материала, потом из него внезапно вырвались пламя и дым. Он ринулся вдоль зала, словно схваченный огромной невидимой рукой, ударился о дальнюю стену и взорвался ослепительной вспышкой, ударная волна от которой чуть не сбросила Гурдже со стула.

Гвардейцы, стоявшие вокруг императора, оста-

вили доску и направились на трибуны добивать раненых. На Гурдже они не обращали внимания. Звуки выстрелов эхом отдавались через двери, ведущие в остальную часть замка, где в своих ярких одеждах мертвецы покрывали пол непристойным ковром.

Никозар медленно подошел к Гурдже, останавливаясь по пути, чтобы пинками сбросить стоявшие на своих полях фигуры. Он наступил на небольшую лужицу огня от расплавленных внутренностей Флер-Имсахо и почти небрежно извлек из ножен меч.

Гурдже вцепился руками в подлокотники. В небесах раздавались дьявольские завывания ветра. По залу бесконечным сухим дождем носились листья. Никозар остановился перед Гурдже. Император улыбался. Перекрывая вой ветра, он крикнул:

— Удивлены?

Гурдже едва смог выдавить из себя:

— Что вы сделали? Зачем? Никозар пожал плечами.

— Превратил игру в реальность, Гурдже.

Император оглядел зал, скользнул взглядом по мертвым телам. Теперь они были одни — гвардейцы двинулись по замку, убивая всех подряд.

Мертвецы были повсюду — на полу балконов, на скамьях, в углах, они лежали, вытянув руки и ноги, на плитках, с темными пятнами на одежде — следами лазерных лучей. Над расщепленными деревянными скамьями и тлеющими одеждами поднимался дымок — тошнотворный, сладковатый запах горящей плоти заполнил зал.

Никозар взвесил тяжелый обоюдоострый меч рукой в перчатке и печально улыбнулся. Гурдже почувствовал, что сейчас его вывернет наизнанку. Руки его задрожали. Во рту появился странный металлический привкус, и он поначалу подумал, что это имплант — выталкивается, вылезает, пробивается почему-то на поверхность, но тут же осознал, что это не так, понял впервые в жизни, что у страха и в самом деле есть вкус.

Никозар неслышно вздохнул, подошел вплотную к Гурдже, заполнив собой почти все пространство перед человеком. Император медленно направил на него меч.

«Автономник!» — подумал Гурдже. Но от него осталось только сажистое пятно на дальней стене.

«Корабль!» Но имплант во рту не подавал признаков жизни, а «Фактор сдерживания» все еще был на расстоянии в несколько световых лет.

Кончик меча был в нескольких сантиметрах от живота Гурдже, потом стал подниматься, медленно прошел мимо груди в направлении шеи. Никозар открыл рот, будто собираясь что-то сказать, но потом затряс головой, словно в гневе, и нырнул вперед.

Гурдже резко выставил вперед обе ноги, упираясь ими в живот императора. Никозар согнулся, и Гурдже слетел со своего стула назад. Меч просвистел рядом с его головой.

Стул свалился на пол, и Гурдже, перекатившись, вскочил на ноги. Никозар согнулся пополам, но все же не выпускал меч. Он нетвердо двигался к человеку, размахивая мечом, словно поражал невидимых врагов между ними. Гурдже побежал — сначала в сторону, потом через доску, направляясь к дверям. Сзади, за окнами, огонь над трепещущими золоцветами заслонил черные облака дыма. Жар ощущался физически, как давление на кожу и глаза. Одной ногой Гурдже наступил на какую-то фигуру, сбитую порывом ветра, поскользнулся и упал.

Никозар, хромая, двигался за ним.

Экранирующие приборы застонали, потом загудели, извергнув струи дыма. Искровые дуги как сумасшедшие метались между навесным

оборудованием.

Никозар не замечал ничего этого — он сделал выпад, но Гурдже отскочил назад, и меч ударил по доске в сантиметре от головы человека. Гурдже поднялся и запрыгнул на возвышенную часть доски. Разъяренный Никозар, тяжело ступая, шел за ним.

Оборудование наверху взорвалось, рухнуло с потолка на доску в ливне искр, разбилась в центре разноцветной территории перед Гурдже, которому пришлось остановиться и повернуть в другую сторону. Он оказался лицом к лицу с Никозаром.

Что-то белое мелькнуло в воздухе.

Никозар занес меч над его головой.

Клинок переломился пополам, рассеченный сверкнувшим желтовато-зеленым полем. Никозар почувствовал, что меч стал легче, и недоуменно поднял взгляд. Клинок бесполезно болтался в воздухе, подвешенный к маленькому белому диску — Флер-Имсахо.

— Ха-ха-ха, — загремел автономник, перекрывая вой ветра.

Никозар швырнул рукоятью меча в Гурдже, но зеленовато-желтое поле перехватило его и бросило назад в Никозара. Император пригнулся,

поплелся по доске, окруженный клубами дыма и вихрем листьев. Золоцветы гнулись под порывами ветра, из стволов их вырывались белые и желтые вспышки, по мере того как стена огня над ними устремлялась к замку.

— Гурдже! — крикнул Флер-Имсахо, внезапно оказавшись прямо перед человеком. — Пригнуться и скорчиться. Немедленно!

Гурдже сделал, как ему велели, — сел на корточки, обхватив ноги руками. Автономник парил сверху, и Гурдже увидел вокруг него дымчатое поле.

Стена золоцветов рушилась, языки пламени прорывались сквозь нее, сотрясая деревья, разрывая их. От жары кожа на лице Гурдже, казалось, вот-вот треснет.

На фоне пламени появилась фигура. Это был Никозар, в руке он держал большой лазерный пистолет, из тех, что были у гвардейцев. Он стоял на фоне окна, ближе к его краю, держа пистолет двумя руками и тщательно целясь в Гурдже. Тот посмотрел на черный ствол, в дуло толщиной с большой палец, потом поднял глаза на лицо Никозара, и в этот момент верховник нажал на крючок.

И тут же Гурдже увидел себя.

Он смотрел на собственное искаженное страхом лицо достаточно долго, чтобы понять: в тот самый миг, который мог стать мигом его смерти, Жерно Морат Гурдже имел вид удивленный и довольно глупый. Потом зеркальное поле исчезло, и он снова увидел Никозара.

Верховник стоял на том же самом месте, теперь он слегка покачивался. Но что-то уже было не так. Что-то изменилось. Это было ясно, но Гурдже не мог понять, в чем дело.

Император покачнулся назад, невидящие глаза его уставились в закопченный потолок, туда, откуда свалились приборы. Потом порыв горячего воздуха из окон увлек и его. Никозар подался вперед, наклоняясь к доске, вес оружия в руке, одетой в перчатку, лишал его устойчивости.

И тут Гурдже увидел, в чем дело: аккуратная черная дыра, такая широкая, что можно было сунуть большой палец, зияла, чуть дымясь, в середине лба верховника.

Тело Никозара рухнуло на доску с разбросанными, разбитыми фигурами. Огонь прорвался.

Заслон из золоцветов не выдержал напора пламени, и теперь вместо него стояла огромная волна ослепительного света; тепловой удар от нее был похож на удар молотом. Потом доска во-

круг Гурдже потемнела, зал и пламя потускнели, и где-то глубоко в голове послышалось странное жужжание, и он почувствовал себя опустошенным, вымотанным, истощенным.

После этого все ушло, осталась одна темнота.

-

Гурдже открыл глаза.

Он лежал на балконе под каменным навесом. Пространство вокруг него было расчищено, но дальше везде лежал сантиметровый слой темно-серого тусклого пепла. Камни под Гурдже были теплыми, прохладный воздух полон дыма.

Чувствовал он себя нормально. Ни сонливости, ни головной боли.

Он сел. Что-то свалилось с его груди и покатилось по вычищенным камням. Он подобрал упавшую вещицу — это был браслет-орбиталище, яркий, цельный, и в этом крохотном мире по-прежнему чередовались день и ночь. Гурдже сунул браслет в карман пиджака, потрогал волосы, брови, пиджак — ничто не было опалено.

Небо было темно-серым, на горизонте — черным. В одной стороне на небе виднелся маленький смутно-лиловый диск, и он понял, что это солнце. Наконец он встал.

Серый пепел был покрыт чернильного цвета сажей, хлопьями падавшей с темного неба, — ни дать ни взять черный снег. Он пошел по искореженным от жары, шелушащимся плиткам к краю балкона. Перила здесь обвалились, и он не стал подходить к самому краю.

Ландшафт изменился. Вместо желтой стены золоцветов, перекрывавших горизонт за куртиной, осталась одна земля — черная, коричневая, спекшаяся, испещренная здоровенными трещинами и расколами, которые еще не успел заполнить тонкий слой серого пепла и сажистого дождя. Вплоть до далекого горизонта простиралась голая пустыня. Слабые дымки все еще курились кое-где, поднимаясь из трещин в земле, устремляясь вверх, как призраки деревьев, пока их не сносило ветром. Куртина почернела, выгорела, местами обвалилась.

Сам замок тоже имел потрепанный вид, словно после долгой осады. Башни рухнули, многие жилые комнаты, служебные и прочие помещения обрушились внутрь, за их черными окнами царила пустота. Столбы дыма лениво поднимались к вершинам погибшей крепости, как погнутые древки. Потом их подхватывал ветер и превращал в вымпелы.

Гурдже прошел по балкону, ступая по мягкому черному снегу к окнам главного зала. Он шел бесшумно. В глазах свербило. Наконец он оказался в зале.

Камни все еще сохраняли сухое тепло. Здесь было словно в гигантской темной духовке. Внутри громадной игровой комнаты, среди кучи искореженных перегородок и упавших камней, виднелась игральная доска — покоробленная, погнутая, продранная; радуга цветов свелась к серому и черному, тщательно сбалансированное соотношение высот и низменностей из-за огня превратилось в ералаш хаотических нагромождений и прогибов.

По исковерканным, оплавленным балкам и дырам в полу и стенах было видно, где прежде находились балконы для зрителей. Экранирующее оборудование, упавшее с потолка, лежало, полурасплавленное и уже отвердевшее, в центре доски, словно пузырчатая пародия на гору.

Он повернулся к окну, у которого стоял тогда Никозар, и пошел по хрустящей поверхности погубленного поля, потом присел на корточки, застонав от боли в коленях, распространившейся по всему телу.

Он положил руку туда, где в углу доски, у схо-

дившихся бортиков, огненный вихрь нанес небольшой конус пепла. Г-образная горстка черного металла, лежавшая тут же, видимо, раньше была пистолетом.

Серо-белый пепел был мягким и теплым, в нем Гурдже нашел небольшой кусочек металла в форме буквы «С». В оплавленном перстне еще было видно место посадки бриллианта — крохотный неровный кратер, — но самого камня не было. Некоторое время Гурдже разглядывал перстень, сдувал с него пепел, вертел в руке, а потом положил назад — в горстку пепла. Помедлив немного, он вытащил из кармана браслет-орбиталище и увенчал им невысокий сероватый конус, снял с пальцев ядочувствительные кольца и положил туда же, потом зачерпнул ладонью горстку теплого пепла и принялся задумчиво ее разглядывать.

— Жерно Гурдже, доброе утро.

Он повернулся и встал, быстро засунув руку в карман пиджака, словно устыдился чего-то. Маленький белый диск влетел через окно — Флер-Имсахо остался чистым и аккуратным среди расплавленного хаоса. Крохотная серая штуковина размером с детский пальчик подлетела к автономнику, поднявшись с пола у самых ног Гурдже. В блестящем корпусе Флер-Имсахо откры-

лось окошко, и микроснаряд вошел туда. Секция корпуса повернулась, и все снова замерло.

— Привет, — сказал Гурдже, направляясь к машине. Он обвел взглядом то, что когда-то было залом. — Надеюсь, вы мне расскажете, что случилось.

— Садитесь, Гурдже. Я вам расскажу.

Гурдже сел на камень, вывалившийся из стены над окном.

— Не волнуйтесь, — сказал Флер-Имсахо. — Вы в безопасности. Крышу я проверил.

Гурдже положил руки на колени.

— Итак?

— Все по порядку, — сказал Флер-Имсахо. — Позвольте мне для начала представиться по-настоящему. Меня зовут Спрант Флер-Имсахо Ву-Хандрахен Ксато Трабити, и я не библиотечный автономник.

Гурдже кивнул. Он вспомнил некоторые части имени, которые давным-давно произвели такое сильное впечатление на Узел Чиарка. Гурдже молча слушал.

— Будь я библиотечным автономником, вы были бы мертвы. Даже уйдя от Никозара, вы через несколько минут сгорели бы.

— Благодарю, спасибо. — Голос Гурдже звучал

ровно, особой благодарности в нем не слышалось. — Я думал, они вас обезвредили. Убили.

— Еще чуть-чуть, и так бы оно и случилось, — сказал автономник. — Фейерверк был взаправдашним. Никозар, видимо, заполучил в свои руки какое-то оборудование, технически эквивалентное эффектору, а это означает — или означало, — что у империи были контакты с какой-то другой продвинутой цивилизацией. Я просканировал остатки — возможно, это продукция Гомомды. Ну все равно, корабль возьмет их для дальнейшего анализа.

— А где корабль? Я думал, мы уже должны быть на нем, а не здесь.

— Он прилетел на всех парах через полчаса после начала пожара и мог бы взять нас обоих на борт, но я подумал, что здесь безопаснее. Уберечь вас от огня было делом несложным, как и отключить ненадолго с помощью моего эффектора. Корабль спустил нам пару свободных автономников, а сам остался на орбите — замедляется. Через пять минут он будет над нами. Мы без проблем сможем вернуться в модуль. Я уже говорил, что перемещение — штука довольно рискованная.

Гурдже хмыкнул и снова оглядел погруженный в сумрак зал.

— Я все еще жду, — напомнил он машине.

— Императорские гвардейцы по приказу Никозара пустились во все тяжкие. Они взорвали акведук, цистерны и укрытия и поубивали всех, кого смогли найти. Они пытались захватить и корабль «Неуязвимый». После борьбы на борту корабль был уничтожен — упал куда-то в северный океан. Такой был плюх — цунами снесло множество взрослых золоцветов, но я думаю, огонь все равно возьмет свое. Никаких покушений на жизнь Никозара не было — он просто прибег к этой уловке, чтобы взять замок и игру под контроль гвардии, которая исполняла любые приказы императора.

— Но зачем? — усталым голосом спросил Гурджe, пнув ногой пузырь, образовавшийся в металле доски. — Зачем Никозар приказал сделать это?

— Он им сказал, что это единственный способ победить Культуру и спасти его. Гвардейцы не знали, что и он тоже обречен, — думали, у него есть какой-то способ спастись. Но может быть, они все равно сделали бы это. Они были натасканы на выполнение любых приказов и подчинились императору. — Машина издала что-то вроде смешка. — По крайней мере, большинство

из них. Некоторые оставили нетронутым укрытие, которое должны были взорвать, и взяли туда с собой часть людей. Так что спаслись не вы один — есть и другие. В основном это слуги — Никозар постарался, чтобы вся верхушка была в зале. Автономники корабля сейчас с теми, кто остался в живых. Мы держим их взаперти, пока вы не вернетесь на корабль. Припасов им хватит, чтобы продержаться до прибытия спасательной экспедиции.

— Продолжайте.

— Вы уверены, что вам это сейчас по силам?

— Объясните мне *зачем*, — вздохнул Гурдже.

— Вас использовали, Жерно Гурдже, — сказал автономник ровным голосом. — Все дело в том, что вы играли за Культуру, а Никозар — за империю. Я лично вечером перед началом финального матча сообщил императору, что вы — наш паладин. Если победите вы, то мы высаживаемся — уничтожим империю и установим у них наши порядки. Если выиграет он, то мы воздержимся от высадки, пока он будет императором, и в любом случае — на следующие десять Больших лет… Вот почему Никозар сделал то, что сделал. Это было не просто горькое поражение — он проигрывал империю. Больше ему не для чего было жить, так

почему же не уйти, хлопнув дверью?

— И это правда? Мы бы действительно покорили империю?

— Гурдже, я понятия не имею. Это вне моей компетенции, я не обязан знать о таких вещах. Но не важно, он поверил, что это правда.

— Не очень-то хорошо так давить. — Гурдже улыбнулся машине невеселой улыбкой. — Говорить кому-то, что ставки так высоки, перед самым началом игры.

— Персонификация игры.

— Почему же он не сказал мне, на что мы играем?

— Догадайтесь.

— Ставку отменили бы, и мы все равно явились бы сюда в блеске огня и стали.

— Точно!

Гурдже покачал головой, стряхнул сажу с рукава своего пиджака, но пятно только растерлось.

— И вы на самом деле верили, что я выиграю? — спросил он автономника. — У Никозара? Вы верили в это, еще до того как я попал сюда?

— До того как вы покинули Чиарк, Гурдже. Как только вы проявили интерес к отъезду. Особые Обстоятельства как раз искали кого-нибудь вроде вас. Империя уже несколько десятилетий как

перезрела и должна была пасть — ее нужно было только подтолкнуть, но требовался подходящий момент. Явиться «в блеске огня и стали», как вы выразились, — почти всегда наихудший выход. Азад — сама игра — должен был быть дискредитирован. Именно на игре империя и держалась все эти годы — на этом стержне. Но с другой стороны, игра стала и самым слабым местом империи. — Автономник демонстративно обвел взглядом зал и груду обломков. — Должен признать, что все произошло немного драматичнее, чем мы предполагали, но похоже, что наш анализ ваших достоинств и недостатков Никозара оказался верен. Я все больше и больше уважаю великие Разумы, которые используют вам и мне подобных как пешек в игре. Эти машины необыкновенно умны.

— Они знали, что я выиграю? — траурным голосом спросил Гурдже, уперевшись подбородком в кулак.

— Знать такие вещи заранее невозможно, Гурдже. Но они, видимо, полагали, что ваши шансы велики. Мне на инструктаже частично объяснили это. Они решили, что вы — один из лучших игроков Культуры, и если вы проявите интерес и втянетесь в это дело, то ни один игрок в азад,

скорее всего, не остановит вас, независимо от его опыта. Вы всю жизнь посвятили изучению игр, и правила, ходы, концепции азада должны были встречаться в других играх, просто тут они сведены воедино. У них не было ни единого шанса. Вам требовалось только, чтобы кто-то за вами приглядывал и время от времени подталкивал в нужный момент в нужном направлении. — Автономник чуть опустился — легкий поклон. — Искренне ваш!

— Всю жизнь, — тихо сказал Гурдже, глядя мимо автономника на безрадостный, мертвый ландшафт за высокими окнами. — Шестьдесят лет… а как давно Культура узнала об империи?

— Около… Ха! Вы решили, что мы специально вас вырастили. Нет-нет. Если бы мы сделали что-то в таком роде, то обошлись бы без людей со стороны, «наемников» вроде Шохобохаума За, который делал по-настоящему грязную работу.

— За? — переспросил Гурдже.

— Это не настоящее имя. Он вообще родился не в Культуре. Да, он то, что вы называете «наемник». Что неплохо — иначе тайная полиция пристрелила бы вас тогда у шатра. Помните, как я, такой маленький и пугливый, подскочил к небесам? Я тогда пристрелил одного из ваших

убийц из моего лазерника — на высокочастотных рентгеновских лучах, чтобы камеры не зафиксировали. За сломал шею другому — до него дошли сведения, что там могут возникнуть неприятности. Теперь, думаю, через пару дней он поведет на Эа армию партизан.

Автономник слегка покачался в воздухе.

— Так, посмотрим… что еще я вам могу рассказать. Ах да, «Фактор» совсем не такой невинный, как может показаться. Пока мы были на «Негоднике», старые эффекторы и в самом деле сняли, но только чтобы поставить новые. Всего две штуки. В двух из трех носовых блистеров. Третий мы оставили пустым, а в два первых поместили голограммы пустого.

— Но я был во всех трех! — возразил Гурдже.

— Нет, вы были три раза в одном и том же. Корабль вращал корпусом, изменял вектор антигравитации, а пара автономников слегка изменяла еще кое-что, пока вы переходили из одного блистера в другой, а точнее, шли по одному коридору в другой, а потом назад в тот же блистер. И все это не пригодилось; правда, если бы возникла нужда в тяжелом вооружении, оно бы у нас было. Ведь именно перспективное планирование и дает нам чувство безопасности,

разве нет?

— О да, — сказал Гурдже со вздохом.

Он поднялся на ноги и вышел на балкон, на который по-прежнему тихо и без перерыва падал сажистый снег.

— Кстати, если уж мы заговорили о «Факторе», — весело сказал Флер-Имсахо, — то этот паршивец как раз над нами. Модуль на пути к нам. Вы будете на борту через две-три минуты — сможете хорошенько помыться и переодеться. Вы готовы?

Гурдже посмотрел на свои ноги, соскреб подошвами немного сажи и пепла с плитки.

— А что мне нужно собрать?

— Вообще-то немного. Я тут был слишком занят — нужно было смотреть, чтобы вы не испеклись, так что ваши вещички искать было некогда. И вообще, единственное, что вам, кажется, нравилось, так это ваш старый, невзрачный пиджачок. А браслетик свой вы не забыли? Я, когда отправился на вылазку, оставил его у вас на груди.

— Да, спасибо, — сказал Гурдже, глядя на голую черную пустыню, протянувшуюся вплоть до темного горизонта.

Он поднял голову — из темно-коричневых туч появился модуль, оставляя после себя инверси-

онный след.

— Спасибо, — повторил Гурдже.

Модуль резко пошел вниз, опустившись чуть ли не до земли, а потом над выжженной пустыней устремился к замку. Замедляясь и разворачиваясь, он оставлял позади себя хвост из пепла и сажи; только тут грохот от его сверхзвукового спуска разнесся по заброшенной крепости запоздалым громом.

— Спасибо за все.

Аппарат развернулся кормой к замку и продолжал двигаться задом, пока не оказался рядом с перилами балкона. Кормовой люк отворился, и оттуда вывалился пандус. Человек прошел по балкону, поднялся на перила, а затем прошел в прохладные внутренности машины.

Автономник последовал за ним, и дверь закрылась.

Модуль с места в карьер рванулся вверх, засасывая огромные вихрящиеся струи пепла. Вскоре он молнией пробил темную тучу, его грохот прокатился над долиной, над замком, над низкими холмами вдали.

Пепел снова осел, а сажа продолжила падать — тихо и мягко.

Модуль вернулся несколько минут спустя, что-

бы забрать корабельных автономников и остатки инопланетного эффектора, после чего навсегда покинул замок и снова поднялся к ожидающему его кораблю.

Немного погодя ошеломленная группка выживших, выпущенных двумя автономниками, — большей частью слуги, солдаты, наложницы и клерки, — выбралась в темный день и на черный снег. Им предстояло понять, что случилось за время их затворничества в некогда грозной крепости, и воззвать к своей исчезнувшей родине.

4
ПРОХОДНАЯ ПЕШКА

Лениво, бочком корабль медленно прошел один конец тензорного поля длиной в три миллиона километров, перевалил через монокристаллическую стену, а потом поплыл, снижаясь, сквозь постепенно сгущающуюся атмосферу плиты. С высоты в пятьсот километров в ночном воздухе стали отчетливо видны две полосы — суша и море, а за ними, под мощной тучей — голая порода, а еще дальше — полоса все еще формирующейся земли.

За своей кристаллической стеной самая дальняя плита была совсем новой, темной и пустой для невооруженного взгляда; кораблю были видны на ней осветительные радары ландшафтных машин, которые двигались с грузом породы, доставленной из космоса. И пока корабль наблюдал, в темноте был взорван огромный астероид; образовался неторопливый поток расплавленной докрасна породы, которая медленно стекала на новую поверхность или улавливалась, а затем удерживалась, формировалась в вакууме, после

чего ей позволяли затвердеть.

Соседняя плита тоже пребывала во мраке и вблизи днища своей сплюснутой воронки была полностью покрыта одеялом облаков — грубая поверхность плиты подвергалась искусственному выветриванию.

Две другие плиты были гораздо старше и сверкали огнями. Чиарк находился в афелии; Гевант и Осмолон выделялись, белые на черном — островки снега в темных морях. Старый военный корабль, медленно погружаясь в атмосферу, скользил вдоль гладкого склона стены туда, где начинался настоящий воздух, а потом над океаном направился в сторону суши.

Ярко освещенный морской лайнер громко загудел и выпустил фейерверк, когда в километре над ним прошел «Фактор сдерживания», тоже отсалютовавший с помощью эффекторов. «Фактор» соорудил искусственное сияние, сопровождаемое ревом: подвижные сполохи света в чистом, прозрачном воздухе над собой. Оба корабля затем исчезли во мраке.

Возвращение прошло без всяких событий. Гурдже сказал, что хочет на всем обратном пути спать, — ему был нужен сон, отдых, забвение. Корабль настоял, чтобы Гурдже сначала все об-

думал, хотя оборудование для сна было готово. Десять дней спустя корабль смилостивился, и человек, который мрачнел с каждым днем, с благодарностью погрузился в сон без сновидений в условиях пониженного метаболизма.

За эти десять дней Гурдже не сыграл ни одну игру, не произнес и десятка слов, даже не утруждал себя одеванием — большую часть времени он сидел на одном месте, уставившись в стену. Автономник согласился с тем, что погрузить Гурдже в сон — это, пожалуй, самое милосердное, что можно для него сделать.

Они пересекли Малую туманность и встретились с ВСК класса «Предел» «Хватит тонкостей», который возвращался в основную галактику. На обратный путь ушло больше времени, но и спешки особой теперь не было. «Фактор» оставил ВСК вблизи верхних пределов галактического лимба и устремился вниз, минуя звезды, пылевые поля и туманности, где мигрировал водород и образовывались солнца. В не-пространстве, где двигался корабль, Дыры были столбами энергии, протянувшимися от материи до Сетки.

Машина медленно вывела человека из сна за два дня до возвращения домой.

Он сидел, не двигаясь и уставясь в стену. Он не

играл ни в какие игры, не интересовался новостями, даже почту не просматривал. По просьбе человека корабль не стал оповещать его друзей, только послал эхосигнал, запрашивая разрешение на подход у Узла Чиарка.

«Фактор» опустился на несколько сот метров и полетел вдоль берега фьорда, тихо проскользнув между заснеженными горами; в его хищном корпусе, когда он летел над темной, спокойной водой, слабо отражался серо-голубой свет. Несколько людей в яхтах или близлежащих домах увидели большой корабль, тихо пролетающий мимо, проводили его взглядом, а он тем временем маневрировал между берегами, водой и рваными облаками.

Икрох был темен, без единого огонька. Его накрыла тень бесшумного корабля, трехсотпятидесятиметровый корпус которого завис над домом.

Гурдже в последний раз окинул взглядом каюту, в которой спал — неспокойно — последние две корабельные ночи, потом медленно пошел по коридору в блистер модуля. Флер-Имсахо следовал за ним с одним небольшим чемоданом, жалея, что человек не переоделся и остался в этом жутком пиджаке.

Машина проводила человека в модуль и спустилась вместе с ним. Лужайка перед домом была безупречно белой и нетронутой. Модуль остановился в сантиметре от ее поверхности и открыл заднюю дверь.

Гурдже спустился на землю. Воздух был ароматный, свежий, ощутимо прозрачный. Гурдже ступал по снегу, хрустя и скрипя ботинками. Он повернулся и заглянул внутрь модуля. Флер-Имсахо вручил ему чемодан. Гурдже посмотрел на маленькую машину.

— Прощайте.

— Прощайте, Жерно Гурдже. Не думаю, что мы когда-нибудь встретимся.

— Думаю, нет.

Он сделал шаг назад, между тем как дверь начала закрываться, а аппарат — очень медленно подниматься. Потом Гурдже сделал пару быстрых шагов назад, пока не увидел автономника над поднимающейся створкой двери, и крикнул:

— Только одно. Когда Никозар выстрелил из ружья и луч отразился от зеркального поля и убил его — это было случайно или это сделали вы?

Гурдже думал, что автономник не ответит, но перед тем, как дверь закрылась и клинышек света, просачивавшийся сквозь щелку, исчез,

Гурдже услышал слова машины:

— Я вам этого не скажу.

Он стоял и смотрел, как модуль возвращается на ожидающий его корабль. Модуль скрылся в корабле, блистер закрылся, и «Фактор сдерживания» почернел: его корпус превратился в идеальную тень, темнее ночи. По всей его длине загорелись огни, складываясь в надпись на марейне: «Прощайте». Потом корабль стартовал, бесшумно устремляясь в небеса.

Гурдже смотрел на него, пока горящие слова прощания не превратились в ряд подвижных звезд, исчезавших среди призрачных облаков. Он посмотрел вниз, на голубовато-серый снег, потом снова поднял голову — корабля уже не было.

Гурдже постоял некоторое время, словно ждал чего-то, затем повернулся и по белой лужайке пошел к дому.

Он вошел внутрь. В доме было тепло, Гурдже сквозь тонкие одежды внезапно пробрала дрожь. Это длилось всего секунду, а потом вдруг включился свет.

— Ух! — Йей Меристину выпрыгнула из-за дивана, стоявшего у камина.

Из кухни с подносом появился Амалк-ней.

— Привет, Жерно. Надеюсь, вы не возражаете…

На бледном заостренном лице Гурдже появилась улыбка. Он поставил чемодан и посмотрел на обоих: Йей со свежим лицом, ухмыляясь, стояла перед диваном, а Хамлис, окутанный оранжево-красным полем, ставил поднос на стол перед слабо потрескивающим камином. Йей налетела на Гурдже, обхватила руками, прижала к себе, рассмеялась, потом отодвинулась.

— Гурдже!

— Привет, Йей. — Он обнял ее.

— Ну, как ты? — стиснула она его. — Жив? Здоров? Мы надоедали Узлу, пока он нам не сообщил, что ты точно возвращаешься, но ты же спал все это время, да? Даже писем моих не читал?

Гурдже отвернулся.

— Нет. Я их получил, но не… — Он покачал головой, опустив глаза в пол. — Извини.

— Бог с ним. — Йей похлопала Гурдже по спине и, обняв одной рукой за плечо, повела к дивану.

Он сел, посмотрел на обоих. Хамлис разворошил валежник в камине, и огонь взметнулся выше. Йей вытянула руки в стороны, демонстрируя короткую юбку и блузку.

— Ну, как, я сильно изменилась?

Гурдже кивнул. Йей, как всегда, была хороша, сочетая в себе мужскую и женскую привлека-

тельность.

— Я меняюсь в обратную сторону. Еще пару месяцев, и я вернусь туда, откуда начинала. Жаль, Гурдже, что ты не видел меня мужчиной. Я была великолепна!

— Он был невыносим, — сказал Хамлис, разливая подогретое вино из пузатого графина.

Йей рухнула на диван рядом с Гурдже, снова обняла его, издавая горлом урчащие звуки. Хамлис протянул им слегка парящие над подносом кубки.

Гурдже с благодарностью выпил.

— Вот не ждал тебя увидеть, — сказал он Йей. — Я думал, ты уехала.

— Я уезжала, — кивнула Йей, отхлебывая вино. — А теперь вернулась. Прошлым летом. Чиарку придается парная плита, и у меня есть кое-какие планы… Я теперь координатор по дальней стороне.

— Поздравляю. Плавающие острова?

Йей несколько секунд смотрела на него пустым взглядом, потом прыснула в свой кубок.

— Никаких плавающих островов, Гурдже.

— Но зато много вулканов, — язвительно сказал Хамлис, всасывая струйку вина из емкости размером с наперсток.

— Ну, может, только один, маленький, — кивнула Йей. Волосы у нее были длиннее, чем ему помнилось, и иссиня-черные. Но по-прежнему волнистые. Она легонько ущипнула его за плечо:

— Рада снова тебя видеть, Гурдже.

Он пожал ее руку и посмотрел на Хамлиса.

— Хорошо дома, — сказал он, а потом погрузился в молчание, уставившись на горящие поленья в камине.

— Мы рады, что вы вернулись, Гурдже, — сказал немного спустя Хамлис. — Но, простите за откровенность, вид у вас не очень. Мы слышали, что последние пару лет вы спали, но тут не только это… Что там с вами случилось? До нас доходили всякие новости. Не хотите рассказать?

Гурдже помедлил, глядя, как прыгающие языки пламени пожирают груду поленьев.

Потом поставил кубок и стал рассказывать.

Он рассказал им все, что случилось, — с первых дней на борту «Фактора сдерживания» до последних дней, когда он на том же корабле покидал распадающуюся империю Азад.

Хамлис слушал молча, и поле его медленно изменяло цвет в широком диапазоне. Йей выглядела все более озабоченной. Она часто качала головой, несколько раз тяжело вздохнула, а пару

раз вид у нее становился совсем больной. В промежутках она подбрасывала поленья в камин.

Гурдже отхлебнул тепловатого вина.

— И вот я проспал весь обратный путь — проснулся всего два дня назад. И теперь все это кажется… Не знаю. Будто погребено под снегом. Не свежим… но и не прошлогодним. Не исчезнувшим. — Он раскрутил вино в кубке. Плечи его вздрогнули, он невесело рассмеялся. — Вот и все. — Гурдже допил вино.

Хамлис взял графин, стоявший на углях у края камина, и наполнил кубок Гурдже горячим вином.

— Жерно, не могу передать, как я вам сочувствую. Это все моя вина. Если бы я не…

— Нет, — сказал Гурдже, — не ваша. Я сам в это влип. Вы меня предупреждали. Никогда так не говорите. И не думайте, что за это отвечает кто-то другой, — только я один.

Он резко встал и подошел к окну, выходящему на фьорд. Покрытая снегом лужайка уходила вниз — к деревьям и черной воде, а дальше в горах, на другой стороне фьорда, там и сям виднелись огоньки в домах.

— Я вот вчера, — сказал он, словно обращаясь к собственному отражению в стекле, — спросил

у корабля, что же они сделали с империей, как разобрались с нею. Корабль ответил, что ничего они не делали. Империя развалилась сама.

Он вспомнил Хамина, Моненайна, Инклейт, Ат-сен, Бермойю, За, Олоса и Кроо и девушку, чье имя он забыл… Он покачал головой, глядя на свое отражение.

— Ну ладно, дело закончено. — Он снова повернулся к Йей, Хамлису и теплой комнате. — Ну а тут о чем говорят?

Они рассказали ему о двойне Хаффлис (малыши уже начали говорить); о Борулал, которая отбывает на несколько лет на ВСК; об Ольц Хап, которая уже успела разбить не одно юное сердце и которую то ли прочат, то ли пророчат, то ли проталкивают на место Борулал; о том, что от Йей год назад родился ребенок и на следующий год она собирается увидеть мать и дитя, когда те приедут погостить; о том, что один из приятелей Шуро погиб во время военной игры два года назад; о том, что Рен Миглан становится мужчиной, а Хамлис упорно работает над справочником по его родной планете; о том, что праздник в Тронце годом ранее закончился катастрофой и хаосом: несколько фейерверков взорвались в озере, волна прошла по наскальным балконам, у двоих

мозги размазало по скале, сотни покалечены. Прошлый год и наполовину не был так богат приключениями.

Гурдже слушал, расхаживая по комнате, заново привыкая к ней. Здесь, похоже, ничего не изменилось.

— Да, сколько всего прошло мимо меня… — начал было он, но тут заметил маленькую деревянную рамку на стене и прикрепленный к ней предмет.

Он протянул руку и снял тот со стены.

— Гм. — Хамлис издал звук, довольно похожий на покашливание. — Надеюсь, вы не возражаете… То есть я хочу сказать, я надеюсь, вы не сочтете это слишком непочтительным или безвкусным. Я просто подумал…

Гурдже печально улыбнулся, прикоснувшись к безжизненной поверхности корпуса, который когда-то принадлежал Маврин-Скелу. Он повернулся к Йей и Хамлису, подошел к старому автономнику.

— Ничего страшного, только мне это не нужно. А вам?

— Я был бы не против.

Гурдже вручил тяжелый маленький трофей Хамлису, поле которого покраснело от удоволь-

ствия.

— Ах вы мстительный старый негодник, — фыркнула Йей.

— Для меня это много значит, — чопорно возразил Хамлис, прижимая рамочку к своему корпусу.

Гурдже поставил кубок на поднос.

В камине, вспыхнув, развалилось полено. Гурдже присел на корточки и поворошил кочергой оставшиеся дрова, потом зевнул.

Йей и автономник переглянулись, потом Йей вытянула ногу и легонько пнула Гурдже.

— Ну, Гурдже, похоже, ты устал. Хамлису пора домой, проверить, не сожрали ли его рыбки друг друга. Ничего, если я останусь?

Гурдже с удивлением посмотрел на ее улыбающееся лицо и кивнул.

Когда Хамлис ушел, Йей положила голову на плечо Гурдже и сказала, что сильно тосковала без него, что пять лет — большой срок, что он стал гораздо привлекательнее, чем до отъезда… и если он хочет… если он не слишком устал…

Она действовала ртом, и Гурдже видел медленные судороги наслаждения на ее формирующемся теле, заново открывая для себя почти забытые ощущения. Он гладил ее темно-золотистую кожу,

ласкал странные, чем-то забавные, недоразвитые, но уже не выпуклые гениталии, отчего Йей заливалась счастливым смехом, а он смеялся вместе с ней, и во время затяжного оргазма они тоже были вместе, были одним целым, каждая чувствующая клеточка обоих тел пульсировала в едином биении, словно охваченная огнем.

Ему было не уснуть, и ночью он поднялся со смятой постели, подошел к окну и распахнул его. В комнату ворвался холодный ночной воздух. Его пробрала дрожь, и он надел брюки, пиджак, туфли.

Йей шевельнулась, издала еле слышный звук. Он закрыл окно и вернулся к кровати, присев в темноте рядом с ней на корточки. Он натянул одеяло на ее обнаженную спину и плечо, легонько провел рукой по кудрям. Йей всхрапнула и шевельнулась, потом задышала ровно.

Он подошел к балконным дверям и быстро вышел наружу, бесшумно закрыв их за собой.

Он стоял на покрытом снегом балконе, глядя, как темные деревья спускаются неровными рядами к мерцающим черным водам фьорда. Горы на другом берегу слегка светились, а над ними в хрустящем ночном воздухе сквозь темноту двигались неясные полосы света, перекрывая звездные

поля и плиты на дальней стороне. Облака плыли медленно, и внизу, в Икрохе, царило безветрие.

Гурдже поднял голову и увидел туманности среди облаков, их древний свет лился ровно в холодном недвижном воздухе. Он смотрел, как клубится его дыхание, словно влажный дым между ним и далекими звездами, потом сунул застывшие руки в карманы пиджака, чтобы согреться. Одна рука нащупала что-то более мягкое, чем снег, и он вытащил ее — горстка праха.

Он оторвал взгляд от нее и снова посмотрел на звезды, но словно что-то застило ему глаза — поначалу он даже подумал, что это капля дождя.

-

...Нет, это пока не конец.

Это опять я. Я знаю, что вел себя нехорошо — до сих пор так и не назвался, но, может, вы уже догадались. Да и кто я такой, чтобы лишать вас удовольствия догадаться без посторонней помощи? И в самом деле, кто я такой?

Да, я все время был там. Ну, более или менее. Я наблюдал, слушал, думал, размышлял и ждал, а еще делал то, что мне приказали (или попросили, чтобы уж соблюсти приличия). Да, я был там, лично или в виде одного из моих представителей,

моих маленьких шпионов.

Откровенно говоря, я даже не знаю, понравилось бы мне, узнай старина Гурдже правду, или нет. Так еще и не решил, должен признать. Я — мы — в конце концов решили предоставить это случаю.

Вот, например, предположим, что Узел Чиарка описал бы нашему герою точную форму полости в том корпусе, который некогда был Маврин-Скелом, или что Гурдже зачем-нибудь сам открыл этот безжизненный корпус и увидел своими глазами… неужели он решил бы, что эта маленькая дисковидная полость — случайное совпадение?

Или он стал бы подозревать?

Мы этого никогда не узнаем — если вы читаете это, то он уже давно умер: встретился с автономником-переместителем и был перенесен в багровое сердце системы, и тело его аннигилировалось, стало плазмой в гигантском извергающемся ядре чиаркского солнца, его расщепленные атомы кипят в бурлящих жидких потоках этой могучей звезды, каждая его частица тысячелетиями движется к планетопожирающей поверхности ослепительного бушующего огня, чтобы испариться там и таким образом добавить свою крошечную малость в бессмысленное сия-

ние среди бесконечного мрака…

Да, что-то я начал цветисто выражаться.

Все равно, старому автономнику время от времени такое разрешается, разве нет?

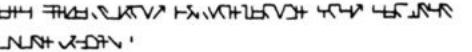
Позвольте мне подвести итог.

Это подлинная история. Я там был. А когда меня не было и я не знал в точности, что происходит (например, в голове Гурдже), то, должен признаться, ни минуты не колебался, чтобы присочинить.

И все же это подлинная история.

Стал бы я вам врать?

Как и всегда.



Спрант Флер-Имсахо Ву-Хандрахен Ксато Трабити («Маврин-Скел»)